

ТѢЛЕСКОПЪ

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Che chi ha i duo occhi, il veda!

ALFIERI.

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛАЗАРЕВЫХЪ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ

1831

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, 2
Августа 1831 года.

Цензоръ Сергей Аксаковъ.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ХРИСТИАНСКОЕ КРАСНОРЪЧІЕ ВЪ IV ВѢКѢ.

изъ

ВИЛЬМЕНЯ.

Четвертое столѣтіе есть великая эпоха Первобытной Церкви и золотой вѣкъ Христианской Литературы. Въ сіе время Церковь получила рѣшительное образованіе въ гражданскомъ составѣ и сдѣлалась сама общественною властію. Тогда, въ наукахъ и краснорѣчіи возникли, посреди ея, высокіе и блистательные гении, нашедшіе себѣ соревнователей только въ XVIII столѣтіи; между духовными ораторами Франціи. И дѣйствительно сколько краснорѣчивыхъ вѣпій наполняютъ промежутокъ отъ Св. Аѳанасія до Св. Августина! Какое чудесное движеніе ума во всей Римской Имперіи! Какіе великіе таланты, испощившіеся въ мислическихъ преніяхъ! Какая власть надъ мнѣніемъ людей! Какое непостижимое измѣненіе цѣлаго общества при гласѣ религіи, которая отъ кашакомъ

внезапно переходить на пресполю Кесарей, овладѣваете мечемъ, припупленнымъ надъ главами мучениковъ, и если не переспаете обагряться кровію, то уже по причинѣ собственннхъ своихъ раздоровъ!

Въ наши повѣйшія времена, и особенно въ XVII столѣтіи, Христианство, въ нѣкопоромъ отношеніи, было вспомошествоваемо гражданскою образованностію. Оно очищалось вмѣстѣ съ сею послѣднею и блиспало одинаковою славою съ искусствами. Духовные орапоры XVII вѣка были поддерживаемы и одушевляемы всѣми окружающими ихъ геніями. Въ языкѣ ихъ отражался шощъ же самый блескъ великолѣнія и упонченности, коимъ упрекали они дворъ Лудовика XIV. Симъ блескомъ сами они были поражаемы и имъ украшались. Хотя Боссюэнь и превосходилъ всѣхъ величіемъ своимъ и энтузіазмомъ, мы видимъ однако, что онъ напипанъ былъ тѣми же мыслями, какъ его современники, и самъ принадлежалъ къ счастливому обилію своего времени.

Напропавъ шого, въ IV вѣкѣ, высокое превосходство Христианскаго Краснорѣчія, кажется, возраспаетъ и возвышается по мѣрѣ общаго паденія. Среди самаго постыднаго уничиженія умовъ и силы, въ Имперіи, управляемой евнухами и едва не поглощенной

набѣгами варваровъ, Аванасіи, Злапоусты, Амвросіи, Августины, проповѣдуящъ чиспѣйшую нравственностъ и вмѣстѣ съ шѣмъ поражающъ самымъ высокимъ краснорѣчіемъ. Одинъ ихъ геній возвышаеисл непоколебимо въ клонящейся къ паденію Имперіи. Они кажутся основателями посреди сихъ развалинъ: и дѣйствительно были они зодчими сего великаго религіознаго зданія, которос долженствовало заслупить мѣсто Римской Имперіи.

Кажется, весьма занимательно было бы собрать вмѣстѣ нѣкоторыя черты генія сихъ мужей, подвергнувъ философическому и нравственному изслѣдованію то, что доселъ было только предметомъ обожанія или ироніи. Въ особенности, любопытно бы было повѣрить сихъ мужей съ духомъ времени, поставивъ ихъ посреди идей и спраспей ІV столѣтія; между шѣмъ какъ въ лѣтописяхъ церковныхъ представляются они намъ не иначе, какъ безспрасными памятниками преданія, поспоянно однообразнаго.

Читая сіи повѣствованія, иной подумаетъ, что, въ ІV вѣкѣ, порядокъ духовный и гражданскій былъ также правильно образованъ, какъ во времена Лудовика XIV, что люди жили всегда одинаково, что мученикъ первыхъ вѣковъ имѣлъ сходство съ новѣйшимъ придвор-

нымъ Епископомъ. Но, въ самомъ дѣлѣ, какое различіе между сими эпохами! Сколько карпинъ новыхъ и необыкновенныхъ могутъ предсавиться при безпристрастномъ взглядѣ на сіи времена древности! Я сполько же разумью здѣсь безпристрастіе воображенія, какъ и сужденія, сосполщее въ помѣть, чшобы при изслѣдованія истины въ событіяхъ, повѣспвожаніе оныхъ не отпѣнялось красками, принадлежащими другой эпохѣ.

Часпо, посвящая продолжительныя бдѣнія разбору сихъ огромныхъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ ученіе и краснорѣчіе первыхъ вѣковъ Христианства, я думалъ, чшо пробѣгаю историческія записки о величайшемъ переворотѣ когда либо бывшемъ въ мірѣ. Какъ читатель свѣпскій, спарался и опыскивашъ въ сихъ богословскихъ библіопекахъ нравы и духъ народовъ. Живое воображеніе христіанскихъ орапоровъ, ихъ борьба между собою, ихъ энтузіазмъ—возбуждали въ умѣ моемъ мірѣ, уже не существующій, изображеніе котораго передали они намъ слогомъ всегда спрасшнымъ и дѣйсвующимъ едва ли не вѣрнѣе, чѣмъ сама исторія. Предметы, самые опвлеченные, олицетворялись жаромъ преній и испиною слога. Все казалось занимательнымъ потому, чшо о всемъ разсуждали съ искренностію. Великія

добродѣтели, пламенное убѣжденіе, характеры испивно оригинальные, одушевляли картину сего чрезвычайнаго вѣка, споль спрашнаго къ Метафизикѣ и Богословію, въ которомъ чудесное и непоспижимое нашло мѣсто въ порядкѣ спеспешвенномъ и въ дѣйспвительности.

По законамъ постояннѣй и всегда занимающей противоположности, къ сей жизни мечпательной и совершенно идеальной примѣшивались обспощельспва жизни обыкновенной: спраспи и пороки, свойспвенные нашей природѣ. Различіе просвѣщенія и самыхъ народовъ, прежде сближаемыхъ между собою всемірною религією, еще болѣе умпожало не-обыкновенное разнообразіе сей эпохи. Христіанство дѣйспвовало не одинакимъ образомъ оно было принято въ различныхъ спепеняхъ у народовъ, равно согбенныхъ подъ игомъ Римлянъ, по разспвующихъ между собою и происхожденіемъ и нравами и климатомъ. Первобытннй характеръ сихъ народовъ снова проявлялся, увлекаемый религіознымъ энпузіазмомъ, которнй освобождалъ ихъ отъ узъ свѣща. Сиріянинъ, Грекъ, Африканецъ, Римлянинъ, Галль, Испанецъ, каждый, въ Христіанствѣ своемъ, обнаруживалъ оппѣнки своего народнаго характера; и часто ересп,

погда споль многочисленныя, были болѣе національными, нежели богословскими.

Писаніа Церковныхъ Опцевъ предсавляють намъ вѣрное изображеніе всѣхъ сихъ измѣненій. Между богословскими преніями и спайнспвенными опвлеченноснями, какъ бы нечаянно, вспрѣчаемъ мы въ нихъ всѣ подробности исторіи народовъ, весь ходъ продолжительнаго нравспвеннаго переворопа, паденіе и упорспво прежнихъ обычаевъ, вліяніе изящныхъ искусствъ, способспвующее продолженію вліянія языческаа, новую вѣру, возникающую сначала въ простомъ народѣ, и также равно поддерживаемую просвѣщеніемъ и вишійспвомъ; видимъ ораторовъ, заступающихъ мѣста Апостоловъ, и наконецъ христіанспво, основывающее среди древняго міра вѣкъ образованности, который хопя и кажется опдѣльнымъ опъ Римской Имперіи, но исчезаетъ вмѣстѣ съ ея паденіемъ.

Тамъ является геній Греціи, споль долгое время угнеспаемый игомъ Римлянъ; но, оживленный ревностію вѣры, онъ спремился къ обращенію міра, вмѣстѣ спого чпобы суспнымъ краснорѣчіемъ забавлять своихъ повелищелей. Геній сей, въ одно и спуже время, пробуждается во всѣхъ концахъ Восточной Имперіи, озараетъ свѣспомъ спрану своего рожденія, Египеть, Кириною и въ особен-

ности Азійскую Грецію, уже болѣе несущесивующую, но нѣкогда споль знаменитую своими богоспвами и великолѣпїемъ.

Въ ІV вѣкѣ Аѳины были еще городомъ наукъ и художествъ. Все любознательное юношество Европы и Азіи спекалось въ сей городъ, наполненный памятниками и школами. Аѳины были населены энтузіастами первыхъ временъ, копорые, съ равною жадностїю къ наукамъ и чудесному, желали все проникнуть, все постигнуть: искали истины съ какимъ по безпокойнымъ простосердечїемъ, защищали съ фанатизмомъ. Юношество Аѳинское слѣдовало за ~~каждымъ~~ движенїемъ своихъ учипелей а) и принимало участїе въ ихъ торжествахъ, съ пою же горячостїю, съ ильмъ же пылкимъ волненїемъ спраспей, копорыя нѣкогда поспрасали внимательную толпу, окружавшую поприще испанїй.

Сїе юношество, равно спраспное къ забавамъ и ученїю, оглашало городъ своими итрами, праздуя оными вступленїе новыхъ соучениковъ, и посвящало многїе часы дня урокамъ академическимъ. Въ одно время, Аѳины вмѣщали въ себѣ и храмы христіанъ и кумиры язычниковъ. Многобожіе сохранялось въ нихъ подѣ покровительствомъ художествъ.

а) Gregorij Nazianzeni opera, T. I. advers. Julian.

Защитники обѣихъ религій, не вѣдая еще будущаго своего назначенія, посѣщали однѣ и тѣ же школы. Кто сіи два, неразлучные между собою, юноши, споль кропкіе и вмѣстѣ споль важныя, заслужившіе удивленіе своихъ поварищей, коихъ забавъ они удалялись? Среди всѣхъ оболъщеній Аѳинъ, они не знаютъ другаго пупи, кромѣ ведущаго въ школу или въ храмъ христіанскій. Кто они? Григорій Назіанзинъ и другъ его. Объ нихъ говоритъ вся Греція. Они отличаются успѣхами въ наукахъ и свѣтскомъ краснорѣчіи.

Часто въ молчаніи проходятъ мимо ихъ другой юноша. Походка его быстра и неpravильна, фізіономія выразительна, улыбка изображаетъ презрѣніе, взоръ бѣглый, огненный, волосы кудрями падаютъ на шею, нѣсколько склоненную. Онъ носитъ мантію философовъ; но полна, слѣдующая за нимъ, заставляешь угадывать знаменитость его рода и въ ней причину испытываемаго имъ гоненія. То Юліанъ, братъ одного изъ Кесарей. Въ намѣреніи уничтожить опасенія и обезоружить ненависть къ себѣ Императора Констанція, онъ прибылъ въ Аѳины, чтобы получить образованіе въ семъ святилищѣ просвѣщенія. Юліана почитаютъ христіаниномъ. Констанцій принудилъ даже его принять званіе члена церковнаго. Но Греки, преданные еще

древней религіи, полагающъ надежды свои на любовь его къ Омиру. Всѣ прославляющъ его разумъ, его спрашъ къ наукамъ и ожидающъ великихъ подвиговъ опъ его дарованій, сана и юности, чудеснымъ случаемъ спасенной опъ жестокосни Констанція.

Въ Азіи являющъ намъ Антіохія, съ ея христіанскими храмами и языческими театрами. Въ семъ городѣ смѣшеніе предметовъ, пипающихъ воображеніе, и изнѣженносъ равно благопріяпствущемъ и спрогоспямъ опшелънической жизни и удовольствіямъ. Здѣсь послѣдователи новой вѣры въ первый разъ получили имя христіанъ а), спустя два столѣтія послѣ того распроспранившееся по всѣмъ концамъ вселенной. Здѣсь Ливаній язычникъ, изъ любви къ Омиру, опкрылъ школу, копоруо посѣщаль Злапоустъ. Здѣсь Юліанъ, сдѣлавшись повелителемъ Имперіи, и непреставая бытъ софиспомъ, писалъ сапирическія сочиненія на христіанъ, своихъ подданныхъ.

Антіохія лежишь на берегу рѣки Оронта, въ восхишительной долинь, окруженной дикими горами, на коихъ разсыано множеспво пустынножишелей. Городъ сей, всѣмъ пожертвовавъ Христіанспву, сохранилъ только свой циркъ и театръ; но игры кровопролиш-

а) Sancti Augustini opera, T. I.

ныя изгнаны изъ Антиохіи. Мирные обитатели ея проводятъ время въ празднествахъ и ночныхъ пиршествахъ, въ ученыхъ собраніяхъ и веселыхъ обществвахъ. Несогласіе сектъ никогда не бывало шамъ причиною междуусобныхъ распрей. Сектаторы преслѣдовали другъ друга одними насмѣшками.

Ливаній спокойно пишесть похвальное слово Юліану; послѣ его смерти, и на развалинахъ многобожія; но толпа спремислѣ по стопамъ юнаго и краснорѣчиваго Златоуста. Храмъ оглашается рукоплесканіями а), невольно возбужденными его проповѣдію. За нимъ слѣдуютъ въ села и къ преддверіямъ града; обширные шапры разсѣиваются на открытыхъ мѣстахъ, дабы защититъ отъ солнечнаго зноя многочисленныхъ слушателей; восхищенныхъ очаровательными красками его вѣщанья.

Такова жизнь Азійскихъ Грековъ, сдѣлавшихся подданными Рима и христіанами, но почти не измѣнившихъ въ нравахъ своихъ и обычаяхъ, и сохранившихъ еще духъ народный.

Тамъ, въ сочиненіяхъ Св. Аѳанасія, являесть Александрія стольже шумною и бурною, сколько Антиохія представляесть намъ мир-

а) Sancti Chrysostomi opera, T. II.

ною. Александрія есть средоточіе всемірной торговли а) и колыбель всѣхъ сектъ. Въ одно время, городъ сей населенъ обитателями, спрасными и къ созерцательной жизни и къ дѣятельной промышленности. Близъ обсерваторіи, основанной Птоломеями, подлѣ безпреспанно увеличивающейся библіотеки, находилъся безчисленное множество спановъ ремесленныхъ. Никшо не кажутся праздыми, исключая философвъ. Ежедневно покупають льняныя полотенна, выдѣлывають бумагу, покупають стекло, покупають металлы. Даже слѣпыя заняты работою. Въ сей полѣ жителей, чужеспранцевъ, путешественниковъ, безнаказанно скрываются всѣ различныя мнѣнія и секты, всѣ спранные обычаи и ученія. Никогда Христіанство не подвергалось гоненіямъ въ Александріи. Смѣлое многочисленное ея народоваселеніе заставляло пренебрегать Римскихъ правителей.

Нѣтъ города, въ коемъ бы больше было волненія и въ коемъ бы, въ то же время, больше занимались науками. Нравы жителей имѣють некопорую свирѣпость. Руки ихъ часто обгряются кровію. Они оружіемъ оспариваютъ владѣніе храма и сражаются за Архіепископское достоинство. Вліяніе сего сана на народъ весьма значительно. Торговля

а) S. Athanasii opera, T. I.

Александріи снабжала хлѣбомъ Римъ и Италію; и когда враги Св. Аѳанасія искали его погибели у Императора; но съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ донесли на него, что онъ имѣлъ намѣреніе произвести голодъ въ Римъ, удержавъ вліяніемъ своимъ отправленіе кораблей изъ Египта.

Еще разительнѣе изображены знаменитыми вѣпями IV столѣтія Константинополь съ его нравами и великолѣпіемъ и дворъ Императорскій со всѣми его пороками. Въ сей столицѣ міра и религіи сіяли на пресполѣ Священительскомъ Григорій Назіанзинъ и Іоаннъ Златоустъ; но тамъ же и средоточіе расколовъ, избръшенныхъ уповченными умами Александріи и философіею Грековъ. Туда стекающія послѣдователи различныхъ сектъ, въ намѣреніи воспользоваться оными при Дворѣ, преклонивъ на свою сторону какого либо царедворца или евнуха. Тамъ по, во всей наготѣ своей, открываея униженіе слабости Воспочной Имперіи, своенравный деспотизмъ Греческихъ Императоровъ, пронырства царедворцевъ, испорченность великаго, съ излишнею пышностію основаннаго города, не Греческаго и не Римскаго, который могъ скорѣе назваться колоніею, нежели столицею. Но ничто, въ памятникахъ, празднествахъ и обычаяхъ Констан-

нинополя, не напоминаешь намъ о древней религіи. Существованіе сего города принадлежишь одной эпохѣ съ Христіанствомъ.

Въ Римѣ, напрошивъ, Христіанство одержало побѣду несовершенную. Обѣ религіи, оба общества, прошекшее и будущее, представляющія вмѣстѣ и во враждебныхъ между собою отношеніяхъ. Храмы, цирки, театры, самыя даже улицы Рима, наполнены языческими памятниками, поддерживающъ религиозную ревность нѣкоторой части жителей. Въ особенности многія семейства патриціевъ привержены были къ язычеству: сколько же, сколько и къ славы своихъ предковъ. Народъ наполнился въ христіанскихъ церквахъ и у гробовъ мучениковъ. Рабы, бѣдные принимали новый законъ, въ кошоромъ находили себѣ и помощь и утѣшеніе; но священнослужители уже обвиняемы были въ порокахъ, а Епископы въ пышности и великолѣтіи. Въ половинѣ IV столѣтія, обладаніе святишельскимъ престоломъ въ Римѣ было причиною кровопролитной битвы. Язычники съ радостію възирали на сіи послѣдныя распри а), и, въ посмѣяніе, сравнивали оныя съ простопною и кропостію нѣкоторыхъ обласныхъ Испаліанскихъ Епископовъ, коимъ они съ удоволь-

а) Ammiani Marcellini, Lib XXVII.

спивіемъ опдавали справедливоспъ въ сикъ добродіпеляхъ. Замѣпши должно, что, во все продолженіе IV вѣка, Римская Церковь не произвела ни одного знаменипато писателя, ни одного випін, подобнаго пѣмъ, кои возникали въ Африкѣ, Греціи и Азіи; но, вмѣспопого, упопреляда веъ усилія къ распроспраненію вліянія своего и господспва надъ Церквами: Африканскою, Галлійскою и Иверійскою.

Римская Церковь спремьясь болѣе къ пріобрѣпенію власпи надъ людьми, чѣмъ къ славъ випійспва и ученоспи, спаралась сдѣлапьясь посредницею и судіею въ непреспавныхъ раздорахъ, возбуждаемыхъ софиспическимъ умомъ Грековъ. Она проспирала объяпія свои учіпеламъ Воспока, гонимымъ за богословскія ихъ мнѣнія, и привязывала ихъ къ себѣ, давая имъ убѣжище. Ни одна почпи секта не возникала въ Римской Церкви. Духъ ея, въ семь отношеніи, совершенно былъ различенъ отъ духа Церкви Греческой. Первая носпоянно сохраняла дрѣвнія формы, болѣе пропивилась нововведеніямъ, спрапшлась сполько же всякаго измѣненія, какъ и ереси, и, не равняясь въ славъ съ Церковью Воспочною, необходимо долженспвовала, со временемъ, пріобрѣспъ надъ нею верхъ своею свѣпскою мудроспцо и спспоянспвомъ.

Геній Греціи, болѣе свободный и, опть временъ завоеваній Александра Великаго, болѣе Воспочный, нежели Европейскій; и въ Христіанствѣ своемъ, ознаменованъ былъ печальною опвлеченностію и аллегоріи. Египетъ и Малая Азія были для него поприщемъ. Тысячи сектъ и спранныхъ ученій порождены были шамъ суевѣрнымъ воображеніемъ жипелей. Римляне, или, лучше сказать, народы, говорившіе Латинскимъ языкомъ, не имѣли сполько учености и воображенія. Предъ Греками Александрии были они невѣжеспивенными Бого-словами; но были умѣреннѣе и скромнѣе въ своихъ мнѣніяхъ. Они не вѣрвались шой упопченнои Меташизмѣ, кошоруо обипапели Воспока примѣшивали къ догматамъ вѣры; и сіе взаимное другъ къ другу опвращеніе, бывшее причиною послѣдовавшаго за тѣмъ, чрезъ нѣсколько спольтій, раздѣленія Церквей возникло еще въ первыя времена Христіанства. Казалось бы, должно было находить слѣды сего несогласія въ памлшникахъ вѣншшства обѣихъ липшературъ; но совершенно шочная параллель оныхъ не можетъ быть предспавлена. Не шолько Воспочная Церковь имѣла неоспоримое превосходство въ красно-рѣчіи и воображеніи; но, между писателями Латинской Церкви, всѣ шѣ, кои блиспали чрезвычайнымъ свѣшомъ, кажепся, принад-

лежать Воспоку. И дѣйствительно; одни изъ нихъ жили въ Сиріи, Египтѣ, вдыхали энтузіазмъ на берегахъ Іордана; другіе, рожденные подъ знойнымъ небомъ Африки, уже по мѣсту рожденія своего, были болѣе Воспочными, нежели Римскими писателями. Языкъ Латинскій, въ сочиненіяхъ ихъ, совершенно измѣнялся и принималъ нѣкоторую тѣнь высокой, но варварской неправильности.

Въ этомъ отношеніи, нововведенія ихъ были несравненно важнѣе, чѣмъ нововведенія Грековъ. Опцы Римской церкви образовали, на западѣ, эпоху совершенно новую, и менѣе сходную съ прошедшимъ. Означивъ сіи различныя характеры, съ помощію испорин и сочиненій великихъ мужей, которые, на Воспокъ и Западѣ, содѣлали IV сподѣліе эпохою, споль достопримѣчательною въ лѣтописяхъ Религін и Просвѣщенія—былобъ весьма любопытно и поучительно а).

- а) Спашья сія есть отрывокъ изъ цѣлаго сочиненія *Вильменя*, находящагося въ его *Nouveaux Melanges historiques et littéraires* (1827), которое все вполне переведено и будетъ напечатано, вмѣсто предисловія, къ новому переводу *избранныхъ мѣстъ изъ Св. Іоанна Златоуста*, издаваемому переводчикомъ, извѣстнымъ *В. И. Оболенскимъ*, въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія. *Изд.*

II.

СЦЕНЫ ИЗЪ ТРАГЕДИИ В. ГУГО :

ГЕРМАНИ.

ДѢЙСТВІЕ II. ЯВЛЕНІЕ III.

ДОНА СОЛЬ, ДОНЪ КАРЛОСЪ, ГЕРМАНИ.

ГЕРМАНИ.

И вы осмѣлились къ ней прикоснуться?
 О! Господинъ Король Кастильскій! это
 Васъ недостойно, низко . . .

донъ карлосъ, (улыбаясь съ презрѣніемъ).

Не тебѣ

Упреки дѣлать, господинъ разбойникъ!

ГЕРМАНИ.

Смѣлся онъ! . . . я не Король, но если
 Меня Король обидитъ—если онъ
 Смѣлся надо мной,—осперегись!
 Обидчикамъ мой спрашенъ гнѣвъ; ужаснѣй . . .
 Для нихъ мой мечъ, чѣмъ скипетръ Королевскій!

(схватываетъ его за руку).

Ты знаешь ли, пвою кто держишь руку?
 Внимай: отецъ пвой—моего убійца . . .
 Ты ненавистенъ мнѣ! Ты завладежь
 Моими пшплами, имѣніемъ, всѣмъ благомъ —
 Ты ненавистенъ мнѣ. Мы любимъ —
 Одну мы оба любимъ—ненавистенъ,
 Ты ненавистенъ мнѣ! въ душѣ
 Тебя я ненавижу!

донъ карлосъ

Господинъ . . .

ГЕРМАНИ.

Сегодня же—вся ненависть остыла!
 Ее искалъ я пополько и нашель! . . .
 Кого?.. Карлось, ты мнѣ разставилъ събли—
 Самъ въ нихъ попалъ, и помощи не жди!
 Изъ рукъ моихъ ни бѣгство, ни друзья,
 Ужь не спасушь; и окруженный
 Толпой враговъ, ты что теперь предпримешь?
 донъ карлось (гордо).

Германи предлагаешъ мнѣ вопросы!

ГЕРМАНИ.

Но не хочу я, чпобъ рука убійцы
 Бездѣснаго себя сразила; нѣтъ!
 Я местию самъ алкаю насладиться,
 Такъ защищайся жь! (вынимаетъ шпагу)

донъ карлось.

Я Король пвой!

Рази!—но нѣтъ межъ нами посянка!

ГЕРМАНИ.

Ты вспомни, что еще вчера съ мной
 Твой мечъ сходился.

донъ карлось.

Да—вчера не зналъ я

Тебя, ты моего не вдалъ сана;
 Теперь, кто я—ты знаешь; другъ любезный,
 И мнѣ пвов равно извѣстно званье!

ГЕРМАНИ.

Бышь можетъ.

КАРЛОСЬ.

Чпужь? рази! но между нами
 Единборства бышь не можетъ!

ГЕРМАНИ.

Развѣ

Ты думаешь, что естъ для насъ святое?
Напрасно, защищайся!

ДОНЪ КАРЛОСЬ.

Убивай!

(Германи опступаешь. Донъ Карлось усшремляешь на него орляныѣ взоры).

Презрѣныѣ! Вы смѣете мечпашь,
Что во владычяхъ моихъ безъ казни
Вамъ можно жечь и кровью обагряться,
И послѣ славиться своимъ великодушьемъ!
Вы думашь смѣли, что кинжалы ваши,
Мы шпагою своею облагородимъ!
Намъ съ-вами башься! прочь! яль умерщляйте!

(Германи, мрачный и задумчивый, попрясаешь нѣсколь-ко минушь своей шпагой, попомъ вдругъ обращаешь къ Королю и бросаешь ее отъ себя. Король глядитъ на него съ презрѣниемъ).

ГЕРМАНИ,

Съ тобою сойшись найду удобнѣй случай,
Теперь иди ты можешь.

ДОНА СОЛЬ, (съ радостію бросаешь къ нему).

Мой Германи!

ДОНЪ КАРЛОСЬ.

Я въ Королевскіе черпоги возвращаюсь
И первымъ долгомъ, вѣрь мнѣ, будешь
Узнать, оцѣнена ль глава твоя!

ГЕРМАНИ.

Давно!

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Съ сего часа я объявляю
Тебя мятежникомъ, злодѣемъ—и повѣрь,
Ничто тебя опъ мспшителя не скроешь,
И для тебя нѣтъ мѣста въ Королевствѣ!

ГЕРМАНИ.

Но не въ Испаніи одной укрыться можно!

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Я скоро буду Цезаремъ Германскимъ,
И изгонию тебя изъ областей Имперскихъ.

ГЕРМАНИ.

Въ швоей по волю; но—естъ въ міръ спрана,
Гдѣ власть швая ничтожна, шамъ я буду
Со мщеніемъ ; швоимъ борюшся.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Если жъ міръ

Весь будетъ мой!

ГЕРМАНИ.

Оспанется могила!

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Я замыслы швои, повѣрь, разрушу.

ГЕРМАНИ.

Местъ медленно приходишь, но поспигнешъ...

ДОНЪ КАРЛОСЪ (смѣясь съ презрѣніемъ).

Красавицу, въ кошорую влюбленъ
Разбойникъ сей!

ГЕРМАНИ, (съ сверкающими глазами)

Не раздражай меня!

Не вспоминай, грядущій Цезарь Римскій,
 Что ны въ моихъ рукахъ, ничтожный, слабый,
 Что онъ меня зависилъ задавилъ
 Въ зародышъ Имперскаго орла!

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Рази!

ГЕРМАНИ.

Скорѣй оставь насъ;

(снимаетъ плащъ и бросаетъ его на плеча Королю).

Вопи мой плащъ,
 Въ толпѣ моихъ онъ защитилъ себя.

(Король завертывается въ плащъ).

Теперь ны безопасенъ. Для себя,
 Для месни я храшу своєю главу.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Такъ говоришь со мной дерзнувшій, знай—
 Опшынѣ гвѣшь тебѣ онъ насъ пощады.

(уходитъ).

ДВЛЕНІЕ IV.

ДОНА СОЛЬ, ГЕРМАНИ.

ДОНА СОЛЬ, (взявъ за руку Германи).

Теперь бѣжимъ скорѣе!

ГЕРМАНИ, (пыхо отпалкиваетъ).

Милый другъ,
 Ты бѣдспвія мои вполне узнала,
 И не колеблешься, и до конца

Сову испововать мнѣ хочешь. Подвигъ ,
 Достойный сердца вѣрнаго! Но, Боже ,
 Ты зришь, могу ль увлечь ее съ собой
 Я хладнокровно! Нѣтъ, прошло то время ,
 И слишкомъ близокъ эшафотъ !

ДОНА СОЛЬ.

Гернани !

Что ты сказалъ ?

ГЕРНАНИ.

Король мной оскорбленъ!

И скоро мстить его меня постигнетъ ,
 За то, что смѣлъ помиловать его !
 Быть можетъ, онъ въ своемъ дворцѣ сзываетъ
 Теперь рабовъ своихъ, вельможей, спражу ,
 Придворныхъ, палачей. . . .

ДОНА СОЛЬ.

Я пренецъ ;

Скорѣ удамся, мой Гернани !

ГЕРНАНИ.

Съ тобою вѣстать? нѣтъ—прошло то время !
 Когда тебя благое Провидѣнье ,
 Какъ Ангела цѣлителя, послало
 Улучивать души моей недуги ,
 Я, вѣжною любовью ободренный,
 Могъ предложить тебѣ мой лѣса ,
 И горы, и попокъ; могъ раздѣлить
 Съ тобой мой хлѣбъ, мой одръ зеленый; но
 Мнѣ раздѣлить съ тобою эшафотъ !
 Нѣтъ, Дона Соль! онъ мой, онъ весь мой !

ДОНА СОЛЬ.

Но ты самъ

Со мною раздѣлишь его далѣ слово !

ГЕРНАНИ.

Другъ!

Изгнанникъ я; волнуемый поскою,
 Опъ колыбели радости не зналъ;
 Моя минуша наступила; скоро
 Наспаненъ горесинной судьбы развязка
 Грозная; но ты меня любила,
 Ты мнѣ призналась въ томъ, и скорбное чело—
 Чело изгнанника благословила. . . .
 Я счастливъ былъ, я зависли доспоннъ!

дона соль.

Позволь мнѣ за шобой!

ГЕРНАНЦ.

Нѣтъ! гнуснобъ было
 Мнѣ, въ бездну падая, срывать цѣпкокъ; довольно!
 Я запахомъ его ужъ наслаждался! Другъ мой,
 Отравленную мной судьбу соедини
 Съ судьбою Герцога; женою будь его,
 Я самъ того хочу; будь счастлива, а я. . .
 Въ мое ничпожество я возвращусь опять!

дона соль.

Я за шобой! твоей гробовой покровъ
 Хочу я раздѣлить; съ шобойю всюду.

ГЕРНАНИ.

Нѣтъ!

Бѣгу одинъ.

дона соль, (въ отчаяніи, видя удаляющагося Гернани).

Меня ты оставляешь!

Вонъ, безразсудна, твоя награда:
 Жизнь въ жертву принесши, и, испытавъ

Всю грусь любви несчастной, не имьшь
Опряды мнѣ съ нимъ вмѣстѣ умереть!

гернани, (колеблась).

Я изгнанъ, осужденъ, я гибну!

дона соль.

Ты

Неблагодаренъ!

гернани, (возвращаясь съ любовію)

Нѣтъ! о нѣтъ! я остаюсь.

Ты хочешь эшаго—я здѣсь съ тобой!

(садится у ногъ ея).

Забудемъ ихъ; приди въ мои объятія!

Ахъ, говори со мной! утѣшь меня! не правдажъ,

Какъ сладоспнно любилъ и былъ любимымъ,

Былъ двумъ, единственно, былъ двумъ въ семь

мѣрь,

И ночи въ тишинѣ, когда крутомъ все спитъ;

Лишь о любви другъ съ другомъ говоритъ!

Какъ бы желалъ, къ груди швоей приинкнувъ,

Я вѣчность провести!... мой другъ!... мое бла-

женство! . . .

(отдаленный звонъ колоколовъ).

дона соль, (испугавшись вспаешъ).

Набашъ! ты слышишь ли? набашъ!

гернани, (продолжая сидѣть у ногъ ея),

Чпожь! это

Для брака нашего звоняшъ.

(Звонъ колоколовъ умножается. Смѣшанные крики: въ окнахъ, улицахъ, на крышахъ появляются факелы и свѣчи).

дона соль.

Ахъ, встань!

Бѣги скорѣй! мой Боже, Сарагосса
Въ огнь!

гернани, (приподымаясь).

Свѣтло на нашей будущъ свадьбѣ!

дона соль.

Со смертью бракъ по будущъ, бракъ съ могиллой!

(крики, стукъ оружія).

гернани, (снова садясь).

Ахъ, обними меня!

горець; (вбѣгая со шпагой въ рукѣ).

Насъ окружили

Алкады, сбирь; бьютъ превогу апамань!

(Гернани встаетъ.)

дона соль.

Слова пивои сбѣлись.

горець.

Намъ помоги!

гернани.

Иду.

многіе голоса, (за кулисами).

Разбойнику погибель!

гернани, (горцу)

Твой княжалъ. . . .

(Донъ Соль)

Прощай!

дона соль.

Ты гнибнешь опъ меня! Куда ны?

Бѣжимъ сюда!

ГЕРМАНИИ.

Какъ мнѣ друзей оставишь!

ДОНА СОЛЬ, (шумъ, крики).

Шумъ эпопш!... трепещу....

(удерживая Германи).

Германи, помни,
Коль ты умрешь, и я умру съ тобою.

ГЕРМАНИ, (обнявъ ее).

Дозволь напечатлѣть мнѣ поцѣлуй прощальный.

ДОНА СОЛЬ.

Германи, другъ мой! мой супругъ!

ГЕРМАНИ, (цѣлуешь ее въ лобъ).

Увы!

То первый поцѣлуй!

ДОНА СОЛЬ.

И, можетъ быть, послѣдній!

(Германи уходитъ: Дона Соль падаетъ на скамью).

—ДР— —ТО—

III.

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ БЕЗЪ МУЖА,

ИЛИ

ФОНДО, КОНЦЕРТЪ И УВЕРТЮРА.

ПОВѢСТЬ.

—»И такъ ты не согласишься на просьбы
нѣжной, привязанной къ тебѣ жены?»

—Милая Юлія, сѣ Богу! нельзя. Дѣла....

—»Можно ли, какія бы по ни было, дѣла въ свѣтѣ спавить на равнѣ съ живѣйшею любовію, съ моимъ счастьемъ?»

—Я непременно долженъ опсправиться въ Вильну дней на десять, много на двѣ недѣли.

—»Но я безъ тебя умру въ слезахъ. Вопть уже почти годъ нашей сваптьбѣ, и мы ни на однѣ суипки не разлучались съ шобою. Пощади меня!»

—Бездѣнная Юлія, сокровище мое, ангель мой! вообрази, если я шеперь не поѣду въ городъ, шо на будущій годъ намъ придется иппи по міру. Сеймы начнушся послѣ завшра. Маршалъ ворочаетъ всѣмъ, и ежели Земскій Судъ пришлетъ своихъ слѣдовашелей, шо я не въ соспоянїи прошивишся кредиторамъ; они выхлопочутъ себѣ право на взысканіе долговъ съ нашего имѣнїя. И шакъ я долженъ упошребить всѣ усилїя, чшобви, по крайней мѣрѣ, Е. Президентша удержашъ на своемъ мѣстѣ.

—»Жестокій! Ты предпочишаешь богатштво чисшвѣйшему и высочайшему благополучію. Пусть кредиторы возмушъ все наше имѣнїе. Можешъ ли бѣдноспъ бышъ ужасною для двухъ сердець, соединенныхъ сладосшными узами любви? Мы поселимся въ хижинѣ, будемъ веспи пасшущескую жизнь, будемъ пишапшся молокомъ и плодами и наслаж-

дашься нашего любовію. Умоляю тебя, не оставляй меня, милый Вильгельмъ, супругъ мой, божество мое!»

—Юлія, ты убиваешь меня. Я не могу отказать тебѣ; но обязанности мужа, и скоро, можешь быть, обязанности отца, повелѣвающъ мнѣ заботиться о сохраненіи послѣдняго нашего имущества.

—»Вильгельмъ, ты неумолимъ! Слезы мои тебя не прогаюють. Побѣзжай, но пререци!— ты возвратишься домой на мои похороны. Я не въ состояніи пережить десяти дней безъ тебя.»

—Я увѣренъ, что раздираю свое чувствительное, доброе сердце, но дѣла. . . . Милая Юлія, ты любишь музыку, играй на фортепіано; ночь у тебя довольно. Услаждай себя въ это время гармоніею, и думай о своемъ мужѣ: время пройдетъ для тебя непримѣтно. Я прилечу на крыльяхъ любви.

—»И такъ побѣзжай, ежели ты непременно желаешь моей смерти; но помни, что каждый день я буду обливаться по тебѣ слезами. Клянусь тебѣ нашею любовію, клянусь эцимъ обручальнымъ кольцомъ, что тотчасъ послѣ своего отъѣзда надѣну црауръ и, до тѣхъ поръ, пока тебя не увижу, дверь дома нашего будетъ заперта для цѣлаго свѣта. Музыка, которую я обожала для

того, что ты ее любишь, и романы будутъ единственнѣмъ моимъ утѣщеніемъ; но они не могутъ вознаграждать твоего присущивія! — Ты плачешь?»

—Твои слезы, Юлія, падаютъ на мое сердце. Я переносъ: прощай!.. ибо... я совсѣмъ не поѣду, ежели ты долѣе спанешь меня тревожишь.

—»Прости, дражайшій Вильг...« Здѣсь наступило продолжительное объяніе въ горестномъ, краснорѣчивомъ безмолвіи—тысяча пламенныхъ поцѣлуевъ — наконецъ жестокая разлука. Вильгельмъ уѣхалъ; Юлія упала въ обморокъ.

Прошелъ день—Юлія плачетъ.

Прошелъ другой—Юлія плачетъ.

На третій день—Юлія печальна.

На четвертой—ей ужасно скучно.

—»Что мнѣ дѣлать? Аннушка! Аннушка!«

—Чего изволишь, сударыня?

—»Аннушка, мнѣ скучно.«

—Опъ чего вы не играете на фортепiano?

—»У меня ничего нѣтъ; я два раза сыграла всѣ мои ноты, съ начала до конца.«

—Такъ извольте чинпашь, сударыня.

—»У меня нѣтъ ничего хорошаго. Всѣ эти романы я знаю наизусть. Ахъ! какая скука! Который день, какъ выѣхалъ баринъ?«

—Четвертый, сударыня.

—»Боже мой! мнѣ казалось, что уже десятиый. Ахъ! какъ ужасно оставался наединѣ!»

—Но что же заставляешъ васъ, сударыня, быть наединѣ? Множество молодыхъ людей хотѣли было прѣхать къ вамъ въ госпи....

—»Говори всѣмъ имъ, что, въ отсутствіе моего мужа, я никого не принимаю. Понимаешь ли ты?»

—Понимаю, сударыня.

—»Двери дома заперешъ на замокъ.»

—Слушаю, сударыня.

—»Не пускашъ ко мнѣ ни одной живой души. Я хочу быть наединѣ. Ахъ, какъ мнѣ скучно«—(зѣваешъ).

—Но какъ къ лицу вамъ прѣзуръ, сударыня?

—»Неужели? Я погляжусь въ зеркало. Въ самомъ дѣлѣ...« (улыбаешся).

—Сударыня, сударыня! какой-то полкъ проходитъ мимо нашего дома.

—»Я не хочу глядѣть ни на кого, пока не возвратишься мой Вильгельмъ.»

—А я такъ очень люблю глядѣть на офицеровъ. Знаете ли вы, сударыня, что въ нашемъ домѣ назначена квартира для Капитана, Ротмистра и для нѣсколькихъ офицеровъ, а въ городѣ будутъ стоять Маіоръ, Полковникъ и множество Поручиковъ. Мнѣ болѣе всего нравятся Поручики.

—»Ты мнѣ надоѣдаешъ своимъ болпаньемъ

Спрожайше приказываю тебѣ, никого изъ нихъ не впускай въ мои комнаты.»

Четыре дня провела Юлія въ слезахъ, музыкѣ и скукѣ. Но для молодой жены одинокіе дни еще не такъ скучны, какъ одинокія ночи. Пятая ночь была для ней самою ужасною: мошки и комары не дали ей уснуть—Вильгельмъ, гдѣ ты?

Юлія встала нѣсколько раньше обыкновеннаго: безпокойство мучило ея сердце. Она одѣлась лучше вчерашняго; но безъ малѣйшаго худаго намѣренія. Она одѣлась лучше потому, что Аннушка говорила, будто черный цвѣтъ ей къ лицу.

—»Какъ вы хѳроби нынче, сударыня! Я никогда не видала, чѳбѳ вы дома одѣвались съ такимъ вкусомъ.«

—Неужь ли? Въ самомъ дѣлѣ я нынче не дурна. Чѳо жь ты улыбаешься?

—»Такъ ничего-съ, сударыня.«

—Но спрожайше приказываю тебѣ, не пускай въ мои комнаты никого изъ этихъ офицеровъ.

—»Слушаю-съ, сударыня.«

—А по я скажу барину, кошорый тебѣ потчасъ выгонитъ изъ дому.

—»Слушаю, сударыня.«

—Теперь оставь меня.

Юлія прошла нѣсколько разъ по комнатамъ въ задумчивости и безпокойствѣ. Съма по-

помъ за фортепiano, но не могла ничего играть на нихъ. Всѣ ноты были на чешыре руки.—Вильгельмъ, гдѣ ты? Какая скука! Я даже играть не могу безъ тебя!

Неперпѣливоспъ въ первый разъ возмушила лилейную грудь оставленной Юліи: она начала гнѣваться на Вильгельма за то, что онъ выѣхалъ, не смотря на ея слезы и просьбы.

—А... а... а... ай! Господинъ Капиша...а...ань!
—Какой вы, сударь шалунъ! это вовсе невѣжливо — у насъ шакъ не водился!..

—»Аннушка! Аннушка!« закричала Юлія: »какая негодная дѣвчонка! Ни одной минуты не можешь потерпѣть, чибобы не лѣзть къ мужчинамъ.«

Въ это время отворилась дверь.

—»Что это значить? Г. Офицеръ? Незнакомый? Извините меня, сударь—въ отсуспіе моего мужа, я никого не принимаю.«

—Простите моей дерзоспи, сударыня. По какому-то чуду я узналъ нынче, что счастье привело меня въ домъ лучшаго изъ друзей моихъ. За два года передъ симъ я имѣлъ честь служить съ Г. Вильгельмомъ въ одномъ полку. Мы жили между собою, какъ родные братья.

—»Съ кѣмъ же я имѣю удовольствіе говорить?«

—Я называюсь Поручикъ С***

—»Возможно ли? Г. Поручикъ С***? пошть самый, о кошоромъ мужъ мой такъ часпо и съ таковой хорошей стороны говорилъ мнѣ? Онъ будетъ въ воспоргѣ, когда послѣ прїѣзда найдетъ у себя своего друга!»

—Объ насъ, сударыня, во всемъ полку говорили, какъ о двухъ нѣжныхъ голубкахъ—мы были не разлучны. Клянусь чеспю, ни когда любовники не имѣли споль нѣжной привязанности другъ къ другу.—Вы не повѣрите, какія чудеса мы съ нимъ пворили!

—»Очень вѣрю—однакожь мужъ мой былъ всегда скромень и пихъ.»

О! что касается до его скромности, объ этомъ ни слова. Но я хочу сказать, что Вильгельмъ былъ опличный музыкантъ; игралъ превосходно на различныхъ инструментахъ. Я также спраспный охотникъ до музыки. По четверо сушокъ безпрерывно мы проводили съ нимъ за фортепiano.

—»Мужъ мой сказывалъ объ этомъ.»

—И нынче, какъ скоро звуки инструмента долетѣли до моего слуха—я весь запрепала опъ радости; не могъ долѣе вытерпѣть—однимъ словомъ, такъ какъ вы меня видите, я прибѣжала: засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее почпение. Быть можетъ... дерзость моя... будетъ наказана...

гнѣвомъ вашимъ ; сударыня . . . котораго я боюсь . . . болѣе смерти.

—»Я не могу . . . сердиться . . . на друзей моего мужа.«

Юлія покраснѣла и смѣшалась.

—»Для меня весьма пріятно познакомиться съ вами, Г. Перучикъ , но до пріѣзда моего мужа, мнѣ не льзя.« . . .

—Ахъ ! сударыня ! я умру . . .

—»Какъ эшо? вы хопите умереть ?«

—Нѣтъ, я хочу сказать, что буду переносить лютейшія муки, слыша чудесную игру вашу, сударыня, и не имѣя возможности вамъ аккомпанировать. Каждый ударъ клавиша будетъ новымъ кинжаломъ поражать мое сердце.

»Съ какимъ воспоргомъ онъ говоритъ объ музыкѣ!« подумала Юлія.

—Кспаши, я вамъ принесъ новѣйшее, прелеснѣйшее рондо, которое было въ большой модѣ въ столицѣ въ то время, когда мы изъ ней выходили.

—»Какъ онъ вѣжливъ!« подумала Юлія.

—Могу ли просить васъ, сударыня, сыграть эшо рондо ?

Юлія приняла свертокъ нотъ изъ рукъ Г. С***, съ робостию и застѣнчивостию.

—»Ежели вамъ будетъ угодно оставить эти ноты у меня, то я постараюсь ихъ разобрать.«—

—О! вы, сударыня, слишкомъ скромны! Не имѣя счастья знать васъ лично, я уже слыхалъ, что вы сударыня, съ перваго разу играете пруднѣйшія шпуки, съ необыкновенною бѣглостию и несравненнымъ искусствомъ.

—»Что я вижу! это извѣстное рондо, о которомъ я сколько разъ читала въ Журналѣ Модъ?«

—Такъ точно, сударыня. Музыка испинно восхищительная, эфирная, небесная! Есть мѣста сколькоже прекрасныя—нѣтъ—гораздо прекраснѣе гармоніи Ангеловъ и восхищительнѣе нѣмага безмолвія лунной ночи. Вся Поэзія меланхолій заключается въ этомъ попокъ мелодическихъ звуковъ.

—»Ахъ, онъ романтикъ« — подумала Юлія. »Какъ жаль, что Вильгельмъ никогда съ такимъ чувствомъ не говорилъ со мною объ музыкѣ: это такой скучный классикъ!«

—»Очень вамъ благодарна за это рондо, но къ несчастію я не могу воспользоваться вашими услугами.«

—Почему же, сударыня?

—»Поптому, что это рондо на четыре руки.«

—Смѣю ли предложить вамъ, сударыня, двѣ мои руки, хотя и не ловкія, однако я льщу себя. . . .

—»Вы, сударь, очень вѣжливы! Къ чему вамъ, принимаешь на себя такой прудъ?«

—Напрошивъ, я почтаю величайшимъ счастьемъ служить вамъ чѣмъ нибудь.

Г. Поручикъ С*** проворно придвинулъ другой стулъ и съ ловкостію оподвинулъ споявшій при фортепіано: они оба сѣли.

Сердце Юліи препепало необыкновеннымъ образомъ: блестящіе пассажи рондо, подъ ея прелестными пальцами, получали новый блескъ, новую прелесть и выразительность; гармонія наполняла ея душу какою-то сладостію, неизвѣсною ей со времени замужства.

—Не желая оскорбить вашей скромности моею опкровенностію—сказалъ Г. С***, вспавая опъ фортепіано — клянусь честію, что никогда въ жизни моей, даже въ столицѣ, я не слыхалъ, чтобы кто нибудь лучше васъ игралъ на фортепіано.

—»Вы льстите мнѣ, весьма неспаси, Г. Поручикъ ; мнѣ бы надлежало вамъ сдѣлать подобный комплиментъ.«

—Позвольте мнѣ, сударыня, служить вамъ всѣми музыкальными бумагами, какія только у меня есть. Я бѣгу перерыть все мои шкапулки.

С*** поклонился очень ловко и, получивъ въ отвѣтъ одобрительную улыбку, вышелъ. Юлія оспалась у фортепіано въ глубокой задумчивости.

— »Аннушка! Аннушка! гдѣ ты сидишь, скажи ради Бога!«

— Нигдѣ, сударыня.

— »Такъ-по ты слушаешься моихъ приказаній? Не я ли приказывала тебѣ не впускать ко мнѣ никого?«

— Я и хопѣла не впускать ни кого; но какъ-по случайно вышла въ стѣни; Г. Ром-мистръ — эпопъ шалунъ схватилъ меня за руку, и впащилъ въ свою комнапу.

— »Что эпо за кольцо у тебя на пальцѣ?«

— Эпо... шакъ кольцо, сударыня, обыкновенное кольцо.

— »Какое обыкновенное? У тебя его прежде не было: конечно эпопъ Роммистръ подарилъ тебѣ его?«

— Что жь мнѣ было съ нимъ дѣлать, когда онъ шакой ласковый!

— »Погоди жь ты, негодная дѣвчонка! Какъ скоро прѣдетъ баринъ... но за чѣмъ ты впустила ко мнѣ эпаго офицера?«

— Простите мнѣ на эпопъ разъ, сударыня; въ другой я его не пуцу къ вамъ ни за что въ свѣпъ.

— »Кшо же говоришь тебѣ не пускашь въ другой разъ? Но какъ ты осмѣлилась впустишь его въ первый?«

Юлія начала бречать на Форшеліано, что-

бы не слыхашь опвѣща Аннушки; Аннушка ничего не отвѣчала.

— »Что ты шамъ выпягиваешься передъ зеркаломъ?«

— Ничего—шакъ-съ.

— »Подай мнѣ книгу: вопшь... копорал на спомъ.«

— Извольте, сударыня.

— »Нѣшъ—я не хочу книги. Дай мнѣ работу.«

Юлія взяла работу и уронила на полъ. Аннушка подняла ее и подала Госпожѣ.

— Г. Роммисиръ сказывалъ мнѣ, что эпошь Г. Поручикъ, играешъ какъ Ангель.

— »Эпо, правда! онъ отличнѣйшій игрокъ на фортепiano. У него много чувства, воспорга, прелести.

— Да и самъ онъ не дурсиъ собою.

— »Конечно!«

— Довольно ловокъ.

— »И очень!«

— И лицемъ очень милъ.

— »А тебѣ какое дѣло? Знай себя!

— Слушаю, сударыня.

Юлія опяшъ уронила работу: Аннушка хотѣла ее поднять.

— »Поди прочь! ты мнѣ надоѣдаешъ своимъ болшаньемъ.«

— Сей часъ иду, сударыня.

— »Поспой, оепанься.«

— Слушаю, сударыня.

— »Ничего ненадобно говоришь, когда«...

— Понимаю, сударыня.

— »Поди прочь, ты ничего не понимаешь.«

Аннушка усмѣхнулась и вышла.

Гармонія, сладостный, божественный даръ небесъ, опголосокъ превышеземнаго блаженства! Ты слѣпца на землю, чщобы упщашапъ смертныхъ. Безъ тебѣ, чщобы дѣлали жены, коихъ мужья далеко опъ нихъ уѣзжаютъ на Сеймы?

Юлія играла безпрестанно на чешыре руки, и перщливо переносила опсуществіе дражайшаго изъ мужей. Иначе Юлія умерла бы опъ скуки.

Грозное племя Марса, бичъ рода человческаго! Небо въ гнѣвѣ произвело тебѣ на свѣшъ, для наказанія смертныхъ. Ты пощоками крови наводнило сію юдоль плача; ты...

Но нщъ худа безъ добра. Чщобы дѣлала Аннушка, когдабы не пришелъ полкъ? Огорченая опсуществіемъ мужа, госпожа была въ такомъ худомъ расположеніи, чщобы Аннушка, много на прешій день, сошла бы съ ума.

Когда бы не полкъ и не гармонія, по два чувствительныя, невинныя существа проводили бы скучные часы въ опсуществіе госпо-

дина и его слуги. Теперь Юлія счастлива и Аннушка счастлива.

— «Аннушка, копорой день, какъ выѣхалъ баринъ?»

— Девятый, сударыня.

— «Возможно ли? Мнѣ все казалось, что еще четвертый.»

— «О! баринъ не скоро воропился.»

— «Ты такъ думаешь.»

— Такъ думаю, сударыня. Наши господа, какъ поѣдутъ на Сеймы, забываютъ обо всемъ: имъ жены и въ голову не приходятъ.

— «И я тоже думаю. А!..это Г. Поручикъ! Такъ рано?»

— Приношу вамъ, сударыня, концертъ Моцарта, копорый, по какому-то чуду, я отыскала въ моихъ бумагахъ. Конечно онъ вамъ знакомъ: это извѣстный концертъ на *ut*.

— «Я играла его когда-то.»

— Какъ же вы его находите?

— «Божественнымъ! Нѣтъ ничего равнато!»

— Я былъ увѣренъ, что онъ вамъ понравился. Жаль только, что мы не можемъ разыграть его въ двоимъ.

— Почему же?»

— Потому, что онъ написанъ на четыре руки съ *violino obbligato*, или съ аккомпаниментомъ на скрипкѣ.

— »Въ самомъ дѣлѣ, очень жаль. Я обожаю эпошъ концерпъ.«

— Однакожь, можно найпи для эпого средства. Ропмиспръ, мой пріятель, играетъ оплично на скрипкѣ. Онъ могъ бы намъ впро- рипъ. Если я не оскорблю васъ, сударыня, прося вашего позволенія представишь вамъ моего друга....

— »Я не смѣю предлагать ему такой прудъ«...

— О! эпо бездѣлица! Онъ почипетъ эпо за величайшую для себя милоспъ. Въ два часа, если вамъ будетъ угодно, мы къ вамъ явимся.

Поручикъ С*** раскланяся и вышелъ. Ан- нушка улыбнулась значительнo.

— »Чему ты смѣешься!«

— Такъ, сударыня.

— »Не надобно объ эпомъ сказывать: по- нимаешь?«—

— Понимаю, сударыня.

— »Теперь я пойду прохаживаешь по ал- лель вздоховъ.«

— Понимаю, сударыня.

И Аннушка полешъла спрѣлою съ эпимъ извъспіемъ къ Г. Поручику.

— »Проворная дѣвушка!«—сказала про себя Юлія; »надобно подарипъ ей одно изъ моихъ плашьевъ.«

Сцена перенеслась въ аллею вздоховъ; а чпо

въ ней происходило, каждый очень легко можеть опгадать.

— Ахъ!

— Охъ!

— Ахъ!

— Охъ!

И въ два часа наснули концертъ съ *violino obbligato*.

И никогда концертъ на *ut* не былъ выполненъ съ большею пріятностію для играющихъ, слушающихъ и опсуспивующихъ. Поруччикъ улыбался Юліи; Аннушка улыбалась Роммиспру; дорогой Вильгельмъ былъ на Сеймахъ.

И всѣмъ было весело.

— «Повѣрите ли, сударыня? Въ моей шкапулкѣ новое опкрытие?»

— Что жь такое?

— «Увертюра Россини для фортеціано, съ аккомпаниментомъ.»

— Возможно ли? Вы поисцинь владѣте безцѣнными сокровищами.

— «Все къ услугамъ вашимъ, сударыня: ноты мои, я и моя жизнь. Но къ выполнецію этой прелестной увертюры надобно множесиво инспрументовъ!»

— Ахъ! какое несчасціе!

— «Напрощивъ: ежели вы согласитесь, чпобы я принялъ на себя обязанность сдѣлать»

пріятнѣе для васъ минушы нашего здѣсь пребыванія, но все можетъ бытъ сдѣлано.»

— Г. Поручикъ, такъ вѣжливы!

— «Я почипаю эпо величайшимъ для себя счастьемъ. Намъ нужны двѣ скрипки, два флейсправерса, віолончель, воліпорна, фаготъ и труба. Нашъ полкъ можно назваць музыкальнымъ: почти всѣ офицеры отличные музыканты. Позвольте мнѣ, сударыня, сосшавить изъ нихъ для васъ оркестръ. Мнѣ будетъ очень лестно предшавить вамъ моихъ поварихъ: всѣ они люди честные, прекрасные собою и очень хорошо воспитаны.»

— Опложимъ эпо до пріѣзда моего мужа.

— «Ахъ, сударыня! къ чему эпо? Г. Вильгельмъ еще не скоро пріѣдетъ; мы же въ эпо время выспунимъ изъ города.»

Юлія горестно вздохнула.

— Вы выйдегте!

Аннушка также вздохнула.

— Оспаньтесь, Г. С***

— «Можетъ бытъ и оспанемся; но на всякой случай, не вужно опкладывать до завпрашого, что можетъ сего дня принести удовольствіе. Прекрасная Юлія!.. Умоляю васъ!»

— Какъ ты думаешь объ эпомъ, Аннушка?

— «Мнѣ кажется, что Г. Поручикъ говоритъ совершенную правду. За чѣмъ опкла.

дываешь такъ далеко? Я никогда ничего не оппкладываю.»

— Но я поржеспвенно общала моему мужу. . .

— »О! сударыня! какія ли вещи общающпся мужьямъ!«

Юлія гореспшно вздохнула.

— »Умоляемъ васъ, сударыня!

— Къ несчастію, я ни въ чемъ не могу онпказать Г. Поручику. Когда жъ это будешъ?

— »Сего дня уже довольно поздно; и такъ завтра ввечеру, передъ чаемъ, ежели вамъ будешъ угодно«. . .

— Съ большимъ удовольспвіемъ; но не позже, какъ завтра; ибо мой мужъ можешъ пріѣхашъ.

Поручикъ С*** поцѣловалъ бѣленькую ручку Юліи и вышелъ. Юлія съ Аннушкою долго еще разговаривали о Поручикахъ, Ромиспрахъ, о скрипкахъ, віолончеляхъ, фагопахъ и волшорнахъ.—

Наконецъ наступилъ ожиданный вечеръ. Въ залѣ вершѣлось множеспво вызолоченныхъ молодыхъ людей, съ звонкими саблями, съ блестящими эпюлепами. Леспныя словца лешали на перерывъ; воздухъ искрплся отъ оспроумныхъ шушокъ. Юлія царспвова-

ла въ эпомъ миломъ обществѣ, и Юлія было весело.

— »Вильгельмъ на Сеймахъ!« подумала Юлія и улыбнулась. — »Гдѣ же Г. С***?«

— Здѣсь, сударыня, всегда гошовый къ вашимъ услугамъ.

— »И пакъ, время начинашь.«

Жирный Маіоръ Б*** сѣлъ верхомъ на віолончели и началъ рѣзать смычкомъ по басу. Двое Роммистровъ наспроивали скрипки. Поручикъ Д*** началъ дудить на фаготъ. Двое Подпоручиковъ принялись за флейсправерсы. Подпоручику Ц*** доспалась волпорня. Труба была въ рукахъ Г. Хорунжаго Т.***

Юлія и С*** сѣли за форшепіано; жирный Маіоръ Б*** ударилъ смычкомъ по ближайшему креслу при раза и—музыка загремѣла.

— Сударыня! сударыня! Баринъ пріѣхалъ.

— »Ахъ, Боже мой! какое насчаспіе. Я погибла! Аннушка, что мнѣ дѣлать?«

— Что дѣлать? спрячь энихъ господъ по угламъ и потушишь свѣчи. Когда баринъ пройдетъ пить чай, я въ то время ихъ выведу.

— »Дѣлай, что только можешь, любезная Аннушка; я бѣгу на встрѣчу моему мужу.«

— »Прячайшесь, господа! закричала Аннушка; нашъ баринъ пріѣхалъ, вамъ будетъ бѣда!«

— Господа! вскричалъ Поручикъ С***, вы люди чеспные и припомъ мои друзья, здѣсь дѣло идетъ о чеспи дамы. Прячесь, прошу васъ, куда кпо можешъ.

— «Да, въ самомъ дѣлѣ онъ говоритъ правду: не должно подвергать опасностей прелестную женщину» — опозвались различные голоса. «И такъ прятаться, прятаться!»

Юлія выбѣжала на крыльцо: Вильгельмъ выскочилъ изъ экипажа, и оба бросились въ нѣжныя объятія другъ къ другу.

— «Дражайшая Юлія!»

— Дражайшій Вильгельмъ! супругъ мой!

— «Милая жена моя!»

— Накѣнецъ, и опять тебя вижу!

— «Я леплъ къ тебѣ, Юлія, на крыльяхъ любви.»

— А я безъ тебя безпрестанно обливалась слезами и жила здѣсь, какъ монахиня, въ молитвѣ и слезахъ!

— «Мой Ангель! безцѣнная Юлія!»

Между тѣмъ Аннушка спряпала жирнаго Маіора подъ канапе; двухъ скрипачей подъ брачное ложе; игравшихъ на віолончели и фогошѣ за печь, трубача въ шкафъ; а Г. С*** спряпался въ каминъ: Аннушка заставила его экраномъ. Шляпы съ перьями и инструменты, брошенные въ уголь, умная дѣвушка накрыла

наскоро сканерльню , когда уже баринъ входилъ въ комнапу.

— »Что эпо, Юлія? ты сидишь въ попьмахъ?«

— Съ своего опъзда, милый Вильгельмъ, огонь не являлся въ моихъ комнапахъ. Я не хотъла глядыть на свѣтъ безъ тебя: сидъла въ попьмахъ и плакала.

—»Безцѣнная Юлія! къ чему ты сполько мучила себя? Нвжная супруга! Въ силахъ ли л вознаградишь тебя за такое пожертвованіе?«

—Вильгельмъ! ты съ дороги: тебѣ конечно хочется чаю. Пойдемъ въ нашу комнапу.

—»Сей часъ; но подайше цамъ огня. Эй, Семень, Машвѣй!«

Аннушка сама побъжала въ переднюю и принесла свѣчу. Бѣдная Аннушка! она забыла убранъ трубу, которая какъ-то случайно бсцалась на столъ при форшепіано. Вильгельмъ увидѣлъ трубу.

—»Что эпо, душенька, военнал труба? Откуда она къ тебѣ зашла?«

—А... въ самомъ дѣлѣ труба!.. Аннушка! что эпо за труба?

—А!... эпо, сударыня... такъ труба. Я позабыла сказать вамъ—что эпошь... какъ его?... Машвѣй—вы знаете... шелъ изъ корчмы и на самой серединѣ дороги нашель

эпоу трубу. Вотъ, онъ ее подилялъ, принесъ домой и опдалъ мнѣ. Проспшите меня, сударыня, что я не показала вамъ эпой трубы; вы были такъ печальны, послѣ разлуки съ бариномъ. Конечно солданы ее поперяли: надобно ее опдаль Г. Роямиспру.

—»Покажи-ка мнѣ ее. Ты знаешь, Юлиевка, что я когда-то игралъ на трубѣ превосходно! Служа въ полку, я почиался первымъ трубачемъ. Подожди немвожко, я сыграю чтонибудь. Посмотримъ, забылъ ли я или нѣтъ?»

—Послѣ будешь играть, душа моя; шеперь пойдемъ пить чай.

—»Сей часъ, сей часъ: это не опнимешь много времени. Слушай, душенька, я только зашрублю тебѣ шревогу. Тра, пра! . . пра, пра, пра! . . пра, ша, ра, ра! . . « . .

—Къ оружію! бунтъ! непріятель!—закричалъ жирный Маіоръ подъ канале.

—Къ оружію! шревога! опозвались голоса за печкой.

—Господа! къ оружію! закричали прочіе офицеры изъ подъ кровати, изъ шкафа, и изъ трубы.

И всѣ, съ обнаженными саблями, выскочили изъ своихъ убѣжищъ на середину комнаты.

Вильгельмъ оробѣлъ, поблѣднѣлъ, какъ бѣлый платокъ и уронилъ трубу; Юлія упала въ обморокъ; Аннушка убѣжала...

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, я видѣлъ Юлію въ Гроднѣ. Она уже развелась съ дражайшимъ Вильгельмомъ и называлась Г-жею С***. Теперь поистинѣ не знаю, какъ она называется; но мнѣ сказывали, что она равно прекрасна, любезна, и по прежнему любитъ музыку.

(изъ Баламута) И. Савиничъ,

IV.

ЖАЛОБЫ САЛЬВАТОРА РОЗЫ а)

Что за жизнь? Ни на мигъ я не знаю покою,
 И не вѣдаю, гдѣ преклонить мнѣ главу.
 Знанъ забыла судьба, что я въ мѣрѣ живу,
 И что плотью, какъ всѣ, облеченъ я земною.
 Я родился на свѣтъ, чтобъ терзаться; спорадичъ
 И трудился весь вѣкъ и награды не ждалъ
 За труды и за скорбь опть людей и опть неба;
 И по днямъ проводилъ безъ насущнаго хлѣба.

Я къ небу воззову—оно
 Меня не слышитъ, къ зову глухо;
 Взоръ къ солнцу—солнце мнѣ темно;
 Къ землѣ—земля грозитъ засухой. . .

а) Сальваторъ Роза, Итальянскій Живописецъ и Поэтъ, жившій въ XVI вѣкѣ по Р. Х.

Я жить хочу съ людьми въ ладу,
 Смолирю—они мнѣ ковы спавлятъ :
 Трудясь, я честно жизнь веду —
 Они меня чернятъ, безславлятъ.

Вездѣ наперекоръ мнѣ рокъ,
 Вездѣ меня встрѣчаютъ горе :
 Спускаю ли я свой челнокъ
 На море—и бушуетъ море ;
 Спѣшу ли въ Индію—и тамъ ,
 Въ странѣ, металлами богатой ,
 Трудясь, блуждая по горамъ,
 Я нахожу . . . свинець—не злато.

Являюсь ли я иногда ,
 Сжавъ сердце, къ гордому вельможѣ,—
 И—объ руку со мной бѣда :
 Я за порогъ лишь — и въ прихожей
 Швейцаръ, молчаніе храня
 И всѣхъ встрѣчая по одеждѣ ,
 Укажетъ пальцемъ на меня—
 И смерть зачавшейся надеждѣ.

Вхожу къ вельможѣ я, тупой ,
 Съ колодною душою и чувства ,
 Въ кругу друзей невеждъ — со мной
 Заговоритъ онъ про искусства —
 Уйду: онъ судитъ обо мнѣ
 Не по уму, а по одеждѣ,
 Съ своимъ швейцаромъ наравнѣ . . .
 Цѣнитъ искусства не невеждѣ! . .

Одною мечпою я живу ,
 И ею занятый одною ,

Я и во снѣ и на яву
 Воздушные чертоги строю.
 Я, замечавшись, иворю
 Великолѣпные чертоги;
 Мечши пройдушь, и я смопрю
 Сквозь слезъ на мой приютиъ убогий.

Другимъ не счестъ богатствъ своихъ,
 Къ нимъ нужда заглнушь не смѣишь;
 Весь вѣкъ слѣпое счастье ихъ
 На зонъ роскоши лелѣишь;
 Другимъ богатствъ своихъ не счестъ —
 А мнѣ—опверженцу судьбины —
 Назначено брань съ нуждой вестъ
 И . . . въ богадѣльнѣ ждашь кончины . . .

И я . . . я—живописецъ! . . . да!
 На все смѣицъся краски
 Я навожу и никогда —
 Опъ счастья не вижу ласки . . .
 Будь живописецъ, будь поэтъ, —
 Чпо пользы? Въ вѣкъ нашъ развращенный
 Счастливы лишь шопъ, въ комъ смысла нѣтъ,
 Въ комъ огнь не иенмится свѣдѣннй.

Чпо за жизнь? ни на мигъ я не знаю покою,
 И не вѣдаю, гдѣ преклонить мнѣ главу.
 Знанъ забыла судьба, что я въ мнръ живу,
 И что плотью, какъ всѣ, облеченъ я земною.
 Я родился на свѣиъ, чпобъ шерзаться, спирадаиъ
 И трудился весь вѣкъ, и награды не ждаиъ
 За труды и за скорьбъ опъ людей и опъ неба,
 И по днмъ проводишь . . . безъ насущнаго кльба!

Ранъ.

польскіе жидаы.

Осѣдлость Евреевъ въ Польшѣ, ихъ, въ неимовѣрной степени, возрастающее народонаселеніе, ихъ зависимость отъ власпей неизвѣстныхъ, въ свою очередь управляемыхъ рукою незримою; народъ сей только поверхностно намъ извѣстный, не признающій иного отечества, кромѣ Палестины, и чуждающійся государствъ, гдѣ родился; народъ, который, единственно предавался торговлѣ и презирая земледѣльство, обладавъ несмѣтными богатствами и уничтожалъ все мѣры правительствъ, клонящіяся къ подведенію его подъ законы общественные; это странное совокупленіе отверженія и сокровеннаго могущества, общаго рабства и частнаго самовластія—должны обратить на себя особенное вниманіе въ странѣ, для которой Жидаы стали господствующею, неизлечимою язвою.

Польша, въ десятомъ столѣтіи а), принявъ Христіанскую вѣру, начала быстро созрѣ-

а) Извѣстія о постепенномъ укорененіи Жидовъ въ Польшѣ заимствованы изъ сочиненія, подъ заглавіемъ: *Взглядъ на Польскихъ Евреевъ, 1818 года, Вилицыта Корвина, Графа Красинскаго, Дивизионнаго Ге-*

ванъ для просвѣщенія тогдашняго времени и вошла немедленно въ составъ Европы, разпространивъ свои торговыя сношенія и сдѣлавшись центромъ торговли Азіи и Южной Европы. Она богата была естественными произведеніями и обладала множествомъ золотыхъ, серебряныхъ рудъ и соловарень, бывшихъ для ней неизчерпаемымъ источникомъ торговли. Въ это время духъ предприимчивости и любознѣжанія принудилъ многія Еврейскія семейства покинуть Германію и переселиться въ Польшу. Первые Евреи появились тамъ въ 1096 году, по свидѣтельству Вѣнцеслава Грабовскаго. Въ томъ же году, шлопа бѣжавшихъ изъ Богеміи Жидовъ, нахлынувъ на Польшу, нашла въ ней кровь и заступу. Не взирая на то, количество Германскихъ Евреевъ должноствовало превосходить число выходцевъ изъ Богеміи, если судить по Нѣмецкому нарѣчію, до сихъ поръ сохранившемуся въ ихъ молитвахъ и разговорномъ языкѣ. Еще гораздо прежде того извѣстны они были въ южныхъ губерніяхъ Польши и Россіи. Равнины въ книгахъ своихъ говорятъ о Иудей-

перала и Сейловаго Маршала. Сочинитель онаго опирается въ книгѣ своей на розысканія своихъ предшественниковъ, и въ особенности на одно изъ произведеній знаменитаго *Оудел Шацкаго.*

скихъ Царстввахъ, будто бы находившихся не подалеку отъ береговъ Каспійскаго моря. Знаменитый Аравійскій Географъ, Ебн-Гаакуль, писавшій въ началъ десятаго вѣка, упоминаеть о Иудейскомъ Царствѣ, орошаемомъ рѣкой Апелемъ, ил. е. Волгой, присовокупляя къ тому, что Царь, правящій онымъ, имѣеть пребываніе свое въ столицѣ, именуемой Бапомъ, и тысячу двѣсти пѣлохранищелси. Массуди, другой, современный ему Географъ, говоритъ, что въ Россіи есть Царство Хазарское, населенное по ббольшей части Евреями, гдѣ какъ Царь, такъ и главные его Салновники, исповѣдуютъ законъ Моисеевъ, и того сподичный городъ называется Амоль. Извѣстно сказаніе Нестора, что Евреи Хазарскіе послали пословъ къ Владиміру Великому, съ богатыми дарами и предложеніемъ отречься отъ идолопоклонства и принявъ вѣру Иудейскую; и что Владиміръ отвѣчалъ имъ, что самъ Богъ конечно отвергаетъ ихъ законъ, ибо они изгнаны изъ Іерусалима, и поему онъ не можетъ принять вѣры, которую Господь защищать не хочетъ. Если бъ Евреи не владѣли въ то время обширнымъ пространствомъ земли, и не имѣли силы и вса, то не рѣшились бы сдѣлать подобнаго предложенія столь сильному Государю. Между шѣмъ Веніаминъ Тудельскій ничего не упоминаетъ

сить о Польскихъ Синагогахъ, хопя говорншь, и можешъ бышь, слишкомъ увеличенно, о богатствѣ Евреевъ въ Россіи.

Первая грамота, сохранившаяся въ Польскихъ летописяхъ, пожалована была Евреямъ въ 1264 году Польскимъ Герцогомъ Болеславомъ. Казимиръ Великій, котораго Исторія упрекаетъ сильною привязанностію къ Епископъ, молодой Опочновской Жидовкѣ, утвердилъ грамоту сію, и даже разпространилъ ее своимъ Королевскимъ словомъ. Въ то время Краковъ былъ Ганзейскимъ городомъ и находился въ свлзи съ сорока Европейскими городами. Торговля сношенія его, вѣроятно, были весьма обширны; ибо, когда попъ же Казимиръ Великій выдалъ за Римскаго Императора Карла внуку свою Елисавету, рожденную отъ дочери его Елисаветы и Богуслава, Герцога Сполскаго, Краковскій гражданинъ Вирцынекъ испросилъ у Государя своего дозволеніе подарить молодымъ на свадьбу 100,000 золотыхъ гульденовъ, ужасную по тогдашнему времени сумму, равную той, которую самъ Король далъ внукѣ своей въ приданое.

Тогда Христианская вѣра не шерпѣла еще лихвы и непозволительныхъ изворотовъ; одни Евреи пользовались правомъ, на то и другое, и мало по малу положили основу ненависти, которая съ тѣхъ поръ подвигла прошивъ

нихъ всё сословіа. Всегда умѣренные, живущіе малымъ, привыкшіе къ уничиженію, и стремящіеся прямо къ цѣли, собрали они, при наступившемъ потомъ правленіи, не смѣшныя богатства; и когда число ихъ въ прикрапы превысило число Христіанъ, правительство изъявило опасеніе и безпокойство. Между тѣмъ Вишольдъ, Великій Герцогъ Липовскій, двоюродный братъ Владислава Ягеллона, даровалъ тѣже привилегіи Липовскимъ Евреямъ, какія далъ Польскимъ Казимиръ Великій.

Людовикъ Венгерскій, зять и преемникъ Казимира, возшедшій на Польскій Пресполь въ 1371 году, не наследовалъ отъ него любви къ Евреямъ, и положилъ изгнать ихъ. Великій Герцогъ Липовскій, Владиславъ Ягеллонъ, сочетавшійся бракомъ съ Эдвигой Анжуйской, дочерью Людовика, и отдѣлившій Польшу отъ Венгріи, на преспольской вошла дочь ея, Марія, приказалъ Евреямъ, еще носившимъ Польское платье, нашивать на него кусокъ краснаго сукна; Христіанамъ же запрещалъ, подъ опасеніемъ ошлученія отъ церкви, покупать у нихъ мясо, ѣсть съ ними вмѣстѣ и входить въ какія-либо сношенія. Стефанъ Башорій и Сигизмундъ III утвердили сіе постановленіе. Король Іоаннъ Албрехтъ, утраченный безирешанно возрастающимъ

ихъ многолюдствомъ, надъ копорымъ не было уже средсва имѣть надзора, приказалъ, чпобъ Евреи по городамъ жили въ отдѣльныхъ кварталахъ и соспошли въ вѣденіи градоначальниковъ. Когда же, въ 1496 году, замѣнилъ, что Евреи дають заимообразно деньги, за большіе проценты молодымъ людямъ знатныхъ фамилій, ничего не жалующимъ, для того чпобы приспойнымъ образомъ ополчилься на рашь за отечество, и что нѣтъ значительнаго семейсва, имѣніе котораго не было бы заложено имъ; когда увидѣлъ всеобщее разореніе, производящее опъ непомерной лхвы, и вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ, что Евреи, подобно монахамъ Франціи и Германіи, во время опбытія дворянсва въ Палестину, кошяшъ завладѣшь его имѣніями: по уничтожилъ всѣ иски ихъ по закладнымъ, и, запрепивъ пользоваться правами дворянсва и покупашъ земли, приказалъ однакожь улапиль имъ заняшыя у нихъ суммы съ умеренными процентами.

Еще въ 1540мъ году писали Евреи, что въ цѣлой Польшѣ находишя шолько пятьсотъ опповыхъ купцовъ. Христіанъ, между тѣмъ какъ они имѣють шаковыхъ 3200, занимающихъ работою 9600 человекъ. Польскіе законы строго запрещали Евреямъ продавашъ водку, держашъ шинки и весши торгъ съ посез

лянами, у которыхъ они обыкновенно высасывали послѣднее, поя ихъ. Евреи, соразмѣрно многолюдству своему, давали рекрутъ двойное прошивъ Христіанъ количеству. Они обязаны были выбирать одного изъ придворныхъ вельможъ, чшобы онъ велъ запись ихъ народонаселенности, судилъ ихъ въ спорахъ и распряхъ и проч. Сигизмундъ Августъ, изумленный ихъ непомернымъ многолюдствомъ, ежедневно увеличивающимся, и видя, что они находясь средству уклоняясь отъ всякаго рода налоговъ, и стараются въ каждой книгѣ выспавлять превосходство свое предъ Христіанами, наложилъ на нихъ подушный окладъ. Тщесно доказывали Евреи, что мѣры сіи противны ихъ закону; послѣ многихъ переговоровъ и споровъ постановлено, чшобы каждый Еврей, мужескаго и женскаго пола, платилъ по одному Польскому злоту. Полагали, что число ихъ простирается до 200,000 человекъ. Деньги внесены, и Дворъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что въ подушной описи означено только 46,599 Евреевъ обоихъ половъ. Сигизмундъ Августъ, при семъ случаѣ, сказалъ, обратился къ другу своему, Епископу Краковскому, который извѣстенъ по старанію сохранивъ въ Польшѣ миръ между противными одна другой вѣрами, и даже въ это самое время возмывалъ прошиву инквизиціи и го-

ненія на вѣдьмъ: »скажи же, другъ мой—ты, который не вѣришь, чшобы дьяволъ мѣшался въ наши дѣла—скажи мнѣ, какимъ образомъ Евреи, копорыхъ вчера еще было 200,000, провалились вдругъ сквозь землю, пакъ чшо сегодня, когда пришлось имъ вносить подушныя деньги, оспалось ихъ не болѣе 46,599 ши?»—Вашему Величеству извѣстно—опивчалъ Епископъ—»чшо и безъ помощи дьявола Евреи умыюгь бышь колдунами.«

На первомъ Сеймѣ послѣдовало запрещеніе Евреямъ, подѣ смершшою казншо, шорговашь лошадыми, входить въ опкупа и держашь гоштинницы. А какъ богатые изъ нихъ не уступали въ роскоши придворнымъ и вельможамъ, шо и запрешили имъ носить золотыя цѣпи на шеѣ, опмичишельное преимущество дворянства, а въ слѣдъ за шѣмъ сабли и шпаги, осыпанныя драгоцѣнными каменьями. Польскіе Паны, держась еще древняго обычая Римскихъ Рыцарей, носили золотыя кольца съ изображеніемъ девиза или герба. Когда Евреи присвоили себѣ и это право, шо вышло спрощайшее на шо запрещеніе, въ силу коего дозволялось имъ шолько имѣшь на кольцахъ означеніе рода своей шорговли и имя Св. Иерусалима или рѣки Сабашіона. Коммендони, Кардиналь и Апостольскій Нунцій при дворѣ Сигизмунда Августа, много говорить о Евреяхъ и

между прочимъ замѣчаетъ, что они одѣваются, какъ дворяне и граждѣне; даже превосходятъ первыхъ въ пышности. Въ это самое время выгнали ихъ изъ Пруссіи.

При Сигизмундѣ III, Евреи, по многочисленности и богатству, составили въ Польшѣ свое, почти отдѣльное государство. Они издавали множество книгъ, въ коихъ осмѣивали обряды Христіанской вѣры и старались доказать, что Польша могла бы быть впрочемъ Идумеею, если бы жители оной рѣшились отречься отъ своей вѣры и принять законъ Моисеевъ; почему и вынужденъ былъ Сеймъ издать Указъ, которымъ каждый Еврей, дерзавшій издѣваться надъ Христіанскою вѣрою, осуждался на изгнаніе. Множество такихъ сочиненій произвело распрю между Христіанскими и Еврейскими писателями. Польша, изобиловавшая въ то время типографіями, наводнилась сочиненіями прошивуборствующихъ парній. Но скоро эта война на перьяхъ кончилась, къ ущербу содержателей типографій.

Если съ одной стороны, кощунство Іезуитовъ и угнетенія отъ Сларослѣ при Іоаннѣ Казимирѣ много содѣйствовали къ опложенію козаковъ отъ Польши, то, съ другой, возстаніе оныхъ въ Украинѣ и Запорожьѣ должно приписать Евреямъ, которые, вопреки зако-

намъ входили въ подряды и держали гостиницы. Сеймъ не прежде, какъ послѣ сраженія при Береспечкѣ, издалъ Указъ для прекращенія ихъ грабительствъ. Вскорѣ попомъ настало для Евреевъ новое льпосчисленіе, и новый Мессія, осуществивъ надежды ихъ, возмутилъ спокойствіе Польши: у Сабатайковича собирались толпы, которыя только сила оружія могла разсѣять. Принужденный оставить Польшу, удалился онъ въ Конспаншинополь, гдѣ и былъ схваченъ. Евреи, со всѣхъ краевъ свѣта, стекались къ нему съ изъявленіями покорности и подобострастія. Но Мегани, Польскій Еврей, писалъ прошиву него и даже лично отправился въ Конспаншинополь, чѣмъ доказать предъ Диваномъ обманъ и лживость этого мнимаго посланника Небесъ.

Въ правленіе Михаила Вишневецкаго вновь открыты сношенія Евреевъ съ Турками. Іоаннъ Собьскій, которому они предсказали восшествіе его на пресполь, и котораго въ писаніяхъ своихъ именовали Сыномъ Солица и Царемъ Царей, писалъ къ нимъ слѣдующую довѣренность и имѣлъ любимца изъ Евреевъ. Польскій Сенатъ, въ 1682 году, просилъ Государя сего обратить вниманіе на благо народа и не раздавать ему руками Евреевъ все милости и награды, оныя престола пронсѣкающія. При Августѣ II снова возобновленъ

Указъ, запрещающій Евреямъ держати гостиницы по деревнямъ. Въ царствованіе Августа III, когда все дремало, Евреи, по гнепущіе, по гнепомые, наконецъ пали, бывъ нѣскольکو времени законодателями Польши.

Въ 1750 году новообращенець изъ Валахій, именемъ Франкъ, основалъ новую секту. Онъ выдавалъ себя за человека, коего Провидѣніе уполномочило соединить все вѣры; усравивъ отъ ученія своего многіе догматы Іудейской вѣры, онъ сохранилъ сущность оной и придержался Римскаго богослуженія. Прибывъ въ Польшу, началъ онъ явно проповѣдывать, вооружилъ противъ себя власти и былъ заключенъ въ темницу въ Чевсеховѣ. Освобожденный Россійскими войсками, отправился онъ въ Вѣну, а отсюда въ Мерень. Іосифъ II выслалъ его изъ своихъ владѣній. Послѣ того удалился онъ въ Оффенбахъ (?), гдѣ скончавшись, похороненъ съ Царскими почестями. Между тѣмъ какъ Франкъ собиралъ вокругъ себя толпы неофитовъ, Мендзекборжскій Раввинъ, Михайль Гиршовичъ, положилъ основаніе новой секты, опираясь на ученіе Египто - Александрийскаго Еврея Моисея Маймонида. Франкъ, спрашась вліянія сей новой секты, основалъ родъ общесства, наследственною главою коего объявилъ самаго себя. Основнымъ правиломъ его было, что Еврей долженъ всегда быть

Евресмъ, и хопя можеть для виду слѣдовать обрядамъ господствующей вѣры, но въ душѣ обязанъ сохранять свою собственную. Вступать въ бракъ, какъ съ дочерями Евреевъ, такъ и съ Евреевъ, было запрещено изъ опасенія, чптобы тайна не вышла наружу. Онъ вмѣнялъ въ обязанность неофицамъ, чптобы они давали дѣшамъ своимъ воспитаніе, сообразное съ страной, ими обитасмой, всѣми силами старались бы о своемъ возвышеніи, опправляли бы всякаго рода гражданскія обязанности, и такимъ образомъ разпространяли бы повсюду свои каспы; между коими одно только богачество полагало нѣкоторое различіе. Во всякомъ значительномъ городѣ имѣли они декана, кошорый для каждаго изъ сыновей неофина назначалъ званіе, коему юноша долженствовалъ посвятить себя. Секпа сія считала было многихъ членовъ между чиновниками правительсва и агентами полиціи, между нищими и купцами. При наслощемъ правленіи Франковой а) дочери, они не посылають уже сыновей и дочерей ко двору своей повелительницы, какъ то дѣлывалось во время ея

а) Франкъ имѣлъ свою гвардію, своихъ саовниковъ, своихъ пажей. Похороны его были чрезвычайно великолѣпны; гробъ украшался Герцогской короной, и весь дворъ его сопровождалъ печальное шествіе.

опща а). Старѣйшины довольствующея собраніемъ церковныхъ доходовъ, которые вручаютъ при подробномъ отчетѣ своимъ начальникамъ, а сіи отправляютъ ихъ въ Опшгеймъ (?), столицу сихъ новыхъ Христіанъ. Французская полиція уноспребрляла всевозможныя спаранія проникнуть шайну сей полипическо-миспической секты: она разослала было агеншоевъ во все мѣста, даже и въ Варшаву; но они возвратилсь съ одними только предположеніями и догадками.

Въ царствованіе Станислава Августа Польповскаго упразднено въ Польшѣ званіе Главнаго Еврейскаго Раввина б). На извѣсномъ конспитуціонномъ Сеймѣ (1788 — 1792), предлагаемы были различныя средства сдѣлать Евреевъ полезными членами общества. Хотѣли сблизить ихъ съ среднимъ классомъ, дать имъ преимущества, коими пользуются мѣщане; даже назначали награжденія шѣмъ изъ нихъ, кои

а) Изъ каждаго города дѣти, получившія лучшее воспитаніе, посылалсь шуда и оставалсь тамъ до девятнадцати или двадцатилѣтняго возраста.

б) Главный Раввинъ, первосвященникъ Евреевъ, жилъ въ Азин. Онъ обязанъ былъ безпрестанно скитаться, и на Еврейскомъ языкѣ имповалсь *Клязель Рабства*.

ножелають посвящитъ себя землепашеству. Но послѣдовавшая за Сеймомъ война и впрочное раздѣленіе Польши (1793) уничтожили сіи благоразумныя мѣры. Каждая изъ раздѣлившихъ Польшу Державъ поступала съ ними по прежнимъ своимъ обычаямъ, не полагая никакого различія между Евреями, дополь ей подвластными, и новыми подданными своими, Евреями Польскими. Пользу, происпекшую для нихъ отъ такой системы, можно видѣть изъ того, что съ тѣхъ поръ, поспешенно возрастающаго народонаселенія Еврейскаго сдѣлалось въ прикрапѣ сильнѣе народонаселенія Христіанскаго, такъ что нынѣ должно дѣйствительно опасаться образованія изъ сихъ пришельцевъ второй Идумеи.

Всегда согласные между собою, всегда управляемые спарѣйщинами и главами, не признающими никакихъ законовъ, Евреи, въ настоящемъ ихъ положеніи почитаютъ малѣйшую ссору, произшедшую между Евреемъ и Христіаниномъ, дѣломъ общенароднымъ и всѣ безъ изъятія принимаютъ въ ней участіе. Правленіе ихъ основано на твердыхъ правилахъ. Каждый городокъ имѣетъ своего Судью, каждый округъ Раввина, каждая Губернія Моренума (ученаго Раввина), каждая частъ Польши, подвластная особенному Монарху, своего Рабби-Моренума (главу ученыхъ). Всѣ Евреи бывшей Польши по-

винуются одному Спаръйшицъ, который подчиненъ всеобщему, главному Повелителю, Князю Рабства, который имѣетъ пребываніе въ Азіи, и которому, какъ уже выше сказано, законъ или полипика предписываютъ непрерывно скипаться изъ мѣспа въ мѣспо а). Судби сіи и Спаръйшины, при малѣйшемъ недоспапкѣ въ деньгахъ, налагаютъ всеобщій поспъ; и тогда каждое семейство, если не хочеть подвергнуться проклятію, обязано дневные издержки свои вносить въ общественную кассу. Такими-то средствами помогали они всегда другъ другу въ шѣсныхъ обспоятельспвахъ; на примѣръ, Евреи Липовскіе Евреямъ Польскимъ, Варшавскимъ и Лембергскимъ (Львовскимъ), и обратно. У нихъ есть три ужасныя формулы проклятія: Ниддони, Геремъ и Шамапа. Самая клятва ихъ есть родъ проклятія кляпвонарушителю. Въ отношеніи къ Хриспіанину, клятва недѣйспвительна; да по законамъ ихъ, и каждая клятва, данная при Хриспіанинѣ, пропивъ ли него, за него ли, или по его приказанію, считається ничпожною. Почпи дѣтьми еще веспупаютъ

(а) Предположеніе, что это весьма близко къ преданіямъ о *Вѣтломъ Жидъ* (der ewige Jude), такъ вѣроподобно, что заставляеть насъ сомнѣваться, первые ли мы замѣчаемъ это сближеніе.

они въ бракъ; въ юныхъ лѣтахъ спановятся ошцами семейшва; и такимъ образомъ въ короткое время распложаются на многія поколѣнія. Приспроивъ дѣшей, они почти всегда объявляютъ себя несостоятельными, дабы тайно передать имъ деньги, кои присвоили себѣ непозволительнымъ образомъ. Такимъ образомъ, не признавая надъ собой иныхъ законовъ, кромѣ собственныхъ, обманываютъ они правительство.

Хотя принимались различныя мѣры къ изчисленію ихъ народонаселенія, но ни одна изъ нихъ не дала вѣрнаго результата. И вѣра ихъ и выгоды слишкомъ тому противятся. Евреи, по большей части не имѣя недвижимой собственности, легко могли укрываться отъ поисковъ правительства и полиціи; и вѣроятно, едва ли половинная часть народонаселенности ихъ внесена въ настоящую, то есть, послѣднюю (1829) перепись.

Одежда Польскихъ Жидовъ состоитъ изъ кафшана, чернаго или подходящаго къ тому цвѣта, застѣгнутаго отъ шеи до пояса, и изъ широкой епанчи, похожей на монашескую рясу. Волосы подстригаютъ они коротко, а на макушкѣ, которую прикрываютъ шапочкой, совсемъ брѣютъ; только на вискахъ опрашиваютъ длинныя волосы, которые называются *пейсиками*. Они носятъ длинныя бороды и шма-

ны съ широкими полями, или шерстяныя шапки, даже и льномъ; ходящъ всегда въ шуфляхъ. Во всемъ пространствѣ Польши Жиды одинаково одѣваются; однакожь нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ носить Нѣмецкое платье. Бѣдность, въ коей по большей части живутъ они, сообщаетъ лицамъ ихъ бѣдность и желтизну, копорыя, соединяясь съ неизвѣрною неоправданошью, дѣлають ихъ испинно отвращительными.

Всеобщее презрѣніе жителей Польши къ Евреямъ не успрашаетъ ихъ; напрошивъ того помѣщики съ радостію позволяють имъ селиться на своихъ земляхъ. Безъ нихъ жизненные припасы не имѣли бы никакой цѣнности: въ ихъ полько рукахъ получаютъ они нужныя для попребибельности приготоовленія, ихъ полько спараніемъ разпродаются съ выгодой для помѣщика, причемъ факпортъ получаетъ въ награду нѣсколько копѣекъ на рубль. Изготовленіе и продажа водки и пива, мѣльницы и шинки суть золотыя рудники помѣщиковъ, но имѣющіе цѣнность свою единственно посредствомъ Евреевъ. Вездѣ есть главный шинокъ, родъ рынка, куда спекаются попребибели и шинкарн, чшобы запасаться рожлю, солью, медомъ, пивомъ, водкой, скномъ и овсомъ. Шинкаръ. Жидъ плашницъ почти всегда по-

мѣщичку чиспыми деньгами; почему помѣщички предпочитали ихъ шинкарямъ-Христіанамъ, часпю до того, что разоряютъ поселянъ, доспавая изъ-за границы все нужное, посредствомъ Евреевъ, съ коихъ могутъ взыскивать по желанію. Посему-то вездѣ, въ Польшѣ, Жиды пользуются правами гражданства, занимаютъ выгоднѣйшими ремеслами, живутъ въ срединѣ городовъ, а Христіанамъ остаются однѣ работы безвыгодныя и пріютъ только въ предмѣстіяхъ. Преимущества, коими пользуются Евреи, простираются даже до того, что обширнѣйшее селеніе, обитаемое одними Христіанами и землепашцами, будетъ вѣчно слыть деревней, *весью*; а прибудъ въ него дюжина Еврейскихъ семей — шаже деревня спанетъ мѣстечкомъ, городомъ. Тогда, какъ Поляки съ прудомъ даютъ право дворянства лучшимъ фамиліямъ, Еврей, принимающій Капюлическую вѣру, *ipso facto* получаетъ дипломъ на дворянство; если же припомъ онъ имѣетъ средства купить недвижимое имѣніе и землю, то можетъ смѣло надѣяться быть выбраннымъ въ каждую изъ государственныхъ должностей. Однако, не взирая на столь лакомую приманку, немногіе изъ Евреевъ отрекаются отъ вѣры отцовъ своихъ.

Почпи все чиспыя деньги находятся въ

рукахъ Жидовъ: дворяне закладывають имъ лучшія части имѣній своихъ. Словомъ, Еврейская нація, послѣ дворянства, есть первенствующее сословіе въ бывшей Польшѣ. Вездѣ, гдѣ ихъ много, имѣютъ они свои синагоги; прежде же раздѣлялись во всей республикѣ на провинціи, въ коихъ имѣли посполжно опредѣленные дни сборищъ; и опшуда посылали доверенныхъ своихъ въ Варшаву, гдѣ держался главный ихъ совѣтъ. Чрезъ каждыя шесть лѣтъ избирали они Маршала, котораго правительствомъ утверждало.

Общее мнѣніе признаетъ Польскихъ Жидовъ хитрѣйшими въ Европѣ плущами; но не пошуму ли, что имѣютъ они самыя удобныя средства упражнять свою корыстолюбивую изворотливостъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности? Не они ли въ Польшѣ единственные производители дѣлъ и не рѣдко единственные ремесленники? Хотя Евреи могутъ свободно заниматься каждымъ ремесломъ, не подчинясь цеховымъ уставамъ и издержкамъ, съ нимъ сопряженнымъ; но по большей части избираютъ они для себя то, что требуетъ меньшаго шруда и размышленія; на примѣръ, спановятся мельниками, вепошниками, шорниками, галунщиками, оловяничниками. Однакожь нынѣ, возрастающая ихъ многочисленностъ и вмѣстѣ съ ней бѣдностъ, принуждаютъ ихъ принимашь-

ся за ремесла, пребующія большого пруда и соображеній, а именно: плотника, пкача, апшкаря, поршнаго, сапожника, переплетчика, книгопродавца и проч. Въ особенноти любятъ они бытъ золощыхъ и часовыхъ дѣлъ мастерами, по удобству къ обману, которое занятія сіи представляютъ. Можно бытъ увѣрену, что изъ десяти птяббъ въ девяти встрѣнишь Еврея испцомъ или опвѣлчикомъ. Рѣдко случается, чпобы полиція, при значительной покражѣ, не открыва въ Евреѣ зачинщика или помощника воровства. Имъ извѣсны всѣ уголки въ частныхъ домахъ; они же по цѣлой Польшѣ и скрываютъ у себя краденныя вещи. Къ сожалѣнію по сѣю пору ни одно изъ многочисленныхъ, прежнихъ и нынѣшнихъ, покушеній—преобразитъ Жидовъ Польскихъ и подчинитъ ихъ гражданскому устройству—не было успѣшно; и они остаются донынѣ глубоко нанесенною спрацъ сей язвою.

Не можемъ не сказать еще нѣсколько словъ о находящихся въ Польшѣ Евреяхъ-Караимахъ. Слово *кара* значитъ писаніе. Караимы послѣдуютъ въ шочности Святому Писанію и опвергаютъ Талмудъ. Баршломочи уподобляютъ ихъ Самаритянамъ. Евреи, управляемые Раввинами, называютъ ихъ еренниками и говорятъ, что они держатся мнѣній Саддукеевъ.

Караимы же напрошивъ того упвѣрждаютъ, что нѣтъ ничего общаго между ими и Саддукеями, кромѣ лѣтосчисленія; и дѣйствительно, вопреки вѣрованію послѣднихъ, они принимаютъ безсмертіе души и безтѣлесность Ангеловъ.

Главное отличіе Караимовъ отъ прочихъ Евреевъ заключается въ томъ, что они опвѣргаютъ всѣ преданія, Талмудъ и мечбы Раввиновъ. Вопреки имъ, признаютъ они Бен-Моисея своимъ законодапелемъ. Праздничныя дни считаютъ не такъ, какъ Евреи. По ихъ правиламъ, всякое мясо, дозволяемое Св. Писаніемъ, чисто, лишь бы живошное не имѣло наружной болѣзни или не было изуродовано. Въ двѣнадцатомъ столѣтїи, Караимы имѣли постоянную осѣдлость въ Испанїи; но, по прѣбованію Раввинитовъ, были опшуда изгнаны. Въ Ассирїи не было иныхъ Евреевъ, кромѣ ихъ; и, если вѣришь словамъ Мардохея, находились они тамъ весьма въ большомъ количествѣ. Польскія лѣтониси не говорятъ о времени прибытія ихъ въ сію страну. Первыя привилегїи выданы были: отъ Сигизмунда I—Караимамъ Луцкимъ и Волынскимъ; отъ Стефана Баторїя—Караимамъ Галича и Галиціи; и наконецъ отъ Казимира Ягеллона, въ 1444 году—Караимамъ, жившимъ въ Трокапѣ, что въ Липовѣ. Випольдъ, Великій Герцогъ Липовскій, вывелъ, въ шринадцатомъ вѣкѣ, изъ Крыма въ

Троки, 324 семейства; между собой говорятъ они обыкновенно пошашарски. Нѣтъ сомнѣнiя, что все они вообще переселились въ Польшу изъ Крыма; но невозможно рѣшительно опредѣлить времени первобытнаго ихъ переселенiя.

Караимы употребляютъ Еврейскую, для Христіанъ напечатанную Библию. Изъ актовъ Польскаго Правительсва видно, что въ продолженiи чешырехъ спольшій ни одинъ Караимъ не былъ осужденъ по суду за уголовное дѣло: что подаетъ весьма выгодное мнѣнiе о вѣрѣ ихъ и нравственности. Число ихъ не слишкомъ велико. Живутъ они большею частію въ южныхъ Губерніяхъ бывшей Польши. Одежду носятъ бѣлую.

Въ заключеніе этого крашкаго очерка обитающихъ въ Польшѣ Евреевъ, можетъ быть, слишкомъ рѣзкаго для глазъ читателей, никогда не бывавшихъ въ этомъ краѣ, не излишнимъ считаемъ упомянуть о поспуйкахъ Евреевъ во время народной вѣины 1794 года. Все они тогда вооружились; и даже составился полкъ изъ однихъ Евреевъ. Во многихъ случаяхъ ратники сіи опличались величайшею неуспрашимостью, подъ предводительствомъ Полковника Берека-Яселовича, также Еврея. Все они, до послѣдняго почти челоуѣка, пали съ оружіемъ въ рукахъ. Полковникъ Берекъ,

пережившій ихъ , находился попомъ въ войскахъ Великаго Герцогства Варшавскаго, и въ достопамятную кампанію 1809 года изрубленъ не вначай напавшимъ на него опрядомъ Австрійскихъ гусаръ въ селеніи Кокъ, неподалеку отъ Любаркова.

Съ Нѣмец. А. Ш.

VI.

НАДЕЖДА.

Нездыхшая гостыя, красавица міра,
 Надежда, надежда — жилица зѣира!
 Лепишь она пчелкой, поєшь соловьемъ —
 И сладко и грустно быль съ нею вдвоємъ!
 То въ вѣнчикъ розы сієшь росюю,
 То взоры прелестныхъ шумаєшь слезюю!
 Но съ нею любимцамъ молвы веселы—
 И всѣмъ она спелєнь въ міръ лучшій завѣшный,
 По свѣтлой лазури небесныхъ поєй,
 Изъ радугъ сѣянный, помосишь семієвѣшный!
 И. Петровъ.

16 Іюля, 1831.

КРАСНОДЕРСКЪ.

VII.

ГОСЛАВЛЕВЪ ,
ИЛИ
РУССКІЕ ВЪ 1812 ГОДУ.

(М. Н. Загоскина)

КРИТИКА.

(Статья I)

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что *романъ* составляетъ не прихоть, а потребность современнаго возраста творческой дѣятельности. Это внезапное наводненіе всѣхъ образованныхъ литераторъ свѣта *романами* не можетъ быть приписано одному увлеченію въ слѣдъ великаго Шотландца. *Вальтер-Скоттъ* самъ былъ не болѣе, какъ первенецъ современнаго духа: и ежели примѣръ его имѣлъ дѣйствительно могущественное вліяніе, то не по чему иному, какъ по тому, что имъ выразилась всеобщая потребность въка, коей сполно было однажды угаданной, чтобы всюду развилась. Такъ, во множествѣ созвучныхъ струнъ, одна, получившая ударъ, производитъ всеобщее сотрясеніе!

Съ перваго взгляда, это обращеніе *романа* во всеобщую потребность для *нашего* въка можетъ показаться проповѣрчивѣмъ. Какъ! Ему ли — *нашему* ли *въку*, столь надменному своею основательностію, положительностію и дѣятельностію — находить удовольствіе въ вымыслахъ, кои, по естественному порядку, должны бы составлять исключительную забаву простодушнаго дѣтства? Это расчепливое благоразуміе, выкладывающее артемидически всѣ біенія жизни,

и—любовь къ *роликамъ*! Совмѣщеніе странное! Но оно окажется не такъ страннымъ, при болѣе внимательномъ и глубокомъ изслѣдованіи!

Общее мнѣніе даетъ повнѣ *роману* значеніе фантастическаго сцѣпленія необыкновенныхъ происшествій и не отличаетъ его отъ *сказки* ничѣмъ, кромѣ большей сложности въ составѣ, искусственности въ обработкѣ и занимательности въ содержаніи. «Это *романъ*» — говорятъ обыкновенно о произшествіяхъ, сколько-нибудь пробивающихся за тѣсныя рамки ежедневности. Иногда значеніе сіенѣскольکو сдѣсяется; и *роману* поставляется въ необходимую принадлежность пзвѣспный дозсъ септпменпальности. Этопъ новыи оппѣнокъ преимущеспвенно имѣетъ мѣсто при выраженіяхъ: *романистскій, романистское*. Такимъ образомъ въ дѣйствіяхъ признается *романистское*, когда онѣ основываются не на холодныхъ расчетахъ благоразумія, а повинуются безошчетно внушеніямъ сердца; и потому каждое происшествіе, совершающееся подвліяніемъ любви, сей верховной царицы чувствъ, счптается въ высшей степени *романистскимъ*.

Сіи понятія одолжены своимъ происхожденіемъ не случаю и прихотливости. Таковъ дѣйствительно былъ характеръ сочиненій, называвшихся, до нашихъ временъ, *романами*! Имя сіе принадлежитъ вѣкамъ среднимъ — эпоху фантастическому періоду мечтательности и чувствительности. Оно было первоначально *родовымъ* для поэтическихъ произведеній новыхъ *Романскихъ* нарѣчій, образовавшихся, изъ обломковъ древняго языка *Римскаго* (Латинскаго), въ устахъ народовъ, обновившихъ Европу, и отсюда его этимологическое происхожденіе. Сіи произведенія, какъ и всѣ произведенія молодежи народовъ, имѣли

одниъ характеръ, одниъ тонъ, одно содержаніе. Они были вѣрнымъ эхомъ современной жизни; и потому тѣмъю ихъ было по самое рыцарство, съ своими видѣніями и мечтами, съ своими чудесами и причудами, которое одно тогда жило и дѣйствовало на позорищѣ Европы. Въ послѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи творческой фантазіи, произведенія ея, по естественному порядку, должны были сдѣлаться разнообразнѣе: и тогда имя *романа* оспалось *собственными* для пѣвца, кои пребыли вѣрными своему первобытному характеру; точно такъ какъ, во времена классической древности, имя *поэмы*, бывшее *родовымъ* для всѣхъ поэтическихъ произведеній первоначально, когда они всѣ имѣли характеръ эпическій, сдѣлалось наконецъ *собственными* для *эпоса*. Такимъ образомъ *романъ* искони былъ не что иное, какъ народное сказаніе среднихъ вѣковъ; *романтическая* поэма, рыцарскій эпосъ! Его содержаніе составляли подвиги рыцарскаго героизма и рыцарской любви, соотканые вольною фантазіею въ широкую ткань вольнаго разсказа. Сія ткань завязывалась обыкновенно чертою мужества или великодушія, подававшюю поводъ къ любовной связи между храбрымъ Рыцаремъ и прекрасною Принцессою, которая, бывъ внезапно прервана недоразумѣніемъ, несчастіемъ или другимъ особеннымъ происшествіемъ, разбрасывала любящихся въ разные стороны и заснавала кружиться по свѣту, пока странное сцѣпленіе обстоятельствъ, не безъ содѣйствія сверхъестественныхъ силъ, возводило ихъ, въ награду страданій, на престолъ Императорскій или, по крайней мѣрѣ, Королевскій. Чѣмъ запущающѣе и узористѣе была эта ткань, тѣмъ богаче казалась ея занимательность.

Никто и не думалъ требовать отъ ней строгой сообразности съ вещественными условіями бытія. Правдоподобіе и сбывочность происшествій считались не только бесполезными, но даже положительно вредными для занимательности *романа*: ибо самая дѣйствительность, въ сіи истинно *романическія* времена, не осаженная еще, такъ сказать, опытносію, колебалась, въ волшебномъ мерцаніи чудесъ, подобно зыбкому вымыслу. Таковъ былъ *романъ*, въ цвѣтущую эпоху своего существованія, когда Европейскія императоры перебивали другъ у друга *Короля Артура* съ его *Круглыми Столами* и когда благородные рыцари и благородныя дамы всѣхъ странъ Европы получали образованіе свое изъ *Амадиса Галлійскаго*, подобно какъ древніе Греки и Римляне изъ *Иліады*. Сохраняя сей характеръ, онъ пережилъ дѣйствительность, кою ей былъ выраженіемъ; и, какъ пріятное воспоминаніе, продолжалъ быть предметомъ всеобщей любви даже тогда, когда уже миновалась пора чудесъ и мечтаній, составлявшихъ стихію временъ среднихъ. Въ первой половинѣ XVI столѣтія, когда рыцарская Европа среднихъ вѣковъ, уже давно достигшая зрѣлости, находилась въ кризисѣ преобразовательнаго разрушенія: *романъ*, какъ рыцарскій эпосъ, цвѣлъ еще во всей своей фантастической роскоши и; не смотря на запоздалость, оспаривалъ владычество надъ вниманіемъ у насильственныхъ подражаній классической древности, кон, въ сіе время естественнаго взуренія, прицѣплялись, подобно чуждымъ растеніямъ, къ ушлому пию ветхаго дерева. Въ Италіи, подъ искусными перстами Пульчи и Баярдо, онъ развился въ чисто поэтическое изданіе, возведенное наконецъ Аріостомъ на степень совершеннѣйшей романтической эпохи:

во Франціи, прозаическая наружность мѣшала ему быть торжественно принятымъ въ область поэзіи; но ипѣтъ не менѣе онъ владычествовалъ въ современной словесности, подкрѣпляемый благорасположеніемъ романческаго духа Франциска I. И—какъ тамъ, такъ и здѣсь—онъ оставался вольною игрою вольной фантазіи — занимательнымъ сцѣпленіемъ чистыхъ вымысловъ! . .

Но могло ли это продолжаться? Фантасматическое образованіе среднихъ вѣковъ, коего рыцарскій *романъ* былъ выраженіемъ, потребовало наконецъ подъ собственными развалинами. Жизнь перестала быть свободною игрою свободнаго духа, какъ въ разгульные времена рыцарства: вѣра въ мечты утратилась, любовь къ приключеніямъ миновалась. Эпоха важная перемена не могла долго оставаться незамѣченною; и въ слѣдъ за ипѣтъ *романъ*, какъ чистый рыцарскій эпосъ, естественно долженъ былъ оказаться анахронизмомъ. Но расположеніе къ этой формѣ поэзіи, въ продолженіе сполькихъ вѣковъ доставлявшей неисчислимыя наслажденія, не могло вмѣстѣ съ ипѣтъ изгладиться. По разрушеніи фантасматическаго зданія среднихъ вѣковъ, любимая рама поэтическаго разсказа осталась безъ содержанія: подлежало наполнить ее современною действительностію. Но действительность сія, представлявшая извуреніе ветхой жизни, не собравшейся еще съ новыми силами для того чтобы пересоздать себя, не могла быть предметомъ свѣтлаго, чистаго, невозмущаемаго эстетическаго созерцанія и радванія. Въ минуты одушевленія можно было только поучаться надъ ея развалинами, или подлежало осіявать ихъ искусственнымъ блескомъ. Отсюда естественное уклоненіе *романа*, отъ первобышней чистоты ры-

царскаго эпоса, въ правоучительную копировку или въ фантастическое иллюминированіе разочарованной действительности. Отсюда происхождение *романовъ нравственныхъ и сентиментальныхъ*, въ коихъ воляная игра фантазии обуздана условіями вещественности, въ коихъ вымыселъ покорился опредѣленному намѣренію, опредѣленной идее.

Нравственное направленіе, простертое сначала слишкомъ далеко, изсушило было *романъ* до безжизненной аллегорій. Но вскорѣ смѣшная спорная действительность представила фантазии матеріалы, которые она могла обрабатывать эстетически, не измѣняя принятой обязанности наставницы и обличительницы правды. Отсюда *сатирический* тонъ *романа*, проявившійся вдругъ, во всѣхъ странахъ Европы, у Боккаччо и Рабле, у Сервантеса и Чаусера. Это перерожденіе *романа* въ сатирическую картину окончилось на послѣдокъ совершенно пагубою *пародіею* современныхъ нравовъ, коей блистательнѣйшее явленіе представляетъ знаменитый *Жилбазъ Сентиментальный*. Между тѣмъ, съ другой стороны, души болѣе мирныя и крошкѣ, для которыхъ тяжело было только что издѣваться надъ жизнью, старались найти другой источникъ занимательности для *романа*, низведеннаго на степень назидательной повѣсти. Они обратили психологически наблюдательный взоръ на нравственную природу человѣческую и въ поэтическомъ разсказѣ пытались обнажить ее до сокровеннѣйшихъ изгибовъ, въ коихъ зачинаются любопытнѣйшія явленія действительной жизни. Такое направленіе сообщено было *роману* знаменитымъ Брипанскимъ триумвиратомъ прошедшаго столѣтія, когото намятинками остались: *Нелла, Ионаванъ Вильдъ* и *Тристракъ Шанди*. Нѣмцы

простерлись еще далье, опредѣливъ ту же раму для анализа умственной природы человеческой и создавъ такимъ образомъ собственно философическій романъ, продвигавшійся столь блистательно въ *Эдуардъ Альвиль*, *Вильгельмъ Мейстеръ* и *Титаникъ*.

Явно, что сіе направление отклонило романъ слишкомъ далеко отъ первоначальнаго своего назначенія: оно превратило его въ некоего рода дидактической поэмы въ прозѣ. Владычество цели обнаруживалось въ немъ слишкомъ ощутительно: и фантазія, скованная имъ, дѣйствовала несвободно, рабски. Это естественно должно было возбуждать въ ней сожалѣніе о старинной широкой рамѣ рыцарскаго романа, гдѣ она находила себѣ просторъ и волю, гдѣ могла играть вымыслами, какъ угодно, и казать и узорить ихъ единственно для того, чтобы доставлять себѣ удовольствие. Конечно, рыцарскія преданія, позволявшія вельчески помыкать собой, уже признаны были вѣщью, недостойною поэтической обработки: но не ужели не льзя было перешагнуть по ихъ волшебному рисунку и оцѣпить розовымъ ихъ силнѣемъ прозаическую суровую дѣйствительность? Такъ думали и въ душахъ конхъ сохранились останки дѣдовской мечтательности; и въ угожденіе имъ, фантастическое зданіе древняго романа, измѣнивъ содержаніе, осталось при своей прежней формѣ, подобно стариннымъ рыцарскимъ замкамъ, кои, превратившись въ мирныя жилища, сохранили свои зубчатыя стѣны и готическія башни. Сначала, изъ міра дѣйствительнаго, одни только воспоминація древней исторіи были признаны достойными рыцарски-романической обработки: и оныя послужили матеріалами для романовъ *Кальпренда* и *Сюдери*, въ конхъ не-

обузданное своеволие готическаго вымысла впервые смирилось предъ нынѣшними условіями дѣйствительности и покорилося правдоподобию. Это были странныя созданія, въ конхъ приключенія, взятыя изъ Греческой, Римской и Персидской Исторіи, оцѣвплялись фантастическимъ колоритомъ среднихъ вѣковъ и вмѣщались въ узорчатую ткань рыцарскаго эпоса. Здѣсь, въ испинно готическихъ характерахъ и сипуаціяхъ, представлялись тѣже самыя подвиги безкорыстнаго богатырства, тѣже мечпательные воспорги любви, тѣже сраженія долга съ сипрастію, тѣже побѣды великодушія, искренности и кропости надъ злою, обманомъ и варварствомъ, кои составляли сипихю рыцарскихъ временъ и рыцарскаго романа. Но не одними только именами сип новыхъ тканей прицѣплялись къ дѣйствительности: въ сообразность съ современными понятіями; онѣ должны были порабощаться естественному порядку, коего владычество надъ дѣйствительностию утверждалось болѣе и болѣе въ общей увѣренности; и посему чудесное, соспавлявшее душу собственно рыцарскаго романа, уступило въ нихъ свое мѣсто необычайному. Эпосъ первый шагъ повлекъ далье. Древнія воспомнанія замѣнились новѣйшими событіями, и свобода вымысла еспественно должна была сипѣсниться болѣе при ихъ обработкѣ. Но какой-шо спральной судьбѣ, примѣръ дѣвницы Скудери былъ сипшкомъ соблазнительенъ для ея пола во Франціи; и романъ — въ шомъ новомъ видѣ, въ которомъ соспавилъ ея славу — какъ будто съ счастливой ея руки, сдѣлался записною собспвенностию дамъ, ихъ домашнимъ рукодѣлемъ. Это должно было сглаживать съ него болѣе и болѣе спаринную готическую пышность и дружить его пѣснью съ

обыкновеннаго жизнию. Опы узорнаго раскрашванья историческихъ событій оны перешель мало по малу въ пріятный разсказъ придворныхъ анекдотовъ и сплетней, кои больше были и по сердцу и по силамъ любезныхъ писательницъ, между коими Графиня де ла Файеншъ принадлежишь неоспоримо почетное мѣсто. Наконецъ, низведенный такимъ образомъ въ кругъ обыкновенной дѣйствительности, оны свергнуль съ себя совершенно оковы историческихъ ямъ и сдѣлался просю украшенною картинною обыкновенной жизни. Здѣсь единственнымъ предметомъ романтической апоптеозы могла бытъ только любовь, единственная чаровница, коея волшебныя призраки не развѣялись вихремъ времени; и *романы* сдѣлался льпописью ея мечтаній и прихотей, ея сраданій и наслажденій. Такимъ былъ оны у всѣхъ Французскихъ писательницъ прошедшаго поколѣнія, оны сусельки Жанлисъ до мечтательницы Сталь: таковы были *Герцогиня де ла Вальеръ* и *Коринна*. Матерія сія, сколь ни богата сама въ себя, моглабы наконецъ упоминь своимъ однообразіемъ: прошивъ этого придуманы были мѣры. Если пересыпали ужасами, подобно Радклифъ, или приправляли шайнами, подобно Дюкре-Дюменилю, или наконецъ просвѣпляли идеальною мечтательностію, подобно Августу Лафоншю. Наконецъ, когда и эти мѣры оны употребленія потеряли свое дѣйствіе, Нѣмецкія сплетничицы вздумали перевернуть медаль на другую сторону и вмѣсто прежнихъ изображеній шоржества любви извлекашь новые эффекты изъ добровольнаго ея принесенія въ жертву холоднымъ расчетамъ благоразумія. Это подало поводъ къ происхожденію такъ называемыхъ *романовъ самоотверженія* (*Entsagung-Romane*); коими наводнена совре-

менная Немецкая литература. Въ нихъ суровыи Веспалки Парнасса, заклывшесь ненавистью къ романтической любви, засманриваютъ зеленымъ взглядомъ василиска въ тайны сердца и безжалостно закалаютъ его, какъ убранныю цвѣтами жертву, на алтарь эгоизма. Это самое последнее и самое грустное слѣдствіе *сентиментальнаго* направленія *романовъ*!

Явно, что и по и другое направленіе искажило первобытный характеръ *романа*, подчинивъ его вольное развитіе опредѣленнымъ понятіямъ и цѣлямъ. И чтожь было слѣдствіемъ того! Измѣнивъ своему значенію, могъ ли онъ сохранить свое достоинство? Что выигралъ онъ, поперявъ свою, такъ сказать, первобытную поэтическую невинность, чрезъ это несчастное смѣшеніе вымысла съ дѣйствительностью? Онъ не превратился въ испорцію, а переспалъ бытъ *романомъ*: онъ сдѣлался вырождкомъ. Но будучи таковымъ, могъ ли онъ имѣть прочную занимательность? Рѣшительно нѣтъ! И опыты это доказываютъ. При направленіи *красотвенномъ*, вымыселъ долженъ былъ покориться дѣйствительности, служить для ней покровомъ, оболочкой. При *сентиментальномъ* направленіи дѣйствительность должна была поработиться вымыслу и принять его колоритъ. Кровъ того, что подобное смѣшеніе двухъ важнѣйшихъ интересовъ не можетъ быть выгодно ни для одного изъ нихъ — въ обоихъ случаяхъ, не пробуждается ли въ возмужалой душѣ тайное негодованіе, что съ ней поступаютъ слишкомъ дѣтски, когда она видитъ, что ее хотятъ "учить" забавляя или пѣшить обманывая? И дѣйствительно, только для дѣтей умомъ и сердцемъ могутъ имѣть прелесть эти созданія, кои предшествовавшее поколѣніе передало намъ подъ име-

немъ *романовъ*. Мы сами, въ счастливые дни нашей юности, не могли отъ нихъ оторваться: наши мечты, для которыхъ сіи счастливые дни еще дліялись, не отпрыскаются отъ нихъ и понынѣ. Но для возмужавшихъ онѣ теряютъ всю свою цѣну. Только развѣ любознательное вниманіе, доходя до нихъ въ порядкѣ изслѣдованій, съ удивленіемъ измѣряетъ разсѣпаніе, отдѣляющее ихъ отъ древяго корня, съ коего слѣпаютъ онѣ запоздалыми листьями.

Само собою разумѣется, что не эти запоздалыя листья составляютъ всеобщую поипребность *нашего* *вѣка*. По какому-то снранному злоупотребленію, имъ *романа* перенеслось теперь совершенно на особый родъ поэтическихъ созданій, коимъ подобныхъ не представляли ни классическая древность, ни романтическая времена среднія. Это родъ, угаданный и прославленный Вальпером-Скоттомъ.

Созданія Вальпера-Скотта имѣютъ общаго съ *романами* то, что ихъ ткань составляетъ разсказъ поэтическій. Но это имѣе обще и съ *поэмою*. Следовательно, сколькожъ оснований назвать ихъ *поэмами*, какъ и *романами*. И дѣйствительно, превосходное твореніе: *Old Mortality* (*Шотландскіе Пуритане*) — имѣетъ все величіе поэмы: это современная Илиада. Съ другой стороны, нельзя не сознаться, что гошическое зданіе *Иванго* приближается ощупительно своимъ стилемъ и колоритомъ къ роману: это современный Амадисъ! Следующіе очевидно! Произведенія Вальпера-Скотта не *поэмы* и не *романы*: по онѣ имѣютъ пониже смыслъ и поже назначеніе въ современномъ возрастѣ творческой дѣятельности, какое имѣла *поэма* въ древнія Греко-Римскія времена и *романъ* въ средніе рыцарскіе вѣки.

Характеръ современнаго возраста творческой дѣятельности опредѣляется общимъ характеромъ современной жизни. Сей послѣдній состоить въ стремленіи къ гармоническому уравненію противоположностей, на которыя распадается бытіе къ своимъ развитіи. Сообразно съ нимъ, таковоеже должно бытіе и современное направленіе творческой дѣятельности. И классическая древность и романтическая средняго вѣка имѣли совершенно другое направленіе. Выражая собой преобладаніе того или другаго полюса бытія, онѣ и не думали опыскивать для нихъ точку равновѣсія, а помогали только очередному торжеству ихъ. Но сіе торжество не могло бытіе означено характеромъ истины: ибо идеаль, въ приближеніи къ коему состоить сія истина, есть вѣчная гармонія бытія. Посему, въ оба эти періода, поэзія не могла бытіе иначе, какъ вымысломъ. Ей надобно было возвышать всячески сторону, коей она была органомъ, для того чтобы обеспечить насильственное торжество ея. Классическая поэзія хотѣла предсказать челоуѣку работу природы: и, дабы оправдать сію несправедливость, украсила природу всеми прелестями и совершенствами, даже до лучезарнаго величія божественности, въ свѣтлыхъ ликахъ боговъ и богинь Олимпійскихъ. Поэзія романтическая усиливала показаніе природу рабынею челоуѣка: и, для безпечности рѣшиительнаго преимущества сему послѣднему, надѣлила его избыткомъ силъ, простирающихся до сверхъестественнаго могущества, въ фантастическихъ призракахъ фей и чароудевъ. Не таково современное положеніе творческаго духа. Его идеаль есть гармоническое равновѣсіе элементовъ жизни и слѣдовательно сама дѣятельность: отсюда, отличительный ха-

рактерьъ его поэзіи должна составлять высочайшая истина. Это не значить того, что современная поэзія должна быть рабскою копіею действительности: напрошивъ она должна быть вольнымъ ея воспроизведеніемъ, изъ шѣдръ фантазій, сдружившейся съ жизнью до симпатическаго единства. Сообразность съ сею послѣднею или истина должна посему для ней быть не обязанностію, а естественною принадлежностію.

Только три формы поэзіи возможны: *эпическая*, *лирическая*, *драматическая*. Классическая поэзія, проповѣдывавшая владычество природы надъ человекомъ, оказывала рѣшительное предпочтеніе къ спокойной формѣ *эпической*; и богатыя сокровища ея блистательной мифологіи вложены преимущественно въ широкія рамы *эпоса*. Поэзія романтическая, праздновавшая торжество человека надъ природою, любила предпочтительно воспорженный тонъ *лирической*; и ея фантастическіе призраки развились преимущественно въ стройныхъ аккордахъ романсовъ и балладъ, коихъ *романъ* былъ только распространеніемъ. Для современной поэзіи—долженствующей представлять человека и природу въ шѣхъ отношеніяхъ политическаго равновѣсія, въ коихъ они соспоютъ действительно — *драматическая* форма должна быть самою удобною. Но ея подчиненіе сценическимъ условіямъ не представляетъ фантазій довольно простора, въ коемъ она могла бы свободно разбрасывать свои вольныя картины безбрежнаго океана жизни. Попребны были рамы гораздо обширнѣйшія: и Вальтер-Скоттъ угадалъ ихъ. Въ нихъ оправлены все его пиворсія, извѣсныя подъ именемъ *романовъ*.

Романъ Вальтера-Скотта не принадлежитъ соб-

снвенно ни къ *эпической*, ни къ *лирической*, ни къ *драматической* поэзіи; но есть общія икъ цѣлость. Сообразно своему назначенію — представлять жизнь въ ея совершенномъ равенствѣ съ собою или въ высочайшей ея истинѣ—онъ расплывается широкою панорамною, соединяющею всѣ поэтическія почки зрѣнія и представляющею совокупность всѣхъ поэтическихъ очарований. Въ немъ соединяются посему: *эпосъ, пьеса и драма*. И именно —

Опъ поэзіи *эпической* заимствуешь онъ *историческую изобразительность*. *Романъ Вальтера-Скотта* есть *эпосъ* — поэтическое сказаніе, въ коемъ излагается хронологически послѣдовательный рядъ событій, представляющихъ характеристическую исторію челоѣчества въ извѣстный моментъ бытія его. Онъ имѣетъ и обширность и разнообразіе и многосложность *эпоса*: даже превосходитъ ее въ эпосѣ отношеніи; ибо можешь дозволять себѣ болѣе вниманія къ мѣлочнымъ подробностямъ, если находишь ихъ нужными для полноты и ясности. Точно также какъ въ эпосѣ, сіе многоразличіе матеріаловъ, входящихъ въ составъ романа, имѣетъ средоточіе свое въ герой, судьба коего составляетъ посему главную основу всей его пикантн. Но эпосѣ герой можешь и не быть, какъ тамъ; избраннымъ любимцемъ; въ жертву коему приносились бы всѣ прочія лица. Наровнѣ съ ними носился онъ по морю жизни: и только рѣзкія черты характеристической фазіономіи заслуживаютъ ему предпочтительное вниманіе. Прочія лица, не теряя своей самобытности, соподятъ съ нимъ въ болѣе или менѣе тѣсныхъ сношеніяхъ, съ собственнаго вѣдома и произвола, или даже безъ вѣдома и произвола, но никогда безъ доспапочныхъ причинъ, на-

ходящихъ естественное изъясненіе въ характеръ лицъ или въ ходъ обстоятельствъ. Коротко сказано, *романы* разспилаются огромною историческою картиною, коей всѣ части подчинены пропорціямъ общаго размѣра и расположены въ одной общей перспективѣ.

Опъ поэзіи *мирической* заимствуетъ онъ *романтическое одушевленіе*. Въ *романѣ Вальтера-Скотта* происшествія и лица представляются не съ тѣмъ спокойнымъ хладнокровіемъ, какъ въ мраморныхъ изваяніяхъ эпоса. Онъ согрѣваются теплотою жизни, возбуждающей къ нимъ сердечное участіе. Черезъ романическое столкновеніе оспрапей и прихотей представляемыя лица приводятся въ совершенно *мирическую* ситуаціи; имъ предоставляется тогда полная свобода изливать свою душу и обнажать сокровеннѣйшія тайны своихъ завыпныхъ думъ и чувствованій. Въ эпломъ отношеніи, *романъ Вальтера-Скотта* оспается оспаси вѣрнымъ своему имени: ибо, подобно насполицему *роману*, представляетъ исторію сердца. Только въ немъ гораздо болѣе положительности, болѣе вниманія къ вещественнымъ условіямъ жизни. Сердце представляется въ немъ, не во всей ээирной свободѣ идеальнаго самозабвенія, а подѣ игомъ вышнихъ жипейскихъ ограниченій. Онъ не забываетъ, что предметъ его не вольная поэзія уединенной души, а мѣрная проза общественной жизни.

Наконецъ опъ *драматической* поэзіи заимствуетъ онъ *живую дѣятельность*. *Романъ Вальтера-Скотта* не есть группа спатуи, приводимая въ движеніе всемогущею силою рока: онъ напрошивъ еспь позорище, на которомъ живыя лица дѣйствуютъ сами изъ себя, своими внутренними силами. Начало свободы господствуетъ въ немъ, какъ въ драмѣ. Судьба смиряется

предъ самостоятельностью дѣйствующихъ лицъ: и давленія, производимаго внутреннею пляжестію ихъ характеровъ, доспащочно для того, чтобы приводить въ движеніе весь механизмъ романа. Случай является иногда къ нимъ на помощь, но допускается къ участию не иначе, какъ по ихъ личному или пайному согласію. Словомъ сказать, *романъ Вальтера-Скотта* ни съ чѣмъ болѣе не имѣетъ сходства, какъ съ драмою. Онъ отличается отъ ней только болшею обширностію и болшею медленностію въ развитіи; ибо, не ограничиваясь никакими предѣлами пространства и времени, дозволяетъ себѣ двигаться не въ однихъ только характерахъ и дѣяніяхъ, но сколько-нибудь или еще болѣе въ помыслахъ и происшествіяхъ, кои развиваются плше и медленнѣе.

Въ силу столь тѣснаго внутренняго общенія со всѣми прямиа родами поэзіи, *романъ Вальтера-Скотта* присволяетъ себѣ полную свободу принимая и наружныя формы всѣхъ ихъ безъ различія. Ему равно дозволяется и *эпическая* форма разсказа и *лирическая* форма переписки и *драматическая* форма разговора.

И такъ собственнымъ отличительнымъ характеромъ рода созданій, прославленнаго великимъ Шопландцемъ, состоятъ въ томъ, что онъ предоставляетъ полную картину жизни, въ ея дѣятельномъ развитіи, строго подчиняясь всѣмъ вещественнымъ условіямъ, но между тѣмъ предоставляетъ себѣ свободный выборъ и ускореніе занимательныхъ точекъ зрѣнія. Сія послѣдняя, собственно *романическая* черта, отдѣляетъ его существенно отъ *исторіи*, которая не власна никакъ распорядиться изображаемыми явленіями жизни, а обязана представлять ихъ подъ однимъ непреодолимымъ угломъ естественной перспективы. Онъ

есль также *исторія*—но отраженная не въ прямомъ, а искусственно усprosномъ зеркаль, гдѣ явленія сохраняютъ свою физиономію и цвѣтъ, но перемѣняютъ относительное положеніе свое другъ къ другу, для образованія цѣльной картины, сообразной съ предположенною идеєю.

Въ этомъ смыслѣ понимаемый *романъ* соспавляетъ общую потребность *нашего вѣка*, коей онъ не можетъ спыдиться; и съ этой почки зрѣнія мы рассмотримъ теперь новое произведеніе *Загоскина*, который одинъ еще пока вводитъ нашу словесность въ соревнованіе съ прочими Европейскими липературами для удовлетворенія сей общей потребности.

(огонганіе слѣдуетъ)

VIII.

БИБЛЮГРАФІЯ.

— УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, *находящихся на первой Московскоѣ Выставкѣ, 1831 года. Москва, въ тип. С. Селивановскаго, 1831.*— ДОПОЛНЕНІЕ. *Москва, въ тип. С. Селивановскаго, 1831.*— Кто изъ бывшихъ въ Москвѣ прошлою весною не былъ на Выставкѣ? Кто не любовался этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ народнаго трудолюбія и смышленности, догоняющей такъ быстро Европу на пути усовершенствованія? Кто при видѣ столь многочисленныхъ и столь блистательныхъ памятниковъ настоящаго и залоговъ будущаго шоржества просвѣще-

нія, такъ недавно еще разсвѣнувшаго надъ нашимъ опечесивомъ, не преклонялся предъ могуществомъ Русскаго духа, не гордился Русскимъ именемъ?

Мы ругаемся за чувсва Русскихъ, за наши чувсва. Московская Выспавка была для насъ неспощимымъ испочникомъ наслажденія. Во все время ея открытія огромныя залы Благороднаго Собранія были наполнены посѣлителями, кои, если приходили туда съ однимъ холоднымъ любопытствомъ, то, переступая первый порогъ, разоцувались навѣрно теплымъ участіемъ. Это путешествіе, какъ будто по излучистому лабиринту, между спѣлами, вѣшалками и горками, расположенными въ симметрической стройности и убранствами, со всею прелестью изящной драпировки, блестящимъ разнообразіемъ несмысленныхъ издѣлій промышленности, производило непреодолимое очарованіе. Взоры терялись, не зная, на чѣмъ остановиться; и только слышались отовсюду восклицанія: «c'est charmant, délicieux, superbe! прекрасно, превосходно!» Свобода покупать выставленные издѣлія произвела какую-то всеобщую жадность; ихъ брали на расхватъ; желаніе имѣть у себя что-нибудь съ Выспавки сдѣлалось временною необходимостію, модною болѣзнію. Ахъ! еслибы эта эпидемія, излечиваемая домашними средствами, обратилась совсѣмъ въ хроническій недугъ; тогда самыя скупыя матери и самыя брюзгливые мужья долговѣе не подумали о караванникахъ мѣрахъ для кошельковъ своихъ!

Но не всѣ приходили на Выспавку за однимъ только удовольствіемъ. Иные, налюбовавшись въ сладость успѣхами опечесивенной промышленности, пересматривали выставленные издѣлія вновь, съ болѣе спокойнымъ вниманіемъ, дабы на основаніи ихъ, опредѣливъ на-

стоящую степень развитія народной дѣятельности, обратъ вѣрнѣйшія надежды для будущности. Облегченіе средствъ для подобныхъ соображеній составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей, предполагаемыхъ при Выставкѣхъ. Не лзя однако сказать, чшобы расположеніе нашей Московской Выставкки показывало особенное вниманіе къ этой цѣли. Вещественный порядокъ, по которому произведенія промышленности, слѣдуя другъ за другомъ, представляютъ одну непрерывную лѣспвицу, удобообъемлемую однимъ умственнымъ взглядомъ, можетъ быть, съ намѣреніемъ, былъ пожертвованъ въ ней эффекту. Она представляла зрѣлище прекрасное, но не усовершенное, по началамъ Технологіи, въ одну правильную систему. Наблюдатель возвращался съ ней, обогащенный многими любопытными подробностями, но не съ дѣльнымъ взглядомъ на состояніе отечественной промышленности.

При появленіи книжки, названной *указателемъ произведеній отечественной промышленности*, мы надѣялись найсти въ ней эпо важное опущеніе восполненнымъ и предполагали, что она доставитъ наблюдателю вѣрный компасъ, при руководствѣ коего онъ не заперяется въ этомъ несмыслномъ разнообразіи. Но къ сожалѣнію, надежды наши не сбылись, предположенія не оправдались. Эпо простой рееспръ, безъ всякаго порядка и единства. Сначала онъ какъ будно слѣдуетъ порядку размѣщенія издѣлій на Выставкѣ; но потомъ перепасовываетъ ихъ между собою, ни то съ намѣреніемъ, ни то безъ намѣренія—Богъ вѣсть! Упомянутыя въ немъ *отдѣленія* для произведеній промышленности удивительно какъ странны. Такъ н. п. одно *отдѣленіе* (XVIое) назначено для *машинъ и разныхъ инструментовъ*; другое (XVIIое)—для *физическихъ и математич-*

тескихъ инструментовъ(!); прѣстѣ (XVII Пос)—для *хирургическихъ инструментовъ*(!!); и п. п. Особенножь пзумило насъ послѣднее *отдѣленіе* (XXXое), назначенное для *разныхъ предметовъ* (!?), къ коимъ описаны подъ рядъ: *картины, образа, духи, помада и горчица* (!!!). Коротко скажешь, для любопытнаго наблюдателя, Московская Выставка и при этомъ *указатель* оспашетъ лѣсъ лѣсомъ.

Съ неперпѣиємъ ожидаемъ полного описанія ея, порученнаго, какъ увѣряють, Князю П. А. Вяземскому. Мы надѣемъ, что это описаніе представитъ въ полной и стройной картинѣ разнообразнаго произведенія опечесивенной промышленности, бывшія для насъ предметомъ папріотической гордости и наслажденія, такъ что вниманію легко будетъ, окинувъ ихъ однимъ могущественнымъ взглядомъ, опредѣлить наспоющее соснодіе, угадать будущія потребности и, сообразивъ со средствами и способами, достигнуть идеала полного развитія Русской народной дѣятельности.

— одесскій альманахъ на 1831 годъ, *изданный П. Морозовымъ и М. Розбергомъ. Одесса, въ Городс. Типографіи, 1831.*—Привѣтствуемъ радосшно эпу первую гирлянду цвѣтовъ съ береговъ Евксинскаго Поша. Они и свѣжи и благовонны и, что наконецъ всего пріятнѣе, по большей часи, дышатъ югомъ родины. Эпа послѣдняя черта въ нашихъ глазахъ даетъ ей рѣшительное преимущество предъ всеми прочими сборниками, являющимися подъ именемъ альманаховъ: ибо мы видимъ въ ней не простую вязанку всякаго злака и былія, а начашки литературной жатвы цѣлаго края, должесивующаго имѣть свою собственную, особенную, характериспическую фязіономію. Посему мы сочли бы

даже измѣненными наши чисто сѣверные цвѣты, къ нимъ приплетенные, еслибы не уважали въ нихъ залогъ братскаго союза — коимъ да освящаются все явленія жизни, развивающейся въ безмѣрномъ пространствѣ нашего отечества!..

Прозантесная часть альманаха ознаменована преимущественно эпитомъ характеромъ мѣстности. Статьи, составляющія ея, почти все имѣютъ отношеніе къ Одессѣ, или вообще къ южному краю Россіи, кою она теперь средопочіемъ и предстательницею. Одна изъ нихъ слишкомъ уже важна и учена для альманаха: это розысканія *о предполагаемомъ мѣстоположеніи Діанна Храма въ Тавриду* (298—307), знаменитаго нашего археолога *И. П. Блара-Либера*. Другія довольно сухи и мало оживлены, какъ статьи объ *Одессѣ* (1—39, 45—73) одного изъ Издателей альманаха. Но *отрывокъ изъ походныхъ записокъ* (351—359) *Пацковскаго*, содержащій воспоминанія о Бухарестѣ, и *письмо изъ Крыма* (110—131) *Теплякова* — написаны живо и заманчиво. *Раданье и Индартъ, Спасскій Расказъ* (194—219), *отрывокъ изъ древней Греческой рукописи, И. А. Сталтковскаго*, воскрешаетъ преданія опдаленнѣйшей древности, почивающей уже цѣлыя тысячелѣтія сномъ непробуднымъ, на берегахъ Ворисона и Ипаниса. Не дурно рассказана *жизнь Говарда* (132—152); незабвеннаго въ льпописяхъ Новороссійскаго края, *Левиншлягъ*. Но первое мѣсто между всеми прозаическими статьями неоспоримо принадлежитъ *письму изъ Одессы* (386—405), подъ фирмою Р.*** Оно содержитъ въ себѣ краткій отчетъ о путешествіи изъ Москвы въ Одессу и первый свѣжій взглядъ на эпоху, говоря его же словами, *илипровизированный городъ*. Все это передано въ немъ съ одушевленіемъ поэтическимъ и языкомъ воле-

нымъ, смѣлымъ, рѣзкимъ. *Картины Стюарта* (220—229), *Ө. Н. Глижи*, получающъ особенную занимательность отъ того, что находятся вмѣстѣ съ картинами юга.

Изъ произведеній собственно *поэтическихъ*, въ стихотвореніяхъ *Теплякова* преимущественно слышится это южнаго вдохновенія. Между ними особенно замѣчательна *вторая Эракійская Элегія: Толмъ* (157—160). Это — поэтическое видѣніе швыи Овидія. Стихъ ея легкокъ и звученъ: но ткань нѣсколько растянута и однообразна. Прочія стихотворенія собраны съ нашего сѣвера. Между ними съ удовольствіемъ прочитали мы *первый прологъ Гетеса Фауста* (310—319), переведенный *А. Шишовымъ* *Эль, Оццпанную Ворону* (240—242), басню, сочиненія того же *Шишова*, замѣчательную особенно своимъ нравоученіемъ, и *Прометей* (106—107); подражаніе Байрону, *М. Юз*. Но въ *Сельской Вечерѣ* (259), *Ө. Н. Глижи*, намъ бы не хотѣлось бытъ свидѣтелями слѣшкомъ прозаическаго, такъ сказать, *оземленія* фантазій, знакомой съ высшими источниками вдохновенія, а въ стихотвореніяхъ *Языкова*—(*Весенняя ночь, Элегія и Перстень*)—даже болшо было видѣнь эпощъ благовошней онміамъ свѣпанаго одушевленія, сожигаемый на жертвенникъ недошпойномъ. Переводъ изъ *Валлекрода* (74—104), *Вронченко*, поразилъ насъ также не малымъ изумленіемъ. Мы не узнали переводчика *Дзидовъ* и *Гамлста*. Языкъ Русскій оказываетъ ему удивительщую непокорность. Иногда встрѣчается такая разсѣпановка словъ, что изумила бы Тредіаковскаго и Рубана: такъ п. п. въ слѣдующихъ стихахъ:

Кого правосуднымъ рѣшеньемъ

Святыхъ твоихъ знаками *леуъ* облечемъ;

Кто рати достойно *Петровымъ* управитъ *летель*

И въ бой *предъ* невѣрныхъ полжали
 Съ *свлицетельми* спанеть небесь *зладепали*?
 Сыны же земли да смрытъ и сердца и уста
 Предъ *нужемъ*, котораго перси *звѣдой* осянлтелс
крести! (23)

Попадающися ипакже новыя слова, весьма неудачной
 стройки; какъ и. п.

Днесь Христіанство, *подложникъ* земной
 Превѣчнаго Трона; (82).

или :

Завернуть въ плащъ, покуда не *задылетъ*; (92)

или еще :

Надзорникъ лишь недвижимъ, впереди. (82)

Не менѣе странности въ иныхъ сочетаніяхъ выраже-
 ній, назначающихся для соснавленія цѣльнаго образа :
 такъ и. п. въ одномъ мѣстѣ *змію* даешя *скользяка персь*
 (95); въ другомъ *лѣтлю* оспавляется одно только *око*
 (84), такъ что эпостъ бѣдный починъ пупшикъ, пожало-
 ванный однажды на нашемъ Парнассѣ въ *плышисысѣ*, те-
 перь объявляется *одноглазымъ*. Но за всѣ эти небольшія
 непріятности *Одесскій Альманахъ* вознаграждаетъ
 спорницею, обогативъ част. истинно безцѣннымъ пер-
 ломъ, одою *Державина*, которая досель была неиз-
 вѣстна. Ея предметъ — *человѣкъ*. Вотъ она:

Изъ пѣдръ глубокихъ водъ сребристыхъ
 Лапоны гордый сынъ грядеть;
 Съ власовъ румяныхъ и волнистыхъ
 Сафиръ, лазурь и пурпуръ лѣтъ.
 Лучи съ струями водъ смѣшались,
 По грозной влагѣ разливались;
 Блестятъ, какъ молніи, во мгль,
 Какъ огонь блестятъ въ кристалъ.

Сидя въ молчаніи глубокомъ,
 Чело на длань я преклонилъ —
 И мыслію, разсудкомъ, окомъ
 Къ непостижимости парилъ;
 Опъ ада къ небесамъ взывался,
 Какъ искра въ облакахъ перялся,
 Какъ капля въ океанъ водъ,
 Какъ въ вѣчности прошекшіи годъ.

Природа вся еще дремала,
 На лоно сна облокотясь,
 Нева едва въ брегахъ мелькала,
 Съ журчаньемъ тихимъ въ Бельшь ліясь;
 Спруи, какъ вѣтерки, клубились,
 Въ пучину, не-хотя, спремались,
 И въ чистый превращаясь хрусталь —
 Горять, какъ въ яркомъ горнѣ спаль.

Пушемъ, лазурью покровеннымъ,
 Фебъ гордый выше восходилъ;
 Перстомъ румянымъ, позлащеннымъ
 Небесны своды золотилъ;
 Лучи въ окно ко мнѣ мелькали,
 Огни на люстрѣ рисовали —
 Тамъ яхонтъ, пурпуръ, тамъ кораль,
 И блескъ мгновенно исчезалъ.

Песчинка малая въ пучинѣ,
 Гигантъ и карликъ — человекъ —
 Воззри — и въ сей найдешь картинѣ
 Свой крапкѣй, преходящій вѣкъ:
 Какъ солнце упрямъ ты сілешь,
 Какъ тѣнь съ зарею исчезаешь;
 Ты живъ; коль огонь свой свѣтъ ліешь,
 Ты мертвъ, когда перестаетъ!

Ты строишь, рушишь, создаешь,
 Какъ Богъ всемошною рукой;
 Міры десницею попрясаешь,
 Грозами правишь, ипниной;

Ты мыслью бездны проникаешь ,
 Ты персть — и съ перстью испльваешь;
 Паришь подъ землю, къ солнцу, въ адъ —
 Ты прахъ, пы мощный Энкеладъ?

Ты силою воображенья
 Постигъ теченіе планетъ,
 Исчислилъ мѣру ихъ движенья,
 Обнлаъ ихъ свойспва, мракъ и свѣтъ.

.....

Ода сія оспалась недокончанною. Подъ ней не пужно подписывашь имени, чпобы узнать, кому она принадлежишь. *Державинъ* въ ней выражается,

Какъ солнце въ малой капль водъ !

Изданіе *Одесскаго Альманаха* дѣлаеть честь пиннографіи импровизированнаго города. Къ нему приложены: портретъ *Герцога Ришелье*, видъ *Одесскаго приморскаго бульвара*, видъ *пристани Кугун-Лалевата*, *Партеитты и горы Аюдагъ*, карта, изображающая часть береговъ *Тавриды* и двое нощъ: однъ на *Татарскую пльню* (слова *Теплякова*, музыка *Бороздиной*), другія на *романсъ* (слова и музыка *Вронченко*).

—МЕРТВЫЙ ОСЕЛЪ И ОБЕЗГЛАВЛЕННАЯ ЖЕНЩИНА. 2 Части. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ Унивсрс. Типографіи 1831.—Ужасное импературное чудовище, порожденное въ припадкахъ люпѣйшаго ожеспоченія на жизнь и на все живущее! Въ нашъ вѣкъ всеобщаго разочарованія, презрѣніе и неависпъ къ жизни, явленія не слишкомъ рѣдкія! Особенно въ мшупны поэпическаго одушевленія, когда трупъ бытія, освѣщенный яркимъ факеломъ фанпазін, предспаеть во всей ужаасающей нагопль своей, черная желчь разливаешь въ душъ, не укрьпленной свѣпмою вѣрою и

живымъ упованіемъ. Отсюда эпидемическое расположеніе современной поэзіи къ убійственному сплуну, коего причину должно полагать не въ одномъ заразительномъ примѣрѣ Байрона. Во Франціи, по сю пору, это расположеніе не имѣло многихъ жертвъ. Но примѣръ Виктора Гюго, корифея современной Французской поэзіи, былъ слишкомъ соблазнительнъ; и разсматриваемое теперь нами созданіе представляеть почти нес plus ultra мизантропическаго ожесточенія.

Произведеніе сіе сначала было принято за пародію на *Послѣдній День Приговореннаго къ смерти*. Но это не пародія, а продолженіе — впорыи актъ ужасной пытки, начатой Викторомъ Гюго надъ бѣдною природою человѣческою. Въ твореніи Виктора Гюго представлена только льгота медленной физической смерти: она богата раздрающими подробностями, но не совсемъ безопрадна; ибо представляеть сокрушеніе природы человѣческой подъ неодолимымъ могуществомъ вѣшняго насилія, послѣ долговременной борьбы съ нимъ—изображаеть ея, такъ сказать, паденіе на полъ битвы. Но разсматриваемое нами произведеніе есть ужасная картина смраднато гніенія нашего внутренняго организма—того, что человѣческая наша природа имѣеть драгоцѣннѣйшаго и священнѣйшаго. Съ безжалостнымъ жестокосердіемъ выставляеться въ немъ на позоръ правдивная жизнь наша въ своихъ благороднѣйшихъ явленіяхъ. Нилучшій цвѣтъ ея, прелестная дѣвушка, хладнокровно провожаеться изъ свѣтлаго рая ангельской невинности, чрезъ весь пропасти развращенія и злодѣйства, на заслуженную гильотину. Это варварское зрѣлище обставлено декораціями, равно ужасными, задушающими постепенно всякую вѣру въ достоинство человѣческое. Хотѣли ли пройтить вече-

ромъ по бульвару съ злосчастнымъ неависпнякомъ? Какая отвращительная перспектива предъ вами развертывается! »Я начиналъ въ Баспиліи«—говорить онъ, съ убійственнымъ хладнокровіемъ. »Тамъ развратъ еще скромнѣе, еще не такъ ласкъ . . . начинается съ какого нибудь ребенка, поющаго срамную пѣсню, для удовольствія мажорсовъ и приказныхъ. Идите далѣе . . . развратъ другого рода: черненькой передникъ, бѣлые бумажные чулочки, простенькой чепчикъ, скромный и бѣглый взглядъ, медленная и боязливая поступь . . . крадется по стѣнкѣ, какъ будто опасаясь встрѣчи съ чумнымъ. Далѣе развратъ нарядный . . . потомъ развратъ юности: шаль, приданная шестъ лѣтъ, наемная карета, спектакль и студентъ, промотавшій все претное жалованье . . . наконецъ, развратъ большаго барина: молодая и видная женщина, очаровательная и нарядная, однимъ словомъ — шанцовница . . . Теперь развратъ являющійся во всей силѣ . . . У перекрестковъ спарухи предлагаютъ вамъ соблазненныхъ своихъ дочерей; шупъ доперейные дома . . . Взгляните вверхъ—какое освѣщеніе! . . . откуда оно? изъ игрецкихъ и публичныхъ домовъ. На самой высотѣ этой башни дѣлаютъ фальшивую монету: а тамъ на углу, жена рѣжетъ своего мужа, сынъ обкрадываетъ отца . . . слышите ли! Какой ужасной звукъ! . . . Ничто тяжелое упало въ Сену: то можетъ быть молодой человекъ . . . его несутъ по теченію . . . послѣ запра его найдутъ въ сѣнхъ у Сен-Клу!» (I. 52-55). Ничъ! Это уже слишкомъ . . . Но для испуганной фантазіи опроверженнаго, падшаго духа—и этого еще мало! Она попридаситъ своимъ пламенникомъ надъ прелестнѣйшими, умилительнѣйшими явленіями нашей жизни: и — на

ныхъ оспѣивается адское зарево!... Не смотрите на эту веселую игру любви, дышущую невинностью (II. 106-110): проба гильотины! Отвернитесь отъ этой прекрасной картины мирнаго семействскаго счастья (II. 147-155): это комцапа палача!... о! horrible! horrible! horrible!... Это медленное перзаніе, разъятіе, такъ сказать, по суставамъ внутренняго нашего организма, безжалостное похребленіе всего, чѣмъ красуется наша жизнь, чѣмъ гордился духъ нашъ — что значить предъ нимъ « операція камелной болѣзни » или « препанировка черепа » (I. 83)?

Во Франціи, крипика изъявила справедливое негодованіе на это преступное *lèse-majesté* челоѣческой природы. Но у насъ на Руси, *Сверная Пчела*, вздумавъ, при увѣдомленіи, о переводѣ подать свой мушкетный голосъ, насмѣшила весь народъ православный. Нацѣпавъ другъ на друга множество длинныхъ ципащъ изъ различныхъ Нѣмецкихъ писателей, она не сказала ни слова о дѣлѣ; такъ что многіе, прочитавъ, усумнились — *мертвого ли осла* это рецензія?...

Что касается до перевода, то языкъ Французскаго подлинника отличаетсѣ какою-то энергическою дикостью, которой на Русскомъ непримѣнно и пѣни. Грѣшно бѣ однако было слишкомъ на него свѣщавать. При всѣхъ типографическихъ ошибкахъ, его можно читать — хотя кой-гдѣ съ расстановкой, но за то — вездѣ почти съ смысломъ.

— КРЕСТНАЯ МАМЕПКА, комедія - водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Скриба, Локруа и Шабо. Съ Французскаго перевелъ Д. Ленскій. Москва, съ типографіи А. Селсена, 1831. — Усердіе Г. Ленскаго, обогащающаго

неупоминимо репертуаръ нашъ удачными переводами Французскихъ театральныхъ новостей, особливо водевилей, заслуживаетъ справедливую благодарность. Между многочисленными его трудами, *Крестная Мамзельна* принадлежитъ къ лучшимъ. Публика давно уже любуется ею въ представленин, которое повторяется весьма перѣдко. Что же послѣ того сказать о крикушѣ, не постыдившемся, при появленіи ея въ печати, обругать Г. Лискаго дюжиннымъ переводчикомъ, ни за что, ни про что? Конечно, это не споминъ того, чпобы сердиться! Мало ли что бываетъ на свѣтѣ? И на театрѣ. Эдуардъ поетъ *Крестной Мамзелькѣ* :

Я чувствую все бѣшенство мое!
 Чего хочу — я самъ не понимаю...
 Такъ я бѣшусь ужасно на нее...
 А почему? и самъ того не знаю (54).

Къ книжкѣ приложень портретъ *Гжи Львовоу-Силецкой*, украсившей, по выраженію переводчика и по нашему мнѣнію, сію піэсу своею *отличною* игрою.

— Schiller's Leben, verfaßt aus Erinnerungen der Familie, seinen eignen Briefen und den Nachrichten seines Freundes Adener. Erster Theil. Stuttgart und Tübingen, in der F. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1830. (жизнь шиллера, составленная изъ семейственныхъ воспоминаній, собственныхъ его писемъ и извѣстій друга его Кернера. Часть Первая. Штутгартъ и Тюбингенъ, у Котты, 1830.)— Эта біографія Шиллера отличается отъ другихъ преимущественно письменными документами. Просто, опкровенно и вѣрно изображены въ ней важнѣйшіе моменты жизни, и имѣющіе юность великаго поэта,

безделье всякой риторической и сентиментальной прикрасы. Если в чем можно упрекнуть эту биографию, то разве в излишестве некопированных слишком мвлочных подробностей, которые могли бы быть занимательны в кругу семейственномъ, но не для публики и потомства. Однако и между письмами, въ которыхъ говорится объ однихъ только семейственныхъ происшествіяхъ, о женщинахъ, дружбѣ и визитахъ, попадаются такіа, въ которыхъ рѣчь идетъ о знаніи и искусствѣ, въ которыхъ говорится не обыкновенный только семьянинъ и человекъ, а гений. Онъ еще вмѣютъ по преимуществу, что въ нихъ поэтический характеръ *Шиллера* выражается искреннѣе и открытѣе. Такъ и. п. весьма имперечно его слѣдующее признаніе, свидѣтельствующее ясно, какого личнаго участія опы поэта преобладали онъ для поэзіи. » Эпо неоспоримая истина « — говоритъ онъ — » что мы должны быль друзьями своихъ героевъ, когда намъ слѣдуетъ въ нихъ *трепетать, кивать, плакать, отчаиваться*; что намъ должно представлять ихъ, какъ людей, существующихъ вѣкъ насъ, повѣряющихъ намъ свои сокровеннѣйшія чувствованія и изливающихъ въ нашу грудь свои спраданія и радости. Такимъ образомъ наше *чувствованіе* есть только отраженіе, не первобынное, а симпатическое ощущеніе. Мы поэты *тогда* преимущественно и прогаемъ и попрысаемъ и воспламеняемъ, когда сами чувствуемъ подобный *ужасъ* или подобное *состраданіе* къ нашимъ героямъ. Одинъ великій философъ, котораго я не могу теперь припомнить, сказалъ, что симпатія возбуждается вѣрнѣе и сильнѣе симпатіею. Нынѣ я понимаю это изреченіе во всей его ясности. Поэтъ долженъ быль *не только живописцемъ* своего героя—онъ долженъ быль

его любовницей, задумчивым другомъ. Нежности любящаго схватывается тысячи спончайшихъ ошибокъ, ускользящихъ отъ пронципальнѣйшаго наблюдателя. Кого мы любимъ, въ томъ добрую и худую спорону, счастье и несчастіе, чувствуемъ гораздо обширнѣе и полнѣе, чѣмъ въ томъ, кого не сполько любимъ, сколько знаемъ. По этому Юлій Тарентскій прогальменя гораздо больше, чѣмъ Эмилія Лессингова, хотя Лессингъ безъ всякаго сравненія лучшій наблюдатель, чѣмъ Лейзевицъ. Но онъ былъ только зрителемъ своихъ героевъ, а Лейзевицъ былъ ихъ другомъ. Поэтъ долженъ быть, если можно такъ сказать, своимъ собственнымъ читателемъ, и, если онъ работаетъ для сцены, своимъ собственнымъ партеромъ и публикой.»

Если здѣсь *Шиллеръ* показываетъ намъ одно изъ прекраснѣйшихъ свойствъ своего сердца, то съ другой спороны обнаруживается формальный недостатокъ, подвергавшійся часто осужденію въ его драматическихъ твореніяхъ. Для избѣжанія сего недостатка, онъ бы долженъ былъ присокупить къ изложенному правилу только слѣдующее. Хотя поэтъ долженъ читать величайшую нежность къ своимъ героямъ, но онъ не долженъ ее показывать явно; ему должно предешавлять только досполубезопаснѣе герою, а не собственную свою любовь къ нему; онъ долженъ всеми средствами дѣйствовать на чувство читателя, но никогда не предварять его въ чувствованіи.

Не лзя не сказать, что *Шиллеръ*, въ избыткѣ своего сердца, не всегда наблюдалъ это правило; но то, что у него было прекрасною слабостью, сдѣлалось въ его подражателяхъ опвратительнымъ порокомъ, какъ всегда случается съ великими мастерами, чьихъ малѣйшее уклоненіе отъ правилъ обращается въ

ложную манеру для школы. Съ тѣхъ поръ въ трагедіяхъ и романахъ появилось безчисленное множество героевъ и героинь, кои, вмѣсто того чтобы возбуждать удивленіе, дивятся сами себя, вмѣсто того чтобы прогнать другихъ, сами собою распротгиваются, и не только заставляютъ публику собой любоваться, но сами еще болѣе любуются.

Нѣжная дамская ручка, занимавшаяся составленіемъ эпои новой біографіи *Шиллера*, смѣла съ юношеской его жизни все, что могло показаться слишкомъ дико и буйно. Не лѣзя обвинять ее за то; но не лѣзя вмѣстѣ не сознавъ, что здѣсь именно по этому приличію бы была рука мужская, чѣмъ женская. Творца *Разбойниковъ* мы не можемъ представлять себѣ слишкомъ крошкитъ, тихитъ, смиреннитъ: въ то время, какъ онъ писалъ *Разбойниковъ*, мы необходимо представляемъ его дерзкитъ, буйнитъ, своевольнитъ. И дѣйствительно таковъ былъ тогда Шиллеръ: это можно доказать многими анекдотами, которые теперь еще ходятъ въ устахъ его академическихъ поварищей. Будучи слишкомъ далеки отъ того, чтобы полагать какую-нибудь важность въ біографическихъ мѣлочахъ, когда онъ не касается мужей, дѣйствовавшихъ на позорищѣ общественной жизни, мы желаемъ сколько возможно менѣе знать о маловажныхъ подробностяхъ частной жизни поэтовъ; ибо ими почти всегда оправдывается *Шиллерово* изреченіе:

Es liebt die Welt, das Strahlende zu schwärzen

Und das Erhabne in den Staub zu ziehn.

Но, прилившись однажды за біографію поэта, должно быть сколько возможно искренне и вѣрно. (Р. В.).

IX

кто вы? что вы?

Lequel préférez-vous? Aucun d'eux, je le jure!

VOLTAIRE.

Кто вы, мой чинапель? Какого пола и званія? Гдѣ родились и какъ воспитывались? Много ли вамъ лѣтъ? Какія привычки у васъ? Сверкаетъ ли въ вашихъ глазахъ лучъ того небснаго огня, который въ просторѣчи слыветъ умомъ? Сильнѣ ли обыкновеннаго бьется сердце ваше, когда видите вы спраданаія слабаго, несправедливостъ сильнаго; когда слышите высокую мысль, вдохновенной стихъ? Мнѣ бы очень хотѣлось познакомиться съ вами: а за чѣмъ — вы вѣроятно угадаете, если только одарены какою нибудь смѣливостію. Я желалъ бы выступить съ перомъ на поприще жизни нравственной, желалъ бы найти въ ней лекарство отъ неупышшой тоски, отъ невыразимой скуки, которая такъ неупомимо преслѣдовала меня по всѣмъ безполковымъ увеселеніямъ шумнаго свѣта. Но какъ писать, не зная васъ? Эта мысль мучительна. Ни днемъ, ни ночью не даетъ она мнѣ покоя. Очень спрашу запереться въ уединенной комнатѣ и, забывая людей, не думая о чинапель, писать—писать, что взбрететъ на умъ и что называется вдохновеніемъ. Первое дѣло—вы, а не вдохновеніе; ваши слезы, ваша улыбка—вошь; по моему, единственная цѣль писателя.

Горе тому, кто не познакомился съ вами, не изучилъ васъ; кто не смопритъ вамъ въ глаза, не ухаживаетъ за вами, какъ некогда я, влюбленный въ ше-

спинадцатиплѣтнюю красавицу, ухаживалъ за всѣмъ причепомъ ея безчисленною родни. Когда вы держите книгу, то бываєте подъ часть своенравны, какъ женщина, мстительны, какъ Ипаліянецъ, и щедры на смертные приговоры, какъ Египетской Паша. Инымъ кажется непонятно, что вы оспавляете съ холодно-стию, или бросаете съ презрѣнiемъ произведенiя высокаго дара и глубокихъ размышленiй — а загадка не мудрена: поэтъ или прозаикъ не зналъ васъ, не умѣлъ угодить вамъ, или въ самодовольной гордости, мечтая о безсмертiи, не хотѣлъ поддѣлываться къ вашему вкусу. Вы, на примѣръ, плохо знаете порусски — а передъ вами щеголяете богатствомъ роднаго языка; вы росли на чужой землѣ, привыкли восхищаться именами Генриха IV, Тюреня, Конде, привыкли думать, что историческiя воспоминанiя занимательны и безсмертны только на берегахъ Сены, Рейна — а для васъ пицуютъ романы изъ исторiи опечесивенной; вы Предводитель, а вамъ подаюте комедию: Дворянскiе Выборы; вы помещикъ — а цной, пускаете въ сочиненiя о благосостоянiи крестьянъ, утверждаете, что нельзя признать ихъ богатыми, если у прехъ сопѣ пятидесяти душъ находится сорокъ пять коровъ, девять лошадей, двѣсти семдесятъ куръ и три гуся; вы начальникъ — а поэтъ поражаетъ негодованiемъ десь, которая вамъ пакъ пришла по сердцу; вы человекъ зрѣлый — передъ вами повѣспвуютъ о приключенiяхъ Еруслана Лазаревича и Миллиприсы Кирбитьевны; вы робенокъ — вамъ доказываютъ, что на войнѣ бьютъ другъ друга люди, а идеи. Нѣтъ, я не такъовъ! Прильжный ученикъ въ школѣ свѣна, я не люблю говорить жесткiя испины, не имѣю привычки пускаясь въ обидные споры

и, можетъ быть, по добротѣ сердца, стараюсь всегда въ разговорахъ примыкать къ мнѣніямъ собеседника. Эту привычку, эту уклончивость нрава и хочу перенести изъ гостиной на бумагу и, сознаюсь, для меня не достигима охота писать за тѣмъ только, чтобы льстить себя подобно знаменитому Лорду. Мнѣ хочется писать, но хочется и правиться. Этому кокетству научился я отъ нихъ—отъ нихъ, чьи черные и голубые глаза такъ долго мыкали меня отъ одного конца Москвы до другаго! . . . И какъ легко правиться, какъ легко угодить вамъ! . . . Человѣкъ вездѣ одинаковъ, а потому правила свѣтской жизни должны быть нашими путеводителями и въ учебномъ мѣрѣ. Эти правила не хитры; онѣ, какъ истина, отличаются простотою и доступны для каждаго. Благодаря имъ, люди, не выступавшіе ни разу изъ рядовъ черни, находили покровителей, пріятелей и невестъ. Смотря на этихъ людей, многіе убедились, что лучше плынуть за ними по большой дорогѣ, чѣмъ пробивать новую пропу; и почто—спремься къ какой-либо цѣли—должно такъ поступать, какъ поступаетъ толпа, должно вѣровать въ большинство голосовъ. Люди, взявшіе вмѣстѣ, всегда бываютъ умны; вѣрны бываютъ ихъ сужденія о выгодахъ жизни; а путь, избитый безчисленными искаженіями счастья, всегда ведетъ къ успѣху. Легко правиться, но должно знать человѣка. Бывало, вступая въ новый домъ, я собиралъ заранее полезныя свѣденія о хозяйкѣ и хозяинѣ. Если они, зараженные предрасудками старины, смотрѣли на черные галстуки, какъ на испорченность нравовъ; то я, вопреки модѣ, дѣлался въ бѣломъ; и отъ блага галстука слылъ часто самымъ умнымъ, самымъ любезнымъ и самымъ добрымъ

молодымъ чловѣкомъ. Заслуга не велика ; но дѣло не въ заслугахъ и не въ достоинствахъ. . . О слабая струна чловѣческаго сѣрдца ! счастливы тошъ , кто умѣеть потрясать тебѣ ! . . Вы, почтенный чинапель, можете замѣнить изъ моихъ словъ, что я обладаю эпою способностью. Вооруженный ею, подѣ щипомъ благоразумныхъ правилъ свѣтской жизни , хочу я предстать на буйное поприще нашей словесности ; но для моей дѣли необходимо ваше знакомство. Вы видите, что я за чловѣкъ : подружись со мною , я право достоинъ вашей дружбы : желаю нравиться вамъ , кто бы вы ни были , не показывается ли уже во мнѣ истинно добрыхъ наклоностей ? Скажите же , кто вы и что вы ? Мужчина или женщина , старикъ или юноша , вельможа или разпочинецъ , богатый или бѣдный , невѣста или женахъ ? Несвоеправное перо мое поддѣляется къ вашимъ мнѣніямъ , будетъ лезть въ ваши склонности.

Если вы помѣщикъ ; въ тѣсномъ значеніи этого слова ; если въ домъ вашъ , кромѣ Московскихъ Вѣдомостей и Объявленій о занемогшихъ Хомерою , не заглядывалъ никогда печатный листъ ; если вы такой чловѣкъ , какихъ встрѣчаемъ мы ежедневно на дежурствѣ за зеленымъ сукномъ , гдѣ , по выраженію Поэпа , вы съ паршєю виспа доигрываете паршєю жизни ; по услужливый геній мой не занесется далеко , не опдѣлился опть земнаго праха и очерпннть около себя небольшой кругъ вашихъ привычекъ и попятій. Я создамъ для васъ новой родъ словесности , въ которомъ не блещеть мысль , не вспыхнетъ чувство. Покоясь на лаврахъ какого нибудь Обер-Офицерскаго чина , въ счастливой праздности и лѣни , вы страстно любите полковать о путешествіи людей по дорогѣ чесно-

любия. Удовлетворяя эту просьбу, я соспавлю для вас выписки из *Инвалида*; подь часть скажу вамъ: *посмотрите, сослуживецъ-то вашъ — вы его знаете, онъ у васъ въ ротъ былъ Поругикомъ — произведенъ въ Полковники, въ Генералы* — и спану дивисься этому, какъ осьмому чуду. Начну описывать инаго, повторяя съ сердечнымъ удовольствіемъ: *онъ іезуитъ, плутъ, разбойникъ, да за то умелъ, изъ ста душъ притилъ три тыщи* — и представляю неоспоримыя доказательства, что такой человекъ долженъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ. Я возстану на людей, проповѣдующихъ, что расчепливосць, хитросць, плутовство не должно называться умомъ; что умъ, неугасимый свѣтильникъ истины, указывая на какую-то другую цѣль, ведетъ иными путями; что шамъ, гдѣ коснется до жипейскихъ выгодъ, до живонныхъ потребностей нашихъ, шамъ мы все Вольперы! —

Нѣтъ, соглашаясь съ вами, я докажу, что плутовство и умъ — хитрый, расчетливый, умный — одно и тоже; наконецъ, выведу заключеніе: что умный человекъ не можетъ быть не плутомъ, хотя правда, когда случалось мнѣ видѣть, какъ продають, покупають, закладываютъ, дають въ займы, женятся, выходятъ за мужъ, обыгрываютъ, берутъ взятки-то, дивилъ исповѣдимой улонченности, съ какою каждой достигалъ цѣли своей, я думалъ: не ужели все они умны? Я воззопію пропивъ взятокъ, и если въ это время случился у васъ плясба, то острыми купленами овозорю судьбу, когда онъ, послушный только влдію совѣсти, осмѣлился рѣшить дѣло не въ вашу пользу. Больше же всего спану я упражнять перомое разсужденіями о дещгахъ: знаю, какъ сладокъ ихъ звукъ для вашего музыкальнаго уха, и какъ рѣчь объ

нихъ мила вашему чувствительному сердцу ; знаю что я *десять рублей много денег !* . . . Какъ коротко это любимое выраженіе ваше , и какъ ясно ! — Да впрочемъ , вы совершенно правы : извѣстный полководецъ говорилъ , что и для войны даже нужны только три вещи : деньги , деньги и деньги ! — Для васъ чего я не сдѣлаю ? Я пушусь и въ политику , хотя право ничего въ ней не разумѣю : буду сообщать вамъ свѣжія новости , которыя провѣдаю *отъ впритыкъ людей , или отъ того , кому сказывалъ тогъ , кто читалъ письмо* ; вы не замѣните моего невѣжества — вѣрные люди и письма выручатъ меня , потому что въ нихъ хранится тайна политическихъ происшествій и они единственное основаніе здравымъ сужденіямъ о судьбѣ царствъ и народовъ .

Я переберу всѣхъ отъ мала до велика , стану судить и рднить , приведу , можетъ быть , въ свѣтѣму разбросанныя и полновѣсныя замѣчанія ваши о законахъ , о политической экономіи , замѣчанія , почерпнутыя не изъ книгъ , не изъ многолѣпныхъ размышленій , а такъ — вдохновенныя , давшія вамъ свыше ; наконецъ , въ эпоху фантазматоріи лицъ и предметовъ , я посылаю на первомъ планѣ сподвижниковъ вашихъ , играющихъ *въ вистъ въ большую* .

Если вы , напрасно запоздавъ въ дорогѣ бытія , остались намъ образчикомъ прошлаго вѣка ; если вы хотѣли бы обернуть свѣтъ на изнанку и воскресить веселые дни , когда все было не то , что теперь—все , по вашему , было лучше . . . о ! тогда я начну пѣвать про золотую старину : съ умвлѣнемъ повторю изнѣженныя анекдоты про тѣхъ недосыгаемыхъ членовъ общества , о которыхъ , въ упрекъ нашему времени , твердите вы : *это былъ католицій баринъ , это*

быль вельможа! Я понимаю, какъ они драгоценны вамъ и не съпую на вашу длинную сказку объ ихъ короткомъ существованіи. Но я не заговорю о доблестяхъ какого-нибудь вельможи, чье имя не сопрется на страницахъ испорчи нашей; умолчу о подвигахъ, которыми не нужны были золоченные чертоги, раболыбные льстецы, весь эпохъ заемной блескъ — которыми также не исплали бы въ могилъ съ героемъ своимъ, если бы онъ проспалъ цѣлую жизнь и въ послѣднихъ рядахъ человѣчества. Нѣтъ, не эпимъ подвигами я обреку послушное перо мое. Несмынное богатство; прихотливая воля, не знавшая мѣры, не слышавшая возраженій — вопль доспюиства, которыя некогда очаровали сердце и ослѣпили взоры ваши! Объ эпохъ доспюиствахъ я заведу рѣчь. Припомню вамъ, какъ великолѣпные баловни счастья бывали сержантами гвардіи за нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія; нарисую въ живой картинѣ ихъ недоступнаго камердинера, ихъ карлу, ихъ открытый домъ, куда спекались, какъ въ храмъ лзыческаго божества, гдѣ пировать и званый и незваный; и честный и подлець; съ пріятной гореспью опису могуцество ихъ управителя, передъ которымъ дрожали деревенскіе сосѣди; и не смѣли пикнуть исполнители законовъ! . . . Бывало, управитель въжалъ въ десять лошадей! . . . съкалъ воеводъ! . . . Я поведу васъ по Москвѣ, укажу опуспывыл палаты невозвратной роскоши и заплачу, какъ плакалъ Марій на развалинахъ Карбагена. Потомъ наяду я на молодыхъ людей, засыпающихъ при вашихъ разсказахъ и неугадавшихъ шайны, какъ наслаждашься жизнью. Осмью эпохъ Сенекъ, которые въ двадцать лѣтъ не умѣютъ сказаць: люблю себя; не бѣгаютъ, опъ льни, за приключеніями любви.

и опять лишь покоятся въ объятіяхъ супружеской вѣрности. Я поставлю имъ въ примѣръ васъ: ваша молодость кнѣла забавами; ея мимолетной не губили вы надъ книгами; носился съ цвѣткомъ на цвѣтокъ и достигали истинную цель жизни — быть рыцаремъ прекраснаго поа. Сердце ваше, какъ монета, удобно переходило изъ рукъ въ руки! Вы жили, весело жили! У васъ не бывало выспреннихъ разговоровъ! . . . Я въ жару повѣствованія прокляну это умищанье, осыпано кровавыми укоризнами мудрецовъ-юношей, для которыхъ балъ все шже, что кабинетъ, которыхъ мраморное сердце не нагревается отъ умильныхъ взоровъ каждой красавицы, когда вы—вы, на закатѣ дней—такъ еще близъ нихъ любезны, такъ услужливы, такъ чувствительны! — Наконецъ, я признаю паука совершеннѣйшимъ твореніемъ природы, потому что онъ и въ наше время плепеть паутину точно также, какъ пчела ее до попопа.

Если вы записались въ общество любителей женщины; если принадлежите къ многочисленному сословію безпріютныхъ вдыхателей о придачомъ, которые, какъ голуби, собираются въ нашу добрую Москву — эту ярмарку, эту кладовую невѣсть, гдѣ иногда такъ бережно сохраняютъ ихъ въ наследство другому поколѣнію; словомъ, если вы женихъ привѣжій или домашній, то, я надѣюсь, вы будете меня читать, и переписывать. Безъ сомнѣнія — я уже видалъ васъ, и цовѣрите, что всегда смопрѣлъ съ истиннымъ участіемъ, какъ скинаешесь вы доучливой шенью изъ гостиной въ гостиную, какъ съспались, когда укажутъ вамъ двинуку съ состояниемъ, испиутъ про семь сотъ душъ, и какъ меченесь изъ угла въ уголъ, если услышите: *у ней две тысячи и*

есть деньги, одна дочь! И втужь думаль: помоги вамъ Богъ! и не могъ не думаль: вы посингли науку жизни, вы не вѣруете въ мечны воображенія и, слѣдуя законамъ практической философии, проснвиве у людей одного, нищине въ мѣрѣ шолько душевнаго блаженства, которое подь сѣнито брачнаго союза никакъ легко покунаешел проценнами съ капиталла, или оброками съ деревень. Неспрона жизни моеи носеяннла меня въ разныя шайны свѣта, я ихъ опкрою вамъ—и не бойтееь обмана, положитесь на мою некрпность! Съ християнскимъ самоопверженіемъ уснупаю вамъ поле битвы и награду шрудовъ; буду помощникомъ—никогда соперникомъ! Логическими доводами я докажу нешину вашей системы. Вы влюблены въ приданое—да какъ же шаче? Если бѣ можно было влюбляться въ умъ, шо почему шкшо еще не влюбился въ какого шбудь Шеллнга?—А красона послѣднее дѣло—

Она какъ слабой цвѣтъ, который украшаеть

Видь ушрелнй пущынь и къ полдню увладееть. —

Она мгновешная гоншья. Такъ лвио, что на ней женишья нельзя: ея уже и слѣдъ проспыль, а жена все еще гоншнть, да гоншнть. Чшо жѣ оснзаеть послѣ ума и красоны?—Имеется шо, что вы коншине оснзавшъ за собою — приданое!

Я соснавалю послужные списки невѣстамъ и снапу выдавань въ видѣ Журнала. Въ шькоторыхъ графахъ, для формы, означу имя, лѣта и званіе; въ другихъ — важтѣйшихъ—изчислю: а) доншоншенва, ш. е. сколько душъ, въ какой губерни, есть ли малчныя; б) подь судомъ или шнть, ш. е. можетъ ли сама распонлагать имѣнемъ или зависнть отъ кого; в) надежды, ш. е. имѣеть ли въ виду шаслѣденно; г) испол.

неніе желаній, пл. е. какой докпортъ, но какой сисне-
мъ лѣчить пепушекъ и бабушекъ, оигъ конорыхъ до-
спаеися движимое и недвижимое. Въ особой пра-
урной графѣ опмѣчу пороки: «вмѣне заложено, есиъ
брапя и сеспры».

Я пройду въ молчаніи всецѣльныхъ покровипелей,
копорыхъ можеть невѣста достаиппъ вамъ: покро-
випели спаринная цѣль, издошенная хипросепь! Я
увѣрентъ, что васъ нечего осперегать оипъ ихъ мишур-
ныхъ оболщепій. Спану увѣдомляипъ васъ поипчасть
о бѣдспвенныхъ случаяхъ: о неожиданиомъ рождени
брапца, о передачь наследства безыменному лицу,
о продачь имѣнія съ публичнаго торга — словомъ, о
всѣхъ несчастіяхъ непредвидѣнныхъ и неопврапни-
мыхъ. Буду издаватьъ объявленія о приѣзжающихъ:
не повѣрише, какаа эпо важная стаппья!—Вы хлопоче-
пе около блестящаго круга, на большихъ улицахъ, на
лощеномъ паркетѣ; а не знаете, что шамъ — въ заб-
венной части города, въ неслыханиомъ пересулкѣ—какой
нибудъ укромной домикъ припьяль въ иѣдра свои при-
ѣзжую изъ хлѣбныхъ деревень. Мипъ часпо жалко
видѣипъ васъ, когда вы кружитесь на Тверской, не
помышляя, что въ углу Москвы, гдѣ нибудъ у Спаса
въ Чигасахъ, цѣщепъ уединенная дилія —

Въ пустынкѣ воздухъ теряа запахъ свой!—

Ея родипели не промотаюися на балы, обѣды и
ужины; копили, копили и, и думаю, будутъ копили
до впораго приществія. Разумвепся, почипал васъ
человѣкомъ возвыщеннымъ, а не спану въ объявлені-
яхъ помѣщанъ всѣхъ приѣзжающихъ безъ исключенія;
нѣтъ, по примѣру Московскихъ Газетъ, раздѣлю ихъ
на чины и, умалчивая о Прапорщикахъ, Поручикахъ,
о другихъ непримѣтныхъ лицахъ, начну съ чепырехъ

свить души, какъ сказанъ, съ Шшаб - Офицерскаго чина. Наконецъ, перейду къ среднимъ выгодно женившимся; они многоразличны, мѣняются по людямъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Они того мы видимъ, что одинъ плаваетъ за Москвою рѣкою, а другой — по сю сторону; одинъ слыветъ умницей въ Басманной, а другой — въ Хамовникахъ; они того-то, окинувъ наблюдательнымъ взоромъ обширную столицу нашу, не перечтешь героев: почти въ каждомъ домѣ, какъ въ каждой комедіи, свой собспенный.

Когда я узнаю предметъ вашихъ исканій, то начерчу вамъ ближайшую къ нему дорогу; быть можетъ, посовѣную заслужить названіе *добраго человека*, хотя эпаго пипула самъ боюсь, какъ огня; посовѣую не надѣяться на чувствительность, не нападать на сердце: оно въ нашъ вѣкъ шакъ спешенно, что часто никакаа власть не ускоритъ его однообразнаго бисіія. Мои ми печашными наспавленіями я легко проложу вамъ путь къ успѣху, когда вы Полковникъ, на линіи быть Генераломъ; еще легче, когда у васъ душъ пысяча: шунтъ удача несомнѣнная во всѣхъ концахъ Москвы, исключая, какъ миъ поминтсд, двухъ, прехъ улицъ. Когда же чинъ у васъ малъ и душъ пятьдесятъ, не болве... надъ эшимъ задумаешся... однако, нѣтъ, не опчаявайтссь — я призову на помощь всю глубокомысленность разума, всю силу воображенія, и заспавлю молчанъ вашъ разсудокъ, который конечно говорилъ уже вамъ: «не берите насильно роли въ ромашическомъ предспавленіи, гдѣ и не взглянуть на вашу игру; сойдитссь со сцены — судьба освеншала васъ!»

Если вы цвѣтете молодостью, если вы пѣвѣсна.... Для чего, благоразумное воспитанце излагаетъ шакъ

рано оковы ледяного расчета на лучшее произведение Творца, на юное сердце, созданное для чиспыхъ, для свободныхъ волненій? — И вы, какъ подсолнечникъ, всегда обращенный въ одну сторону, и вы смотрите туда же, куда все: и вамъ также хочется за женихомъ приданого! — Что я спану писашь для васъ? Справки о женихахъ не нужны: ваши родные вътвердили ихъ панзустъ съ убійственными подробностями. Но все, душевно желая вамъ добра, я соберу поучительныя замѣчанія, чтобы вѣрнѣ очаровать какого нибудь счастливица: его не надобно баловать — онъ въ глаза одно, а за глаза другое; не надобно его слѣдить непрерывливыми взорами, когда идетъ онъ приглашать даму на Французскую кадрили — не должно пвердить о немъ съ примѣльнымъ удовольствіемъ. За чѣмъ такъ мало хипросни—за чѣмъ, на примѣръ, когда въ мазуркѣ выбираю васъ я, по вы по окончаніи круга говорите мнѣ просто: *merci*; а когда выбираетъ другой, блестящій свѣтскимъ выгодами; по вы, садясь на мѣсто, произносите: *grand merci*?

Если вы человекъ спрашюй, если поэтъ говорите про васъ въ незабвенныхъ стихахъ:

Не требуя ни мѣсть, ни повышенья въ чинъ,

Въ науки онъ впередъ умъ, алчущій познаній! . . .

о, тогда перо мое, упитанное желчью правды, положитъ клеймо презрѣнія на блистательную ничтожность, на развратъ прошедшаго, на лицемѣріе настолицаго, на все награды, присужденныя судьбою золотой посредственности и припорной лести. Я предаю позору невѣжество, подъ которымъ такъ отвратительно грубеетъ безсмертный духъ человека и въ чиспосердечныхъ порывахъ благословлю одно просвѣ-

щеніе, порадуясь, что есть въ міръ недоступная собственность, что ея не развѣетъ буря несчастія, не опниметъ рука сильнаго.

Если вы та, чье имя не могу я повѣрить върломной бумагѣ . . . Опъ чего при этихъ словахъ печально склонится голова моя на листъ, по которому бродитъ своевольное перо ? . . . Опъ чего недовольный умъ ницетъ выраженій, когда полное сердце кипитъ чувствомъ ? . . . Для васъ у меня другой языкъ : онъ непороченъ, онъ не говоритъ съ полпою ! . . . Но быть можетъ, въ это мгновеніе, какъ раждаются передо мной несвязныя спроки, вы забыли уже о моемъ существованіи ; быть можетъ, случайно взглянувъ на нихъ, не вспомните вы тайной мечты моей и не скажете: *тѣтъ, не цѣлому свѣту хотеть правиться его угодижкѣ!*

Пускай же не оживляются эти мертвыя буквы, пускай моя привычная дума слепитъ съ этой страницы . . . Какъ знать, не посмотрите ли вы на нее, какъ на могильной камень безъ надписи !

Если вы дюжинный вельможа, то я . . . Какая мысль ! . . . Мнѣ пришло въ голову, что вы меня прочтете : вы ничего не чипаете . . . Скажите же, почтешный чипатель или несравненная чипательница, кто вы и что вы ? . . .

. . . Л. . .

X.

НОВОСТИ

НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

— помятїя китайцевъ о холерѣ. — Холера (Хо-Луань) была описана въ Китаѣ знаменитымъ *Ванг-Шу-Ко* и нѣкоторыми изъ его современниковъ, гораздо ранѣе Гиппократа, и наблюдаена въ самыхъ жесточайшихъ своихъ припадкахъ, прежде нежели раскрылся эпидемическій ея характеръ въ Англійской Индіи. Немедленно, послѣ первыхъ опускошеній, произведенныхъ въ Бенгалѣ эпидеміею, докторъ Лейвингшопъ предложилъ нѣсколько вопросовъ одному старому Китайскому врачу въ Кантонѣ, человеку съ большою опытностію, который увѣрилъ его, что онъ никогда еще не встрѣчалъ холеры съ такимъ ужаснымъ характеромъ, но что онъ совершенно знакомъ съ этою болѣзнію и ежегодно имѣлъ у себя на рукахъ многихъ больныхъ, не теряя однако никогда изъ нихъ больше трехъ на сто. Это было подтверждено и другими Китайскими лѣкарями, изъ чего Англійскій докторъ увѣрился, что эпидемическая холера показалась въ этой частѣ Китая уже послѣ появленія своего въ Бенгалѣ.

Медицинская книга *Чинг-Че-Чинг-Шингъ*, напечатанная въ 1790 году, описываетъ болѣзнь сію слѣдующимъ образомъ. «*Хо-Луань* есѣ живая и внезапная боль, чувствуемая въ сердцѣ и брюхѣ, сопровождаемая рвою и поносомъ, ужаснымъ холодомъ и потребностію исплоты. Ея слѣдствіемъ бываетъ еще жестокая головная боль и головокруженіе. Когда болѣзнь поражаетъ прежде сердце, первымъ симптомомъ бываетъ рвою; когда она начинается въ

брюхъ, то обнаруживался первоначально поносомъ, когда же дѣйствуетъ вдругъ и на сердце и на брюхо, рвота и поносъ являются вмѣстѣ. Какъ скоро пораженіе усиливается, больной подвергается корчамъ и, когда корчи сіи достигаютъ до брюшныхъ частей, больной умираетъ».

При появленіи эпидемической холеры въ Каннионъ, Кипайцы прибѣгли къ своему старинному обычаю: разспавили по улицамъ идоловъ и производили ужасный шумъ трещотками и ракетами, чинобы *прогнать злое вліяніе*. Лѣкаря употребляли *кузуль* (*costus Arabicus*), обращенный въ порошокъ и смѣшанный съ духами. По улицамъ раздавалось множество рецептовъ, въ коихъ главнымъ образомъ предписывались кинобаръ, мускусъ и камфора. Эти лѣкарства, смѣшанныя (по обыкновенію Кипайцевъ) съ семью другими веществами, обыкновенно приготовлялись въ формѣ маленькихъ пилюль, кои надобно было принимать отъ шести до девяти на день. Все жидкости, особенно питье изъ крупъ и сарачинскаго пшена, были строго запрещены, пока видѣлась еще опасность. Употреблялось также кровопусканіе въ плечь и подъ ногтями. (R. V.).

—успѣхи просвѣщенія въ сѣверной африкѣ.— Сѣмена образованія разсѣиваются быстро на южныхъ берегахъ Средиземнаго моря, кои доселѣ были жилищемъ грубѣйшаго невѣжества и варварства; такъ чино враждебныя всякому нововведенію Мусульмане должны будучи на послѣдокъ увлечься непримѣнно духомъ времени. Особенно удивительно, даже невѣроятно, сколько пеперь Египетъ получаетъ лихомолкомъ отъ Франціи для на-

спорящаго и будущаго своего образованія. Около пятидесяти молодых способных людей и взрослых Египтянъ образовали себя совершенно во Франціи. Нѣкоторые изъ нихъ предпринимали другія дальшія путешествія, иные переложили множество учебныхъ книгъ на Арабскій языкъ. Почти около сотни паковыхъ переводовъ вышло уже изъ Вице-Королевской типографіи въ Каирѣ; и тогда какъ многія обласпи Германіи, спраны просвѣщеннѣйшей въ Европѣ, довольствуются понынѣ однимъ бѣднымъ періодическимъ листкомъ, какъ было за сорокъ лѣтъ, форматъ Каирской Газеты уже два раза былъ увеличиваемъ. Такъ усиливается потребность распространить познанія Арабовъ и Египтянъ. Замѣчательно еще, что сія Газета занимается не только сообщеніемъ извѣстій о мѣстныхъ происшествіяхъ, но и позволяетъ себѣ на нихъ крипическія замѣчанія. Такъ и. п. Французскій Губернаторъ Алжира сначала, когда Французовъ вездѣ душили, издалъ прокламацію, что за каждаго солдата будетъ казнено двое Арабовъ или Мавровъ, за офицера четверо, и п. д. Газета Египетскаго Паши сдѣлала замѣчаніе, что ежели эта плата убійствомъ за убійство будетъ возвышаться въ постоянной прогрессіи, то за смерть Губернатора придется казнить цѣлый уездъ! Ктобъ могъ думать, чтобы такой урокъ данъ былъ Туркомъ Христіанину? Альмапахи, газеты, учебныя книги распространяются изъ Каирской типографіи во глубину пустынь и разбрасываютъ тамъ сѣмена просвѣщенія; учебныя заведенія, по образцу Европскихъ, возникаютъ въ Египтѣ и нѣкоторые уже въ ходу—разумѣется; теперѣ занимающія преимущественно военнымъ образованіемъ, но не пренебрегающія также

и мирными науками. Въ Парижѣ случается не рѣдко встрѣчать въ спектакль или въ ученыхъ собраніяхъ людей, съ коими можно вести пріятный и основательный разговоръ: ихъ смуглыя лица показываютъ, что они родились не подъ небомъ Франціи, и между тѣмъ они говорятъ бѣгло по Французски и очень знакомы съ литературою. Проведши съ ними пріятно время, изумишься невольно, узнавши, что это даже не Европейцы, а дѣти знойной Африки, подданные бородашаго Паша, который и теперь еще не рѣдко забываетъ свою роль преобразователя, увлекаемый прежними варварскими привычками. (М. В.)

—выставка изящныхъ художествъ въ римѣ.—Римъ, колыбель современной шворческой жизни, остается понынѣ ея средоточіемъ. Туда стекаются со всѣхъ сторонъ художники довершать свое эстетическое воспитаніе въ дружественномъ общеніи съ бессмертными памятниками гения, коихъ тамъ родина и хранилище. Не быть въ Римѣ считаеися невознагражденнымъ пропускомъ въ жизни артиста. Можнобы подумать, что это стѣсненіе талантовъ подъ однимъ небомъ, въ одной атмосферѣ образовъ и идей, при однихъ, такъ сказать, источникахъ вдохновенія, должно имѣть невыгодное вліяніе на ихъ развитіе, сглаживалъ въ нихъ печать національной оригинальности и порабощалъ одному общему педантическому выраженію. Но опытъ доказываетъ проптивное. Зрѣлище высокихъ памятниковъ искусства не приневоливаетъ воспорженной ими души къ рабскому подражанію, а пробуждаетъ въ нихъ свободное, благородное соревнованіе. Воспитывающіеся въ нихъ училища художники не измѣняютъ своей физиономіи: она въ нихъ только чіе

просвѣпляетел. Посему выставки изящныхъ художествъ въ Римѣ представляють всегда роскошнѣйшее празднество силъ творческихъ; и Капитолій является тогда снова всемірнымъ святилищемъ, куда приносятся драгоцѣннѣйшія корысти со всехъ странъ вселенной.

Нынѣшняя выставка происходила въ теченіе Марта и Апрѣля. Представители художественнаго образованія всехъ просвѣщенныхъ Европейскихъ націй явились на ней своими твореніями. Вообще, Англичане на этотъ разъ оказались слабѣе всехъ прочихъ. Кромѣ одного прекраснаго ландшафта *Десгулави*, который казался совершенно одинокимъ, было выставлено множество порпретовъ весьма посредственной, по большей части выложенной работы, но за то ин одной характерной картины (*tableau du genre*). Изъ Италійцевъ, только Римляне и Флорентинцы представили свои произведенія; кое-что, присланное кое-какими Венеціанами, было слишкомъ одиноко и незначительно, такъ что не лзя составить общаго сужденія объ этой школѣ. Если взять вмѣстѣ то, что доставлено сюда Римлянами и Флорентинцами и что еще выставлено было ими во Флоренціи, то открываются ощутительно два различныя направленія, на вершинѣ коихъ могутъ быть поставлены *Бенвенутти* и *Камучини*. Римская школа гораздо восторженнѣе Флорентинской: сія послѣдняя производитъ большею частью только собственно историческія творенія, па напротивъ, кромѣ сихъ, и религіозно-историческія и портреты и ландшафты, даже характерныя картины. Но, съ другой стороны, въ выраженіи и въ отдѣлкѣ красокъ преимущество должно быть уснувлено Флорентинцамъ. Они спараются

но крайней мѣрѣ въ лицахъ приближаться къ натурѣ; и если это имъ не вездѣ удается, — и именно, если искренность, пылкая любовь, кротость, благодушіе переходятъ часно въ испальтающее желаніе, или даже въ самую крайнюю противоположность — то это все еще должно предпочесть замаскированно-пустому, напряженному до чрезмѣрности и при всемъ помѣ мертвому выраженію Римской школы. Картины Флорентинцевъ отличаются еще большею гармоніей въ колоритѣ; даже, можетъ быть, они слишкомъ уже болшея, чѣмъ бы одни цвѣты не выливался изъ прочихъ, и поэтому оживляютъ иногда свѣжесію у своихъ картинъ, задерживая ихъ какимъ-то особымъ дымчатымъ туманомъ. За то тамъ, гдѣ требуется наполнить большое пространство какою-нибудь механическою смѣлостію, Римляне очень мало запрудняются: кажется, однако, что хорошіе образцы и болѣе глубокой смыслъ; дорожающій необходимостію сочиненія, избавляетъ совершенно Флорентинцевъ отъ нужды прибѣгать къ этой манерѣ. Объ исправности рисунка общіекомы заботятся съ равно достохвальною ревностію: даже Римляне вообще могутъ похвалиться большею предъ Флорентинцами въристыю и твердостью. Къ числу Нѣмцевъ должно сказать, что ихъ предметомъ было преимущественно то, что пылъ глубже и возвышеннѣе—религія; и при томъ не лѣзя не согласился, что высказавшія имъ религіозныя творенія были единственныя, въ коихъ видна была глубина духа. При такомъ направленіи никакой справедливый судья не будетъ слишкомъ строга нападать на ихъ частныя недостатки. Собственно испорченныя предметы даже и въ Римѣ—въ этомъ свѣтлѣнцѣ испорчен—очевидно не даются Нѣмцамъ; напро-

гивъ пристрастіе къ характернымъ картинамъ перенесено многими за Альпы и породило многія хороція произведенія. Ихъ ландшафты принадлежатъ къ лучшимъ, также какъ и произведенія ваяпельныя. Такъ какъ Нѣмецкое трудолюбіе и Нѣмецкая всесторонность не исключаютъ и поршпретовъ, для испытанія себя во всѣхъ отрасляхъ искусства, то опсюда очень естественно, что труды Нѣмцевъ подвергались и громкой похвалѣ и суровому осужденію. Какъ будто въ противоположность имъ, Французы, кажутся, нарочно сосредоточили всѣ свои силы и ограничили себя тѣснѣйшими предѣлами. Они вообще предсказали не много, но за то самыя лучшія произведенія во всѣхъ отношеніяхъ. За религіозныя шворенія ни одинъ изъ нихъ и не принимался; за то тѣмъ удачливѣе оказали они себя въ поршпретахъ, характерныхъ картинахъ и ландшафтахъ. Особенно поршпреты и характерныя картины ихъ были признаны единогласно лучшимъ украшеніемъ всей выставки (Р. В.)

—СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ДОХОДОВЪ ДУХОВЕНСТВА ВО ВСѢХЪ СТРАНАХЪ ХРИСТИАНСКИХЪ.—Доселѣ Испанія, могущая называться по справедливости классическою землею пажосности, считалась золотымъ дномъ для духовенства. Но, при возникшихъ нынѣ преніяхъ въ Англіи, оказывается, что духовенство Англиканской Церкви пользуется доходами, превышающими сумму доходовъ всего Христианскаго духовенства въ свѣтѣ. Вотъ сравнительная таблица, напечатанная въ одномъ Англійскомъ Журналь:

ИМЕНА СТРАНЪ.	ЧИСЛО жипелей.	издержки на духо- венство съ каждаго 1,000,000 ж.	С У М М А	
			издержекъ на духовенство	
		ф. с.	ф. с.	рубл.
Франція . . .	31,000,000	35,000	1,050,000—	26,250,000
С. Штаты . .	9,600,000	60,000	570,000—	14,400,000
Испанія . . .	11,000,000	100,000	1,100,000—	27,500,000
Португалія .	3,000,000	100,000	300,000—	7,500,000
Венг. Кап. .	4,000,000	80,000	320,000—	8,000,000
Реформ.	1,050,000	60,000	63,000—	1,575,000
Лютер.	650,000	40,000	26,000—	650,000
Италія	19,391,000	40,000	776,000—	19,400,000
Австрія . . .	18,918,000	50,000	950,000—	23,750,000
Швейцарія .	1,720,000	50,000	87,000—	1,175,000
Пруссія . . .	10,536,000	50,000	527,000—	13,175,000
Остал. Герм.	12,763,000	60,000	765,000—	19,125,000
Голландія . .	2,000,000	80,000	160,000—	4,000,000
Нидерланды .	3,000,000	42,000	252,000—	6,510,000
Данія	1,700,000	70,000	119,000—	2,975,000
Швеція . . .	3,400,000	70,000	238,000—	5,950,000
Рос. Греч .	34,000,000	15,000	510,000—	12,750,000
Кн. и Лп.	8,000,000	50,000	400,000—	10,000,000
Хр. въ Турци.	6,000,000	30,000	180,000—	4,500,000
Юж. Амер. .	15,000,000	30,000	450,000—	11,250,000
Хр. проч. стр.	3,000,000	50,000	150,000—	3,750,000
и того во всѣхъ стра- нахъ свѣта.	199,728,000		8,999,000—	224,975,000
Англія и Княжество Валлійское.	6,500,000	1,455,316	9,459,565—	236,489,185

Такое непомѣрное количество доходовъ Англиканской Церкви удивительно: но оно подтверждается фактами. По официальномъ донесенію Доктора Люшингтона и Епископа Лондонскаго, Архіепископъ Канторберійскій получаетъ ежегодно 32,000 ф. с. (800,000 руб.), а Лондонскій Епископъ 14,000 ф. с. (350,000 руб.) Канторберійскій Архидіаконъ получаетъ до 2,000 ф. с. (50,000 руб.). Нѣкоторые Деканы, какъ н. п. Веспинсперскій, Виндзорскій, Сент-Паульскій, Сализбурійскій, Линкольнскій, Эксперскій и Велльскій пользуются ежегодными доходами отъ 1,500 до 12,000 ф. с. (отъ 57,500 до 300,000 руб.). Есть мѣста Главныхъ Пѣвцовъ, приносящія не мѣже 900 ф. с. (22,500 руб.) Многіе Приходскіе Священники получаютъ отъ 8,000 до 10,000 ф. с. (отъ 200,000 до 250,000 руб.). Правда, есть за то и Епископы, получающіе менѣе выхъ Приходскихъ Священниковъ, каковы н. п. Ландафскій, Сент-Асафскій и Бангорскій; равно какъ и Священники, едва могущіе содержать себя своими доходами. Но никто изъ послѣднихъ не получаетъ, но крайшей мѣрѣ, менѣе 20 ф. с. (500 руб.).

Въ Испаніи господствуетъ еще большее неравенство. Тамъ вся сокровища, конны набожность надѣлила церкви, сосредоточены въ рукахъ высшаго духовенства: и пошому доходы первыхъ властей церковныхъ изумляютъ своею огромностію еще болѣе, чѣмъ въ Англіи. Вотъ перечень нѣкоторымъ изъ нихъ, почтенная изъ достоверныхъ извѣстій:

АРХІЕПИСКОПСТВА:

Толедское . .	11,000,000 рсал.	2,750,000 р.
Севильское . .	4,000,000 . .	1,000,000
Компостельское.	3,200,000 . .	800,000

ВАЛЕНЦКОЕ . . .	2,600,000 . . .	650,000
САРАГОССКОЕ . . .	1,300,000 . . .	325,000
ГРЕНАДСКОЕ . . .	1,150,000 . . .	287,500
БУРГОССКОЕ . . .	720,000 . . .	180,000
ТАРРАГОНСКОЕ . . .	620,000 . . .	155,000

ГЛАВНЫЯ ЕПИСКОПСТВА:

ХАЗНСКОЕ . . .	1,600,000 . . .	400,000
КОРДУЙСКОЕ . . .	1,354,000 . . .	338,000
КУЗНСКОЕ . . .	1,400,000 . . .	350,000
КАРТАДЖЕНСКОЕ . . .	1,300,000 . . .	325,000
МАЛАГСКОЕ . . .	1,226,000 . . .	306,500
ОЗМСКОЕ . . .	1,150,000 . . .	287,500
БАРСЕЛОНСКОЕ . . .	1,630,000 . . .	257,500

За по среднее число доходовъ прочихъ членовъ духовенства проспирася не выше 1,400 руб.

Встрѣчаются и въ другихъ Каполическихъ земляхъ подобныя злоупотребленія. Такъ въ Венгріи, гдѣ среднее число доходовъ духовенства полагается въ 1,482 руб., Архіепископъ Гранскій получаетъ ежегодно 1,500,000 флориновъ. Доходы Лиссабонскаго Патріарха, не считая временныхъ случаевъ, проспирася до 70,000,000 рейссовъ (355,000 руб.). Въ Сициліи и въ Италіи (въ Королевствѣ Ломбардо-Венеціанскомъ) среднее число доходовъ духовенства едва проспирася до 1,000 руб.; между тѣмъ получаютъ

Архіепископы:

МОНТЕРВАЛЬСКІЙ . . .	80,000 піасп. (400,000 руб.)
МИЛАНСКІЙ . . .	100,000 руб.
ПИЗАНСКІЙ . . .	40,000 Тоск. экю.

Епископы:

АВЕРСКІЙ	80,000 руб.
ПАДУАНСКІЙ	54,558 руб.
Патріархъ Венеціанскій	50,000 руб.

Всѣхъ благоразуміе и соразмѣріе распределены были оклады духовенства во Франціи. Тамъ, по бюджету 1829 года, полагаемъ:

5 Кардиналамъ	150,000 фр.
14 Архіепископамъ	325,000.
66 Епископамъ	990,000
1 Генерал-Викарію Парижскому . .	4,000
15 Генерал-Викаріямъ въ митропол. .	45,000
16 Каноникамъ Парижскимъ	38,400
8 Канон. Еписк. въ Сен-Дени. . . .	80,000
14 Каноникамъ 2 класса	42,000
41 Декан. Санови. Клерикамъ и пр.	58,000
680 Каноникамъ (по 1,500)	1,020,000
5,181 Приход. Свящ. 1 и 2 кл.	3,717,300
23,623 Исп. сл. въ прич. цер. (succursales)	16,789,133
4,790 Викаріямъ	1,335,700

Сверхъ того различные случайные доходы (casuel) представлялись лицамъ, исправляющимъ церковную службу, такъ что среднее число доходовъ Французскаго духовенства проспиралось до 1,800 фр. (руб.) (R. B.)

XI.

ПРОЕКТЪ ИЗДАНІЯ

КУПЕЧЕСКАГО АДРЕСС-КАЛЕНДАРЯ.

Къ полезнымъ слѣдствіямъ Пепербургской и Московской Выставокъ можно причислить и убѣжденіе многихъ покупателей, что вещи, продаваемыя намъ, за иностранныя, суицъ болышею частію произведенія нашихъ собственныхъ фабрикъ. Правда, еще не скоро опкажемся мы отъ предубѣжденія, что въ однихъ только Французскихъ и Англійскихъ магазинахъ хотя

дорого да мило; еще не скоро переймутъ и Русскіе купцы ловкость, умѣнье и торговую шактику иноспиранныхъ магазинистовъ, итъ качества, кои, по справедливому замѣчанію одного Журнала, въ особенностіи привлекають покупателей. Но первый шагъ сдѣланъ со стороны публики; теперь оспается купечеству воспользоваться ея патриотической наклонностію и идти на встрѣчу ея желаніямъ и требованіямъ.

Однимъ изъ средствъ къ сей цѣли было бы, конечно, ежегодное изданіе Адресс-Календаря а) всѣхъ магазиновъ, лавокъ, какъ оппovýchъ, такъ и розничныхъ, фабрикъ и заводовъ, находящихся въ Россіи, или—на первый разъ—въ обихъ споллицахъ, каждой опдѣльно, съ вѣрнымъ означеніемъ адрессовъ и предметовъ продажи. Градская Дума могла бы доставить матеріалы къ составленію такого указащеля. Пусть купечество наше подумаетъ объ этомъ средствѣ *ознакомить* Русскую публику съ Русскими издѣліями: многіе охотно бы обращались къ нашимъ купцамъ и въ ихъ лав-

а) Издащель получилъ сію спашью при слѣдующемъ письмѣ: „Давно собирался я предложить вамъ, М. Г., включить въ составъ вашего Журнала особенное опдѣленіе для *проектовъ* и *гипотезъ* всякаго рода, по всѣмъ отраслямъ знаній, искусствъ, промышленности, общественнаго быта. Въ матеріалахъ, думаю, недостатка не будетъ; о пользѣ же отъ сего опдѣленія почитаю излишнимъ распространяться. Каждая новая мысль, прежде нежели перейдетъ въ исполненіе, должна быть подвергнута общему суду, повѣряема изслѣдованіями. Все новое являющаея сначала иенначе, какъ въ видѣ проекта, гипотезы, и уже потомъ бываетъ или отвергнуто или принято. На первый разъ я сообщаю вамъ проектъ, о пользѣ коего предоспаиваю судить публикѣ и въ особенностіи купеческому сословію“. (М.)

ки; но не зная ихъ именъ и адресовъ, часто по поволѣ покупаюшъ въ иностранныхъ магазинахъ и покупаюшъ въ при дорога а).

Приохотить же публику покупать въ Русскихъ лавкахъ естъ опять другое дѣло; но наше купечество вѣрно и на это обратитъ вниманіе. Пусть оно учиня у иностранцевъ поддерживавшъ кредитъ и приобретавшъ довѣренность; а вѣрный къ тому пушъ — строгая честность, которую предписываюшъ и совѣсь и торговыя выгоды. Это естъ надежнѣйшій способъ заслужить довѣренность, и купецъ долженъ столько же дорожить добрымъ именемъ, какъ и красная дѣвушка. Можно бы еще многое замѣнить особливо Московскимъ купцамъ, и между прочимъ спросить у нихъ: уже ли они до сихъ поръ не видяшъ, что ушарѣлая манера зазывашь проходящихъ въ свои лавки чрезъ крикуновъ-мальчишекъ скорѣе отвращаетъ покупателяей, чѣмъ привлекаетъ ихъ, и что весьма многіе за шѣмъ только не ѣздяшъ въ ряды, что нѣтъ прохода опъ ихъ сидѣльцевъ? Не худо бы также обратилъ вниманіе и на погребную сырость здѣшнихъ рядовъ: неужь-то нѣтъ средствъ очищать и осушивать воздухъ въ этомъ подвалѣ, который называется у насъ госпіннымъ дворомъ, и куда многіе, изъ справедливаго опасенія преслѣдунься или получить ревматизмъ, не смѣютъ носа показывать? Поболье оптверстій, въ кои былъ бы впускаемъ чистый воздухъ, освѣщало бы ряды, теперь до такой степени темные, что покупая какую либо матерію, не лзя поручиться, какого она цвѣна, ис

а) Въ подтвержденіе сказаннаго привожу на удачу два-три примѣра: многіе ли знаютъ въ Москвѣ лавку Гг. Аршиновыхъ, торгующихъ бумажными оболми? Многимъ ли извѣстны газовые шары Г. Щеглова?

льзя быть увѣрену въ своемъ выборѣ. А все это падаетъ на самое купечество и лишаетъ оное той довѣренности, которая, какъ я уже замѣнилъ, составляетъ, главное его богатство, безъ коего и вещественные капиталы не приносятъ ни какой пользы. Такъ пусть же оно позаботится о собственныхъ своихъ выгодахъ и переспанелъ косить въ предразсудкахъ дѣдовъ своихъ, которые ни о чемъ и знать не хотѣли! Я говорю о массѣ нашего купечества: ибо въ семь сословіи болѣе и болѣе умножается классъ людей образованныхъ, которые поймутъ мои замѣчанія, и если онѣ болѣе не нужны имъ самимъ, то по крайней мѣрѣ внушатъ оныя своимъ собратіямъ, менѣе ихъ просвѣщеннымъ. (М.)

XII.

ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ,
или оправданный

АЛЕКСАНДРЪ АНОИМОВИЧЪ ОРЛОВЪ.

In aequali cum aequalibus descendi.
Cic.

Посреди полемики, раздражающей бѣдную нашу словесность, *Н. И. Гречъ* и *Ф. В. Булгаринъ*, болѣе десяти лѣтъ подають удивительный примѣръ согласія, основаннаго на взаимномъ уваженіи, сходствѣ душъ и завлчій гражданскихъ и литературныхъ. Сей назидательный союзъ ознаменованъ почтенными памятниками. *Фаддей Венедиктовичъ* скромно призналъ себя ученикомъ *Николая Ивановича*; *Н. И.* посвѣдно провозгласилъ *Фаддея Венедиктовича ловкимъ своимъ товарищемъ*. *Ф. В.* посвятилъ *Николаю Ивановичу* своего *Дмитрія Самозванца*; *Н. И.* посвятилъ *Фаддею Венедиктовичу*

свою *Попѣдку въ Германію*. *О. В.* написалъ для *Грамматикки Николая Ивановича* хвалебное предисловіе а); *Н. И.* въ *Съверной Пчелѣ* (издаваемой *Гг. Гречемъ и Булгаринымъ*) напечаталъ хвалебное объявленіе объ *Иванѣ Выжигинѣ*. Единодушіе испишно прогашельное! — Нытъ *Николай Ивановичъ* починяя *Оаддея Венедиктовича* оскорбленнымъ въ спашь, напечатанной въ *№ 9 Телескопа*, заспунилъ за своего поварщика со свойственнѣмъ ему прямодушіемъ и горячестію. Онъ напечаталъ въ *Сынѣ Отечества* (*№ 27*) спашью, которал конечно заспавитъ молчашь дерзкихъ противниковъ *Оаддея Венедиктовича*; ибо *Николай Ивановичъ* доказалъ неоспоримо:

- 1) Что *М. И. Голенщевъ-Кутузовъ* возведень въ Княжеское достоинство въ Іюль 1812 г. (с. 65).
- 2) Что не сраженіе, а планъ сраженія, составлелъ пайну главнокомандующаго: (с. 65).
- 3) Что священникъ выходилъ на встрѣчу подступающему непріятелю съ крестомъ и святою водою: (с. 65).
- 4) Что секретарь выходилъ изъ дому въ шапскомъ изношенномъ мундирѣ, въ преугольной шляпѣ со шпагою, въ бѣломъ изношенномъ исподнемъ платьѣ: (с. 65).
- 5) Что пословица: *vox populi—vox Dei*, есть пословица Лапницкая, и что она естъ истинная прищпа Французской революціи: (с. 65).
- 6) Что *Иванъ Выжигинъ* не естъ произведеніе образцовое, но, *относительно*, явлеліе прилшное и полезное: (с. 62).
- 7) Что *Оаддей Венедиктовичъ* живелъ въ своей дерев-

а) Смотри *Грамматикку Греча*, напечатанную въ типографіи *Греча*.

нѣ близь Дерпша, и просилъ его (*Николая Ивановича*) не посылать къ нему вздоровъ: (с. 68).

И что слѣдственно: *О. В. Булгаринъ* своими талантами и трудами, приносить честь своимъ согражданамъ: что и доказать надлежало!

Противъ этого нечего и говорить; мы первые громко одобряемъ *Николая Ивановича* за его откровенное и побѣдоносное возраженіе, приносящее столько же чести его логикѣ, какъ и горячности чувствованій.

Но дружба—(сіе священное чувство)—слишкомъ далеко увлекла пламенную душу *Николая Ивановича*, и съ его пера сорвались нижеслѣдующія спроки:

—»*Тамъ*—(въ N 9 *Телескопа*)—взяли двѣ глупѣйшія вышедшія въ *Москву*—(да, въ *Москву*)—книжонки, сочиненныя какими-то *А. Орловымъ*.«

О *Николай Ивановичъ, Николай Ивановичъ!* Какой примѣръ подаете вы молодымъ императорамъ? Какія выраженія употребляете вы въ спашь, начинающейся сими спрогими словами: «*у насъ издавна, и по справедливости, жалуются на цинизмъ, неискренность и недобросовѣстность рецензентовъ*» Куда двалась ваша умеренность, знаніе приличія, ваша извѣстная добросовѣстность? Перечтите, *Николай Ивановичъ*, перечтите сіи немногія спроки—и вы сами, съ прискорбіемъ, сознаетесь въ своей необдуманности!

—»*Двѣ глупѣйшія книжонки!.. какой-то А. Орловъ!..*« Шлюсь на всю почтенную публику: какой критикъ какой журналистъ рѣшился бы употребить сіи неприличные выраженія, говоря о произведеніяхъ живаго автора? Ибо, слава Богу: почтенный мой другъ *Александръ Аноимовичъ Орловъ*—живъ! Онъ живъ, несмотря на зависть и злобу журналистовъ; онъ

живъ, къ радости книгопродавцевъ, къ успѣшнѣю многочисленныхъ его читателей!

—*Дать глупѣйшія книжонки!*... Произведенія *Александра Анноловича*, раздвѣляющаго съ *Фаддеемъ Вендиктовичемъ* любовь Россійской публики, названы: *глупѣйшими книжонками!*—Дерзость неслыханная, удивительная, оскорбительная не для моего друга—(ибо и онъ живетъ въ своей деревнѣ, близъ Сокольниковъ; и онъ просилъ меня не посылать къ нему всякаго вздору); но оскорбительная для всей читающей публики! а).

—*Глупѣйшія книжонки!*... Но чѣмъ докажете вы сію глупость? Знаете-ли вы, *Николай Ивановичъ*, что больше 5000 экземпляровъ сихъ *глупѣйшихъ книжонокъ* разошлись и находясь въ рукахъ читающей публики; что *Выжигинны Г. Орлова* пользуются благоклонностію публики наравнѣ съ *Выжигинными Г. Булгарина*; а что образованный классъ читателей, которые гнушаются шѣми и другими, не можетъ, и не долженъ судить о книгахъ, которыхъ не читаетъ?

Скрывая сердце, продолжаю свой разборъ.

—*Дать глупѣйшія — (глупѣйшія!) — вышедшія въ Москву, — (да, въ Москву) — книжонки.*...

Въ Москву, да, въ Москву!... Что же тутъ предосудительнаго? Къ чему такая выходка противу первопреспольнаго града?.. Не въ первый разъ замѣтили мы сію странную несправедливость къ Москвѣ въ Издашелехъ *Сына Отечества и Сѣверной Пчелы*. Больно для Русскаго сердца слушать таковыя оклики о мапушкѣ Москвѣ, о Москвѣ бѣлокаменной, о Москвѣ, поспрадавшей въ 1612 году отъ Поляковъ, а въ 1812 году, отъ великаго сброду.

Москва до нынѣ цензуръ нашего просвѣщенія: въ

Москвѣ родились и воспитывались, по большой части, писатели коренные Русскіе, не выходцы, не перемешки, для коихъ: *ubi bene, ibi patria*; для коихъ все равно: бѣгать ли имъ подъ орломъ Французскимъ, или Русскимъ языкомъ позорить все Русское—были бы только сыны.

Чѣмъ возгордился Пешербургская литература? . . *Г. Булгаринъ* ли? . . Согласенъ, что сей великій писатель, равно почтенный и дарованіями и характеромъ, заслужилъ безсмертную себѣ славу; по произведеніи *Г. Орлова* спавалъ Московскаго романиста если не выше, то, по крайней мѣрѣ, на ровнѣ съ Пешербургскимъ его соперникомъ. Не смотря на несогласіе, царствующее между *Ваддей Венедиктовичемъ* и *Александромъ Аноимовичемъ*, не смотря на справедливое негодованіе, возбужденное во мнѣ неоспорочными спрочами *Сына Отчества*, постараемся сравнить между собою сіи два блистательныя солнца нашей словесности.

Ваддей Венед. превышаетъ *Александра Аноимовича* плѣнительною цѣлолеваностію выраженій; *Александръ Ано.* беретъ преимуществу надъ *Вадд. Венедиктовичемъ* живостію и остротою сказа.

Романы *Ваддея Венед.* болѣе обдуманы, доказываютъ большее перпеніе б) въ авпорѣ, (и пребууютъ еще большаго перпенія въ чашапель); повѣсти *Александра Ано.* болѣе крапки, но болѣе замысловаты и заманчивы.

Ваддей Венед. болѣе философъ; *Александръ Ано.* болѣе поэтъ.

а) „Геній есть *терпеніе* въ высочайшей степени“ сказалъ извѣстный Бюффонъ.

Фад. *Вендиктовичъ* гений; ибо изобрѣлъ имл *Выжигини*, и симъ смѣлымъ пововеденіемъ, оживилъ пошлыя подражанія *Совѣстдралу и Англійскому Милорду*; *Александръ Ано*, искусно воспользовался изобрѣщеніемъ *Г. Булгарина*, и излекъ изъ онаго безконечно разнообразныя эффекты!

Фаддей *Венд.*, кажется намъ, немного однообразенъ; ибо все его произведенія не что иное, какъ *Выжигини* въ различныкъ измѣненіяхъ: *Иванъ Выжигинъ*, *Петръ Выжигинъ*, *Дмитрій Самозванецъ* или *Выжигинъ XVII столѣтія*, *собственныя записки* и *правдивныя статьи* — все сбивается на пошъ же самый предметъ. *Александръ Ано*, удивительно разнообразенъ! Сверхъ несмѣннаго числа *Выжигинныхъ*, сколько цѣльщвъ разсыпалъ онъ на пошъ словесности! *Встрѣга Чумы съ Холерою*; *Соколъ былъ бы Соколомъ, да Курица его съгла*, или *Въжавшая Жена*; *Живые Облюроки*, *Погребеніе Купца*, и проч. и проч.

Однакоже безпристрастіе пребуешъ, чшобъ мы указали спорону, съ коей Фаддей *Венд.* берешъ неоспоримое преимущество надъ своимъ счастливымъ соперникомъ: разумью правдивную цѣль его сочненій. Въ самомъ дѣлѣ, любезныя слушатели, что можешъ быть правдивнѣе сочиненій *Г. Булгарина*? Изъ нихъ мы ясно узнаемъ: сколь не похвально лгашъ, красшъ, предавашся пльству, каршежной игръ и шому под. *Г. Булгаринъ* паказуешъ лица разными зашйливными именами: убійца названъ у него—*Ножсвѣтъ*, взяпочникъ—*Взяткинъ*, дуракъ—*Гладури*, и проч. Историческая точность одна недозволила ему назвашъ Бориса Годунова—*Хлопоухинъ*, Димитрія Самозванца—*Киторжешниковъ*, а Марину

Минишекъ — *Кляжкою Шлохиной* за то и лица сія предспавлены нѣсколько блѣдно.

Въ семь отношеніи, *Г. Орловъ* рѣшительно уступаетъ *Г. Булгарину*. Впрочемъ, самые пламенныя почищатели *Вагддѣя Венед.* признають въ немъ нѣкоторую скуку, искупленную паидательностью; а самые ревностные поклонники *Александра Ано.* осуждаютъ въ немъ иногда необдуманность, извлекаемую одпакожъ порывами генія.

Совсѣмъ тѣмъ *Александръ Ано.* пользуется гораздо меньшею славою, нежели *Вагддѣей Венед.* Что же причиною сему видимому неравенству?

Оборотливость, любезные чищатели, оборотливость *Вагддѣя Венедиктовича*, ловкаго товарища *Николая Ивановича!* *Иванъ Выжигинъ* существовалъ еще только въ воображеніи почтеннаго автора, а уже въ *Сверномъ Архивѣ*, *Сверной Пчелѣ* и *Сынѣ Отечества* отзывались объ немъ съ величайшею похвалою. *Г. Ансело* въ своемъ путешествіи, возбуждившемъ въ Парижѣ общее вниманіе, провозгласилъ сего, еще не существовавшего, *Ивана Выжигина*, лучшимъ изъ Русскихъ романовъ. Наконецъ *Иванъ Выжигинъ* явился; и *Сынъ Отечества*, *Сверный Архивъ* и *Сверная Пчела* превознесли его до небесъ. Всѣ кинулись его чищать; многіе прочли до конца; а между тѣмъ похвалы ему неумолкали въ каждомъ номерѣ *Св. Архива*, *Сына Отеч.* и *Св. Пчелы*. Сія усердные Журналы ласково приглашали покупателей; ободряли, подспрекали льдивыхъ чищателей; угрожали местию недоброжелателямъ, недочитавшимъ *Ивана Выжигина*, изъ единой низкой зависти.

Между тѣмъ какія вспомогательныя средства употреблялъ *Александръ Аноимовичъ Орловъ?*

Никакихъ, любезные чищатели!

Онъ не задавалъ обѣдовъ иноспраннымъ литераторамъ, незнающимъ Русскаго языка, дабы за свою хлѣбъ-соль получили мѣспечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ.

Онъ не хвалилъ самаго себя въ Журналахъ, имъ самимъ издаваемыхъ.

Онъ не заманивалъ униженными ласкательствами и пышными обѣщаніями подписчиковъ и покупателей.

Онъ не шарлапанилъ газетными объявленіями, писанными слогомъ афишъ собачей комедіи.

Онъ не отвѣчалъ ни на одну крипику; онъ не называлъ своихъ пропивниковъ дураками, подлецами, пьяницами, усприцами, и тому под.

Но—обезоружилъ-ли шѣмъ онъ многочисленныхъ враговъ? Ни мало. Вошь какъ опъзывались о немъ его собратья.

»Авторъ вышеисчисленныхъ швореній сильно штурмуешь нашу бѣдную Русскую Литературу, и хочетъ разрушить Русскій Парнасъ, не бомбами, но каркасами, при помощи услужливыхъ Издателей, которые щедро плащятъ за каждый манускриптъ знаменитаго сего шворца, по двадцати рублей ходячею монетою, какъ увѣряли насъ знающіе дѣло книгопродавцы. Авторъ есть мужъ—изъ ученыхъ; какъ видно по Лапшевскимъ фразамъ, которыми изощрены его шворенія, а сущность ихъ доказываетъ, что онъ, какъ сказано въ Недорослѣ: «убоясь бездны премудрости, вспяшь обратился.»—Знаменитое зубочное произведение: *мышь котѣ хоронятъ или небыллицы въ плещяхъ*, есть Иліада въ сравненіи съ швореніями Г. Орлова, а *Бова Королевиль*, герой, до котораго не возвысился еще почтенный Авторъ. . . Державиль есть у насъ *Альфа*, а Г. Орловъ *Омсеа* въ Липс-

»рапуръ, то есть, послѣднее звено въ цѣпи императорскихъ существъ, и поному заслуживаетъ вниманіе, какъ все необыкновенное. а) Языкъ его, изложеніе и завязка, могутъ сравняться только съ опшительными картинными, кошорыми наполнены сіи «чада безвкусія, и съ смѣлостью автора. Никогда въ Петербургѣ подобныя творенія не увидѣли бы свѣта, ни ни одинъ изъ Петербургскихъ уличныхъ разносчиковъ, (не говоримъ о книгопродавцахъ), не взялся бы ихъ издавать. По какому праву Г. Орловъ вздумалъ наречь своихъ холопей, Хлыновскихъ степняковъ, Игнатя и Сидора, дѣльми Ивана Выжигина, и еще въ то самое время, когда авторъ Выжигина издаетъ другой романъ подъ тѣмъ же названіемъ?.. Никогда такія омерзительныя картины не появлялись на Русскомъ языкѣ. Да здравствуетъ Московское книгопечатаніе!» (Слв. Пт. 1831. N. 46).

Какая злопамѣренная и несправедливая криптика! Мы замѣтили уже неприличіе нападеній на Москву; но въ чемъ упрекаютъ здѣсь почтеннаго *Александра Аноимовича Р...* Въ томъ, что за каждое его сочленіе книгопродавцы платятъ ему по 20 рублей? Что же? Безкорыстному сердцу моего друга пріятно думать, что получивъ 20 рублей, доставилъ онъ другому 2000 выгоды б); между тѣмъ, какъ некошорый, Петербургскій императоръ, взявъ за свою рукопись 50,000, засправилъ охашъ погорячившагося книгопродавца!!!

Справялъ ему въ грѣхъ, что онъ знаетъ Латинскій языкъ. Конечно: доказано, что *Таддсей Венедиктовичъ* (издавшій Горация съ чужими примѣчаніями), не зна-

а) Важное сознаніе! прошу прислушаться!

б) Историческая истина!

сть по Лашини; но ужели ему незнаюю обязанъ оиъ сласю безсмертною славою?

Увѣряють, что *Г. Орловъ изъ ученыхъ*. Конечно: доказано, что *Г. Булгаринъ* вовсе не ученъ, по оиъль повторяю: развѣ невѣжество естъ доспонствиво споль завидное?

Этого недовольно: грозно пребуютъ спльва оиъ моего друга: какъ дерзнулъ оиъ присвоить своимъ лицамъ имя освещенное самимъ *Фаддеемъ Венедиктовичемъ*?—Но развѣ *А. С. Пушкинъ* не дерзнулъ вывести въ своемъ *Борисъ Годуновъ* всѣ лица романа *Г. Булгарина*, и даже воспользоваться многими мѣстами въ своей прегедѣи, (писанной, говорятъ, плъль лъль прежде, и взвѣспной публикѣ еще въ рукописи)?

Смѣло ссылаюсь на совѣсть самихъ Издателей *Сль. Пчелы*: справедливы-ли сѣи кришики? виновать ли *Александръ Антоимовичъ Орловъ*?

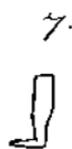
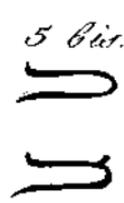
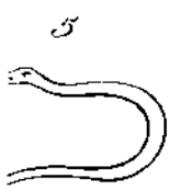
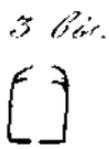
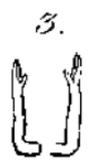
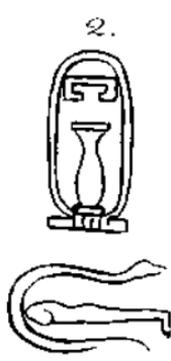
Но еще смѣлье ссылаюсь на почтеннаго *Николая Ивановича*: не чувствуетъ-ли оиъ глубокаго разкалнѣя, оскорбивъ напрасно челоува съ споль оиъльчнымъ дарованѣмъ, не состоящаго съ нимъ ни въ какихъ спощенѣяхъ, вовсе его не знающаго, и не писавшаго о немъ нишего другаго? а).

Оеофилактъ Косичкинъ.

(сообщено)

а) *С. О. Н.* 27. стр. 60.

9.

У К К К К Е Ц Ц Ш 7

Грун. Палеографическ. Грунометрия Груник.

9 bis.

уѣѣѣѣѣ

Кѣѣѣѣѣ

ѣѣѣѣѣ

Сѣѣѣѣѣ

Сѣѣѣѣѣ

Сѣѣѣѣѣ

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ЗАМѢЧАНІЯ

О ДЕНДЕРСКОМЪ ЗОДІАКѢ.

ПИСЬМО

КЪ ИЗДАТЕЛЮ ТЕЛЕСКОПА.

Посылаю вамъ нѣсколько Замѣчаній, довольно любопытныхъ для тѣхъ изъ чипапселей, кои—любя древность—прочли со вниманіемъ статью о *Египетскихъ Зодіакахъ*, помѣщенную въ N 6 вашего Телескопа.

Викарій Греппо, изъ Опына коего (1) очерпнули вы статью сію, повѣсивъ о различныхъ шолкахъ, возникшихъ по случаю прибытія въ Парижъ *Дендерскаго Зодіака*, заключаетъ краткое извѣстіе свое объ оныхъ замѣчаніемъ, что: «новый Александръ разсѣкъ

(a) *Essai sur le Système Hiéroglyphique de Mr. Champollion le jeune, et sur les avantages qu'il offre. à la Critique Sacrée, par J. G. H. Greppo, Vicaire général de Belley. Paris, 1829.*

»Гордѣвъ узелъ , надъ которымъ исповѣно
 »было столько трудовъ и усилій.« И подлин-
 но , Г. Шамполіонъ младшій , прочитавъ на
 семь Зодіакъ сокращенный пипсулъ АТТКРГР
 (*Салодержецъ*) ; гіероглифическими знаками
 изображенный , положилъ , симъ открытіемъ ,
 конецъ всемъ предположеніямъ и догадкамъ ,
 и призналъ , что Зодіакъ сей изваянъ былъ во
 времена владычества Римскихъ Императоровъ
 надъ Египтомъ.

Но Викарій Грешо пропустилъ главное об-
 стоятельство , данное на замѣчаніе Г. Шам-
 поліономъ касательно помянутого пипсула ;
 почему и должны мы обратиться къ сочи-
 ненію (а) сего Египтолога , изъ коего В. Грешо
 выписалъ свое сказаніе объ ономъ Зодіакъ.

По поводу помянутого пипсула Г. Шампо-
 ліонъ изъясняется слѣдующимъ образомъ. —
 —»*Рамочки* , заключающія сей пипсулъ ,« го-
 ворить онъ —»находятся почти всегда въ со-
 »пряженіи , либо въ сношеніи съ другою ра-
 »мочкою , заключающею собственныя имена
 »Императоровъ. Но иногда пипсулъ сей на-
 »ходится также въ рамочкѣ совершенно оди-
 »нокой;« и Г. Шамполіонъ увѣряетъ , что Ден-
 дерскій сферическій Зодіакъ есть *достопримѣ-*

(а) Précis du Système hiéroglyphique des Anciens Egyptiens, Seconde Edit. page 64.

кательный прильвъ (а) одинокости сего титула. «Судя по прекрасной гравировкѣ, изданной въ *Описаніи Египта*» — (продолжаетъ Г. Шамполіонъ) — «видно съ правой спороны большое изображеніе женщины, изваянное въ выпукломъ видѣ, между двумя длинными столбцами *hieroglyphovъ*. Внизу лѣваго столбца находится рамочка, содержащая одинъ шокмо шипуль АОТКРТР (б).» Послѣ нѣкопорыхъ замѣчаній, Французскій Египтологъ изъявляетъ сожалѣніе о несуществованіи *второй рамочки*, которой надлежало бы въ сопряженіи съ *первою*, и заключающъ, по примѣру множества другихъ Египетскихъ барельефовъ, самое имя Императора. «Но» (говоритъ Г. Шамполіонъ) «если бы въ подоб-

(а) «Les cartouches renfermant ce titre sont presque toujours accolés ou mis en rapport avec un second cartouche, contenant le nom propre des Empereurs. Mais quelquefois aussi on trouve ce mot dans des cartouches ABSOLUMENT ISOLÉS. L'exemple le plus remarquable sans doute que je puisse citer de cette particularité, est le bas-relief sculpté sur la seconde pierre du Zodiaque circulaire de Dendera.» *Ibidem.*

(б) «D'après la belle gravure, publiée dans la *Description d'Egypte*, on voit à droite une grande figure de femme sculptée de ronde bosse, entre deux longues colonnes d'hiéroglyphes. Au bas de la colonne de gauche, est un cartouche qui contient seulement le titre АОТКРТР.» *Ibidem.*»

»ныхъ предметахъ наблюдений, догадки могли бытъ совмѣсны, но многія обстоятельства побудили бы меня думать, что шишупуль сей; *одиноко изображенный*; могъ принадлежать Императору Клавдію, а еще болѣе Императору *Нерону*, кото множеству медалей, выбишыхъ въ Эгиптъ, заключаютъ одинъ токмо шишупуль АТТОКРАТОР.» (а).

Прочитавъ съ должнымъ вниманіемъ все вышеприведенныя утвержденія Г. Шамполіона, вы увѣрены, что Дендерскій Зодіакъ заключаетъ подлинно *одну только рамку*, и что на ономъ Зодіакѣ нѣтъ *пой второй рамки*, которая на Египетскихъ памятникахъ находится обыкновенно въ сопряженіи или въ сношеніи съ первою. Г. Шамполіонъ указалъ вамъ однакожь на предсавленіи Зодіака изображенную съ правой стороны вы-

(а) Il eut été à désirer qu'un second cartouche, accolé au premier, nous donnât, comme sur beaucoup d'autres bas-reliefs Egyptiens, *le nom même de l'Empereur*. Mais si, en pareille matière, les conjectures étaient admissibles, plusieurs circonstances me porteraient à croire que ce titre *ainsi isolé*, pourrait appartenir ou à l'Empereur *Claude*, ou plutôt à l'Empereur *Néron*, dont plusieurs médailles frappées en Egypte, ne portent en effet aussi pour toute légende que le titre seul АТТОКРАТОР. *Précis du Système Hiérog. des Anciens Egypt.* Seconde Edit. page 65.

еокорослито женщину между двумя длинными столбцами ієроглицовъ ; внизу же *лювисо* столбца : рамочку , заключающую ипитуль АОГКРТР. Взгляните же на нижнюю часть *праваго* столбца , и вы увидите насупротивъ первой рамочки , *вторую* (а) , въ непосредственномъ *сношеніи* съ первою находящуюся , и содержащую два ієроглицическіе знака. Ужели Г. Шамполіонъ не усмопрѣль сей *второй рамочки* ? Если же сего предположишь невозможно , то какъ объяснишь *желаніе* Эгиптолога , которъй во второмъ изданіи своего Письма къ Г. Дасъс , помѣщеннаго въ его Рѣсисъ , спустя чепыре года , повпорядкѣ , какъ и въ первомъ : » Il eut été à désirer qu'un second cartouche, accolé au premier, nous donnât le nom même de l'Empereur. « Всякой , знавъ Французскую Грамматику , и не имѣя предъ глазами начертанія Дендерскаго Зодіака , заключающаго изъ сихъ словъ , что на ономъ находится *одна* иполько рамочка , а не *двѣ*. Почему Г. Шамполіонъ не сказалъ числосердечнѣе : Il eut été à désirer que le second cartouche qui se trouve en rapport avec le premier, au bas de la colonne à droite, nous donnât le nom même de l'Empereur ; но есшь : желашельно

(а) Я могу показати вамъ изображеніе онаго Зодіака. Взгляните между нѣмъ на нашу Табл. N 1, 2.

бы было, чтобы впоря рамочка, *находящаяся въ столбѣнн съ первою*, и изображенная внизу праваго столбца, предложила намъ самое имя Императора.

Предоспаваю вопросы сн чинацелямъ вашимъ. Чпожъ до меня касаеця, по я уже привыкъ къ *Системѣ* Г. Шампиоліона, и давно уже не дивлюсь ни произвольности его утверждений и отрицаній, ни непоколебимости полкованій его и переполковъ (а), ни высокопарной пустопорожности его общаній (б), ниже догматическимъ противорѣчи-

(а) Разборъ сихъ утверждений и отрицаній; полкованій и переполковъ, находится въ рукописномъ Опытѣ моемъ о *Языкѣ и Назертаникхъ Гіероглифическихкхъ*, подъ заглавіемъ: *LES PYRAMIDES ou Essai sur la Langue et l'Écriture Hiéroglyphiques.*

(б) Вошь какъ Г. Шампиоліонъ начинаеть первое письмо свое къ Герцогу Благасу. *Lettres à Mr. le duc de Blacas d'Aulps relatives au Musée royal Égyptien de Turin. Première Lettre. Paris, 1826.*
 «La protection éclairée dont le Roi a honoré les études Égyptiennes, et mes constants efforts à les rendre fructueuses pour l'histoire, a imposé de nouveaux devoirs à mon zèle, et l'a soutenu aussi dans la perquisition persévérante des notions positives que l'examen des monumens peut encore permettre de recueillir
 «AFIN DE RECOMPOSER s'il est possible, le tableau des hommes, des opinions et des événemens contemporains de la primitive civilisation. Vous avez partagé, Mr. le Duc, et ces

ямъ (а), которыми пренсполнены преслову-
ныя его сочиненія.

Г. Шамполионъ, не видя въ *двухъ гіерогли-
фическихъ знакахъ, заключенныхъ во второй
рамочкѣ*, возможности прочитатъ имени ка-
кого-нибудь Римскаго Императора, разсудилъ
за благо объявить оную вѣпорую рамочку *не-
существующею*, но невозбранно и неоптѣяемо
присвоенному имъ праву говорить и утвер-
ждать все, что ему угодно.

»mes élevées (Г. Шамполионъ говоритъ про себя) et
*»l'intérêt tout particulier qui s'attache à de telles
»recherches.* « Можно ли провозвѣщать такъ *съ высока*
о своихъ *шлндреніяхъ* и *успѣхахъ* на поприщѣ, по-
крыиомъ тѣмой и исполненомъ предпковеній! Г.
Шамполионъ, издавшій такъ много книгъ и шолко-
ваній объ Эгипетскихъ гіероглифахъ, не разобралъ
еще *ни одной строки*, испорическое преданіе за-
ключающей. Успѣлъ же онъ прочесть *нѣсколько
именъ* и разобрать *нѣсколько чиселъ*; но, какъ за-
мѣчаетъ Г. Кювье, по поводу Авдосской скрижали,
заключающей однѣ рамочки *именъ и погестей Фа-
раоновъ*, Г. Шамполиономъ будио разобранныхъ,
собраніе имѣетъ не составленіе еще Испорію:
*»mais il n'est pas moins sensible qu'une liste, une sé-
rie de noms ou de portraits, comme il y en a partout,
est loin d'être une histoire.* DISCOURS SUR LES RÉVOLUTIONS DU GLOBE, pag. 205.

(а) Сн прошиворѣчія выказалъ я въ Опцннхъ мѣсѣхъ
Opuscales archéographiques, и Г. Шамполионъ пере-
правилъ ихъ *ков-какъ* во 2 изданіи *тихо.шолковнхъ*.

Приспугаю къ разбору *двухъ* помянутыхъ *героглифовъ*.

Согласно съ выговоромъ, признаннымъ въ таблицахъ Г. Шамполіона (а), оныя два героглифа могутъ быть изображены слѣдующими Коптскими опіѣнами: *ЄИ*, *И*, *ИѢ*. Но гласныя *Є*, *І*, *И*, соизмѣняюся непрерывно съ *Є*, коихъ букву Г. Шамполіону угодно было здѣсь пропустить. Помянутые два героглифа соотвѣтствуютъ слѣдовательно равнымъ образомъ и буквамъ *ЄИ*, коихъ сложность образуетъ Египетское слово, имѣющее два знаменованія: *ЄИ* значить *приношеніе* (б) и *обезьяна*. Французскій Египтологъ опровергаетъ съ негодованіемъ сіе бранное слово, несомѣстное съ его ученіемъ о почестяхъ, свойствахъ и достоинствахъ Египетскихъ вельможъ, въ пантеонныхъ рамкахъ (в) заключающихся.

(а) *Précis du Syst. hiér. Tableau Général N. 45, 75.*

(б) **ЄИ** въ Коптскихъ Словаряхъ значить между прочимъ *offerre, προσφέρειν*. По свойству же языка Египетскаго и по преимуществу героглифическаго словословія, *ЄИ* можетъ значить и *приношеніе*. Смори на слѣд. стран. выноску (а).

(в) Сии рамочки заключаютъ обыкновенно *двусмысленныя* почести. *Двусмысленность* же была главнымъ основаніемъ героглифическаго словословія жрецовъ и пантеоннаго ихъ говора, что доказалъ

Я предпочитаю первое значеніе слова **ЕЦ**, потому что оно согласно съ изображеніемъ женщины, находящейся между гіероглифическими столбцами, и о которой мы упоминали въ предыдущихъ страницахъ. И я не сомнѣваюсь въ томъ, что протянувшая руки сей женщины изображаютъ приношеніе. Г. Шамполіонъ называетъ *два протянутыя отъ локтя къ верху руки* символическимъ знакомъ *приношенія* (а); ибо у Французскаго Эгиптолога символическими и мысленноизобразительными начертаніями называются всѣ штъ, которыхъ онъ азвучно читашъ не умѣетъ, или не хочетъ (б). Мы просимъ Г. Шамполіона взглянуть на 247 страницу Коппо-Арабскаго Словаря, изданнаго Кирхеромъ, подъ заглавіемъ: *Lingua Aegyptiaca restituta*. Онъ найдетъ на концѣ оной страницы слово **КорѢн** (в), объясненное Арабскимъ реченіемъ

я, между прочимъ, разборомъ нелѣпыхъ почестей, выпверженныхъ и столь важно повпорядокъ Французскимъ Эгиптологомъ.

(а) *Précis*, Tabl. génér. pag. 38, N 308 a, OFFRANDE, OFFRIR, caractère symbolique. Смопри Табл. N 5.

(б) Примеры сихъ мнимыхъ символизмовъ, мною разобранныхъ, могутъ сосланивать особенную книжку.

(в) Если бы Г. Шамполіонъ вздумалъ опринушь сіе реченіе и назвать оно исключительно Арабскимъ, но мы указали бы ему Словарь Иг. Росси, заклю-

التربان *oblatio, sacrificium*. Первая же буква слова **КорЪек**, будучи К, объясняетъ, почему *дѣтъ подъятыя руки* изображаютъ священно приношеніе; ибо *тѣ же дѣтъ руки*, въ таблицахъ Г. Шамполіона, изображаютъ букву К (а). Слѣдовательно, мнимый *символизмъ*, при семь случаѣ, какъ и при всѣхъ прочихъ, состоитъ въ хитромъ начертаніи, если не цѣлаго слова (посредствомъ лжеобразнаго и почти всегда уродливаго *монограмма*), но по крайней мѣрѣ первой буквы каждаго реченія,

чающій 336 страницъ Египетскихъ реченій, общихъ Снмскимъ наречіямъ (Ignatii Rossi Etymologia Aegyptiaca).

(а) N. 56. и наша Табл. N 4. Снмъ же знакомъ жрецы изображали и самую мѣру дѣины, *локтемъ* называемую. *Локоть* же по Египетски называется **Кω**, **Кε**, **Κ&Z** и **Κ&λλ&κ&Z**. Вся сіи слова начинаются съ буквы К. Иногда въспомо сихъ рукъ жрецы изображали цѣлаго человека въ наготѣ и въ одеждѣ *съ простертыми отъ локтя къ кобу рукави* для прикровенія буквы К. На Зодіакѣ же Дендерскомъ руки у женщины подняты опѣ самой подмышки, потому что шьснопа мѣрина между двумя гіероглифическими столбцами другаго положенія не позволяла. А Г. Шамполіону не безызвѣстно, что Египетскіе *Святотписцы* (Γερογραμμάτης) сорасполагали начертанія свои, соображаясь съ мѣсномъ и предѣлами поля своихъ надписей, какъ извѣстныхъ, такъ и рукописныхъ.

за символъ принимаемой и выдаваемой догматическою неспособностію Эгиптолога.

Не удивляйтесь сему признанію. Оно по крайней мѣрѣ не криводушно, какъ порицаніи Г. Шамполіона, который, не дерзая ополчаться лицомъ къ лицу противъ извѣстнаго Ориенталиста и Синолога, Г. Клапрота, и горя желаніемъ назвать его несвѣждою предъ лицомъ ученыхъ, спарается произвольными и несвязными возраженіями доказать несправильность его *примѣній* (а) къ моей системѣ о таинствахъ Горамполлона (б), и заключаетъ, что всѣ примѣры, приведенные Г. Клапротомъ, служатъ шокмо доказательствомъ, что я не имѣю понятія даже о первыхъ началахъ Коппской или Эгипетской Грамматики: » *que l'auteur du système ne connaît même pas les premiers*

(а) *Lettre sur la découverte des hiéroglyphes acrologiques*, adressée à Mr. de Goulianos, par M. J. Klapproth. Paris, 1827. « Cette lettre contient une des découvertes les plus importantes que l'on ait faites jusqu'ici sur les écritures sacrées des Egyptiens. » *Revue Encyclopédique*, 100 livraison. Avril, 1827, page 211.

(б) 'ΩΡΟΤ 'ΑΠΟΛΛΟΤ 'ΙΕΡΟΓΛΥΦΙΚΑ : » Mr. « le chev. de Goulianos, qui se livre depuis quatre ans » à l'étude des anciennes écritures de l'Égypte, vient » par sa découverte, de rendre à cet ouvrage toute » l'importance qu'il mérite. » *Revue Encycl. Ibidem*.

éléments de la Grammaire Copte ou Egyptienne (а). « Сей косвенный приговоръ не возобновился однакожь ни послѣ втораго Письма Г. Клапропта , въ которомъ доказывася оныя неспособность и произвольность возраженій Г. Шамполіона : ниже послѣ *Опыта* моего о *hieroglyphes* Горуполлона , гдѣ изложилъ

(а) Bulletin des sciences historiques, antiquités, etc. Avril. 1827, pag. 291. Г. Клапроптъ въ вышепомянутомъ письмѣ своемъ ко мнѣ (спр. 4) говоритъ ясно: «J'ai été en état d'expliquer, d'après votre méthode et par le Copte, une très-grande partie des symboles mystérieux qu'Horapollon nous a conservés.» Всякой, читавшій спрочки сив, не усумнится въ шомъ, что *метода моя*, а *примѣненіи* Г. Клапропта. Не смотря на што, Г. Шамполіонъ говоритъ: «Nous allons exposer un certain nombre de ces rapprochemens hasardés par Mr. de Goulianos et Klapproth. etc. — Mr. de Goulianos aurait dû faire attention. — Mr. de Goulianos a adopté fort légèrement une erreur de Kircher. — Selon Horapollon, dit Mr. de Goulianos.» и поминувши Mr. de Goulianos. Г. Клапроптъ беретъ однакожь все сіе и сему подобное на свой щепъ, и говоритъ *о себѣ.* «Mr. Champollion se contente de m'avertir que je suis un ignorant et que je n'ai aucune connaissance de la langue Copte. — Mr. Champollion m'impute donc à tort d'avoir aveuglement copié les méprises du célèbre jésuite;» и пр. и пр. *СМОТРИ SECONDE LETTRE sur les hieroglyphes.*

я собственныя мои примѣненія къ открытому мною способу разбиранія мнимыхъ гіероглифическихъ *силволовъ* (а).

Возвратимся къ нашему предмету.

Г. Шамполіонъ, ссылаясь на сочиненіе ученаго Дашчанина *Zoege*, подъ заглавіемъ: *Nimti Aegyptii Imperatorii*, въ которомъ (по увѣренію Французскаго Египтолога) находилась множество медалей *Нерона*, заключающихъ одинъ шокмо пицуль АТТОКРАТОР, полагасть, что сей пицуль, находящійся на Дендерскомъ Зодіакъ опредѣленно, могъ равно принадлежать *Нерону*. Не имѣя подъ рукою Нумизматической книги помянутаго Сочинителя, мы не можемъ довольствоваться ссылками Г. Шамполіона, который въ обоихъ изданіяхъ своего Письма къ Г. Дасе своевольно оприцаемъ существованіе *второй рамочки*, изображенной внизу праваго столбца Дендерскаго Зодіака.

Познакомясь съ многоразличными хитростями и причудами Египетскихъ Гіерограмматовъ, мы не можемъ не обратитъ вниманія на два послѣдніе знака, повпоренные подъ двумя рамочками, начертанными внизу двухъ гіероглифическихъ столбцовъ съ правой стороны Зодіака.

(а) *Essai sur les Hiéroglyphes d'Horapollon et quelques mots sur la Cabale*. Paris, 1827.

Змія, согнутая стъпеннію дугою (а), есть не иное что, какъ прикровенная ошмѣна двухъ іероглифовъ, данныхъ подъ N 40 и 41 въ Таблицахъ Г. Шамполіона (б), и выговаривающихся, смотря по нарѣчіямъ, какъ Г^х съ дыханіемъ и какъ Т безъ дыханія. Въ пусто-ть же образованной *сгиболъ зміи*, мы видимъ чело-вѣка, изображеннаго *нижкомъ и съ одною ногою*. Одна нога въ таблицахъ Г. Шамполіона (N. 19) изображаетъ букву Б (в). Чело-вѣкъ же предспавленъ въ *опрокинутомъ видѣ*, съ шѣмъ, чпобы намекнуть пайновѣдцамъ, чпо сіе положеніе изображаетъ также букву Б, посредствомъ реченій *Φωνη*, *Φωνη*, выговаривающихся *Πονη*, *Πονη* въ Мемфисскомъ нарѣчій, и *Πονη*, *Πονη*, въ Саидическомъ, и значащихъ *convertere*, *pervertere*, *evertere*, *ejicere*, и пр., слѣдовательно *низвертнуть*, *низринуть*; чпѣ и соотвѣтствуетъ *низвращенному*, по еспь: *нижкомъ простертому* чело-вѣку. Буквы же П^х съ дыханіемъ и П, безъ дыханія, соизмѣнялись древле съ буквами Б—В и даже изображались однимъ и шѣмъ же начертаніемъ, съ какимъ-нибудь опличитель-

(а) Смотри Табл. № 1, 2, подѣ рамочками.

(б) Смотри Таб. N 5 bis и 6.

(в) Смотри Таб. M 7.

нымъ знакомъ (а). Въ Героглифическомъ же словописаніи оныя непрестанно упопрелялись одна за другую, и смѣшивались даже съ буквами У и V (*ушицей*), что признано самимъ Французскимъ Эгиптологомъ (б). Такое соизмѣненіе губныхъ началъ словесныхъ, общее всемъ языкамъ (в), объясняетъ, почему *нога*, называемая **Ф** & **У** *Пхатъ*, означаетъ Б и В въ азбукѣ героглифической. Такъ на примѣръ въ имени и качествѣ супруги Императора Адриана : **С** & **В** & **И** & **С** & **В** & **У** & **Т** & **И** (г), оба & изображены ногою, хотя оныя выговаривались *Са Бина Се Васты*.

(а) Еврейская буква **פ** (Пх) есть не иное что, какъ **ב** (В) съ опьяною; буква же **ב** выговаривается и какъ В. Равнымъ образомъ Арабское **ب** (Б) употребляется въ Персидскомъ Словописаніи съ *тремя точками для изображенія буквы П*.

(б) «Le B hiéroglyphique est perpétuellement échangé dans les noms propres et dans les textes Egyptiens avec F, V et OU.» Précis du Syst. hiérog. Sec. édit. pag. 111.

(в) Греческія буквы **Φ**, **Β**, выговаривавшіяся древле **Пх**, **Б**, измѣнили потомъ выговоръ свой на **Ф**, **В**. Нѣмцы смѣшиваютъ непрестанно **б** съ **п**; Испанцы в съ **б**, и тому подобное.

(г) Zoega: de *Origine et usu Obeliscorum*, смопри нѣ ономъ: Obeliscus Barberinus. и Précis. Tabl. gén. des signes. N. 151.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ наблюдений явствуетъ, что согнутая дугою злія съ протертыхъ въ ней челоуколю образуетъ монограммъ Тб, копорого буквы можемъ признать за двѣ первыя согласныя имени Тиберіа (а), съ шѣмъ большею вѣроятностію, что Поршикъ Дендерскаго храма, по свидѣтельству Греческой надписи, посвященъ былъ благодѣянію сего Императора, какъ то находимъ на 480 страницѣ Археологическаго Сочиненія Г. Лепронна, подъ заглавіемъ: *Recherches pour servir à l'histoire de l'Egypte pendant la domination des Grecs et des Romains*. Въ другомъ же сочиненіи своемъ: *Observations critiques et archéologiques sur l'objet des représentations Zodiacales*, сей ученѣйшій Французскій Эллинистъ полагаетъ, что Зодіакъ предхрамія Дендерскаго храма относится къ жребію того же Императора *Тиверіа* (б). Замѣтимъ и то, что, по свидѣтельству Тацитта и другихъ древнихъ бытописателей, сей Императоръ слылъ весьма свѣдуцимъ въ Астрологіи, копорая была предметомъ Зодіаковъ (в).

(а) Между рамочками, изображающими имя *Тиверіа* іероглифами, опвѣчающими всегда буквамъ **ТВРІС**

Тбрис, мы находимъ **В**, выраженное *погою*.

(б) Смощри стр. 109.

(в) *Ibidem*. стр. 84.

Г. Клапропъ, въ вышеупомянутомъ опвѣтъ своемъ на порицанія младшаго Шамполіона, справедливо замѣчаетъ, что сей Эгиптологъ не терпитъ, чтобы кто-нибудь говорилъ объ Эгиптѣ *безъ его дозволенія*. И воцѣ возраженія, предспоящія нашему разбору:

Первое. Мы не въ правѣ, скажетъ онъ, принимашь ни *согнутую змію*, ни *лежащую* въ ней *человѣка* за буквы, попому. что оныя знаки не принадлежатъ къ числу азбучныхъ начертаній, признанныхъ Имъ, Шамполіономъ; а попому и должно ихъ считашь за *символическіе* знаки.

На сіе опвѣчаемъ:

Во первыхъ: что *змія* наша разспвуетъ только положеніемъ отъ *зміи* Г. Шамполіона, изображающей буквы Д и Т въ его таблицахъ, подъ N 20. Но взгляните еще разъ на N 40 и 41, вы увидите нашу змію въ томъ же положеніи, но превращенную въ *щипчики*, копорья выговаривающя Т^x и Т, смолрд по нарѣчіямъ. Сообразивъ на нашей Таблицѣ (а) сіи ложные гіероглифы, вы, при легкомъ вниманіи, признаете одну и ту же букву, облеченную въ различные обманчивые виды.

Во вторыхъ: пусть Французскій Эгиптологъ докажетъ намъ по своей теоріи, что *человѣкъ*, въ *сидящемъ* видѣ безъ сѣдалища, съ

(а) Смолри N 5, 5 bis, до N 6 (Кулической буквы).
ТЕЛЕСК. ЧАСТЬ IV. 44

одного поднятою отъ локтя рукою, съ другою же опущенною назадъ, можетъ изображать букву (а). Чпо человекъ, стоящій съ поднятыми отъ локтя обѣими руками (б), можетъ изображать букву; а чпо человекъ, одною и нигкомъ лежащій, не можетъ.

Второе возраженіе, намъ предсposable, будетъ то, чпо собственныя имена не сокращались такъ, чтобъ не доставало послѣдней оныхъ половины. Сіе общее правило не безъ исключенія: и мы находимъ въ помянутомъ Опытѣ Г. Сальпа (в), изображенное въ обычной рамочкѣ имя Императрицы *Клеопатры* съ плъью только гіероглифами: *Клепа* (г).

(а) Смопри N 104 его *Tabl. génér.*

(б) Покойный Англійскій Генеральный Консулъ въ Египтъ, Г. Сальпъ, первый прочелъ сіе прикровенное начертаніе въ имени Императора *Клоода*. Смопри *Planche II. 22 b*, Опыта его подъ заглавіемъ: *Essay on Dr. Young's and M. Champollion's Phonetic System of Hieroglyphics*. London, 1825.

(в) Смопри Pl. II N. 1 съ лѣваго конца.

(г) Судя по пустошѣ мѣста, принадлежащаго буквѣ О, вѣроятно буква сія спертпа. Двѣ же послѣднія буквы Т, С, означаютъ женскій полъ и суть начальныя буквы словъ *Т Сггггг*. (Тѣ членъ, Сгггггг женщина;) хоня Г. Шамполіонъ и называетъ ихъ знаками мысленнообразительными: *signes idéographiques*, чпо отличаетъ отъ отъ своихъ

Слѣдовательно сокращеніе собственныхъ именъ зависѣло также отъ произвола жрецовъ, какъ и сокращеніе словъ, признанное Г. Шамполіономъ (а). Въ отношеніи же къ имени *Тиверія* не излишне замѣтить, что во всѣхъ рамочкахъ, заключающихъ имя сего Императора, первыя двѣ согласныя *Tb* находятся всегда сопряженно, безъ посредней гласной *и*, подобно какъ и въ сокращенномъ монограммѣ, нами изслѣдованномъ.

Остаются еще два возраженія немаловажныя. Г. Шамполіонъ замѣтитъ, *во первыхъ*: что имена Египетскихъ власпелиновъ начертывались, равно какъ ихъ почести и свойства, не иначе, какъ въ рамочкахъ, служившихъ отличительными знаками ихъ сана. Сверхъ же сего возпанетъ онъ противъ предположенія чтобы одно и то же имя могло быть повторено подъ каждою рамочкой—что противно всѣмъ наблюденіямъ, доселѣ имъ учиненнымъ.

signes phonétiques, отъ знаковъ звукоизобразительныхъ или азбучныхъ начертаній.

(а) Г. Шамполіонъ говоритъ, что для выраженія нѣкоторыхъ словъ (то есть, словъ, имъ разобранныхъ), жрецы довольствовались начертать, то *начальную одну* букву, то двѣ первыя буквы, иногда же первую и послѣднюю, разумѣется, египетскими начертаніями. Précis, page 373, 2. Edit.

Въ отвѣтъ на первое возраженіе укажу я на XV Табл. Систематическаго сочиненія Г. Шамполіона, гдѣ имя Эгипетскаго Фараона *Шешонка* изображено гіероглифическими знаками въ столбцѣ безъ рамочки (а); и гдѣ поже имя повпорено и *гіератическими*, по еспі, *жреческими* скорописными буквами не въ скобкахъ (б), присвоенныхъ собственнымъ именамъ Императоровъ и Фараоновъ. Сего примѣра здѣсь довольно, чѣмъ докажеть, чѣмъ присутствіе рамочки не еспі условіе *sine quâ non* существованія ихъ именъ въ гіероглифическихъ надписяхъ, какъ изваянныхъ, такъ и рукописныхъ. Впрочемъ мнѣ и каждому должно показаться естественнѣе присутствіе царскихъ именъ безъ рамочки (в),

(а) Смолри Précis du Syst. hiér. пропавъ 259 стр. вѣпор. изд.

(б) Г. Шамполіонъ не упоминаеть ни въ одномъ изъ печатныхъ своихъ сочиненій о скобкахъ, замѣняющихъ рамочки, въ словописаніи *гіератическими* и *народными* буквами. Сіи скобки почти всегда свѣзываются съ первою и последнею буквою именъ и почесней, въ нихъ заключающихся.

(в) Мы видѣли при самомъ началѣ сей спавъ, чѣмъ одна изъ рамочекъ заключаеть должна *титуль, свойства и качества* Императоровъ: однако же *титуль, свойства и качества* сіи не находяцца ли и безъ рамочекъ въ книгахъ Г. Шамполіона?

чьмъ присутствіе царскихъ рамокъ безъ имень, и совершенно *пустыхъ*. Мы находимъ однакожь таковыя рамочки между прочимъ на опломкѣ гіероглифическаго памятника, найденнаго въ Росептѣ, и на прямоугольномъ Дендерскомъ Зодіакѣ, о которомъ упоминается въ спискѣ вашей. Еще спранные покажутся всякому присутствіе *полурамочекъ* также *пустыхъ*, и у которыхъ не доспаетъ верхней часпи. Сии послѣднія встрѣчаются на томъ же прямоугольномъ Зодіакѣ. Г. Шамполіонъ не дивится таковымъ встрѣчанъ, и не говоритъ о *пустотѣ* сихъ рамокъ ни слова, конечно потому, что онъ *пустымъ* не занимается.

Чтожь касается до спранныости предположенія моего, что одно и тоже имя *Тиверія* повторено подъ каждой рамочкой двухъ сполбцовъ Зодіака, то таковое *повтореніе* спраннымъ можетъ показаться потому развѣ, что оно рѣдко встрѣчается; другой же странности я въ ономъ не вижу. При семъ же случаѣ *повтореніе* сіе легко объясниться можетъ: Г. Шамполіону не безызвѣстно, что Египетскіе святописцы были большіе охотники до *симметріи*, и монограммъ, нами изслѣдованный, повпоренъ очевидно *ради симметріи*.

Такимъ образомъ, *симметріи ради*, въ одной рамочкѣ, заключающей шипуль АТТКРТР,

жрецы изобразили вмѣсто одного *K*, два знака лицомъ къ лицу, съ праздымъ между ними начертаніемъ (а), гласнымъ *a, e, i* равносильнымъ. Я представляю послѣдній примѣръ сей чипапелямъ вашимъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чшобы доказать имъ, сколь произвольны Эгипетскихъ жрецовъ причуды и запыи; чшобъ доказать и лю, чшо строгость догматизма въ разборѣ лжеобразныхъ ихъ начертаній совсѣмъ не у мѣста. Взгляните же на оныя два симметрическіе знака, занимающе средину рамочки пишула АТТОКРАТОР (б). Вы увидите и признаете въ оныхъ повпоренный символъ богини *Исиды*! Справное дѣло! Жрецы ли вздумали, льспить Римскому Самодержцу? Ваяпель ли подшушилъ надъ жрецами? или покойный Сальпъ списалъ въ забыти одно начертаніе за другое? Г. Шамполионъ не разсѣкъ на сей разъ Гордіевъ узелъ, намъ предстоящій. Онъ даже и не упомянулъ объ ономъ во впоромъ изданіи Сиспематическаго своего сочиненія, не смотря на то, чшо Опытъ Г. Сальпа извѣстенъ былъ ему съ 1825 года. Уже ли великая *Исида*, низри-

(а) Замѣчавія достойно, чшо сіе самое последнее начертаніе находится и между *двуул руками*, изображающими также букву *K*, и о кошорыхъ мы говорили выше. Смотри нашу Таб. N 8.

(б) SALT'S *Essay*, прошивъ 62 стр. Табл. II. N. 1.

нутая въ качествѣ пошлой буквы К , не заслужила заслупленія Французскаго Эгиптолога; или, взглянувъ на жребій сей многопаинственной богини , вспомнилъ онъ сей стихъ Овидіевъ, и убоялся? *Oculis errantibus quaesivit Caelo lucem , ingemuitque repertâ. . .* Ослабимъ безплодныя недоумбнія и сорвемъ завѣсу съ *энигматическаго символа Исида*, на который Г. Шамполіонъ взираетъ, какъ и на всѣ прочіе свои *символы*, сквозь рѣйка догматическихкихъ своихъ заблужденій.

Извѣстно по преданіямъ , что въ Эгипетскомъ многобожіи Исида почиалась богинею *Луны и Земли* , и что супружество Исида съ Озирисомъ было источникомъ изобилія Эгипта. Подъ именемъ же Озириса разумѣли и *Солнце* и *Нилъ*. Раздѣливъ лица сего сложнаго баснословія , мы видимъ съ одной стороны, супружество *Солнца съ Луною* и ихъ вліяніе на Землю ; съ другой же стороны, разливъ *Нила* , который , покрывъ низменную часть Эгипта , производитъ изобиліе оного; наконецъ , дѣйствіе *Солнца на Землю*. Обратимся теперь къ значенію именъ *Исида* и *Озириса*.

Покойный Яблонскій , въ ученѣйшемъ изложеніи своемъ о богахъ Эгипетскихъ (а) , по

(а) *Pantheon Aegyptiorum, sive de diis eorum Commentarius. Francofurti. MDCCL.*

страсти своей къ словопроизводствамъ, привелъ многое множесство своихъ и чужихъ мнѣній и преданій о свойствѣ сихъ боговъ и о значеніи ихъ именъ. Одно изъ словопроизводствъ объ *Озирисъ* правильно, но Яблонскій объ немъ попопковалъ и оспавиль. Вотъ и сказаніе Плупарха: »Ὁ γὰρ Ὀσίρις ἈΓΑΘΟΠΟΙΟΣ, καὶ τῶνομα πολλὰ φράζει ἔχ' ἥμισυ δὲ ΚΡΑΤΟΣ ἘΝΕΡΓΟΤΗ καὶ ἈΓΑΘΟΠΟΙΟΝ. Копшическими буквами имя *Озириса* можно писать, равно *Ошүри* и *Ошүри*. Слово сіе соспавлено изъ *Ошү*, *Ошү*, значущихъ много и *Іри* дѣйствую, дѣлаю. Чпо и опносишся къ сильному дѣйствию и вліанію Солнца надъ Землею. Сіе значеніе имени *Озириса* въ лицѣ Солнца и въ видѣ *Нила*, связуется само собою съ знаменованіемъ имени *Исида*, и озаряетъ преданіе о ихъ супружесствѣ: Πρὸς τὰς Μύσας, Ἰσὶν τὴν ΓΗΝ, καὶ Ὀσίριν τὸν Νεῖλον καταγγέλλουσιν (а). Яблонскій приводитъ между прочимъ преданіе *Сервіуса* и *Исидора* (б): »*ISIS lingua Aegyptiorum est TERRA, quae ISIN volunt esse.*»

И такъ, по свидѣтельству сихъ преданій, *Исида* не токмо почиталась землею, но даже на Египетскомъ языкѣ *значитъ* земля.

(а) *Гелиодоръ*. у Яблонскаго. Кн. III. гл. I. стр. 18.

(б) *Ibidem. Ibidem.*

Земля по Египетски называлась **K&Z** въ Оивскомъ нарѣчїи, и **K&Z1** въ Мемфисскомъ.

IC1 (*Исида*) имя переданное намъ Греками въ видѣ **ICIZ** (съ упраздненіемъ дыханія начальной гласной **I**, и съ окончаніемъ **Z** свойственнымъ Греческому языку —) воспріявъ древнее свое правописаніе: **IC1**, въ Мемфисскомъ, и **ZIC1** въ Оивскомъ или Саидическомъ нарѣчїяхъ, приобрьшешь свойственныя богинѣ *Исидѣ* значенія *труда, тлжанія, работы*: понятія относительныя къ *Земль плодородной, вліяніемъ многодѣйствующаго Солнца и оплодотворяющаго Нила*.

Согласовавъ такимъ образомъ преданія объ *Исидѣ* съ значеніями двухъ именъ сей знаменитой богини, мы видимъ теперь, что вся хитрость жрецовъ состояла въ томъ, чтобы называть божество сіе именемъ *отвлеченнымъ*, а изображать оное, именемъ *вещественнымъ*.

И подлинно: идолоположники Эгипетскіе, олицетворивъ божество *Земли*, назвали оное *Исидою*, то есть: *трудящеюся, дѣющею, производящею* богинею: **IC1**, **ZIC1**. Поелику же *Исида* была богинею *Земли*, то жрецы изображали не *Исиду*, а *Землю*; изображали же обыкновеннымъ образомъ, сирѣчь: начальной буквою слова **K&Z**, **K&Z1** (значущаго *Земли*), то есть, буквою **K** (**a**), которую бук-

(а) Взглянувъ на различныя опмѣны первообразнаго

ву Г. Шамполіонъ называетъ и почитаетъ *символическимъ*, *мыслеизобразительнымъ* начертаніемъ *Исиды*, и, помяните мое слово, никогда не испоргнетъ ее изъ своего Панѳеона, чпобъ помѣспнить въ азбучную спрочку.

Если вы шеперь убѣждены, чпо *символь* Исиды есть буква К, шо уже и не удивитесь шому, *какимъ* образомъ богиня *Исида* зашла въ рамочку, заключающую шипуль *'Авто-Кратор*; и вы сами скажете, чпо *Исида* вошла шуда во образъ буквы К, или буква К во образъ Исиды.

Пусть Г. Шамполіонъ, вооруженный догматизмомъ своей Теоріи и Системы, пошудитъ опровергнушь сіи доводы. Я гошовъ предспавишь ему, и его *символы*, и его *изобразительныя начертанія* (*caractères figuratifs*), копорыхъ онъ равно чпашъ не умѣетъ или не хочетъ; и вмѣспъ съ оними предатъ суду безприспраспныхъ, нелицепривашныхъ и правдолюбивыхъ Ученыхъ *мои разборы*, клонящіяся къ доказательству шой прашой и несомнѣнной истины, чпо *всь* *героглифы*, *какъ простыя*, *такъ и сложныя*, *равно и лжеобразныя* *Монограммы*, *суть не иное что*, *какъ прикровенныя начертанія*, *пошертнутыя изъ*

вида буквы К; вы увидитѣ, какъ, *sensim sensimque*, палеографическая буква облеклась въ *символь* богообразный. Табл. N 9.

многообразныхъ отмыкъ такъ называемыхъ Семитическихъ, то есть: Финикійскихъ, Самаританскихъ, Халдейскихъ, Сирійскихъ и даже Кувшитскихъ азбукъ.

Членъ Россійской Академіи Гуляновъ.

Москва, 21 Іюня 1831 года.

II.

СЦЕНА ИЗЪ ТРАГЕДІИ ШИЛЛЕРА:

МАРІА СТЮАРТЬ.

ДѢЙСТВІЕ V. ЯВЛЕНІЕ VII.

МАРІА, МЕЛЬВЕЛЬ.

МАРІА.

Разпорядяся благами земными,
Надѣюсь, что оставлю міръ,
Я никому не должна. Одно лишь,
Мельвиль, душѣ преняиспвуетъ моей
Свободно, радостно подышеть къ небу.

МЕЛЬВЕЛЬ.

Откройся мнѣ, Марія; облегчи
Грудь отъ заботъ; пусть твоей вѣрнѣйшій другъ
Ихъ раздѣлитъ съ любовью.

МАРІА.

Я спою

У прага вѣчности; предстану скоро
Судящему дѣяніа людей;
Но съ Господомъ еще не примирилась.
Священства мной чинимыхъ алтарей
Ко мнѣ не допускаютъ; я должна

Принять дары Божественной прапезы,
Изъ рукъ лжепасыря. Нѣтъ! умереть
Хочу въ моей я вѣрѣ; лишь она
Небесныя врата намъ отверзаетъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Смири волненье сердца; предъ Творцомъ
Дѣла и воля твердая, благая
Равны. Оковы паложить на руки
Насилье можетъ; чистая-жъ душа,
Свободная, парить къ престолу Бога,
Мертвить слова, но оживляетъ вѣра.

МАРІЯ.

Мельвиль, нѣтъ! мало сердца одного;
Земный залогъ необходимъ для вѣры,
Чтобъ мы могли освоиться съ небеснымъ!
За тѣмъ-то образъ челоуѣка принялъ
Господь; незримые дары Небесъ
За тѣмъ-то въ тѣло зримое включилъ Онъ
Таинственно...

Свѣтлая церковь намъ

Есть гѣсновница ко свѣтлымъ Небесамъ.
Ее зовемъ мы Римской, православной:
Подпора вѣры — вѣрованье всѣхъ;
Гдѣ тысячи, молясь, благоговѣють,
Тамъ жаръ душевный пламенемъ горитъ
И окриленный духъ къ Творцу паритъ! —
Блаженны всѣ, могущіе спешаться
Въ Господень домъ съ молитвой на устахъ!
Алтарь украшенъ, шепчутся лампы
И сладкій дымъ спрунѣя изъ кадиль,
И колоколь въщаетъ славу Бога,
И бѣлоснѣжной ризой облеченъ,
Священель алтарей приѣмлетъ чашу,

Благословивъ, подъемлешъ, и вѣщаешъ
 О чудесахъ преображенья онъ :
 И весь народъ, одушевленный вѣрой,
 Предъ Господомъ, присушпвующимъ памть,
 Склоняется. Увы! а я одна
 Отвергнута; благословенье Неба
 Не проникаетъ въ мракъ моей пемницы.

МЕЛЬВИЛЬ.

Оно уже проникло, озарило
 Тебя, Марія; положишь на Бога
 Всемощнаго; и вѣрь, сухая шпросишь
 Въ рукъ шного, кто дышетъ пенлою вѣрой,
 Дашь можешъ цвѣши и гроздіе. Кшо словомъ
 Изъскъ испочникъ изъ скалы кремнистой,
 Тотъ и въ пемницѣ для тебѣ алтарь
 Успроши можешъ, и сосудъ, дошорый
 Земную жажду утоляшъ назначенъ,
 Въ свяшую чашу преврапишь мгновенно.
 (берешъ кубокъ, стоящій на столѣ).

МАРІА.

Чшо слышу?—Такъ—я поняла тебѣ!
 Ни пасшыря, ни церкви, ни свяшынн
 Здѣсь нѣтъ. Но рекъ Небесный Искупишель:
 »Гдѣ двое вѣрящихъ сошлись во имя
 Мое, я памть присушпвую межъ нихъ.«
 И что въ успа Свяшпшеля влагаешъ
 Глаголь Господень?—Чистая душа
 И житіе безгрѣшное, свяшое.
 — Такъ будь и ты свяшпшелемъ небеснымъ,
 Пославникомъ, принесшимъ миръ душъ.
 И исповѣдь последнюю мою
 Прими, и пушишь мнѣ изрекушъ спасенье
 Успа швои.

МЕЛЬНИЦА.

Когда такъ сильно сердце
 Влечеть тебя, по знай: тебѣ въ опраду
 Всесильный чудо можетъ совершить.
 Ты говоришь, здѣсь нѣтъ Христова тѣла,
 Священства и церкви? Въ заблужденнѣ,
 Ты Королева! Здѣсь Священство есть,
 Есть Духъ Святой, парящій надъ тобою.

(съ сими словами открываетъ голову, и по-
 казываетъ золотую чашу съ дарамъ).

Священства во мнѣ, Марія, видишь;
 Я исповѣдь послѣднюю твою
 Пришелъ принять и на пупи ко гробу
 Миръ возвѣстити душѣ твоей. Семь разъ
 Глава моя помазана елеемъ
 И приношу тебѣ Дары Святыя,
 Которыя благословилъ самъ Папа.

МАРІА.

Такъ на краю могилы суждено
 Мнѣ счастье небесное вкусить?
 Какъ съ высоты, на облакъ заплотъ,
 Слетаетъ духъ безсмертный; какъ въ пещицу
 Проникъ Апостолъ, Ангеломъ ведомый,
 И не могли его остановить
 Ни стражей мечъ, ни тяжкіе запоры;
 Но перейдя замкнутыя врата,
 Въ пещицу онъ явился, окруженный
 Силіемъ: такъ и ко мнѣ теперь,
 Обманутой заслупникомъ земнымъ,
 Являешься ниспосланный отъ Неба.
 — Тыжъ, некогда слуга мой, будь опинъ
 Служителемъ Небеснаго Отца.

Ты преклонялъ передо мной колѣна,
Я повергаюсь предъ тобой!

(повергается предъ нимъ).

МЕЛЬБИЛЬ

(осѣнивъ ее знаменіемъ креста)

Во имя

Отца и Сына и Святаго Духа!
Марія, Королева! Испытала-ль
Свое твое сердце? И дашь ли клятву,
Что истины на исповѣди сей,
Огнь Бога правды, утаишь не мыслишь?

МАРІА.

Душа моя предъ Нимъ и предъ тобою
Открыта.

МЕЛЬБИЛЬ

Съ дня, когда въ послѣдній разъ
Ты примиримась съ Господомъ, какой
Грѣхъ совѣсть пятюпишь твоею?

МАРІА.

Въ груди

Нитала я завистливую злобу
И жажду мести. Грѣшная, огнь Бога
Ждала прощенья, а сама проспичь
Я не могла соперницъ моей!

МЕЛЬБИЛЬ.

Оплакала-ль вину свою, Марія,
И швердо ли намѣренье твое
Оставишь мѣръ, съ Всевышнимъ примиряся?

МАРІА.

Какъ уповаю, что Господь проститъ
Виную,

МЕЛЬВИЛЬ.

Въ какихъ грѣхахъ еще
Сознашься можешь?

МАРІА

Не одною злобой,
И грѣшною любовью оскорбляла
Я Господа. Я страстию пылала
Къ тому, который, кляшвы измѣня,
Немилосерду обманулъ меня!

МЕЛЬВИЛЬ

Скорбишь ли ты о прежнемъ заблужденіи,
И ндола забывъ, твоя душа
Чистосердечно-ль къ Богу обратилась?

МАРІА

Тяжелая борьба мнѣ предспояла,
Но я земныя узы разорвала.

МЕЛЬВИЛЬ

Какимъ еще грѣхомъ опягчена
Душа твоя?

МАРІА

Кровавая вина

Лежитъ на ней. Въ предсмертное мгновеніе;
Какъ грозное полночное видѣніе,
Моямъ очамъ являеися она.
Я ей опъ пращъ Небесь опчуждена.
Я дѣжкое свершила преступленіе:
Убивъ супруга, сопряглась попомъ
Съ прельстителемъ предъ Божьимъ алпаремъ.
И хопъ себя, преспушая, караю

Раскаляемъ, молитвой и поспомъ,
Но все въ душѣ живеть эхидна злая,
И усыпнишь грызущей не могла я.

МЕЛЬВИЛЬ

Какой еще лезнишь на сердце грѣхъ,
Въ копоромъ ты не сознавалась Богу?

МАРИЯ

Теперь ты знаешь всѣ мои грѣхи!

МЕЛЬВИЛЬ

Помысли: близокъ Сердцевѣдецъ! Вспомни,
Какъ тяжело караетъ церкви стѣхъ,
Которые на исповѣдь приносятъ
Не полное сознание; сей грѣхъ
На вечную насъ осуждаетъ смерть.

МАРИЯ

Пусть такъ меня въ последнее мгновеніе
Помилуешь и укрѣпишь Господь,
Какъ ничего не ушамла я.

МЕЛЬВИЛЬ

Предъ Господомъ молчишь о томъ, за что
Тебя караютъ люди? Объ участьи
Въ измѣнѣ Парри, Бабвингтона? Ты
За то идешь на временную смерть:
Уже-ль обречь себя на вечной хочешь?

МАРИЯ.

Я Судинъ предсказать уже готова.
Еще мгновений нѣсколько, и я
Приблизуся къ Пресполю Трисвятова;
Но говорю и повпоряю снова:
Окончана вся исповѣдь моя.

МЕЛЬВИЛЬ

Размысли. Сердце наше льстець коварный.
Бышь можешь, ты двусмысленно зашла

Смысль насподвѣй слова, чпобъ оно
Тебя не уличило въ преспуленны,
Хопь въ дѣль семъ учаспвовала воля.
Но знай; прптворспвомъ не обманешъ ты
Всевпдющаго, пламеннаго ока,
Впереннаго во впупренность души.

МАРІА

Просила я власпптелей земныхъ
Сорвать съ меня постыдныя оковы;
Но ппкогда ни мыслю, ни дѣломъ
На жизнь врага не посягала я.

МЕЛЬЧИЛЪ

И такъ ппсцы свпдѣтельспвуютъ ложно?

МАРІА

Все исппнно, что я сказала! Ихъ же
Да судпть Богъ!

МЕЛЬЧИЛЪ

И такъ пдѣть на плаху,
Увѣрена въ невпнкости своей?

МАРІА

Сподобь меня Всесильный, ранней смерпью
Крвавую вину мою загладпть.

МЕЛЬЧИЛЪ

(благословляетъ Марію;)

Идижъ, и смерпью прпмприся съ Небомъ;
Падп, какъ жерпва чпстая! Лпшь кровью
Омоются кровавыя дѣла.

Грѣшила ты, какъ слабая жена;
Но слабости духъ бодрый оставляетъ
Въ поржеспвонный преображенъа часъ.
Мнѣ свыше данной власпью, разрѣшаю
Тебя, Маріа, отъ грѣховъ; молю,
Да совершптся пкакъ, какъ уповаешь.

(береть чашу, стоящую на столѣ и освѣтивъ ее, подаетъ Маріи. Она колеблется и опклоняетъ ее отъ себя рукою.)

Спаси мѣл Святую Кровь прими!
 Ее онъ пролилъ за тебѣ!—Прими,
 Какъ даръ, какъ милость Папы. Въ самой смерти
 Владыкъ земныхъ воспользуйся правами
 Первѣйшимъ — благословеньемъ церкви!

(Марія принимаетъ чашу).

И какъ теперь въ пыльномъ облачении
 Соединишься съ Господомъ своимъ,
 Такъ и въ его обители блаженной,
 Гдѣ идутъ печали, пресниупленій, слезъ,
 Ему предстанешь, Ангелъ обновленный,
 Соединаясь съ Владыкою небесъ.

(ставитъ чашу на столѣ. Слышенъ шумъ;
 Мельвиль закрываетъ голову, и подходитъ къ
 двери. Марія осматривается на колынахъ, тихо
 молится).

мельвиль (возвращается).

Еще тяжелая исбѣ борьба,
 Марія, предстоить! въ душѣ твоей
 Найдется ль твердостью укрѣпить порывы
 Ожесточенья, злобы?

МАРИА

Не спашусь
 Возврата ихъ! Я посвятила Богу
 Любовь мою и независимъ.

мельвиль

Готовься-жь

Борлейфа съ Лордомъ Лесперомъ принявъ:
 Они вдушь.

А. Шишковъ 2й.

III.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НОВАГО ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА:

ГАРАЛЬДЪ И ЕЛИСАВЕТА, ИЛИ ВѢКЪ ІОАННА ГРОЗНАГО ѡ).

(В. А. Эртеля).

Томасъ вошелъ въ просипранную , круглую комнату, освѣщенную такимъ же образомъ, какъ и передняя. Къ потолку привѣшена бы-

а) Романъ сей вскорѣ выйдешъ въ свѣтъ. Не разкрывая напередъ завязки романа , необходимо для поясненія предлагаемаго отрывка сказать слѣдующее: Иоаннъ Грозный поручилъ Томасу Вейшу, золотыхъ дѣлъ мастеру и механику , устроить потаенный ходъ изъ своей комнаты въ подземелье, которое было проведено изъ Кремлевскаго Дворца подъ Москву-Рѣку и вело въ поле. Мысль сію подалъ ему врачъ его Бомелій. Не задолго предъ тѣмъ прибыло въ Москву посольство отъ Гогмейстера Ордена Нѣмецкихъ Рыцарей. Племянникъ Посла, Графъ Гаральдъ, при вѣздѣ въ столицу , спасъ дочь Вейша, Елисавету, отъ опасности , которою угрожала ей взбѣсившаяся лошадь, бѣжавшая по улицъ, по коей вѣзжало Посольство въ Москву. Красота дѣвушки поразила Гаральда. На любви ихъ основана завязка романа. Еще до пріѣзда Гаральда въ Москву, Вейшъ избавилъ отъ убійцы любимца Іоаннова, Бориса Ѳедоровича Годунова , и съ друзьями своими принесъ его въ свой домъ. Ходя за раненымъ Борисомъ, Елисавета, уснувъ въ креслахъ , видѣла сонъ, предсказывающій судьбу ея и описанный въ предлагаемомъ отрывкѣ.

за чучела крокодила, нѣсколько сушеныхъ рыбъ, большою часпюю спральной фигуры, скорпионы, морскіе пауки и раки, и т. п. Кругомъ по стѣнамъ распавлено было множество чучель разныхъ звѣрей всѣхъ земель и климатовъ. Украшенія комнашы состояли изъ пирамидъ и столбовъ, складенныхъ изъ череповъ и костей. У дверей, пропивоположенныхъ стѣмъ, въ которыя вошелъ Вейтъ, стояли, какъ на часахъ, два человѣческіе скелета, изъ коихъ одинъ держалъ песочные часы, а другой косу. Со вниманіемъ осмопрѣвъ всѣ сіи спрашные, но не безъизвѣстные ему предметы, Вейтъ пошелъ наконецъ къ двери, за которою надѣялся найти обладашеля сихъ чудесъ. Отворивъ дверь безъ большаго усилія, Томасъ вошелъ въ слабо освѣщенную комнату, въ которой за столомъ, покрытымъ книгами, бумагами, сферами и другими орудіями, сидѣлъ человѣкъ съ бородою въ черномъ бархатномъ плащѣ и въ такой же шапочкѣ. Онъ читалъ книгу и, не смолря на шумъ, произведенный Вейтомъ при входѣ, не поднималъ головы. Эполтъ случай подалъ Томасу возможность лучше разсмопрѣшь читающаго. Онъ былъ человѣкъ пожилой, лѣтъ пятидесяти, съ широкимъ, вывуклымъ лбомъ и выдавшимися скудами. Глаза у него были маленькіе, сѣрые и блестящіе, а губы шол-

спыя. Онъ безпрестанно улыбался, но улыбка его часто выражала хитрую и злую насмѣшку. Широкой носъ его не придавалъ никакой пріятности и безъ того безобразному лицу. Сверхъ сего былъ онъ необыкновенно высокъ ростомъ и худощавъ. По спѣнамъ покоя стояли шкафы съ ящиками и стѣкланками разныхъ формъ и цвѣтовъ; со множествомъ репортъ, банокъ, плавильныхъ горшковъ и проч. У ногъ Доктора лежалъ на подушкѣ изъ краснаго бархата черный котъ, рѣдкой красоты и величины. Подождавъ несколько времени, Томасъ началъ шаркать и кашлять, и продолжалъ сіе до шестъ поръ, пока наконецъ Докторъ взглянулъ на него и гордо кивнулъ головою.

—«Его Царское Величество»—сказалъ Вейтъ (при сихъ словахъ Докторъ вскочилъ со стула и снялъ съ себя шапку)—«Его Царское Величество повелѣлъ мнѣ соизволилъ явиться къ вамъ, Г. Докторъ, чшобы въ сопровожденіи вашемъ произвестъ нѣкоторыя работы въ собственнѣй Его Величества комнатѣ.»

«А!»—сказалъ Бомелій, убавя весьма много прежней спѣси—«знакъ шы вѣрно Англійскій золотыхъ дѣлъ мастеръ Томасъ Вейтъ? Милости просимъ; прошу садиться. Я весьма радъ; чшо имѣю случай съ вами познакомиться. Въ этой странѣ, какъ и вездѣ, разумнымъ

людямъ для взаимной пользы надлежитъ знать другъ друга и сколь можно тѣснѣе соединяться; а что вы почто шакой человекъ, это я безъ труда вижу.»

Томасъ хотѣлъ отвѣчать, но былъ прерванъ раздавшимся какъ бы съ потолка синовашымъ голосомъ, кошорый произнесъ дважды: *»будь правъ!«*—Съ удивленіемъ Вейтъ поглядѣлъ вверхъ и увидѣлъ, на данномъ шеситъ съ перекладиною, сидящаго попугая, кошорый не переспавалъ пвердить одно и шже.

—»Ага!—сказалъ Докпоръ — »это мой житейскій философъ.«

»Что это значитъ, Г. Докпоръ?»

—»А вотъ что, любезнѣйшій Г. Вейтъ. Я полагаю, что человекъ во всю жизнь долженъ слѣдовать одному избранному имъ правилу, и направлять по немъ не только слова и дѣйствія, но и мысли свои. Тоже правило со всеми другими, шъ него происходящими, называю я житейскою философіею. Но оставимъ это покуда; я надѣюсь, что мы скоро покороче познакомимся.« Съ этими словами Докпоръ вспалъ, надѣлъ на себя верхнее платье, означавшее его должность, и повелъ Вейта изъ комнаты другою уже дорогою. Поднявшись на нѣсколько лѣшницъ и спустясь по другимъ, множественномъ проходахъ и переходахъ вышли они въ длинный корридоръ,

на концѣ коего находилась похаенная дверь. Доклоръ отперъ ее висѣвшимъ у пояса ключемъ и вошелъ въ нее вмѣстѣ съ Вейпомъ.

Они очутились въ комнатѣ Царской, весьма необширной. Окнами была она обращена на площадь передъ дворцемъ. На простѣнкѣ между окнами висѣло небольшое зеркало, а подъ нимъ миньяшюрный портретъ покойной Царицы Анастасіи. Другой ея портретъ во весь ростъ висѣлъ на противоположной окнамъ стѣнѣ, а по обѣимъ сторонамъ его висѣли такіе же портреты сыновей Іоанновыхъ, Іоанна и Θεодора. Въ воспочномъ углу комнаты, въ искусно сдѣланномъ изъ кедроваго дерева кивотѣ, висѣлъ Образъ Свящисела Николая Чудотворца, богато украшенный золотомъ и дорогими камнями, и окруженный со всѣхъ сторонъ другими иконами, не менѣе драгоценными. Посреди комнаты былъ длинный столъ, на кошоромъ, кромѣ множества книгъ и исписанныхъ пергаментныхъ свитковъ, поставлена была великой цѣны чернилица, а подлѣ нея золотыя сподовые, довольно высокіе часы, опличавшіеся достопримѣчательнымъ механизмомъ. Надъ часовой доскою придѣлана была къ нимъ галлерей, на кошорую, когда часы били, выходило сполько же Апостоловъ, сколько разъ ударяло въ колоколь, шакъ что въ полдень и въ полночь

двѣлось ихъ на ней двѣнадцать. Въ это время обходили они по галлерей трижды около звонка, кланялись и исчезали. Кромѣ сихъ вещей, въ комнахъ не было ничего достопримѣчательнаго. Стѣны покрышы были обоями, а полъ ковромъ.

Томасъ осмопрѣлъ всю комнату со вниманіемъ, мѣрля, вычисляя, и наконецъ рѣшился сдѣлать потаенную лѣстницу въ боковомъ покоѣ, спальнѣ Царской, а опускающую дверь по лѣвую руку спуга, на которомъ Іоаннъ обыкновенно сидѣлъ, занимаясь дѣлами. Эшопъ планъ былъ совершенно одобренъ Докпоромъ, съ которымъ Вейшъ, проспившись весьма холодно, пошелъ въ Казначейство. Приказные его уже ожидали, и хотя дѣло не обошлось безъ споровъ и придирокъ съ ихъ стороны, однакожь они оппустили, ему назначенное въ выдачу серебро и золото.

Пришедъ домой, онъ немедленно принялся за дѣло, и работалъ съ такимъ усердіемъ, что чрезъ нѣсколько дней готовы были не только лѣстница, но и опускающая дверь, которая повиновалась и слабѣйшему давленію пружины. Сія послѣдняя однакожь успроена была не по прежнему плану въ стѣнѣ, а въ полу подлѣ спуга. Желѣзная дверь при выходѣ изъ подземнаго хода также была навѣшена, такъ что на десятый день, счищая съ

посѣщенія Царемъ золотыхъ дѣлъ маспера , Бомелій донесъ Иоанну , что всѣ работы готовы , и что Царь можетъ обозрѣть ихъ , когда за благо разеудитъ .

Царь былъ всѣмъ чрезвычайно доволенъ . Особенную радость и удивленіе возбудилъ въ немъ замѣкъ , который въ самомъ дѣлѣ сдѣланъ былъ такъ искусно , что онъ не могъ быть опперить иначе , какъ нарочно сдѣланнымъ для того ключемъ , и то еще тогда только , когда имъ опводили пружину , скрытую во внутренности . Одно только не понравилось Иоанну ключъ былъ слишкомъ великъ , широкъ и тяжелъ , однимъ словомъ , не удобенъ для того , чтобы всегда носить его при себѣ . Ему хотѣлось , чтобы эпошь недосяпашокъ непременно былъ исправленъ .

Томасъ сидѣлъ въ своей масперской и сравнивалъ прежній ключъ , лежавшій подлѣ него на лавкѣ , съ новымъ , сдѣланнымъ поменьше и припомъ такъ , что можно было его складывать , какъ карманный ножикъ , и съ удобностію носить при себѣ . Съ видомъ удовольствія завернулъ онъ его въ тонкую бумагу и хотѣлъ было уже нести во дворецъ , какъ вдругъ дверь со стукомъ опворилась ; и въ комнату , къ великому удивленію Вейша , вѣжла Елисавета , которая минутъ лишь за

десять передъ тѣмъ вышла изъ дому за нѣкошорыми покупками. Она, со слезами на глазахъ, въ сильномъ волненіи, бросилась опцу на шею и вскричала: »Бапюшка! любезный бапюшка! я его видѣла, видѣла собственными глазами.«

—»Кого это?«—спросилъ изумленный отецъ. »Что съ побою сдѣлалось кого ты видѣла?«

»Его, его самого, верхомъ на конѣ. Онъ самъ меня поддерживалъ, чтобъ я не упала, и смотрѣлъ на меня приспально. Ахъ! теперь вѣрно сбудется все, что я видѣла.«

Отецъ все еще ничего не понималъ изъ безпорядочной ея рѣчи; но наконецъ, по долгомъ распрашиваніи, узналъ, въ чемъ состоитъ дѣло. Сначала дѣвушка рассказала ему происшествіе съ бѣшеною лошадыю, а потомъ сонъ свой, кошорый видѣла она, заснувъ у постели Борисовой.

»Мнѣ показалось — сказала она — что я гулю на прекрасномъ, устѣянномъ цвѣтами лугу, на берегу Москвы рѣки. Когда я смотрѣла на какой-нибудь цвѣпокъ, тогда изъ него выглядывала дѣшская головка, кошорая улыбалась, кланялась мнѣ и смотрѣла на меня большими темноголубыми глазами. На каждомъ цвѣпкѣ была особенная головка но у всѣхъ былъ одинъ и тотъ же взоръ, кошорый

глубоко проникалъ въ мою душу и приводилъ меня въ несказанное восхищеніе. Иногда казалось мнѣ, что я еще дыши и лежу на рукахъ у машушки, которая меня тихимъ голосомъ убаюкиваетъ. Гуляя такимъ образомъ по лугу, вдругъ я почувствовала, что меня что-то кольнуло въ голову. Я схватилась за нее рукою и нашла, что у меня на головѣ вѣнокъ изъ розъ и васильковъ. Сорвавъ одну розу и бросивъ ее ближнему ко мнѣ дышани, я увидѣла, что цвѣтокъ на лѣтѣ превратился въ маленькую, пеструю пшичку, такую хорошенькую, какой я еще не видывала. Когда она замахала крыльшками, тогда оныя нея полетѣло множество такихъ же пшичекъ; всѣ они сѣли къ дышамъ на цвѣтки, играли съ ними и пѣли. Потомъ бросила я василекъ— и съ нимъ сдѣлалось тоже, что и съ розою. Вдругъ я замѣтила, что подлѣ меня идетъ молодой Рыцарь въ такомъ вооруженіи, какое носятъ они у насъ въ Германіи. Я взглянула на него—и поплѣ же взоръ, какъ и прежде, встрѣтился съ моимъ взоромъ. Однакожь мнѣ не казалось это удивительнымъ; да и молодой человекъ, казалось, былъ мнѣ не чужой; я какъ будто видѣла въ немъ и себя, любезный бапюшка, и покойную машушку, и Роберта, и все, что мнѣ мило въ свѣтѣ. Мы начали играть вмѣстѣ, и голосъ машуш-

кинъ сдѣлался мнѣ слышнѣе. И онъ, подражая мнѣ, началъ срывать розы и васильки; но, не смотря на то, цвѣтковъ изъ вѣнка не убывало, напротивъ они умножались и спланивались пышнѣе и душистѣе. Вдругъ рѣка начала съ шумомъ волноваться. Ужасное чудовище показалось изъ воды и, пропхнувъ длинную, чешуйчатую шею, схватило огромною пастью моего спутника и упатило въ рѣку. Въ опчаяніи, съ крикомъ и плачемъ, начала я бѣгать по берегу и, вбѣжавъ въ находившійся на берегу кустарникъ, увидѣла подлѣ себя молодаго человѣка, который въ эту ночь спалъ у насъ въ чуланѣ. Я хотѣла спросить его — но шы, бапюшка, разбудилъ меня. Вопль ошъ чего, промолвила я, проснувшись, нѣсколько несвязныхъ словъ. А сего дня, бапюшка, я опять его увидѣла; знакомые мнѣ глаза опять на меня смотрѣли — это были глаза человѣка, который сегодня спасъ меня отъ смерти. «

Сказавъ это, милая дѣвушка скрыла на груди отца пылающее лице свое. Тронутый старикъ поцѣловалъ дочь. »Глупенькая!—сказалъ онъ—за чѣмъ же было такъ пугать меня? Какъ можно было такъ прогаться сномъ, который въ эту ночь весьма естественно могъ тебѣ привидѣться? Случившееся тогда происшествіе вѣрно разстроило твои нервы,

а изнеможение опять бессонницы и еще болѣе раздражило. Удивительно ли послѣ этого, что сонъ твой былъ живѣе и чудеснѣе обыкновеннаго? А что ты сегодня увидѣла того челоуѣка, который представился тебѣ во снѣ, то и это, я думаю, не что иное, какъ обманъ воображенія. Хоть бы и въ самомъ дѣлѣ нащлось между нами сходство, то неужели должно выводиться изъ этого важныя послѣдствія! Какъ бы то ни было, но я думаю, что тебѣ не должно бояться сна, въ которомъ слышала ты голосъ своей мапери. Успокойся же, другъ мой, и положиись на Бога, который не оставилъ тебя въ опасности. Теперь мнѣ надобно идти со двора. А ты между тѣмъ возьми вонъ эдакъ ключъ, что на лавкѣ, и спрячь подалѣе. »

Сказавъ это, Вейштъ ушелъ. Елисавета послѣдовала совѣту отца и принялась за разныя занятія по хозяйству, чтобы разсѣять свои мысли и успокоиться; но тщетно. Милый образъ пропавъ воли ея носился передъ нею, и она погружалась, сама не зная какъ, въ сладкую задумчивость.

IV

О Ч И.

Видалъ ли очи львицы гладной,
 Когда идетъ она на брань:
 Или съ востлѣемъ ноговъ хладной,
 Возваспѣ въ препепную лань!
 Ты зрѣлъ гѣну съ люпымъ звомъ,
 Когда грызешъ она заповоръ!
 Какъ раскаленъ упорнымъ гнѣвомъ
 Ея окровавленный взоръ!
 Тебѣ случалось въ мракѣ ночи,
 Во весь опоръ пустивъ коня,
 Внезапно волчьи вспрыпнать очи,
 Какъ два недвижные огня!
 Ты помнишь, какъ швой замеръ голосъ,
 Какъ потухалъ въ крови огонь,
 Какъ подымался дыбомъ волосъ,
 И подымался дыбомъ конь!
 Ты очи—спрашныя явленья!
 Но видѣлъ я и шѣхъ страшнѣй:
 Не позабылъ дунь моей
 Ихъ роковаго впечатлѣнья!
 Изъ всѣхъ огней и всѣхъ оправъ
 Огни шѣхъ взоромъ несоспавишь
 И лишь безумно обезславншь
 Наукъ всевѣдущій уставъ.
 Огнь нѣхъ все чувствво каменѣеть,
 Ихъ огнь и жжесть и холодинъ;
 При мысли, сердце вновь горитъ
 И стихъ, робѣя, леденѣеть.

Моли всѣхъ Ангеловъ вселенной,
 Чшобъ въ жизни не встрѣчашь своей
 Неправой местию раздраженной,
 Коварной женщины очей!

С. Швейтцевъ.

V.

ДЖЕМСЪ ФЕНИМОРЪ КУПЕРЪ.

До *Купера*, не было ни одного Американскаго писателя, коего творенія представляли бы вполне типъ мысли и жизни Американской. Да и теперь, вокругъ его, между соперниками и земляками встрѣчающся только болѣе или менѣе счастливые подражатели Британской поэзии и Британскаго краснорѣчя. Опечесство *Купера*, испоргшее себѣ политическую самобытность изъ подъ владычества митрополита, сохраняетъ къ ней донынѣ родственную привязанность и попомственную подчиненность въ литературѣ. Масштабный образъ Британіи носится всегда предъ очами Сѣверо-Американскихъ писателей: она служитъ для нихъ классическою моделью, отъ копорой они не смѣютъ уклоняться, не подвергаясь опасности сдѣлаться или слишкомъ низкими или слишкомъ изысканными, даже варварскими. Самъ Ирвингъ, возобновивъ стиль и манеру Адиссона, удо-

вольсшвовался только пѣмъ, что избралъ для себя въ литературѣ Англійской испочки древніе или преданные забвенію. Его италаниль соспоишь въ помъ, что Италіянци называютъ *rifacimento*: и прелеснѣйшія изъ картинъ, имъ начертанныхъ, принадлежатъ старинной Англии. Напронивъ, въ *Куперъ*, первое, что поражаетъ читателей, есть совершенно Американскій цвѣтъ его произведеній. Въ нихъ оцупительно дышетъ какая-то необычайная за-Атлантическая свѣжестъ: онъ носящъ на себѣ печать Новаго Свѣта: и шворцу ихъ по всѣмъ правамъ принадлежатъ всеобщепризнанное имя великаго Американскаго романиста.

Вошь честь, вошь слава, вошь счастье, копорымъ немногіе писатели наслаждались. Рѣдко встрѣчающаея опыты споль пѣснаго соединенія съ образованностью роднаго края. И съ какою еще образованностью? И какаго края? Зрѣлище споль обширное и споль дикое! Природа споль исполински великая! Какад-то чудная спранность въ сраженіи и борьбѣ нашихъ промысловъ, нашихъ искусствъ, нашихъ идей, пересаженныхъ на дѣвспенную почву, въ мѣръ новыи, принужденныхъ спадкиваться съ дикою жизнью и поборать ее!

Духъ художественности еще не проникъ
Телеск. Ч. IV.

въ пустыни Америки: напрасно спали бы вы искать его въ ея городахъ. Духъ ремесленническаго основанья эту гражданственность и поддерживаеетъ это общество: вы найдете его въ романахъ *Купера*; онъ напечатлѣнъ на его физиономіи.

Разсмотримъ внимательно прекрасный портретъ его, слѣсанный съ напурѣ Госпожею де Мирбель. Вы сознаеетесь, что человекъ съ такимъ спростымъ и бдительнымъ взоромъ долженъ обладашь способностію наблюдать съ удивительнымъ вниманіемъ и терпѣніемъ все вещественныя предметы; развъ только нѣкоторыя слишкомъ тонкіе општѣнки общества и человѣческаго характера могутъ ускользнуть отъ него. Суровая простота царствуетъ въ его чертахъ, которыя все обрисованы твердо, одушевлены мужественностію; но лишены движенія. Если нѣкоторыя кривыя линіи входятъ въ составъ ихъ, то онѣ опдѣляются, одна отъ другой, глубокими впадинами или морщинами крупно прорѣзанными: энергія, быспроста; рѣшительность твердая и непоколебимая, внимательность, крѣпость, неутомимость — воше свойства этой физиономіи, существенно Американской. Присоедините къ этому наружному физиономическому обозрѣнію правила Доктора Галля— и вы найдете въ этомъ возвышенномъ челѣ,

споль необыкновенномъ въ своемъ разрьбъ, испинную френологическую рѣдкость. Съ одной стороны, органы случайности, мѣстности, недѣлимости — (пѣ, которыя романисты наиболее упражняють и приводятъ въ дѣйствіе) — высовываются, пакъ сказашь, рѣзкими выпуклостями; съ другой, высшіе органы причинности, сравненія предметовъ и веселости, отдѣленные другъ отъ друга бороздою, глубоко прочерченною, образуютъ возвышеніе не менѣе прямьное. Эпопѣебезпокойный и прощанцельный взглядъ, кажешся, безпреспанно ищеть какого нибудь новаго наблюденія; эша улыбка спранныя, сардоническая и не ласковая, избличаетъ способность къ ироніи, преобладающую надъ умомъ непреклоннымъ. Сжащія губы обнаруживаютъ шу безмолвную сосредоточенность мысли, безъ которой нѣтъ истиннаго таланта. *Куперъ* высокаго роста; его обхождение свободно и просто. Крѣпость духа и могущество республиканской самбуврности придають цѣльному выраженію его фizioноміи и наружности какую-шо мужеспвенность и силу, которыя не очень согмашаются съ понятіями ушонченности и изысканной пріятности, коими образованность запечатлѣваетъ обыкновенно званіе ученаго челоука.

И пакъ, между *Куперомъ* и между идеями

и нравами его опчизны, существуетъ совершенная аналогія, полная гармонія. Это истинный Американецъ, во всей обширности сего слова и со всѣми оппѣнками національной физиономіи. Изъ этого пождества, изъ эпои высочайшей національности образовалась сила его таланта. Оспаваясь самимъ собою, онъ былъ силенъ и могучъ; его оригинальность была выраженіемъ оригинальности его опчества. Первый онъ явился органомъ общества, только что рождающагося и уже спрашнаго. До тѣхъ поръ думали, что Соединенные Штаты не могли производить ни авпоровъ, ни чипашелей; ихъ осуждали на вѣчное литературное безплодіе; въ усиліяхъ ихъ писашелей видѣли только покушенія раболѣпныхъ переписчиковъ. *Куперъ* нисровергъ побдноно эту ложную увѣренность.

Когда Робинзонъ Крузоэ увидѣлъ слѣды Пятницы на пескѣ, онъ не болѣе почувшвовалъ удивленія, какъ Европейская публика, когда Американскіе романы *Купера* показали ей, что можно жить въ Нью-Йоркѣ, родиться на берегахъ Делавары, не подражать никому — и имѣть геній. Съ давнихъ временъ критики уже рѣшили было, что талантъ и Американское происхожденіе несомѣстимы. Голландская шанцовщица, Медицейская Венера, родившаяся между Эскимосца-

ми, не были бы приняты съ большимъ и глубочайшимъ изумленіемъ, какъ хорошій романистъ или хорошій поэтъ, воспитанный въ Соединенныхъ Штатахъ. Какъ? эша купеческая спорона, эшотъ народъ, недоступный для очарованія искусствъ, представляеть намъ единственнаго современнаго прозаика, котораго Вальпер-Скоттъ долженъ признаеть своимъ соперникомъ! Ту оригинальность, коей чудную прелестъ Шотландскій романистъ заимствоваль изъ древнихъ мѣстописей своей отчизны, *Куперъ* нашель въ нравахъ эшой безпредѣльной Америки, въ ея пустыняхъ, въ ея городахъ, совершенно новыхъ и свѣжихъ, едва, пакъ сказать, произникшихъ изъ нѣдръ земли!

Еще до творца *Пуританъ*, исторія Шотландская была упопрѣбляема въ дѣло: ея повѣрья, ея обычаи доставляли матерію для многочисленныхъ и ученыхъ розысканій. Мисприссъ Грантъ, Бёрнсъ, Аллан-Рамзей, Бючананъ, Макферсонъ предшествовали Вальперу-Скотту. *Куперъ* не имѣль предшественниковъ. Онъ овладѣль предметомъ дѣвственнымъ: пустился въ океанъ, еще ни однимъ весломъ не прорѣзанный. Литературный Христофоръ Коломбъ, онъ бросиль якорь на берегахъ невѣдомыхъ. Со всѣхъ споронъ представлялись ему пропинки непрошпаннаыя. Неиспощимое разнообразіе матеріаловъ; сцены,

пробующія псапра; картины, ожидающія рамя; виды, зовущіе кисть художника: вездѣ новоспѣ, небывалоспѣ, чудеса; интересъ совершенно современный; народъ, едва вышедшій изъ пеленъ и уже могущеспвенный; исгорія, коей первыя спраницы блестящъ образованноспѣю и побѣдами; необычайное зрѣлище героизма пихаго, благочеспиваго, поспояннаго; имена Вашингтона, Пенна, Франклина; фондъ картины — лѣса тысячелѣтніе; дѣйспвующія лица — училиели Новаго Свѣта, предъ дикими чадами вигвама и калюмена; успѣхи Европейскаго образования посреди эсихъ пустынь непоработоченныхъ; сраженія опцевъ и дѣшей, унѣснщелей и унѣсненныхъ, однихъ рашующихъ во имя свободы и перпимоспи, другихъ несущихъ насиліе и рабспво: какое безпредѣльное поприще! какая свѣжесп красокъ! какой роскошный запасъ для писапеля! какая слава для друга опечеспва, владѣющаго силою увѣковѣчиващъ споль дивныя воспоминавія!

Одно обспоящеспво могло бѣ воспрепятспствовавъ успѣху *Купера*. Еслибъ онъ захотѣлъ подражавъ рабски Европейскимъ своимъ образцамъ, его произведенія получилибъ ложный цвѣтъ; но эпошъ характеръ, совершенно Американскій, коего выше разобрали мы оппѣнки и признали печашъ, какъ въ черпахъ лица, пакъ

и въ расположеніяхъ души *Купера*, спасъ его оипъ единственной опасности, которая могла угрожать его гению. Съ искренностію и съ силою хваталъ онъ разсыанные элеменпы, предъ нимъ находившіеся. Тщательно осперегаясь исказить ихъ естественную прелестъ и—если можно какъ выразишь—возмушить дѣйственную числоту малѣйшимъ классическимъ подражаніемъ, онъ рассказываетъ, даже языкомъ Сосдиненныхъ Штатовъ, пѣ необыкновенныя приключенія, коихъ позорищемъ были ихъ обширныя степи или моря окрестныя. Его лица выходятъ изъ хижины поселенца, изъ шалаша дикаря, изъ лавки купца, чптобы дѣйствовать въ его драмахъ; исполнская природа сихъ степей приходитъ глядѣться въ нихъ, какъ въ зеркаль.

Въ отношеніи къ своимъ соотечественникамъ, *Куперъ* былъ Омиромъ ихъ образованности, Бардомъ, увѣковѣчивающимъ ихъ славу. Европейцамъ доснавлялъ онъ невѣдомыя удовольствія: и на эпомъ двойномъ пѣдесталѣ утвердилась и возрасла его собственная слава. Даже Англійскіе аристократы, пѣ, копорые не безъ прискорбія видѣли Америку въ одно и позже время и въ соперничествѣ и въ дружбѣ съ Англіей; пѣ, коимъ успѣхи колоній лежали, какъ бѣльмо на глазъ; пѣ, копорые находили удовольствіе въ томъ, чптобы пре-

давать посмѣлнѣе правы, идеи и произведенія Американскія — должны были признашь палача *Купера* и отдать ему должную честь. Да и какъ могли бы они закрыть глаза для споль яркой очевидности? какъ могли бы опривать испытываемое всѣми могущество и занимательность его твореній? Сколь ни глубоко наръзана была на нихъ печать Американская, онѣ останавливали ихъ вниманіе, заславляли щесть ихъ слезы. Гордые оспривляне не понимали сами важности своего сознанія, вѣса, который имѣли ихъ похвалы. Если основатели Американской республики обезпечили ей политическую и торговую независимость; если Вильгельмъ Пеннъ, въ попѣ лица, съ опасностью дней своихъ, воздвигъ въ ней святилище религіозной независимости: то все еще не доставало для эпои великой и пышной спраны независимости умщвенной. Она получила ее отъ *Купера*.

Таково благодатное могущество генія! Нашъ романистъ конечно не зналъ, какое высокое дѣло предпринималъ онъ. Проникнуый пыхимъ энтузіазмомъ, долго онъ заговмалъ и приводилъ въ порядокъ материалы для своей работы, соединяя неупомимое перпѣніе съ живымъ одушевленіемъ. Онъ чувствоваль очень хорошо, что былъ рожденъ для чего-то болѣе, чѣмъ для обыкновенныхъ романовъ.

Болѣ вѣрный испинь, чѣмъ самъ Вальтер-Скопшъ, онъ искалъ ее не въ хроникахъ, а въ современныхъ воспоминаніяхъ; интересъ его разказовъ заимствованъ изъ событій недавнихъ, свѣжихъ, которыя легко доказать и подвергнуть изслѣдованію.

Такъ какъ онъ вездѣ опирается на дѣйствительность, по-вы не должны искашь въ его произведеніяхъ ни быспраго развитія драмы, нагруженной приключеніями, ни лепучески спилл, ни живоски разговора. Онъ медленъ, не будучи однако тяжелымъ: мѣлочень, по не распянутъ. Ни одна черпа характера или пейзажа не ускользнешъ ошъ него: онъ не оставишь кисти, прежде нежели разберешъ каждую изъ нихъ, съ основательностію и испиною, долженствующего очаровать васъ. Въ описаніяхъ, онъ осперегаешъ бышь слищкомъ рѣзкимъ: не дѣйствуетъ посредствомъ массъ, ни цвѣпныхъ, ни мрачныхъ. Напрошивъ, онъ распоряжаешъ шакъ удачно цѣлое и обогащаетъ его съ такою почностію всеми составными элементами, что вы различаете каждую часть, какъ будшобы волшебная сила чародѣйства вызвала ихъ предъ ваши взоры. Пусть это будетъ льсной шалашъ, внутренность прешой хижины, шрупъ корабля, плавающій вдали по пущынѣ волнь—онъ оставишь васъ читаешь себя, однимъ обаяніемъ

совершеннѣйшей точности, одною очаровательнѣйшею вѣрнѣйшею истины: и описаніе самаго обыкновеннаго предмета, лишеннаго всякой живописной прелести, покажется вамъ гораздо занимательнѣе, чѣмъ иное изображеніе великолѣпнаго ландшафта, высокаго зрѣлища, обрисованнаго неопредѣленно, заброшеннаго, на скорую руку, рѣзкими и жесткими красками. Женское любопытство, ищущее всегда въ романѣ дѣйствія и интереса, не будетъ имѣть бодрости пройти черезъ всѣ описанія *Купера*. Начавъ читать его, должно пожирать все. Не лѣзя однако не признаваться, что онъ иногда повсюду себя: часто принимается снова за порпращь, — уже обрисованный его кистью. Онъ не ухватитъ опть васъ ни одной доски на фрегатѣ, ни одного дерева въ лѣсу. Его рѣчь обильна, иногда слишкомъ говорлива, но всегда вольна и смѣла называть каждую вещь по имени. Въ писателѣ, менѣе истинномъ, менѣе энергическомъ, менѣе добросовѣсномъ, можнобы было попрошанъ на эту неумолимую, слишкомъ уже мѣлочную точность, которая не одну страницу въ произведеніяхъ *Купера* превращаетъ въ пропшоль судебного допроса. Но эпопѣй допросъ интересуетъ, забавляетъ, увлекаетъ, разгорячаетъ воображеніе, воспламеняетъ душу. Зеленѣющія саванны, песчанья равни-

ны, масшиные дубы, безпредѣльныя пустыни, озера подобныя океанамъ, безмѣрные дремучіе лѣса, съ ихъ вѣчною шѣнью: вопшь предметы, изображаемые *Купероль* не шолько съ вѣрно-стию, но и съ любовію, съ наслажденіемъ, съ энтузіазмомъ!

Дайше ему пуститься въ морѣ; эпошъ энтузіазмъ превращише въ нѣкоторый родъ спрашнаго изшупленія, глубокаго и благоговѣйнаго. Вы подумаете, что волны составляютъ его спихію. О! какъ прекрасны его морскія карпины въ ихъ ужасѣ, какъ возвышенны въ ихъ испинѣ! Онъ показываетъ вамъ не призракъ корабля на призракѣ океана, не малеванное судно на малеванномъ морѣ: все, на его корабляхъ и вокругъ нихъ, все—дѣйствіе, жизнь, характеръ, поэзія. Врагъ неопредѣленности, неспособный ея любоваться и допускать ее въ свои карпины, онъ окружаетъ васъ споль многочисленными, споль подногошно разобранными подробностями, что даже самая ихъ незначительность еодѣйствуетъ къ возвышенію истины цѣлаго. Паруса надуваются, канаты смыгаются, снасти шрещаются, дегонь дымише, кашанъ свнщешъ, пучина пьнише, разѣденный валъ съ ревомъ плещешъ вокругъ корабля: Земля нѣше—ничто ее не напоминаетъ. И цощомъ, когда она снова лвишешъ, вы ви-

деше себя брошенными въ спрану новую, пуспынную, безвѣстную—и удивляешесь вѣрности живописца, разнообразію его красокъ.

Мы сказали уже, что *Куперъ* врагъ неопредѣленности. Это романистъ наиболѣе положительный изъ всѣхъ, какіе только когда существовали, не исключая даже Вальпера-Скотта. Взглядъ его проникаетъ въ глубину души человѣческой. Онъ анатомируетъ ее, не идеализируя. Видно, что каждое лицо, выводимое имъ на сцену, наслаждается дѣйствительною жизнью. Но будучи споль проницателенъ и дальновиденъ, *Куперъ* все еще любитъ человѣчество. Его кисть никогда не обмакивается въ желчь: онъ одушевляется вездѣ симпатическимъ соучастіемъ съ нашими благороднѣйшими движеніями, съ нашими лучшими чувствованіями. Это благородное расположеніе весьма пріятно видѣть въ умѣ, котораго ничто не обманывается, онъ котораго ничто не ускользаетъ. Весьма часто мизантропія бываетъ печалію наблюдателя: разбираетъ внимательнѣе челоука значить подвергаться опасности его возненавидѣть.

Природа человѣческая, какъ описываетъ ее *Куперъ*, не смотря на свои заблужденія, кажется еще прекрасною и досполюбезною: если онъ опкрываетъ ея слабости, то не пѣшился ими; онъ хочетъ ободрить ее къ до-

бродѣтели, а не повергнувъ ее въ опчааніе о самой себѣ. Всякой разъ, когда попадаетъ ему подъ кисть какое нибудь похвальное движеніе души, онъ схватываетъ его, овладѣваетъ имъ; и эта нравственность, столь сладостная, есть единственная поэзія, примѣшивающаяся къ его порицаніямъ. Впрочемъ, сіи послѣдніе все истинны, все живописны; иногда они впадаютъ въ каррикашуру; самый замѣчательнѣйшій его недоспапокъ состоятъ въ томъ, что онъ иногда слишкомъ преувеличиваетъ, слишкомъ дозорчиво подсматриваетъ и подробно выясняетъ ихъ характеристическія черты. Никогда не бываетъ онъ ложенъ; но не рѣдко переходитъ мѣру въ истинѣ. Одно лице представляется намъ уродомъ, другое чудакомъ: мы забываемъ, какъ природа разнообразна и—почищаемъ обманомъ слишкомъ вѣрную копию ея прихотей. Вдругъ одна черта характера, одно слово, вылившееся изъ сердца, одна, такъ сказать, выходка природы; пробивается, поражаетъ насъ изумленіемъ, примиряетъ съ лицомъ, которое спановилось намъ знакомымъ и которое начинаемъ мы понимать. Часто *Куперъ* заимствуетъ свои средства изъ самаго почайшаго разложенія нашихъ склонностей и идей: рѣдко столь разборчивый взглядъ, столь глубокая проникаемость соединялись съ столь могуще-

ственной энергіею. Въ его твореніяхъ встрѣчаются всѣ роды фізіономій, отъ подростка до героизма, отъ радущія до ужаса: всѣ они выливаются на картинѣ, говорящъ воображенію, и, задержавъ на себѣ любопытство, оказываютъ фізіономіями дѣйствительно человѣческими, живыми, естественными.

Его женскіе портреты, въ особенності, обнаруживаютъ тонкость наблюденія почти Шекспировскую. Это ни придворныя, ни свѣтскія женщины; это также и не существа сверхъестественныя: это просто — женщины. Доброша, крепость, естественная прелесть, добродушное величіе, окружающъ ихъ своимъ сіяніемъ. Ихъ красота и привязанность освѣщаютъ и улаживаютъ самыя неприступныя убожища, облегчаютъ заботы мушкетъ, проливаютъ бальзамъ на ихъ раны. Нравственное чувство, соединенное съ физическою красотою, съ терпѣніемъ, съ ясностію души, составляетъ ихъ очарованіе. Добрая хозяйка, какъ на примѣръ жена Капитана Гнекопа въ *Обитателяхъ Границъ* (*Borderers*), имѣетъ болѣе прелесть, чѣмъ всѣ Сильфиды Воспока, чѣмъ всѣ Принцессы Ла-Калпренета: ея наружность не блистательна; жизнь мирна и скромна; но вокругъ ней обитаетъ счастье и миръ: въ ея груди хранится сокровища блаженія и любви: однимъ

словомъ—это женщина, какъ описалъ ее Вордсвортъ. »То не Паллада, не Юнона, не прекрасная Эгерія : ей не воздвигаютъ алтарей; въ чашу жизни нашей она не изливаетъ божественной амброзіи, нектара, достойнаго небесъ, но пагубнаго для смертныхъ. Это та, которую прозорливая благоснь Творца создала, дабы утѣшать, согрѣвать и благословлять, дабы царствовать безъ совмѣстничества подъ кровомъ домашнимъ, дабы блюсти наши дни и украшать ихъ. Суешныя ласкатели говорятъ ей, что ее обожаютъ, что ликъ ея озаряется небеснымъ сіяніемъ, что наконецъ она самый Ангель ! . . Проповѣдники опасныя ! Желая превознести ее, вы разрушаете ея очарованіе. Предоставьте лживымъ поэтамъ, чудеснымъ рассказчикамъ, талисманы, мечты, дива. Подруга нашихъ дней, мать нашихъ дѣшей, бдительная хранительница наша отъ колыбели до гроба, управляющая нашими первыми шагами, улаживающая недуги горькой старости, продолжающая жизнь нашу ! Оставьте ей чистосердечіе и кропкую вѣжностъ. Пусть она будетъ женщиной.. вопль все ея могущество!«

Между многочисленными романами, изданными *Куперомъ*, особенно характеристическою оригинальностію отличаетъ *Последній изъ Могиканъ*. Напрасно спали бы вы искать

въ бібліотекѣ романовъ шворенія, которое можно бѣ было поспавить съ нимъ въ параллель. Магпросы Смоллеца и Фильдинга, нищѣ Вальтера Скопша — все исчезаетъ. Вы перяете наконецъ изъ виду эту безконечную фамилію героевъ, переходящую изъ вымысла въ вымыселъ. Вы находитесь въ новомъ мірѣ. Тамъ, во всемъ величїи своемъ, дышетеъ первобытнѣй геній рода человѣческаго. Чудо пуспыни возникаетъ и рисуется предъ вами. Онъ не имѣетъ ни одежды ни украшенія. Онъ одинъ, самъ съ собой, чуждый всякой образованности: господинъ надъ всемъ, что его окружаетъ, и не знающій надъ собой никакого господина. Царь своей пуспыни, онъ не имѣетъ рабовъ. Страсти, пороки, добродѣтели нашего общества, ему неизвѣстны. Природа, окружающая его, также велика, какъ онъ. У ней есть для него шайны и наслажденія, невѣдомыя оспальному міру. Романъ сей отличаетъ удивительною свѣжестію очарованія: пресыщенные лживыми картинами, опасными упонченностями, вы начинаете жить жизнь первобытныхъ пуспынь, приобщаетесь къ чловѣку, котораго онъ воспитали. Вы забываете все прочее.

И какъ замѣчательны, какъ истинны характеры, движущіеся въ эпшой спранной драмѣ? Все они носятъ печать могучей руки,

которая ихъ начерпала. Старый Индеецъ и его сынъ предсавляютъ намъ типъ дикой жизни. Но гораздо большее удивленіе возбуждаетъ *Длинный Караванъ*, это чудное лице, посавленное какбы на рубежъ гражданственности и дикости, это посредствующее звено между общественною образованностію и первобытною независимостію. Тончайшая разборчивость кисти управляла выборомъ оплѣнковъ, изъ коихъ составленъ этотъ странный портретъ. Это еще не Европейецъ, но уже и не свирѣлый Индеецъ. Обдуманнѣй героизмъ, воспитываемый образованностію, смѣшивается въ немъ съ исподинскимъ и буйнымъ героизмомъ, который ей предшесвуетъ. Онъ еще не опрелекъ отъ жажды мщенія и отъ непоколебимаго спонцизма опцевъ своихъ; но угадываетъ по инстинкту разборчивость чувства чести и возмываетъ даже до благородства души, коего предощущаетъ силу и величіе.

Перебирая прочія произведенія *Купера*, мы затруднимся положить на которомъ-нибудь изъ нихъ печать исключительнаго предпочтенія. Первый романъ, имъ изданный — *Предосторожность или Выборъ Мужа*—единственный, въ коемъ онъ позволилъ себѣ ограничиться тѣснымъ кругомъ госшинныхъ, если также единственный, въ коемъ геній,

по видимому, его оставилъ. *Стелы* содержатъ въ себѣ описанія, болѣе характерныя, болѣе подробныя, болѣе живыя, чѣмъ прочія его творенія: это прекраснѣйшій порицатель мертвой природы, какой только выходилъ изъ подъ его кисти. Прочитавъ этотъ романъ, вы подумаете, что сами жили на берегахъ эпихъ рѣкъ, проходили тысячу разъ эпихми *стелами*, сами вопрошали шаиненва эпихъ мѣсть, полныхъ очарованія, и пробуждали ихъ безмолвное эхо вашимъ голосомъ. Должно однако сознаться, что это удовольствіе покупается скукою, причиняемою слишкомъ длинными опустошеніями, отъ которыхъ картина сія, сполько вѣрная, дѣлается чрезъ мѣру расплывающею.

Шпюнкъ имѣетъ также своихъ приверженцевъ. *Гарсей Виршъ* есть созданіе драматическое: жертвованіе своей странѣ не только жизнью, но и честію, есть самое высочайшее пожертвованіе. И какъ не удивляться этому герою патриотизма, который вмѣняетъ себѣ безчестіе въ славу и, во глубинѣ сердца, утѣшается въ поношеніи, которое его покрываетъ, чувствомъ услугъ, приносимыхъ опечесиву? Что касается до *Вашингтона*, *Куперъ* умѣлъ съ рѣдкимъ искусствомъ идеализировать его, что было весьма не легко. Не излагивая характеристическихъ примѣтъ этого крупна-

го и смиреннаго героя, онъ восплаивилъ его на поэтической базѣ, если можно такъ выразиться.

Интересъ *Обитателей Границъ* гораздо сильнѣе: *Красный Корсаръ* и *Кораллѣй* имѣютъ преимущество предъ нимъ, какъ картины морской жизни. Имъ не уступаетъ *Водная Колдунья*. Все тамъ живописно, исполнено энергій и между пѣмъ—положительно. Испина господствуетъ вмѣстѣ съ величьемъ. Посмотрите на *Тома Коффина*, на эпюга царя морей, на эпюга челоуѣка, который не живетъ на землѣ, который свободнѣе переводитъ духъ на озеръ, начинаетъ наслаждаться бытїемъ на средиземномъ морѣ и вступаетъ въ полное владѣнїе всѣми своими способностями, вѣмъ своимъ счастьемъ, тогда какъ его вольное судно бороздитъ беспрашно валы безбрежнаго океана. Для него нѣтъ другой побѣды, кромѣ побѣды надъ волнами: онъ не знаетъ другаго героизма, другаго блаженства, какъ только въ борьбѣ съ ихъ яростїю. Онъ грубъ, необразованъ, жестокъ; но вмѣстѣ великъ: ибо представляетъ могущество челоуѣчества въ сраженїи съ могуществомъ природы.

Куперъ имѣетъ свои недостатки, коихъ мы не позабыли. Для него существуетъ только одна страна въ мїрѣ—Америка. Битва

при Арбелахъ и Фарсалъ, битва при Маренго и Аусперлицъ, ничто для него въ сравненіи съ сраженіемъ при Бюнkers-Гилль. Другіе народы, можетъ быть, имѣютъ шалапы; одни только Соединенные Штаты имѣютъ добродѣтели: гений, величіе, нравственная чистота— все, чѣмъ гордился и красуется человѣчество—сосредоточено на берегахъ Сусквеганы и Делавары. Остальная вселенная кажется *Куперу* жилищемъ варварства или разврата: удивительное ослѣпленіе исключительнаго патріотизма въ умѣ столь обширномъ и ясновидящемъ!

Гораздо значительнѣйшій недоспашокъ, происходящій отъ самыхъ его достоинствъ, есть до излишества простирая привязанность къ прозаической положительности, господствующая въ его твореніяхъ. До него, свѣтъ не видалъ еще романиста, который былъ бы вмѣстѣ фабрикантъ, художникъ, ремесленникъ. *Куперъ* все это въ себѣ совмѣщаетъ. Это заставляетъ его матеріализировать интересъ лучшихъ своихъ страницъ. Надобно ли спустить въ море корабль? Вы читаете цѣлый параграфъ о корабельномъ строеніи. Лопается ли канатъ? Вы узнаете, какъ работающія канаты и какими механическими средствами можно бы было предупредить это. Онъ говоритъ все и слѣдовательно говоритъ слыш-

комъ. Онъ не оставилъ ни одной подробности безъ объясненія, ни одной опдушинки безъ описанія, ни одного уголка на корабль, не сказавъ, изъ какого онъ дерева. Врагъ идеальнаго, онъ поступаетъ, какъ химикъ, какъ строгій аналитикъ, какъ механикъ, который хочешь дашь себѣ опченъ обовсемъ. Самихъ людей онъ точно также наблюдаетъ и подвергаетъ дозорчивому, неумолимому изслѣдованію.

Исторія жизни его коротка. Фамилія его, урожденная изъ Графства Боккингамскаго въ Англіи, переселилась въ Америку около 1679 года. Самъ онъ родился въ Борлингтонѣ, на берегахъ Делавары, въ 1789 году, и получилъ первоначальное воспитаніе въ Коллеѣи Яльской (Нью-Гавенской). Тринадцати лѣтъ, вступилъ онъ въ морскую службу. Это дало опредѣленное направленіе его уму: въ своихъ морскихъ путешествіяхъ, собралъ онъ элементы для высокихъ картинъ, коимъ свѣтъ удивляется теперь въ его швореніяхъ. Потомъ онъ женился на дочери Пешра де Лансея, оставилъ службу, и, съ тѣхъ поръ, предался весь сочиненію романовъ.

Романы сіи являюся ежегодно. Будучи переведены на весь почти Европейскіе языки, они произвели всеобщее движеніе въ Европѣ. Что касается до него самого, онъ забываетъ

объ нихъ пошчасъ послѣ изданія: никогда, по собственному его сознанию, не заглядывалъ онъ ни въ одно изъ своихъ печатныхъ сочиненій.

Большую часть жизни провелъ онъ на нашемъ материкѣ, особенно въ Парижѣ. Въ Англии, его опкровенность, прямота, снрогость республиканскихъ началъ, изъ которыхъ онъ не дѣлалъ никакой тайны, національная гордость, которой онъ не скрывалъ и не хотѣлъ скрывать, были причиною, что онъ не входилъ никогда въ моду и не пользовался шумной славой гостинныхъ, которая покупается такъ часто цѣною искренности и прямоты. Не смотря на это, высшія сословія вездѣ и всегда принимали его съ удивленіемъ и уваженіемъ. Кажется, онъ не столько гордился своимъ гніемъ, сколько тѣмъ, что онъ Американецъ, сынъ вольной и цвѣтущей республики. И дѣйствительно, въ немъ опразился мужественный, дѣятельный, промышленный гений его опчины: талантъ его опсюда происходитъ; и онъ имѣетъ полное право гордиться опечесствомъ, которое вдохнуло ему безсмертныя его творенія.

изъ *NEW-MONTHLY MAGAZINE.*

VI.

РАЗЛУКА.

Какъ долги, вѣчны дни разлуки!
 Какъ няжко съ милой розно быши!
 Какъ вы ужасны, сердца муки,
 Когда васъ не съ кѣмъ раздѣлишь!

Подобно гнѣву Провидѣнья,
 Тоска любви поминиъ меня;
 Исчезла радость наслажденья,
 Какъ искра лѣтѣвшаго огня!

Исчезли жизни упованья,
 Какъ сонъ, какъ юная весна!
 Погибли сладкыя желанья,
 И все, чѣмъ жизнь была красна!

Что было мнѣ милѣй природы,
 Чѣмъ жизнь моя могла цвѣсти,
 Что было сладостнѣй свободы —
 Всему, всему сказать прости!

О мчились, мчитесь дни ненастья
 И возвращайте мнѣ ее;
 Она мнѣ жизнь, она мнѣ счастье
 И Провидѣнїе мое!

Какъ долги, вѣчны дни разлуки!
 Какъ няжко съ милой розно быши!
 Какъ вы ужасны, сердца муки,
 Когда васъ не съ кѣмъ раздѣлишь!

. . . йй . . . нь,

VII.

РОСЛАВЛЕВЪ ,
ИЛИ
РУССКІЕ ВЪ 1812 ГОДУ.

КРИТИКА

(Статья II).

Рославлевъ находится въ существенной связи съ *Юріемъ Милославскимъ*. Это двѣ карпины, взаимно другъ другу соопвѣстствующія и другъ друга дополняющія. Объ онѣ, по намѣренію автора, должны составлять одну цѣльную панораму Русской народной жизни, представляя, въ параллельной противоположности, два ея порожественнѣйшіе момента, опредѣляемые другъ ошь друга пространствомъ двухъ вѣковъ. Мысль счастливая, богатая поэзіей и достойная энтузіазма!

Въ общей біографіи рода человеческого, жизнь народа Русскаго отличается особенною оригинальною фizioномією. На безпредѣльныхъ равнинахъ, составляющихъ издревле ея ложе, она, подобно имъ, однообразная и ровная, колышется всегда мирно и тихо. Даже, съ перваго взгляда, эта мирная пишина можетъ показаться бездѣйственной неподвижностью: такъ неощутимы ея медленные переливы! Лепаргическій сонъ Азіатскаго существованія прерывается, по крайней мѣрѣ, взрывами спрасшей, быспро закипающихъ подъ знойнымъ пропическимъ небомъ: но, въ атмосферѣ Русскаго духа, внутреннее электричество рѣдко скопляется въ тучи, коихъ дыханіемъ нарушалась бы пишина, въ коей онъ почиваетъ. Это след-

ствіе полночнаго холода, опъ котораго внушренила природа челоѵческая смерзаецъ и цѵпенъеть наровнъ съ внъшнею природою. Той же самой причинъ, которая ограждаеть нашу суровую родину опъ землетрясеній и урагановъ, наша Русская душа обязана своею малодоступностъю для бурныхъ спраспей и волненій. Но не считайте эпою наружной оледенлоспи признакомъ скудоспи внушрениаго начала жизни. Точно такъ же какъ Русская природа сжимаетъся, но не умираеть, подъ своимъ снъговымъ черепомъ; въ душъ Русской жизни спынетъ, но не вымерзаеть. Ледная неподвижная кора покрываетъ поверхность: но подъ нею зыблются всегда свъжія волны народа крѵпаго, сильнаго, могучаго.

Безъ сомнѵнія, сія невозмущимая, всегда единообразная, пишина жизни имѵеть свои поэпическія споропы: но для *романа*, очевидно, она не можетъ быть выгодна. *Романъ* естъ представленіе жизни въ дѵспивіяхъ: его душу должно соспавлять движеніе. Но движеніе предполаааетъ волненіе и игру спраспей: и пошому жизнь пѵеть способіе для *романа*, чѵмъ мящежне и кипуче. *Вальтер-Скоттъ* родился въ Британіи—тамъ, гдѵ національная жизнь, образующаяся изъ спѵсненія разнороднѵщихъ и враждебнѵщихъ элементовъ въ скудномъ физическомъ проспиратспвѵ, издревле въ самой себѵ носитъ сѵмена вѵчнаго броженія. Соединенные Шшаты, гдѵ спихы Британскія, брошенныя въ первобытний Американскій хаосъ, пробуждають жизнь въ новыхъ оригинальныхъ формахъ—произвели *Купера*. Только здѵсь и могло быть опечеспво *романа*, которнй собспвенно долженъ быть не инымъ чѵмъ, какъ вольною исповѵдью пайнъ жизни народной! Но въ Русской народной жизни, перелива-

ющейся такъ медленно и однообразно, много ли същется пайтъ, конхъ исповѣдь могла бѣ имѣть *романическую* занимательность? Если въ высшихъ слояхъ нашей общественной атмосферы примѣчаются некоиторыя движенія, то онѣ производятся чужими привнесенными появленіями, чужими наносными спрашениями: это не матеріалы для *народнаго Русскаго романа!* Опускайтесь ниже: вы начнете различать черты физиономіи оригинальной, живописной, поэтической, но — окованной неподвижностью, неоживленной игрою спрашеней и слѣдовательно лишенной *романическаго* рельефа. Въ нашихъ среднихъ и низшихъ сословіяхъ, гдѣ духъ Русскій сохранился чище и неповрежденнѣе, вся жизнь обыкновенно бываетъ не что иное, какъ многолѣтнее повтореніе одного дня. Ея мирное печеніе, въ руслѣ непреложнаго однообразнаго порядка, рѣдко возмущается приключеніями: наилучшее пому доказательство — скудость нашихъ уголовныхъ лѣпописей. Русскій человекъ, по собственной поговоркѣ, *тѣнитъ лѣлку жизни*, ровнымъ, степеннымъ, однолѣрнымъ шагомъ. Онъ родился, живетъ и умираетъ безъ излишнихъ вычуръ. Его біографія слишкомъ коротка и простираетъ: важнѣйшія эпохи ея заранее отмѣчены въ святцахъ. Даже самая любовь — это первое, возбуждаемое самою природою, бѣненіе жизни — играетъ у него роль весьма маловажную, если не совсѣмъ ничтожную. Коротко сказать — обыкновенной жизни Русской не достанетъ на *одну* порядочную главу *романа!*

Но природа, и на опдаленномъ сѣверѣ, имѣетъ свои періодическія эпохи, когда, ошогрѣнная лучами весенняго солнца, свергаецъ ледяной покровъ и льяется во дѣвнѣ жизни: шже бываетъ и съ народами, како-

ва бы ли была физическая и нравственная температура ихъ организма. Въ жизни Русскаго народа были также моменты, когда внушения полнота его, почивающая въ безмятежной тишинѣ, воздымалась, потрясенная чудною силою, и являлась во всей роскоши сокровеннаго своего могущества. Къ жизни Русскаго духа должно сознаться, что сила, производящая въ немъ снѣ чудныя потрясенія, достойна великаго народа. Это любовь къ отечеству! Только снѣ высокое и святое чувство могло колебать эту великую громаду исполненныхъ силъ и возвышать ее къ полной жизни. У другихъ націй, снѣ доспопримѣчательныя эпохи всеобщаго движенія бывають обыкновенно слѣдствіями внушеннаго разединенія: всколыханная страстями жизнь раздѣляется на многія гряды волнъ, другъ другу враждебныя, другъ друга поборающія: отсюда междоусобное оскверненіе, оскверненіе пресловутой алтарей, разрушеніе всѣхъ общественныхъ связей, пятнающее любопытнѣшія страницы въ летописяхъ народовъ. Не такъ бываетъ съ народомъ Русскимъ. Его всеобщее пробужденіе можетъ быть только слѣдствіемъ напряженнаго сосредоточенія всѣхъ силъ его. Русскій человекъ, не умѣющій соснавливать для себя отдѣльную атмосферу бытія, можетъ потрясаться только общимъ колебаніемъ сферы, къ коей принадлежитъ; можетъ жить полною жизнью только въ единствѣ жизни отечества. И иногда-то обнаруживающіяся въ тайнѣ его Русской природы: всѣ струны Русской его души издають звуки полные, свѣтлые, могущественные. Смыслъ его жизни совершенно разгадывается: онъ является истиннымъ гражданиномъ и великимъ семьяниномъ; когда спановишься весь Русскимъ. Отсюда — часица

щій *Русскій народный романъ*, какъ картина Русской народной жизни, необходимо долженъ быть *романомъ патристическимъ*. Паптріопизмъ составляетъ основную спихію Русской народности. *Загоскинъ* понималъ эпо свою Русскою душею: и только одно бессмысленное невѣжество, подстрекаемое неслыханною дерзостью, могло кощунствовать и ругаться надъ тѣмъ, что, по справедливости, составляетъ высочайшее его достоинство.

Годы 1612 и 1812, избранные *Загоскинымъ* для своей *романической диалогіи*, неоспоримо суть блистательнѣйшія эпохи Русскаго паптріопизма и слѣдовательно торжественнѣйшіе моменты Русской народной жизни. Оба они представляютъ зрѣлища, между собою сходныя, на которыхъ разыгрывается одна и таже великая драма, только съ перемѣною костюмовъ и декораций. Вѣра въ Русскаго Бога, вѣрность къ престолу Русскихъ Царей и любовь къ святой землѣ Русской, пораженной нашествіемъ иноплемениковъ въ самомъ сердцѣ ея, Москвѣ — были единственными пружинами, двигавшими народъ Русскій, въ обѣ сіи великія години. Это сходство, конечно, весьма выгодно для параллельной соотвѣтственности обѣихъ картинъ; но имъ не уничтожается относительное различіе обѣихъ эпохъ, которое естественно не могло остаться безъ вліянія на относительное достоинство каждой картины.

Съ перваго взгляда, 1812 годъ, наполнившій вселенную шумомъ, коего оглооски не умрутъ во всѣхъ концахъ ея, кажется, имѣеть рѣшительное преимущество предъ 1612 годомъ, коего воспоминанія скромно почивающъ въ однихъ признавательныхъ преданіяхъ Русской Исторіи. Но всматриваясь внимательнѣе и

Безприспращише въ обѣ сѣи эпохи, не лѣзя не сознаишься, что, если 1812 годъ составляетъ важнѣйшую и блистательнѣйшую эру въ общей біографіи рода человѣческаго, то 1612 му году принадлежить неоспоримо почтеннѣйшее мѣсто въ лѣтописяхъ собственно Русскихъ. Великое зрѣлище представлялъ народъ Русскій и тогда, когда, съ безпримѣрнымъ самоопроверженіемъ, принесть сердце свое, Москву, во всесоженіе, и дымящимися ея развалинами подавилъ враговъ своего величія. Но, въ это время онъ не былъ оставленъ одному себѣ, какъ въ незабвенную эпоху 1612 года. Его движенія управлялись тогда недремлющимъ провидѣніемъ верховной власти. Жизнь откликнулась въ немъ на опечетское призваніе Самодержца: онъ дѣйствовалъ не самъ изъ себя! . . . Совершенно иначе было за два столѣтія. Тогда народъ Русскій былъ одинъ съ самимъ собою. У него не было главы, которая бы управляла имъ. Онъ долженъ былъ двигать самъ себя, своею внутреннею силою. Отсюда 1612 годъ такъ богатъ народными героями, представителями Русскаго духа и патриотизма. Не имѣя общаго законнаго средопочія жизни, каждое сословіе народа Русскаго должно было сосредоточиваться само въ себя и образоваться для себя изъ себя же самаго опидѣльное начало движенія и дѣйствованія. Князь Пожарскій, инокъ Палицынъ и гражданинъ Мининъ составляли высокій пріумвиратъ, коимъ происшвенный составъ народа Русскаго представлялся во всемъ поржеспвѣ силъ своихъ. На ихъ героическихъ лицахъ выражались, въ идеальномъ величіи, главныя черты народной Русской физиономіи. Ихъ подвиги принадлежали не имъ, а Народу, коего они были органами. И какое высокое дѣло совершилъ тогда сей народъ, въ лицѣ ихъ?

Безпримѣрнымъ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ, опрѣшилъ навсегда задачу бытія своего, зашепталась чистѣйшею своею кровію невозможность существовать иначе, какъ подъ свѣтоу престола законныхъ Царей Русскихъ! Вошь причины, по которымъ эпоха 1612 года должна быть признана торжественнѣйшею эпохою въ лѣтописяхъ Русской народной жизни! Невѣжество осмѣлилось, съ виновнымъ кощунствомъ, назвать эту незабвенную годину, эту великую эру, съ коей Русская земля должна считать свое бытіе и величіе—*колыбель нашего народного самолюбія* а)!!! Но что значить передъ этимъ *колыбель* знаменитый *койъ Тролскій*, на которомъ Греція и Римъ вѣдали цѣлыя вѣки? Нашъ 1612 годъ сіяетъ испинно божественнымъ величіемъ: его доспанентъ съ избыткомъ на Русскую Иліаду: онъ пренсполненъ сокровищами высшей народной поэзіи!

Но не одно это внупреннее превосходство дастъ 1612му году большія выгоды для художественной обработки, чѣмъ 1812му. Сей послѣдній слишкомъ къ намъ близокъ. Насполицее поколѣніе состоинтъ еще изъ очевидныхъ свидѣтелей или даже изъ дѣятельныхъ сподвижниковъ эпои славной эпохи. Каждый изъ насъ связанъ съ ней собственными воспоминаніями: каждый имѣетъ на нее свою особую точку зрѣнія: каждый знаетъ въ ней лично для себя инпересную сторону. И возможно ли, чптобы художественное представленіе, сколь бы оно ни было полно и многоспорино, совместило все сіи безчисленныя точки и удовлетворило все эти несмынно мѣлкѣ инпересы? Тор-

а) Моск. Телегр. N. 8, с. 649.

препятствую знакомому современнику, написанный величайшим мастером; никогда не заслужить одностороннего одобрения: ты или другие оспаривали имъ недовольны; ибо не найдешь въ немъ заветныхъ приемышъ, съ коими привыкли представлять изображенное лицо, и которыми, по причинъ ихъ существенной неважности, естественно должны были ускользнуть изъ подъ кисти живописца. Сии неудобства конечно не могутъ имѣть мѣста при изображеніи эпохи отдаленной, живущей въ общемъ безспрашномъ воспоминаніи. Озаривъ ее поэтическимъ свѣтомъ, художникъ даетъ ей одинъ общій шиперестъ, долженствующій опознаться во всѣхъ однимъ общимъ эффектомъ. Онъ раждаетъ иногда самъ участіе; и потому повелѣваетъ имъ полновластно: между тѣмъ, какъ изображая современныя событія, необходимо долженъ быть рабомъ современнаго мнѣнія, столь разнообразнаго и прихотливаго. Тамъ онъ владѣетъ публикой: здѣсь публика имъ владѣетъ. Тамъ, силою искусства, онъ можетъ заставлятъ всѣхъ безусловно ему довѣряться: здѣсь онъ принужденъ безропотно дозволять каждому повѣрять его. Коротко сказать — современныя событія могутъ только пробуждать мгновенныя восторги лирическаго одушевленія. Но для поэтическаго представленія онъ столь же мало выгодны, какъ и для исторіи. Время должно иссушить ихъ, дабы гений, чуждый всякаго личнаго къ нимъ присвращенія, въ полной свободѣ одушевленія, могъ произвѣсти надъ ними творческую палингенезию.

Отсюда очевидно, что *Рославлевъ* не могъ быть принятъ съ такимъ единодушнымъ участіемъ, какъ *Юрій Милославскій*. Не естественно было, чтобы всякой могъ имъ удовлетвориться: ибо не возможно было,

чтобы всякой нашелъ въ немъ свой образъ возрѣнія на событія, коихъ былъ самовидцемъ и соучастникомъ. Сверхъ того, внутреннее поэтическое превосходство находилось на споронѣ эпохи, изображенной въ *Юрій Милославскомъ*. Историческіе подвиги Миняныхъ, Палицыныхъ и Пожарскихъ, естественнымъ образомъ должны были имѣть преимущество надъ анекдотическими чертами современнаго народнаго героизма. Сумракъ старины, придавая имъ колоссальную величественность, усугублялъ ихъ очарованіе. Разсматривая вѣрную картину современныхъ событій, приятно сказать: «это такъ было!» Но несравненно приятнѣе, видя предъ собой развертывающіеся

Дѣла давно минувшихъ дней,
произнести съ чувствомъ сердечнаго умиленія: «*вотъ какъ бывало прежде!*»

Однако не смотря на то, главная идея романиста является выполненною не безъ успѣха. *Рославлевъ* посвященъ во всевозможной соопвѣстственности съ *Юріемъ Милославскимъ*. Сравнивая объ сѣи картины, легко замѣчаешь различіе, произведенное двумя вѣками во всѣхъ главныхъ чертахъ граничной физиономіи Русскаго народа. Одинъ и тотъ же духъ оживляетъ ее, но подъ весьма различными формами. Какое разстояніе между дикими оргіями Боярина *Кругины-Шалонскаго* и разливнымъ хлѣбосольствомъ богатаго помещика *Ижорскаго*: и однако основаніемъ имъ служилъ одна и таже хвастливая распотчельность, составляющая стихійную черту Русскаго барства! Великъ переходъ отъ *Отца Еремея*, правящаго Шешей благословеніемъ и пеплею, до ученаго *Семинариста*, сбивающагося воевать съ Французами по

по Комментаріямъ Юлія Цесаря de bello Gallico: но и въ помѣ и въ другомъ выражается одно и тоже характеристическое свойство Русскаго Духовенства—увѣренность въ неразрывномъ единствѣ алтара съ престоломъ, вѣры съ вѣриностью. Въ Запорожцѣ *Биринь* и кавалеристѣ *Зарцкомъ* авторъ, кажется, хотѣлъ олицетворить по безпечное, разгульное молодечество, которое составляетъ высшую поэзію Русской народной жизни: но различіе между вольнымъ, бездомнымъ казакомъ XVII столѣтія и вѣтреннымъ, паркетнымъ космополитомъ XIX вѣка, опять ощущительно. Патриархальная кротость *Анастасіи* и романтическая мечтательность *Полины* представляютъ уже слишкомъ противоположныя крайности: но порепеть *Олѣнки*, въ коемъ ядно выражается Русское дѣвическое самоотверженіе, производитъ пріятную увѣренность, что Анастасіи еще на Руси не выродились. Духовное разстояніе ощущительно даже въ самомъ низшемъ классѣ Русскаго народа, меньше всѣхъ подверженномъ измѣненію: православные Русскіе мужички сохраняютъ поже нерушимое благоговѣніе къ имени Русскому и ту же заклѣтую независъ ко всему иноземному; но сѣи чувства управляются въ нихъ уже не слѣпымъ инстинктомъ, какъ прежде, а и смѣшлвосіію здраваго естествонаго смысла: *дядя Савельи* пускается въ разсужденія, чптобы вразумить *Андрѣя*, у котораго умъ началъ заходить за разумъ. Но всего разительнѣе характеры обѣихъ эпохъ отмѣчены въ эпизодахъ, заключающихъ каждый изъ обѣихъ романовъ. Спеченіе богомольцевъ въ обители Святаго Сергія и дружеское собраніе пріятелей въ саду; простый надгробный камень, покрывающій могилу двухъ счастливыхъ супруговъ, умершихъ въ одинъ день, и печальная урна,

закрывающая пещель злополучной, изнывшей въ спраданялахъ, въ предѣловъ покинушаго опечесива—вошь краснорѣчивые символы XVII и XIX столѣтій! Столь искусно выдержанная соотвѣлспвенность между обьими картиннами составляетъ неоспоримо ихъ достоинство: и однако сыскались невѣжды, кои вздумали поспавить это въ вину авпору, провозглашая, что онъ *повторилъ самаго себя* а)! Несчастные! Имъ оспаепся теперь обрутить природу, за то что она въ организмъ нашемъ устроила два глаза, кои оба одинъ и нтопже предметъ *повторяютъ!*

И такъ оба романа *Загоскина*, сообразно намѣренію авпора, составляютъ одну цѣльную панораму. Главное, неоспоримое достоинство ихъ состоитъ въ истиннѣ, вѣрности и естественности красокъ, коими Русская жизнь въ нихъ изображается. *Загоскинъ* первый угадалъ пайну писать Русскихъ съ натурь. Въ его картиннахъ являются не бездушныя выжиги изъ чужеземнаго машеріала, одѣвья въ Русское платье и названья Русскими именами, а живыя лица, на которыхъ сіяетъ ярко оригинальная печать Русской народности. Ни одной чертой, ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ не измѣняютъ онъ своему Русскому имени и коспіуму. Въ нихъ, говоря Русскою поговоркою *«Русскій духъ въ огню проявляется»*. Посему онъ имѣютъ полное право на имя *романовъ* въ томъ смыслѣ, который присвоиваетъ имъ настоящее употребленіе. Это *Русскія картинны* Русской жизни! Это *Русскіе романы!*

Но оправдывается ли сіе имъ ихъ художественною оидѣлкою? Мы сказали, что *романы*, по нынѣшнему понятію, не принадлежатъ ни къ *эпической*, ни къ *лирической*, ни къ *драматической* поэзія, а еснъ
а) Моск. Тел. N. 8 с 541.

общая ихъ цѣлость: почему и рассмотримъ теперь оба произведенія *Загоскина* со всѣхъ *трехъ* поэтическихъ почекъ зрѣнія, кои должны соединяться въ *романъ*. И именно—

Въ отношеніи *лирическихъ*, оба романа *Загоскина* имѣютъ высокое достоинство. Они проникнуты до избытка теплотою чувства. Это чувство есть любовь къ отечеству, составляющая, какъ было замѣчено, основное и единственное начало движенія Русской народной жизни. Оно господствуетъ въ обихъ картинахъ, не подавляя однако прочихъ чувствований, составляющихъ исторію сердца человеческого. Таковы чувствованія любви, дружбы, родительской и дѣтской привязанности, нравственного долга и религіознаго одушевленія, съ ихъ противоположностями. *Загоскинъ* умѣлъ извлечь всѣ сіи ощущенія изъ северной Русской души, распоривъ ее пламенемъ патриотическаго энтузіазма. Само собою разумѣется, что онъ подчиняется одному общему чувству патриотизма, составляющему ихъ начало. Но въ *Юрѣ Милославскомъ* онъ имѣетъ довольно самостоятельности и оплывающа довольно резко. Лица, дѣйствующія въ немъ, кромѣ участія въ общемъ интересѣ романа, закупаются своими личными интересами въ разнообразныя положенія, имѣющія большую или меньшую романтическую занимательность. Таково положеніе *Юрѣ*, въ коемъ благородное патриотическое одушевленіе находится въ безпрестанной борьбѣ по съ тяжестію первѣйшей клятвы, по съ мученіями любви безнадежной; *Анастасіи*, которая опъ неминуемой гибели, пригопвленнѣй сѣ убійцами отца ея, переходитъ внезапно къ брачному алтарю и соединяется съ своимъ возлюбленнымъ; *Кручины-Шалонскаго*, на

порогъ жизни, воскрешаемаго, благодатною рукою *Юродиваго*, изъ ужасовъ смершнаго опчаянiя къ сладкой надеждѣ блаженной вѣчности. Напротивъ въ *Рославлевѣ* главное чувство патриотизма рѣшительно преобладаетъ, такъ что всѣ прочiя ощущенiя въ немъ какбы перяются. Самая любовь *Рославлева* къ *Полинѣ*, долженствовавшая, по видимому, сослужать одинъ изъ главныхъ узловъ романтической пиканси, не удержалась долго: ея стало только на двѣ части романа. Отсюда — *Юрiй Милославскiй* гораздо богаче прогательными сценами, возбуждающими сердечное участiе къ дѣйствующимъ лицамъ. Въ *Рославлевѣ* только одна сцена имѣетъ подобное достоинство; это свадьба *Полины* съ *Графомъ Сенигуромъ*, внезапно застигнутая *Рославлевымъ*. За это главное чувство любви къ отечеству представлено здѣсь въ болѣе многочисленныхъ видахъ, съ большимъ разнообразiемъ въ опщнкахъ. Такъ въ *Сурскомъ* оно возведено на степенъ идеальнаго одушевленiя, въ *Ижорскомъ* является добродушнымъ излиянiемъ сердца, въ *Буркнѣ* переходитъ въ вакхическое упоенiе, въ *Зарядьевѣ* огрублено до живописнаго испинкна, въ *Безымянномъ Незнакомцѣ* закалено въ зѣрское ожесточенiе. Все это имѣетъ свою занимательность; но не опзывается въ душѣ нѣмъ разнообразiемъ впечатлѣнiй, коимъ измѣряется *литерическое* богатство романа.

Въ отношенiи *драматическомъ*, оба произведенiя *Загоскина* имѣютъ одинъ недостатокъ. Въ нихъ характеры обработаны слишкомъ слабо и не имѣютъ довольно внутренней упругости, чпобъ быть дѣятельными пружинами общаго движенiя. Нельзя сказать, чпобы лица, изображенныя въ нихъ, были бездѣшны, нѣмъ менѣе бездушны. Они запечатлѣны жи-

вою физиономию, выражающею определенный смысл, ясно и вразумительно. Но имъ вообще не доспашеть могущесива, силы, энергии. Съ какою-то лѣнливою безпечностію, онѣ дозволяютъ инши общему порядку вещей, увлекаясь имъ, а не управляя. Правда, эта флегматическая косность находится, какъ мы уже замѣтили, въ характерѣ народа Русскаго: и картины *Загоскина*, можетъ быть, чрезъ то не теряютъ насколько въ вѣрности. Но это лишаетъ ихъ драматической живости, которая составляетъ одно изъ главныхъ условий романтической занимательности. Онѣ представляютъ коллекцію фигуръ, движущихся въ бодѣ или менѣе инпересныхъ положеніяхъ, а не спройное зрѣлище органически развивающейся жизни. Въ нихъ изображается живо и вѣрно наружная физиономія народа Русскаго, вѣншній Русскій бытъ, а не внутренняя психологическая исторія Русскаго челоуька. Посему и ходъ обоихъ романовъ, неушверженный на крѣпкихъ осяхъ непреложныхъ законовъ внутренней челоуьческой природы, ощушительно зыбокъ. Онѣ не управляются шюю нравственною необходимостію свободы, которая составляетъ начало драматической жизни: случай имѣетъ надъ нимъ слишкомъ много власти. И въ *Рославлевѣ* это болѣе примѣтно, чѣмъ въ *Юрѣ Милославскомъ*. Обстоятельствва, составляющія инканъ его, сплетаются и расплетаются слишкомъ произвольно: лица сходятся и расходятся слишкомъ случайно. Недоспашки, прикрываемые въ *Юрѣ Милославскомъ* инепральною нечаяностію, которая сохраняетъ роману, по крайней мѣрь, призракъ драматическаго зрѣлица.

Наконецъ въ отношеніи *эпическомъ*, и по и другое произведеіе *Загоскина* равно опшличается живо-

стію, вѣрностію и полною расказа. Сознавъ ихъ имѣть достапочную обширность и разнообразіе. Все сословія народа Русскаго имѣють въ нихъ своихъ представителей, конхъ фізіономіи выработаны съ довольно мѣлкою подробностію. Но ихъ общій недостатокъ есть недостатокъ единства между событіями и лицами, составляющими эпическую ткань ихъ. Обыкновенно средопочіемъ сего единства бываесть судьба лица, избраннаго главнымъ героемъ повѣствованія: и лице сіе попому должно, если не зашмѣвашь весь прочій, то по крайней мѣрѣ выдавашь ся изъ всѣхъ рѣзкостію и значительностію фізіономіи. Но главные герои обохъ романовъ *Загоскина* оплечаюцца какъ будто нарочно невидностію и незначительностію. Вниманіе не приковываеця къ нимъ ни одною рѣзкою чертою характеристической фізіономіи; и посему, не принимая въ судьбѣ ихъ предпочтительнаго участія, равнодушно разсѣваеця повсюду и не можетъ держашься на одной почкѣ зрѣнія. Такъ *Юрій Милославскій* почти зашмѣваеця *Кириешю*, котораго живая дѣятельность, разливаеця по всему роману, невольно привождаетъ къ себѣ участіе и такимъ образомъ двоитъ всю картину. Въ *Рославлевѣ* нѣтъ подобнаго соперника главному герою: но за то судьба его, долженствующая составлять средопочіе романа, еще менѣе имѣеть важности и значительности въ его сознавѣ, чѣмъ судьба *Юрія Милославскаго*. Тамъ если не все дѣйствія *Кириши*, то по крайней мѣрѣ самъ онъ находится въ существенной связи съ судьбою *Юрія*: но въ *Рославлевѣ* многія лица, съ замѣчательною фізіономіею, являюцца безъ всякаго участія въ немъ и даже безъ всякаго съ нимъ отношенія. Таковы и. п. безымянный *Незнакомецъ*,

котораго всь отношенія къ *Рославлеву* ограничиваются двукратнымъ, совершенно случайнымъ, свиданіемъ. Такова даже *Ведора*—эпо любопытное явленіе, принадлежащее къ самымъ характеристическимъ особенностямъ Русской народности. Встрѣпивъ сіе спрашилище въ романъ, мы ожидали, что оно стаплетъ нграшь здѣсь пуже роль, которая дана *Юродивому* въ *Милославскомъ*—будеть органомъ, исполковывающимъ безвѣстныя тайны судьбы, и орудіемъ, приводщимъ въ исполненіе непреложныя ея веленія. Но ожиданія сіи не совсѣмъ исполнились. Это оригинальное лице, общавшее предспавилъ въ себѣ Русскую *Эльпетъ* или Русскую *Вильдфейръ*, не поспавлено въ необходимой внутрпнной связи съ цѣлостію романа: оно является въ немъ только два три мимолетнымъ метеоромъ, не для содѣйствія ходу цѣлаго, а для произведенія мѣстнаго театральнаго эффекта. Тоже можно сказать и о многихъ другихъ лицахъ и событіяхъ, кон, безъ отношенія къ одному общему средоточію, образуютъ собой прекрасную галерею занимательныхъ картинъ, но не одну цѣльную эпическую панораму.

Явно опсюда, что *Рославлеву*, въ разсужденіи художественной обработки, уступаетъ *Юрію Милославскому*. Темъ однако не менѣе, онъ остается картинною прекрасною, живою, оригинальною, которая, вмѣстѣ съ *Юріемъ Милославскимъ*, составляетъ украшеніе и гордость нашей народной словесности. Къ удовольствію нашему, Европа оцѣнила достоинство *Юрія Милославскаго*: а) надѣмся, что и *Рославлеву* не

а) Читатели *Телескопа* знаютъ сужденіе о *Юріи Милославскомъ*, помѣщенное въ *Wiener Zeitschrift*. Въ *Bibliothèque Universelle* (1831, Avril, N. 4), находится другая

уронишь себя предъ нею. Можно даже полагать, что оны принесеть ей еще большее удовольствіе: ибо она прочтетъ въ немъ любопытныя, такъ сказанъ, семейныя записки незабвенной для ней эпохи, когда, во глубинѣ сѣвера, изъ пепла Москвы, возродилась собственная ея свобода!

Зная *М. Н. Загоскина*, мы увѣрены, что оны не остановилась на поприщѣ, на которое вступилъ такъ славно. Ожидаемъ отъ него съ неперпыніемъ другихъ произведеній, въ коихъ надѣемся увидѣть прекрасный выразитель его въ большемъ совершенствѣ и блескѣ. Народная Русская жизнь ему такъ знакома: λεπτοписи ея такъ обширны! Тогда какъ неприванные пришельцы, ворвавшись на пусшырь нашей словесности, выжигаютъ изъ добраго Русскаго народа безобразныя и нелѣпыя каррикатуры: намъ опрадно будетъ любоваться его каршинами, начертанными Русскою кистию, пронивнувшими Русскимъ духомъ!

Но сіи прекрасныя надежды, да позволено будетъ намъ заключить изъвлеченіемъ досройнаго негодованія,

рецензія того же романа, болѣе обширная: въ ней произведенію *Загоскина* отдается должная справедливость. У насъ напримовъ, въ *Московскомъ Телеграфѣ*, досталось не только *Юрію Милославскому*, но и *Вильскому Журналу*, который осмѣлился оцѣзваться объ немъ благосклонно. Этому Журналу, въ которомъ принимаютъ участіе извѣстный филологъ Гаммеръ и аспрономъ Линшпрофъ, названъ въ *Телеграфѣ*—*Гирландю*, *Колокольникомъ*!!! Последнее названіе, въ нѣкоторомъ отношеніи, справедливо. *Wiener Zeitschrift* точно, подобно *Колокольнику*, прозвонилъ нѣкогда по Европѣ безчестіе, наносимое Русской Словесности *Московскимъ Телеграфомъ*.

или лучше презрѣнія къ дерзости, осмѣлившейся, во услышаніе всѣхъ, упрекать почтеннаго автора *Рославлева* и *Юрія Милославскаго* въ *патріотическомъ хвастовствѣ Русско* (а). Называютъ *хвастовствомъ* благородное одушевленіе Русскаго, восхищающагося славою и величіемъ своего отечества!!! Нытъ: это уже выше великой мѣры! И добро бы это патріотическое одушевленіе въ самомъ дѣлѣ простиралось до чрезвычайнаго излишества. Ругатель, оскорбившій въ лицѣ *М. Н. Загоскина* всѣхъ Русскихъ, съ наслажденіемъ читающихъ его *хвастливья патріотическія* произведенія, подкрѣпляешь свою безумную хулу явною клеветою, утверждая съ неслыханною дерзостію, что *М. Н. Загоскинъ* въ своихъ романахъ *рунижаетъ враговъ нашихъ и представляетъ ихъ дураками и сумасбродами.* Спрашивается—гдѣ это? Въ *Юрїѣ Милославскомъ*, Полякъ *Копытинскій* дѣйствительно представленъ дуракомъ и уродомъ: но развѣ выѣхавъ съ нимъ не выведенъ на сцену другой Полякъ, Панъ *Тышковъ*, олицетворяющійся благородствомъ мыслей и чувствованій? Чпожъ касается до *Рославлева*, по въ немъ нытъ ни одной черты оскорбительной для Французовъ, хотя, правду сказать, вторженіе ихъ въ Москву, предшесствуемое выпускомъ фальшивыхъ ассигнацій, сопровождаемое поруганіемъ алтарей и окончившееся взрывомъ беззащитныхъ Кремлевскихъ стѣнъ, приносило немало чести просвѣщеннѣйшей Европейской націи. Даже напрошивъ, всѣ Французы, явлющіеся въ романѣ, носятъ на себѣ печать благородства; особенно *Шалбюръ*, коего рыцарское опкрытое удалство привязываетъ къ нему невольное участіе и застав-

а) *Моск. Телегр.* N. 8, с. 542.

лдесть совершенно забывать въ немъ заклятаго врага Русскихъ. Если иногда прорывающіяся выходки пропивъ *Наполеона*, кои могутъ показаться не справедливыми, то это совсѣмъ не отъ патриотическаго предубѣжденія, а отъ особеннаго образа возрѣнія на это дивное созданіе, коего нравственный смыслъ не получилъ еще по сю пору опредѣленнаго рѣшенія. Гдѣ же это униженіе враговъ, которое выставляется доказательствомъ *патриотическаго хвастовства Заголкина*? Да и можетъ ли имѣть смыслъ сіе последнее выраженіе? Что такое *патриотическое хвастовство*? *Хвастаться* значитъ хвалиться вещами, не имѣющими истиннаго достоинства, не заслуживающими истиннаго уваженія. Но развѣ *отечество* можетъ быть когда нибудь ниже чувства, ему приносимаго? Развѣ можно *захвалиться* чрезъ мѣру *отечествомъ*? Не должно ли оно быть дороже всѣхъ сокровищъ, выше всѣхъ похвалъ для истинныхъ сыновъ своихъ? Европейцу можетъ еще показаться *хвастовствомъ* самодовольная гордость дикаго сына Канадскихъ лѣсовъ, признающаго надменно свой родной вигвамъ святылицею земнаго блаженства и свое звѣроправное племя лучшимъ цвѣтомъ человѣчества; но и это *хвастовство* безконечно возвышеннѣе лживыхъ софизмовъ мнимаго космополитизма, коими обыкновенно прикрывается скудость души, изсушенной эгоизмомъ. А *Русскаго* можно ли подозревать въ *хвастовствѣ* своимъ *отечествомъ*? Славой Русской никогда не лзя достойно нахвалиться: въ отношеніи къ этому великому колоссу, всякая гипербола будетъ скромной истиной. Зависливое недоброжелательство враговъ Русскихъ давно спарается посылать въ насъ недоверчивость къ нашему народному достоинству и уни-

жашь насъ въ собственнѣхъ глазахъ нашихъ: это имъ нужно! И, по несчастію, есть слабыя души, кои, увлекаясь сими злонамеренными навѣями, теряютъ любовь и уваженіе къ святому имени Русскому. Славная эпоха 1812 года, обнаружившая слишкомъ порожественно внупренною полнощю духа Русскаго, сократила это несчастное ослѣпленіе, но не истребила совершенно: оно является теперь опять, только подъ другими, болѣе благовидными, но не менѣе оштрапительными формами. Тѣмъ болѣе благодарности почтенному автору *Рославлева* и *Милославскаго*, поддерживающему въ добромъ народъ Русскомъ вѣру въ свое достоинство и величіе, коего порожественные опыты не престаюшь повѣряться предъ глазами вселенной. Если каждый легкомысленный Французъ, не красясь, предъ лицомъ всего свѣта, *хвастается* своею прекрасною Франціею и своимъ Парижемъ, который престоюшно считаешь зеницомъ вселенной и который въ наступящія времена должно по справедливости признать надиромъ просвѣщеннаго міра: то Русскому ли стыдиться хвалить свою благословенную Россію, не измѣнявшую никогда чести и славы? Мы увѣрены, что почтенный *М. Н. Загоскинъ*, съ своей стороны, наградитъ равнымъ презрѣніемъ эти недостойныя выходки и, съ швомъ же благороднымъ одушевленіемъ, будетъ воскрешать предъ нами, въ новыхъ картинахъ, славу и величіе Русскихъ—

Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ опщевъ могилы!

VIII

БИБЛИОГРАФІЯ.

— рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи **ИМПЕРАТОРСКАГО** Московскаго Университета, *Юля 5 дня 1831 года, съ приложеніемъ краткой годовою исторію онаго. Москва, въ Универ. Типографіи, 1831.*— Лыпописи Московскаго Университета сославляють важнѣйшую часть Исторіи Русскаго Просвѣщенія, коего Университетъ Московскій по справедливости долженъ быть признанъ средоточіемъ. Находясь въ Москвѣ, средоточіи Русскаго царства, сіе высокое училище, снабженное средствами въ преимущественномъ предѣ прочими изобиліи, воспитываетъ подѣ сѣню свою лучшій цвѣтъ Русскаго юношества. Сюда предпочтительно, со всѣхъ концовъ Имперіи, спекаются начатки новыхъ поколѣній: здѣсь зачинаются надежды Россіи. Посему каждая значительная перемѣна, происходящая во внутреннемъ или вѣннемъ устроеніи Московскаго Университета, должна сославлять любопытный фактъ въ ученыхъ лыпописяхъ нашего общества.

Прошлый академическій годъ, ознаменованный въ своемъ началѣ общимъ бѣдствіемъ, постигшимъ Москву, естественнаго не могъ быть благопріятенъ для Университета. По причинѣ холеры, преподаваніе лекцій было прекращено почти на чепыре мѣсяца. Начальство признало эту потерю невознаградимою для воспитанниковъ; и потому годъ сей положено не считать въ преходячюмъ курсѣ студентовъ.

Но гораздо существеннѣйшею утратою для Университета была смерть лучшаго и достойнѣйшаго Профессора, *А. Ѳ. Мерзлякова*. Кафедра общественной

словесности, важнѣйшая въ Университетѣ, сдѣлала въ немъ поперю, которую вознаградишь дѣйствительно трудно. Ибо скоро ли найдется для ней другой *Мерзляковъ*, который, самъ равно пропакнувший энтузіазмомъ къ родному слову, умѣлъ бы съ равною силою возбуждать энтузіазмъ сей въ слушателяхъ? Могутъ сыскаться наставники болѣе ученые, болѣе глубокіе, болѣе основательные: но принесутъ ли они съ собою на кафедру равное одушевленіе, равную жизнь! Кромѣ *Мерзлякова*, Университетъ, въ началѣ года, лишился еще двухъ почтенныхъ наставниковъ: Ординарнаго Профессора Технологіи, *Ө. А. Денисова*, и Экстраординарнаго Профессора, преподававшаго Общую Палпологию и Терапію, *В. И. Роллдановскаго*. Наконецъ годъ сей заключился новою важною управною, въ лицѣ знаменитаго Врача и Профессора, *М. Я. Мудрова*. Къ сожалѣнію и вмѣстѣ къ славѣ Университета, онъ палъ съ честію, на полѣ битвы, сражаясь въ Петербургѣ съ холерою, которую преслѣдовалъ повсему пространству Россіи. Кафедра его ожидаетъ достойнаго преемника.

Всѣхъ учащихся въ Университетѣ, въ продолженіе года, было 786. Въ губерніяхъ, составляющихъ его округъ, открыто уѣздныхъ училищъ 2, приходскихъ 5, частныхъ пансіоновъ 4, и приготовлено къ открытію 1 уѣздное училище; закрыто приходскихъ училищъ 2, частныхъ пансіоновъ 2. Нынѣ находится всѣхъ гимназій 14, уѣздныхъ училищъ 87, приходскихъ 170, пансіоновъ 56; въ нихъ учащихся 15,137, изъ коихъ въ гимназіяхъ 4,181; въ уѣздныхъ училищахъ 5,174, въ приходскихъ училищахъ 7, 774, въ пансіонахъ мужскаго пола 443; женскаго 565.

Въ отношеніи къ ввупрѣнію совершенствованію

ученыхъ средствъ Университета, замѣчательно приведеніе къ окончанію зданія Обсерваторіи. Астрономическіе снаряды для нейъ выписаны изъ знаменитаго Минхенскаго заведенія *Утишнейдера*; сверхъ того приготовлены астрономическіе часы извѣстными по своему искусству Русскими художниками, *Толстыми*, которые исправили также и другіе весьма надежныя часы работы Французскаго часовщика *Лепота*. Для современныхъ наблюдений надъ магнитною силою земли, по приглашенію Академіи Наукъ, устроенъ при обсерваторіи особый павильонъ, въ которомъ имѣютъ бытъ помѣщены весьма хорошіе магнитныя снаряды, приобретенные Университетомъ на Московской Выставкѣ Русскихъ издѣлій. Такимъ образомъ при Университетѣ будутъ производиться астрономическія и магнитныя наблюденія, кои, при извѣстной дѣятельности почтеннаго Профессора *Д. М. Перевощикова*, не замедлятъ ввести Московскій Университетъ въ благородное соучастіе съ Европою, къ пользѣ Естественнаго знанія.

Вышнее вліяніе Московскаго Университета, въ прошломъ академическомъ году, распространило значительпо кругъ свой. При совершенномъ преобразованіи учебныхъ заведеній въ Бѣлоруссіи, Московскій Университетъ снабдилъ ихъ преимущественно наставниками. Предпочтительное вниманіе, съ коимъ Правительство обращается къ нему во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, показываетъ, какая важная и главная роль назначена ему въ исторіи Русскаго просвѣщенія. Быть разсадникомъ, воспитывающимъ сѣмена Русскаго духа для всѣхъ концевъ великой Имперіи—воистину цѣль, къ коей призванъ онъ своимъ положеніемъ и довѣренностію опечестива!

Речи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи,

коимъ заключился испекшій учебный годъ, были: *Слово о существенныхъ обязанностяхъ Витіи и о способахъ къ приобретению успѣховъ въ Красноррціи*, Э. О. Профессора *Побѣдоносцева*, и *Oratio de nonnullis corporis humani partibus, quarum usus adhuc nondum plane cognitus est*, Э. О. Профессора *Эйнбротта*.

—ИЗБРАННЫЙ НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ. *Переводъ Александра Шишкова 2-го. Томъ первый, содержащій въ себѣ трагедій: I) Пикколомини, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, и II) Смерть Валленштейна, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Шиллера. Москва, въ Унив. Типографіи, 1831.*—Доброе начало—половина дѣла, по Русской пословицѣ, и эта пословица можетъ быть приличнымъ эпитафюмъ къ началу труда, предпринимаго *Г. Шишковымъ*, къ пользѣ и чести нашей словесности.

Современный Нѣмецкій Театръ есть явленіе важное въ ліпописяхъ современнаго просвѣщенія. Тогда какъ вездѣ почти драматическая поэзія, разрываясь ошъ сценическихъ условій въ романъ и другихъ нововымышленныхъ формахъ, ославляетъ театръ въ добычу неспрымъ игрищамъ, пѣвающимъ на подрядѣ праздное любопытство: въ Германіи напрошивъ, геній, кажепся, набралъ сцену предпочтительно своимъ любимымъ поприщемъ. Намлучшія произведенія современной Нѣмецкой поэзіи суть неоспоримо произведенія сценическія: превосходнѣйшіе геніи, коими красуется Германія, олицетворили свои высшіе восторги въ драматическихъ зрѣлищахъ. Отсюда современный Нѣмецкій театръ ознаменованъ печатью глубокой оригинальности. Жизнь, въ другихъ странахъ разоблачаемая на сценѣ до прозаической наготы, здѣсь является въ иде-

альномъ величественномъ сіяніи. Это нисколько не вредитъ истинѣ, составляющей существенную потребность современной поэзіи: ибо явленія жизни чрезъ то не искажаются, а только представляются съ высшей точки зрѣнія, но вымышленой, а угадываемой поэтическимъ одушевленіемъ. Посему на Нѣмецкой только сценѣ можетъ держаться и дѣйствительно держится прагедіа, сообразная, разумѣется, современнымъ понятіямъ и потребностямъ. Ни во Франціи, ни въ Англіи, нѣтъ нынѣ истинной прагедіи, какъ представленія жизни въ ея идеальномъ величіи: имъ еще существуетъ, но внутренняя сила замыслена обыкновенно или педантическаго декламаціею или мелодраматическою фантазмагоріею. На одной только Нѣмецкой сценѣ умѣютъ идеализировать жизнь, не подымая на ходули и не окружая оптическими призраками. Мы разумѣемъ здѣсь лучшія произведенія Нѣмецкой сцены: ибо въ мѣлкой рухляди, кою заваливается она ежедневно, это идеализированіе превращается, по большей частии, въ напыщенную мешапельность или даже въ мешафизическое мракобѣсіе.

Европа, не смотря на недавнее всеобщее предубѣжденіе противъ Германіи, отдаетъ теперь полную справедливость Нѣмецкому Театру и ознакомливается беспрепятливо съ лучшими его произведеніями, въ болѣе или менѣе достойныхъ переводахъ. Но у насъ досель существовалъ одинъ только превосходный переводъ *Орлеанской Дѣвы*, за которымъ можно не имѣть нужды въ подлинникъ. Прочіе немнотріе опыты, между коими переводы *Г. Ротгева*, отличаются неслыханнымъ неуваженіемъ къ оригиналу, скорѣе можно назвать переводами Нѣмецкаго Театра. Какъ же теперь не быть благодарными къ усердію

Г. Шникова, съ коимъ онъ рѣшился посвятить испытанный талантъ свой на достойное усвоеніе нашей словесности лучшихъ произведеній Германской сцены? Фебъ да поможетъ ему совершить это благое и полезное предпріятіе, по крайней мѣрѣ, такъ какъ оно теперь начато!

Вышедшая теперь *Первая Часть* труда Г. Шникова содержитъ въ себѣ двѣ трагедіи Шиллера: *Пикколомини* и *Смерть Валленштейна*, или лучше двѣ части драматической *трилогии*, соснавающей одинъ изъ драгоценнѣйшихъ камней въ вѣнцѣ славы Германскаго поэта. Извѣстно, что отличительную черту и вмѣстѣ отличительную слабость генія Шиллера составляетъ преобладаніе размышляющаго ума надъ творящею фантазіею: Шиллеръ былъ рожденъ болѣе философомъ, чѣмъ поэтомъ: въ немъ господствовала преимущественно средостремительная сила самоуглубленія; и потому онъ жилъ болѣе внутри себя, въ идеяхъ и чувствованіяхъ, а не во внѣшнихъ живыхъ образахъ и лицахъ. Отсюда происходило, что и въ драматическихкихъ его созданіяхъ выходили на позорницѣ сѣи самыя идеи и чувствованія, воплощенные въ поэтическихъ обликахъ, а не живые образы и дѣйствительныя лица. Это преимущественно ощущительно въ самыхъ раннихъ опытахъ, принадлежащихъ къ первому періоду поэтической жизни Шиллера. Таковы: *Разбойники*, *Фіеско*, *Коварство и Любовь*. Это картины, въ коихъ изображались не дѣйствительныя событія жизни человѣческой, а появившіяся, кои имѣлъ обней Шиллеръ, олицетворенныя въ призракахъ дѣйствительныхъ событій. Отсюда эта непримиримая вражда между рокомъ и свободою, между жизнью и смертію, коей онъ представляющъ безотрадное зрѣ-

лице. Тѣсной юдоли дѣйствительности слишкомъ недостаточна было для того, чтобы въ ней вмѣстилось все свѣтлое небо *Шиллеровой* души, съ ея безграничными помыслами, съ ея безбрежными мечтами. Это не могло бытъ произведено иначе, какъ насильственно: и сіи первые плоды поэпическаго рвенія юноши послѣпъ на себя явные признаки судорожнаго напряженія, сопровождавшаго безплоднаго усилія новаго Титана. Съ возмужалоспью должно было оспыпъ и улечься это рвеніе. Геній *Шиллера* являеяся, гораздо зрѣлѣе и спокойнѣе въ *Дон-Карлосѣ*, коимъ начинается впорый періодъ поэпической его жизни. Здѣсь повятія и чувствованія, составляющія внутреннюю жизнь поэта, не олицетворяются, а влагаются въ уста живымъ лицамъ, взятымъ изъ внѣшней дѣйствительной жизни. *Дон-Карлосъ* не естъ еще совершенная драма: но въ немъ сдѣлапъ великій шагъ къ совершенству. *Шиллеръ* угадалъ уже, что на драматическомъ позорищѣ должны являться живыя лица, съ живыми физиономіями: оставалось только дать имъ живую рѣчь, заставивъ ихъ говорить самихъ оспъ себя; и это сдѣлапъ онъ—въ *Валленштейнѣ*. Дабы облегчить самоопроверженіе, на которое онъ рѣшался, ему нужно было изъ льпописей жизни дѣйствительной событіе, которое бы само въ себя имѣло интересъ могущественный. Таковъ именно чудный конецъ чудной жизни *Валленштейна*, этого исполина, сохранившаго гоппическую физиономію, но не духъ древнихъ рыцарскихъ временъ, коихъ послѣднее догарающее сіяніе погасло, на поляхъ Люценскихъ, въ Густавѣ Адольфѣ! Не ослабывая въ поэпической силѣ, *Шиллеръ* представлялъ это само въ себя поэпическое событіе съ истинно драматическою върноспію. Здѣсь у него

являющіяся и дѣйствующія истинные люди, составленные изъ плоти и крови человѣческой, движущіеся по своимъ собственнымъ настрѣніямъ, говорящіе по своимъ собственнымъ понятіямъ. Только *Максъ* и *Марія* (*Текла*) напоминаютъ собою прежняго Шиллера. Ихъ эфирныя души пріодѣты слишкомъ легко и прозрачно земною оболочкою. И это было послѣднее добычею, похищенною у искусства природою. Успамъ молодого *Пикколомини* и дочери *Валленштейна*, говоритъ опять самъ *Шиллеръ*: онъ не могъ еще утерпѣть, чтобъ не высказать своихъ завѣсныхъ думъ и тайныхъ мечтаній:

Важнѣе, глубже тайное значеніе
 Волшебныхъ сказокъ дѣтства моего,
 Чѣмъ истина, которой училъ я жить.
 Единый міръ чудеса даетъ отвѣтъ
 Вопросамъ сердца; только онъ одинъ
 Мнѣ вѣчное пространство открываетъ,
 Мнѣ простираетъ вѣтки, на которыхъ
 Качается довольная душа.
 Міръ баснословный родина любви.
 Ей мило жить въ предѣлахъ волшебства:
 Божественная, вѣршишь въ божества: (с. 71)

это исповѣдь *Шиллера*, повторенная *Максомъ*! За то прочія лица всѣ изображены съ полною драматическою естественностію, вѣрностію и живостию. Его образцомъ очевидно былъ *Шекспиръ*. Но, состоя все еще подъ преобладающимъ могуществомъ разума, Германскій поэтъ не смѣлъ и не могъ предаться вполне той свободѣ фантазій, кою обольстительный пріятель видѣлъ въ корифеяхъ Британскаго театра. Оказывая большую внимательность къ требованіямъ и

условіямъ искусства, онъ заключилъ себя въ строжайшихъ предѣлахъ и тѣмъ предохранилъ отъ укоризнъ, коимъ подвергается *Шекспиръ* предъ судомъ здраваго вкуса. Для соблюденія внутренняго единства содержанія, *Шиллеръ* раздѣлилъ созданіе свое на двѣ отдѣльныя *трагедіи*, къ коимъ приложилъ еще особый *прологъ*, куда для сохраненія внѣшняго единства пона, опнесъ шумныя сцены лагерной жизни, необходимыя для полноты картины, но не совмѣстимыя съ ея трагическою саноovitocіію. Последняя *трагедія*, называющаяся собственно: *Смерть Валленштейна*, и сославляющая кашастрофу всей *трилогіи*, отличаетсѧ драматическою быспрошою, связностію и полноію дѣйствія. Коротко сказапъ — *Валленштейнъ* есть одно изъ тѣхъ произведеній *Шиллера*, въ коихъ геній, покоряясь охотно искусству, являетсѧ тѣмъ величественнѣе и свѣтозарнѣе.

Къ сожалѣнію, *Г. Шишковъ* перевелъ только объ *трагедіи*, оставивъ *прологъ*, который еще прежде переведенъ *Г. Шевыревымъ*. Это лишаетъ *трилогію* цѣлостности. Переводъ *Г. Шикова* вѣренъ, почтитъ и ровень. Между тѣмъ видно, что онъ сославлялъ не пажелую механическую работу для переводчика, а былъ легкимъ плодомъ поэтическаго досуга. Пятистопный амбъ переливается у него свободно и плавно. Языкъ чистъ и правиленъ. Журнальныя насѣкомыя выпочили изъ него нѣсколько порошинокъ: пусть ихъ—на здоровье! Литературные *Гуры* болѣзнуютъ, что не находятъ *Фемлы*: жаль и ихъ сердечныхъ! Мы съ своей стороны замѣтимъ переводчику, что онъ напрасно у имени одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ (*Терци*) оппнѧлъ окончательную букву (*й*), свидѣтельствующую его Славянское происхожденіе (*Терцкій*).

Вторая Часть Избраннаго Театра, содержащая въ себѣ: *Марію Стюартъ — Шиллера*, и *Князей Хованскихъ—Раунаха*, выходятъ немедленно.

—повѣсти ГЕНРИХА ЦИОККЕ. *Переводъ съ Нѣмецкаго. Три части. С. П. В. въ тип. Плюшара, 1831.* — *Циокке* есть одинъ изъ достойнѣйшихъ соревнователей или лучше сверстниковъ *Вальтера-Скотта*. Его романы имѣютъ столько самобытной оригинальности, опливающей на себѣ печать родной Швейцарской природы, что шворецъ ихъ, кажется, не имѣлъ никакой нужды въ предшественникѣ на своемъ поприщѣ. Талантъ его былъ свѣтлымъ и звучнымъ эхомъ горъ, служившихъ для него колыбелью. Ихъ живописная простота и неукрашенное величіе отражаются въ его картинахъ, какъ въ чистомъ спеклѣ водоемовъ, хранящихся между ихъ ущеліями. Это сообщаетъ романамъ *Циокке* цвѣтъ глубокой истины: но эпожѣ конечно должно быть причиною и тому, что они не представляютъ въ себѣ снрогаго единства и постоянной ровности. Подобно Швейцарской природѣ, они состоятъ изъ множества живописныхъ отрывковъ, съ трудомъ сосредоточивающихся для зрѣнія въ одно непрерывное цѣлое и безпрерывно застѣвливающихъ собою другъ друга.

Но и эпожѣ единственный недостатокъ, болѣе или менѣе ощутительный въ романахъ *Циокке*, исчезаетъ въ его повѣстяхъ, кои сами суть не иное, какъ прекрасныя отрывки Швейцарской души его. Сынъ свободныхъ горъ, умасренный долгоюо дней, завѣщаваешь въ нихъ юному поколѣнію плоды мудрой опытности, пріобрѣтенной чрезъ постоянное, спокойное наблюденіе надъ природою и жизнью. Это афоризмы глубокой практической философіи, облеченныя

предестію живаго, плѣнительнаго расказа. Онѣ отличаются преимущественно соединеніемъ тонкаго знанія свѣта съ добродушною напирархальною искренностію. Въ нихъ есть и юмористическая ѣдкость, напоминающая Фервейскаго спарика, но безъ лукавства и злоспи. Посему онѣ доставляютъ наслажденіе сколько же чистое, сколько наставительное.

Въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ помѣщалось и помѣщается много повѣстей *Циошке*, въ болѣе или менѣе хорошихъ переводахъ. Но рѣшительное преимущество предъ всеми, въ отношеніи къ Русской опдѣлкѣ, принадлежитъ неоспоримо тѣмъ, кои изданы теперь вмѣстѣ. Это: *Подарокъ на Новый Годъ; Женщина по степенямъ ея возраста; Исландскія Письма; Вечеръ предъ свадьбою; Ясновидица; Бобъ; Ночь на Первомъ Мая; Тетушка или все на изворотъ, и Нога*. Всѣ онѣ, кромѣ *Тетушки*, были напечатаны прежде въ *Сынъ Отечества* и въ *Литературныхъ* къ нему *Прибавленіяхъ*. Но теперь издаются въ полнѣйшемъ видѣ, безъ опусковъ и перемѣнъ, коихъ преобладали въ свое время журнальные виды. Переводу должно отдаться полную справедливость: подобныхъ, по числотѣ, правильности и легкости языка, сыщется у насъ не много. Къ чести его должно также прибавить, что онъ сдѣланъ съ Нѣмецкаго подлинника, а не съ Французскихъ, разведенныхъ и обрѣзанныхъ переводовъ. Мы отъ души желаемъ, чтобы это прекрасное собраніе, по обещанію переводчика, продолжалось; и общаемъ ему въ награду, съ нашей стороны, истинное наслажденіе и искреннюю благодарность.

—БРАТЬ И СЕСТРА или любовь всему научить. *Комедія-Водевиль съ однимъ дѣйствіемъ, соч. П. Григорьева. Но-*

вый дуэтъ изъ Русскихъ пьесъ, соч. Г. Жукковскаго; прочие нумера набраны изъ лучшихъ авторовъ С. П. Б. въ тип. И. Байкова, 1831.—БРАТЬ ЗА БРАТА или ильть правила безъ исключенія. Комедія-Водевилъ, въ однолють дѣйствию, соч. П. Григорьева. Музыка, соч. Жукковскаго. С. П. Б. въ тип. И. Байкова, 1831.—Оба эпит водевила, во всѣхъ отношеніяхъ, родные братья. Они изданы однимъ сочинителемъ, въ одной типографіи, на одной бумагѣ, въ одномъ форматѣ, одними буквами, даже въ оберткѣ одного цѣвша. Но какъ ильть ничего безъ исключенія: по и между ними примѣчается нѣкоторое различіе во внутреннихъ качествахъ. Первый изъ нихъ кажется нѣсколько поживѣе и позанимательнѣе. И ильть и другой однако сходны опильть шѣмъ, что въ обонхъ одна Французская водевилянал канва, изукрашена Русскими именами. Къ довершенію эпного фамильнаго сходства, музыка на оба водевила сочинена однимъ композитеромъ; и оба они продаются въ книжныхъ лавкахъ А. В. Глазунова, въ Пешербургѣ и Москвѣ, по одной цѣвѣ (3 руб.).

—ANTIQUITIES OF MEXICO, comprising fac-similes of ancient Mexican paintings and hieroglyphics, preserved in the Royal Libraries of Paris, Berlin, Dresden, in the Imperial Library of Vienna, in the Vatican Library, in the Borgian Museum at Rome, in the Library of the Institutes at Bologna and in the Bodleian Library at Oxford; together with the monuments of New Spain, by M. Dupaix, with their respective scales of measurement accompanying descriptions, the whole illustrated by many valuable manuscripts, by AUGUSTINE AGLIO, in seven volumes. London, 1830.
(ДРЕВНОСТИ МЕРСКИ, заключающія стилии древнихъ Мексиканскихъ изображеній и героглифовъ, сохрани-

щихся въ Королевскихъ библіотекахъ: Парижской, Берлинской и Дрезденской, въ Императорской Вѣнской Библіотекѣ, въ Библіотекѣ Ватиканской, въ Боргезевомъ Музеумѣ въ Римѣ, въ Библіотекѣ Болонскихъ Институтовъ и въ Бодлевской Библіотекѣ въ Оксфордѣ; вмѣстѣ съ памятниками Новой Испаніи, собранными Г. Дюпе, съ приобщеніемъ точныхъ машинабовъ къ ихъ описаніямъ; объясненныя многими драгоценными манускриптами, въ семи томахъ; трудами Августина Альо. Лондонъ 1830). — Давно уже въ обширной области Европейской Библіографіи не являлось споль важнаго и вмѣстѣ споль великаго творенія. Оно бросаетъ совершенно новый свѣтъ на испорію, искусство и литературу Нового Свѣта, во времени предшествовавшія его открытію. Для Мексики это тоже, что Египетская Коммиссія для Северной Африки, что Даніель для Индіи. Коротко сказать, изданіе сіе можетъ быть признано довершеніемъ Гумбольдтовыхъ открытій. Лордъ Кингсборугъ представилъ одинъ экземпляръ его Парижскому Институту, который оцѣненъ въ 18,000 франковъ. Въ шести первыхъ томахъ содержится предсказаніе художественныхъ памятниковъ, о копорыхъ досель можно было получить понятіе не иначе, какъ извѣдывъ всю Европу. Последній томъ заключаетъ въ себя Испорію Новой Испаніи, Пашера *Bernardino de Sahagun*, писанную первоначально на Испанскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Historia universal de las cosas de Nueva Espana, en doce libros i en lengua espanola, compuesta i compilada por el M. R. P. Fr. Bernardino de Sahagun, de la Orden de los Frailes Menores de la observancia.*

Сіе последнее сочиненіе досель и извѣстно было

только по заглавію. Сочинитель, въ XVI столѣтіи, провелъ болѣе сорока пяти лѣтъ между Мексиканцами: короткое знакомство съ ихъ языкомъ дало ему болѣе, чѣмъ кому-либо другому, возможности собрать историческія и религіозныя ихъ преданія. Сочиненіе его не есть словарь, какъ многіе думали, а исторія образованія великаго безвѣстнаго народа, составленная человекомъ, который во многіхъ отношеніяхъ опередилъ вѣкъ свой.

Бернардино де Сагагунъ былъ родомъ изъ Сагагуна, мѣстечка, принадлежащаго къ волости Кампосъ, въ Шарой Кастиліи. Онъ вступилъ монахомъ въ Францисканскій Орденъ. Когда, въ 1524 году, завоеваніе Новой Испаніи почти было кончено, онъ находился въ числѣ первыхъ духовныхъ, кои туда отправились, и былъ однимъ изъ основателей Коллегіума, учрежденнаго въ Мексикѣ его Орденомъ. Тамъ онъ безпрестанно путешествовалъ по провинціямъ, въ качествѣ миссіонера. Въ 1577 году былъ онъ еще въ живыхъ. Главнымъ началомъ всей его жизни было—обращать труды миссіонерскіе сколько возможно на пользу наукъ. Конечно, *Сагагунъ* раздѣлялъ многіе предразсудки своихъ современниковъ; и ему, равно какъ нынѣшнимъ еще миссіонерамъ, очень нравилось откапывать сходство между идолопоклонствомъ дикихъ и мнелогіею древняго образованнаго міра. Но онъ подчинялъ это гораздо высшей цѣли. Просвѣщая Американцевъ Христіанскою вѣрою, онъ старался ревностно провѣдывать о всѣхъ особенностяхъ ихъ народнаго вѣрованія и собралъ чрезъ то богатые матеріалы. Его швореніе есть обработка, почти переводъ, даже часпто, по счастью, совершенно буквальное повтореніе хроникъ, передававшихся устно въ Средней Америкѣ, кои служили комментариемъ для тамошнихъ

гіероглифовъ. Въ Мексикѣ, равно какъ въ Перу, Хилл и другихъ еще менѣе образованныхъ странахъ, находились въ каждомъ селеніи люди съ удивительно обширною памятью, живые архивы, по выраженію одного стариннаго путешественника. Черезъ нихъ-то переводили преданія изъ рода въ родъ; и великое попеченіе прилагалось о томъ, чтобъ сіи преданія сохранялись въ числѣ неповрежденной. Въ Мексикѣ особенно собирались такимъ образомъ историческія преданія, вмѣстѣ съ рѣчами, обращаемыми къ богамъ или къ людямъ, въ конхъ содержались основныя черты религіи и полиптики. Сіи рѣчи, на ряду съ историческими фактами, во всей своей торжественной простотѣ; перешли въ твореніе Патера *Сагагуна*.

Въ мѣстечкѣ Тепецулко, обласпи Тезуко, началъ свой огромный трудъ *Бернардино де Сагагунъ*, отецъ Американской Испоріи, и писалъ прежде на Мексиканскомъ языкѣ. Дабы сдѣлать вѣрный переводъ, онъ выбралъ двенадцать Индійскихъ старцевъ испытанной чѣстности. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, безпрестанно находился онъ въ совѣщаніи съ ними: и ихъ успешныя отвѣты на его распросы были опмѣнены, гдѣ следовало, въ гіероглифическихъ изображеніяхъ. Наконецъ чепыре молодые Мексиканца, воспитанники упомянутаго Коллегіума, подвели подъ эти изображенія близкій переводъ шекста, на двухъ языкахъ: Латинскомъ и Испанскомъ. *Сагагунъ* замѣчаетъ: «*оригиналь еще у меня въ рукахъ*». Въ Сант-Яго де Тлапалекулко совершалъ онъ подобный трудъ, совѣтуясь о важнѣйшемъ съ плуземными старцами, заслуживающими наиболѣе почтеніе и довѣренность, съ Ректоромъ Коллегіума и съ Индійскими воспитанниками. Въ монастырѣ С. Франциска въ Мексикѣ онъ продолжалъ

свою работу, называя поименно лица, коихъ свѣдѣніями и объясненіями пользовался. Наконецъ, въ 1545 году, трудъ эпопы былъ конченъ на Мексиканскомъ языкѣ и подвергнутъ снова спорогому изслѣдованію многихъ знающихъ дѣла.

Когда такимъ образомъ матеріалы были собраны, достопочтенный издатель занялся сравненіемъ ихъ съ безчисленными остатками всякихъ художественныхъ издѣлій и съ сохранившимися еще нравами туземцевъ. Завоеваніе Америки было начато въ 1519 и кончилось въ 1524 году; следовательно туземцы, разпрашиваемые до 1545 году, во время завоеванія должны были имѣть болѣе тридцати лѣтъ опъ роду и следовательно были коротко знакомы съ нравами и обычаями, о которыхъ у нихъ навѣдывались. Но обработка матеріаловъ для нашего издателя, кажется, была труднѣе, чѣмъ собраніе. Сочиненіе было со-всѣмъ готово не прежде 1564, а Испанскій переводъ 1575 года. *Сагаунъ* состарился, его рука начала дрожать, и, что всего важнѣе, ему ничего не хотѣли дать за рукопись: «плашать сполько денегъ за такое маранье прошивно обътамъ бѣдности,» говорили ему обыкновенно. Такимъ образомъ это драгоценное твореніе, смившееся долго, какъ уже было сказано, словаремъ или по крайней мѣрѣ незначительною хроникою, наконецъ являлся теперь, спустя при спѣшь послѣ своего происхожденія, въ такое время, когда народы, на которыхъ оно должно было имѣть вліяніе, потеряли свой первобышній характеръ и даже переспали жить народами.

Все твореніе свое *Сагаунъ* раздѣлилъ на двенадцать книгъ. Каждая изъ нихъ раздѣлена еще на многія главы и каждая страница на три столбца; первый для

Испанскаго перевода, въпорый для Мексиканскаго текста, претій для знаковъ и ихъ объясненія. Лѣтопись не дошла до насъ въ эпомъ видѣ, равно какъ и собранные издавателемъ докуменсты: по Лапыни, по Испански и въ гіероглифахъ. Можетъ быть все это омыщется еще въ какомъ-нибудь монастырѣ Испаніи или Новаго Свѣта. Между тѣмъ сдѣланы были два особенные списка Испанскаго текста и присланы въ Европу. Куда дѣвался одинъ изъ нихъ, неизвѣстно. Другой былъ положенъ въ монастырѣ Св. Франциска въ деревнѣ Сагагунѣ, гдѣ и былъ открытъ Испорикомъ Муносомъ, который хотѣлъ воспользоваться имъ для своей Исторіи Новаго Свѣта, коей явилась одна книга. Онъ снялъ съ него новыи для себя списокъ. По смерти Муноса бумаги его перешли къ Королевской Мадридской Академіи Исторіи: въ числѣ ихъ находилось твореніе Папера *Сагагуна*, съ котораго сдѣлали копію, сравнили ее съ заботливою точностію съ оригиналомъ и послали въ Америку. То, что напечатано теперь въ собраніи Лорда Кингсбурга, должно итти изъ рукописи Муноса; но издаватель самъ считываетъ эпомъ списокъ неполнымъ. Манускриптъ пострадалъ во многихъ мѣстахъ, особенно въ III и IV книгѣ. Наконецъ важнѣйшая потеря соспонтъ въ томъ, что въ немъ нѣтъ 80 религіозныхъ гимновъ, которые Паперъ *Сагагунъ* называетъ псалмами. Они безъ сомнѣнія находятся въ оригиналѣ; издаватель вѣроятно пренебрегъ ими. Но потери снѣтъ болѣе возвышающъ цѣну того, что, по счастью, сохранилось для нашего времени.

Исторія Новаго Испаніи, какъ было сказано, заключаетъ въ себѣ двенадцать книгъ. Первая содержитъ Мексиканскую еогонію; вторая занимается календа-

ремь, праздниками, обрядами, жертвоприношеніями; третья возвращается опять къ происхожденію боговъ и излагаетъ мнѣнія о назначеніи души, о важности жреческаго сана; четвертая и пятая разсуждаютъ о судебной астрологій Мексиканцевъ; шестая озаглавивается слѣдующимъ образомъ: «о Рипорикъ и Богословіи Мексиканскаго народа, при чемъ весьма достопримѣчательныя вещи о красотахъ языка и нѣжныхъ опшѣнкахъ нравственныхъ добродѣтелей.»

Здѣсь находимъ мы дѣйствительно весьма замѣчательную молитву къ божеству Техкалтлипука-И-Яупль — Некояльи — Моенспуй, въ коей испрашивается помощь на враговъ; еще достопримѣчательнѣйшую рѣчь Мексиканскаго духовнаго опца; наконецъ *молитву къ богу дожда Тлаоку, повелителю земнаго рая, для прекращенія засухи*, которую, за рѣдкостью образцевъ Мексиканскаго краснорѣчія, не излишнимъ считаемъ привести здѣсь.

«Пречеловѣколюбивый, прецедроподательный господи, повелишель зелени и свѣжести, владыка бальзамическаго, цвѣтущаго рая земли, господь благоуханія! Увы! боги дожда, твои слуги скрылись въ свое убѣжище—они, которые въ другое время подаютъ вамъ всё нужная для жизни вещи и которыхъ члупть, какъ Улли, Яупли и Копаль. Они скрыли весь запасъ, коимъ поддерживается наше бытіе — а мы счипаемъ ихъ нашими драгоценными камнями, смарагдами, и сафирами: даже увели съ собой сесипру свою, богиню изобидія, вмѣстѣ съ богинею Хилли или Икси. Умилосердись надъ нами живущими! Все гибнешь и изсыхаешь, все, не имѣя влаги, покрываешь прахомъ и какъбы паупинною поканью. О горе для бѣдныхъ человѣковъ! Они перпятъ уже голодь, совершенно из-

сохли и обезобразились: синеша, окружающая их глаза, уподобляет их мерпвецамъ.»

»Уста их высохли, какъ выжженная зноемъ права; всѣ кости можно счесть въ ихъ шлѣхъ, какъ будипобы это былъ образъ самой смерти. И дыши — бродитъ обезображенные, желтые, черные какъ земля. Даже до четвероногихъ и пернатыхъ животиныхъ, все страдаетъ отъ общаго бѣдствія, отъ засухи. Горько смотреть на этихъ птицъ, какъ однѣ изъ нихъ, опустивъ крылья, бродитъ голодная, какъ другія валяются съ вышины, отъ невозможности летать, и какъ еще нивы, томимыя голодомъ и жаждою, не смыкающъ изсохшаго клюва. А звери—господи—о какъ болезненно видѣть ихъ, падающихъ въ безсми и пожвращающихъ землю, съ приплюнувшимъ языкомъ, съ разсвѣткою горпанью, задыхающихся отъ жажды и голода. А люди — они потеряли разумъ: они умираютъ отъ недостатка воды, всѣ гибнутъ, какъ что ни одного не останется. Кажется, какъ будипобы горимъ въ огнѣ. По истинѣ ужасно терпѣть голодъ, который мы терпимъ. Подобно лѣсной змѣ, которая, алкая пищи, точитъ спячу, сматывается клубомъ и всячески видѣть упомишь спѣдающій ея голодъ, человекъ салился всячески напипать себя— и спрашно видѣть его смертныя муки!»

»Бывало слышали мы отъ отшедшихъ въ дальнѣй пушь спариковъ и спарухъ, что будетъ время, когда небо на насъ обрушится и извринутся воздушныя демоны, Цицямиты, которые должны разрушить землю и всѣхъ ея обитателей, дабы тѣма была повсюду и ницѣ не осталось жилища для человеквъ. Старые люди знали это и говорили. Изъ успѣ въ успѣ перешло къ намъ, что долженъ быть

конецъ міру; ибо земля успала производить другія творенія. Господи! это было бы для насъ богатствомъ и наслажденіемъ, еслибы пророчество сіе надъ нами исполнилось! О какъ мы злополучны! Буди милосивъ и пошли на насъ язву, которая бы насъ мгновенно похитила! Этого бычъ идець отъ бога преисподней и при немъ богиня изобилія и богъ жашвъ посылають нѣкоторую прохладу, отъ которой умирающіе получаютъ нѣкоторое подтверженіе, дабы совершяшь пупъ въ преисподнюю. Помяни, что настоящее бѣдспвіе произошло не отъ войны: оно идець отъ лучей, кои солнце, какъ нѣкій мощный и сильный богъ, вержетъ на землю. Еслибы не такъ, то воины, герои, сильные и воинственные мужи, радовались бы великою радостію объ опасности: ибо въ войнѣ умирають многіе; тогда проливается кровь, поля покрываются громадами труповъ и костей побѣжденныхъ, земная поверхность усъвается волосами головъ обнаженныхъ пльвіемъ. Всего этого она не боится ни мало: ибо увѣрены, что душа ихъ переходить въ домъ солнца, гдѣ они будутъ шворжествовать славу Бога гласами исполненными радости и упиваться сокомъ безчисленныхъ цвѣтовъ съ неистощимымъ наслажденіемъ.»

«О многомилосивый господи! господь зелени, соковъ и душистыхъ травъ! Молю тебѣ, да просишь на народъ швой взоръ милосердія!»

Седьмая книга *Исторіи Новой Испаніи* занимается метеорологіею. Новый источникъ для Берлинскихъ ученыхъ! Осьмая разсуждаеть объ іерархіи Царей и Начальниковъ и объ образѣ ихъ набранія. И экземпляръ такой зрелищеской книги могъ находиться въ монастырѣ Испанскомъ! Въ этой осьмой книгѣ заклю-

чается много любопытнаго о политическнх постановленіяхъ , законодательствѣ и даже объ исторической хронологіи Мексиканцевъ. Девятая говоритъ о дружелюбномъ общеніи купцевъ , о рѣзчикахъ камней , о ихъ образѣ жизни , о ихъ праздникахъ и пирушкахъ. Десятая о порогахъ , добродѣтеляхъ , физическомъ характерѣ и о *materia medica* Мексиканцевъ.

Двенадцатая и послѣдняя книга заключаетъ въ себѣ Мексиканскую хронику , которая говоритъ совершенно не то, что Испанскія извѣстія. *Audiatur altera pars*; но только въ самомъ сокращенномъ извлеченіи. Пять полководцевъ Монтезумы (Монтезумы) посѣщали корабли Грехальвы , котораго они сочли за бога Гуэтцалькоана. Кортезь , прибывшій позже , былъ принятъ за тогоже бога и внушилъ еще большій ужасъ. Пятеро главныхъ вождей принесли ему дары и молились , какъ богу, «который послѣ долгихъ трудовъ возвратился.» Кортезь пренебрегалъ болѣе даровъ , велѣлъ ихъ связать накрѣпко и дать выстрѣль. Посланники упали въ обморокъ. Потомъ приказалъ онъ имъ , чрезъ Индійскую переводчицу , сразиться съ Испанцами , желая испытать силу народа. Но посланники отказались и желали напередъ получить новыя инструкціи. Кортезь назначилъ имъ бой на другой день : и Монтезума прислалъ между нѣмъ чужеземцамъ жизненныхъ припасовъ и пироговъ изъ манса съ человѣческой кровью ; Испанцы отвергли все съ презрѣніемъ. Видя свое положеніе , Монтезума посылаетъ волхвовъ къ кораблямъ , дабы испребитъ или прогнать пришельцевъ чарами : но напрасно. Въ городъ Мексико распространяется ужасъ , народъ толпится , государь хочетъ скрыться въ одну пещеру ,

бѣжать, лишити себя жизни, но не можетъ ни на что рѣшиться; наконецъ онъ принимаетъ опять Испанца за посланика въ Божества и своею рукою возводитъ Кортеза на престолъ. Когда Монтезума объявляетъ былъ плѣнникомъ, его любимцы, Тлоаццишиакохкакапъ - Гуэццалаццациншикочавашиль и многіе другіе, коихъ имена перечислены въ хроникѣ, оставили его безъ помощи, но сами скрылись и не приходили къ Кортезу.

Сколько безвѣстныхъ драгоценностей можетъ еще открытаться въ Испаніи! Когда пройдути и для ней средніе вѣки, тогда, вѣроятно, откроется много новаго. Подъ обломками и мусоромъ Греціи и Италіи древніи статуи почивали до возстановленія искусствъ не въ большей безопасности, какъ доселѣ книги въ монастыряхъ прешяго Европейскаго Полуострова. Недавно одинъ Нѣмецкій ученый хотѣлъ свѣрять одинъ Мадридскій манускриптъ въ Мадридъ: рукопись тамъ, но въ Мадридѣ нѣтъ ни одного либератора, который бы ее понималъ или даже, по крайней мѣрѣ, могъ отыскать ее! (В. В.).

IX.

КЛАССИФИКАЦІЯ ЖИВОТНАГО И РАСТИТЕЛЬНОГО ЦАРСТВА.

(къ Издателю Телескопа.)

По желанію вашему, препровождаю для напечатанія въ Телескопъ краткій очеркъ принимаемыхъ мною первоначальныхъ отдѣленій животнаго и растительнаго царства. Предпочитая сократительный методъ *дробному*, я ограничилъ число классовъ наименьшимъ,

необходимымъ; а находя естественнѣйшимъ и выгоднѣйшимъ для спспемы *путь нисходящій*, начинаю съ *высшихъ и совершеннѣйшихъ* по свойству идей о *системахъ* вообще, какъ о представленіи *цѣлости* природы. Естественная система и животнаго и растительнаго царства *однообразна* въ главныхъ основаніяхъ своего построения; изъ сего однакожь не слѣдуетъ *равенство* двухъ царствъ. Нижеслѣдующіе классы почти всѣ были уже устанавлены или усмопрѣны разными авторами, и мною избраны сообразно моему понятію о семь предметъ: при семь необходимо было составить вновь нѣкоторыя названія, и таковыя означены *звѣздкой*.

I. СИСТЕМА ЖИВОТНАГО ЦАРСТВА.

Здѣсь возобновлены многіе изъ прежнихъ классовъ (преимущественно *Ламарковыхъ*), нынѣ весьма раздробленныхъ, и всѣ разположены (по примѣру Окена и Сени-Илера) въ томъ порядкѣ, какой былъ у Линнея, и который измѣнили Ламаркъ и Кювье, помѣстивъ послѣ рыбъ моллюски.

А. жив. суставчатая* (*a. articulata*). Сени - Илеръ называетъ ихъ *позвоночными*, ибо Насѣкомыя, Раки, Пауки, причисляемыя обыкновенно къ *безпозвоночнымъ*, имѣютъ позвонки, но только наружнаго образованія. Но какъ *позвоночными* привыкли называть только *первую область*, то, во избѣжаніе сбивчивости, я разсудилъ принять слово: *суставчатая*.

Область I. жив. внутресуставчатая* (*Endogona* Vertebrata Lam. Cuv. Spondylophora Tiph. Hauts-vertébrés Gff.*). Костяной скелеть внутри

пѣла, и облеченъ мясомъ снаружи.

а) *Теплокровныя*. Сердце двухжелудочное, кровь красная и теплая.

Классъ 1. *Звѣри* (Mammalia). Человѣкъ, который своимъ самопознаніемъ отличается отъ животныхъ, какъ небо отъ земли, я исключаю изъ царства животныхъ, и потому первый классъ ихъ называю не *Млекопитающими*, а *Звѣрями*, послѣдуя въ этомъ Русскому академикъ В. Зуеву (см. Начертаніе Ест. Испор. изд. для Народныхъ Училищъ). *Человѣкознаніе* (Антропология) естъ особая наука.

Классъ 2. *Птицы* (Aves).

б) *Холоднокровныя*. Сердце одножелудочное, кровь красная холодная.

Классъ 3. *Гады* (Reptilia).

Классъ 4. *Рыбы* (Pisces).

Область II. жив. наружносуставчатая* (Exogona*. Insecta et Insectina L. Articulata et Entozoa Cuv. Desmo-vertébrés Gff). Твердый либо кожистый скелетъ снаружи, а мясо внутри.

а) *Суставчатоподобія** (Insecta L).

Классъ 5. *Насѣкомыя* (Insecta Lat.), подверженные проякому превращенію, шестиногія, почти всѣ крылатыя, съ головою, грудью и брюхомъ отдѣльными.

Классъ 6. *Крѣпиды** (Polymeria Goldf.), не подверженные превращенію, безкрылыя; ногъ обыкновенно болѣе шести; голова и грудь почти отдѣльныя. Здѣсь (по примѣру Виреля, Окена и др.) соединяю *Раковыхъ* (Crustaceae) съ *Паукоподобными* (Arachnoidea Lat).

6.) *Черви* (Vermes. Intestina L.)

Классъ 7. *Кольчатники** (Annelata Sw.), черви краснокровные.

Классъ 8. *Глисты* (Elitvza Rud.), черви, въ другихъ животныхъ водящиеся.

В: жив. безсуставныя* (a. exarticulata), безчленивые; беспозвоночныя по *Сент-Иле*.

Область III: моллюски (Mollusca Lam. Sw.), Ламаркомъ раздѣлены на *головастыя* (cephalea Lam.) и *безголовыя** (Lam.). Два отдѣленія сии (по примѣру Окена) принимаемъ за особые классы.

Классъ 9. *Улитники**, имвющіе голову отдѣльную, заключенные обыкновенно въ раковинѣ *одночерепной*, рѣдко голые; раздѣльнополые, рѣдко двуполые; водяные, рѣдко наземные.

Классъ 10. *Раковницы**, безъ особой головы, заключенные нанчаще въ раковинѣ *двухчерепной*, рѣдко многочерепной, либо голые; полъ только женскій; морскія, рѣдко рѣководныя.

Область IV: жив. лучистыя (a. radiaria).

Классъ 11: *Лучевики** (Radiata Lam. Siphonopuncta Fisch.), съ жилами и проч.

Классъ 12. *Полипны* (Polyri Lam. Desinatopuncta Fisch.), безъ жилъ и проч. Сюда относятся *Кораллы* (Зооитны и Липоитны), живущіе въ полипникахъ, *Гидржан* и наконецъ *Инфузоріи*.

И СИСТЕМА РАСТЕЛЬНАГО ЦАРСТВА.

A. РАСТ. ЯВНОЦВЕТНЫЯ* (a. (phanerogamae L. или съменодольныя (cotyledoneae).

а) Ново-тайно-брачныя, и змінилъ словомъ: — Явно-и тайно цвѣтныя.

Область I. раст. двудольная (*Dicotyledoneae Juss.*) или *кружоростных** (*Exogoneae DC.*), *Phanerocotyledoneae Ag.*

а) *Двулопастных** (*Dichlamydeae DC.*).

Класс I. *Алжесцевидных** (*Thalamiflorae*), где соединяю *подпестичных* (*hypogynae*), как многолепестных (*thalamiflorae DC.*), такъ и *единолепестных* (*corolliflorae—DC.* *выкоцвѣтных*).

Класс 2. *Чашцевидных** (*Calyciflorae DC.*) многолепестных и *единолепестных*, как *околопестичных* (*perigynae*), такъ *надпестичных* (*epigynae*).

б). *Однолопастных** (*Monochlamydeae*).

Класс 3. *Однолопастных**. (*Monochlamydeae DC.*)
оснавляются въ одномъ классѣ.

Область II. раст. однодольная (*Monocotyledoneae Juss.* *Cryptocotyledoneae Ag.*) или *средоростных** (*Endogoneae*). Декадоля сюда относится в *Палпоротных* (Кл. 8).

Класс 4. *Погаткоцвѣтных** (*Sporadiciflorae Fr.*)
Пальмы, Цикадовые, Арошны, Цикоморовыя.

Класс 5. *Плесткоцвѣтных** (*Glumiflorae*)—Злаки, Осоковыя и проч.

Класс 6. *Звонкоцвѣтных* (*Ridentiflorae Goldbach*)—*Сципамитных* (*Lin.*) и *Янрибичных*.

Класс 7. *Лилейноцвѣтных** (*Liliiflorae Ag.*), *Марциссовыя*, *Косатиковыя*, *Лилейныя* и проч.

Б. раст. тайноцвѣтных (*Cryptogamae L.*) или *вологных** (*Nemeae Fries*), *безъсмечодольных*, (*acotyledoneae Juss.*).

Область III. раст. *разноволотных** (*Heteronemeae Fr.* *Pseudocotyledoneae Ag.*)

Класс 8. *Палпоротных* (*Filices Wahl.*).

Класс 9. *Мхи* (*Musci Hedw.*).

Область IV. раст. единоволотныя* (*Homoneleae Fr.*
Acotyledoneae Ag. Cellulares aphyllae D C.).

Классъ 10. *Поросль* (*Algae Gmel. Fr.*)

Классъ 11. *Грибы* (*Fungi L. Fr.*).

Признаки сихъ опредѣлений и ихъ дальнѣйшее подраз-
 дѣленіе, равно какъ и теорія системы изложены въ *Со-
 кращенной Зоологii и Систематикѣ Растительнаго Цар-
 ства*, кои въ скоромъ времени будутъ представлены
 вниманію и суду моихъ благосклонныхъ читателей а).

а) Позвольте мнѣ при семъ случаѣ объясниться предъ чита-
 телями въ слѣдующемъ. Года за два предъ симъ, въ те-
 ченіи двухъ лѣтъ, я постоянно писалъ для Московскаго
 Телеграфа рецензіи на издаваемыя у насъ книги по
 части *Естествознанія* и общей *Медицины*, кою порою за-
 нимаюсь не для *практики*, но какъ высочайшею и благо-
 роднѣйшею изъ наукъ. Большую часть оныхъ озна-
 чалъ я буквами W. W., не желая своимъ именемъ ску-
 чать читателей. Давно уже оставилъ я сію под-
 писъ; но въ Телескопѣ и еще гдѣ-то она встрѣчалась
 подъ нѣкоторыми рецензіями, кои—какъ вамъ извѣст-
 но—писаны не мною, однакожъ нѣкоторыми изъ чи-
 тателей приписаны мнѣ. Благодарю ихъ за это; но
 опъ спатей опрекаюсь: во первыхъ потому, что не
 желаю пользоваться какимъ бы то ни было мнѣніемъ
 на чужой счетъ и не заслуженно; во вторыхъ потому,
 что съ нѣкотораго времени положилъ себѣ правиломъ,
 не означать вымышленными подписями своихъ статей,
 убѣдившись, что литература, поелику она дѣло об-
 щественное, требуетъ мнѣнія и дѣйствія открытаго
 и явнаго — и всякая *листинификація* въ ней, есть
 только частная и, такъ сказать, домашняя пошѣха
 литераторовъ. Такимъ образомъ послѣдніи рецензіи
 мои, относящіяся къ Естествознанію, я означалъ сво-
 имъ именемъ: напр. въ Литературной Газетѣ, въ Те-
 леграфѣ на Физiku Г. Щеглова, въ Телескопѣ на бро-
 шюрку Г. Лодера. (*М. Максимовъ*).

X

НОВОСТИ

НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

— людоды острова суматры. — На сѣверной оконечности острова Суматры, между Ахемомъ, Менашкабу и моремъ, обитають Баншасы, народъ многочисленный, большею частію живущій не по берегамъ моря, но въ некоторомъ отъ нихъ отдаленіи. Баншасы, число коихъ простирается отъ одного до двухъ милліоновъ, имѣють посполный образъ правленія, совѣщательныя собранія и великихъ орапоровъ, собственныя свой языкъ и письмена; и почти каждый изъ нихъ ученъ грамотѣ. Они имѣють и вѣру свою: бога, называемаго Дибаша-Асси-Асси, и двухъ другихъ, отъ него рожденныхъ боговъ. Воинственный народъ сей честенъ, справедливъ и предусмотрителенъ. Поля Баншасовъ хорошо воздѣланы, преступленія между ними рѣдки. Но не взирая на такую образованность, они—людоды.

За нѣсколько предѣсимъ лѣтъ, одинъ Баншасъ, за оскверненіе супружняго ложа, осужденъ былъ законами на съденіе; и мѣсто казни назначено не подалеку отъ Таппанули. Англійскій Посланникъ былъ приглашенъ присуствовать при оной, но отказался; одинъ только Секретарь Посольства прибылъ туда съ Баншасскимъ чиновникомъ. Спеклось множество народа. Преступника привязали къ дереву съ разпростертыми руками. Палачъ, званіе коего на Суматрѣ почетно и важно, подошелъ къ преступнику съ пожемою въ рукѣ; за нимъ несъ человекъ блюдо съ самбуломъ (лимопы, соли и пр.). Оскорбленный супругъ на вопросъ, какой части шьла желаетъ онъ, потребовалъ праваго уха, полу-

чалъ его, обмакнувъ въ соль и съѣлъ. Тутъ все кинулись на преступника, и грызли его, сколько хотѣли. Наконецъ, и по изъ уваженія къ Секретарю Посольства, смилоспивились и нанесли ему ножомъ ударъ въ сердце.

Байтасы имѣютъ весьма древнiе законы и ѣдятъ другъ друга единственно изъ благоговѣнiя къ своей конспируци. Законы сии осуждаютъ на съѣденiе живыхъ: 1) всѣхъ осквернителей супружнаго ложа, 2) вичныхъ татей, 3) военнопленныхъ, 4) тѣхъ, кои, не взирая на узы крови, соединяются бракомъ, 5) каждаго, кто предательски нападаетъ на деревню, домъ или частное лице. Таковыхъ преступниковъ призываютъ въ уголовный судъ; когда следствие кончено и приговоръ произнесенъ, каждый изъ судей выпиваетъ чарку, что служить вмѣсто подписи. За оскверненiе супружнаго ложа преступника не казнятъ, если родственники виновной жены не хотятъ присутствовать при казни. Обыкновенно сначала требуется ухо, потомъ присущивающiе; по чинамъ и старшинству, разбираютъ остальные части. Наконецъ глава собранiя, отрѣзавъ виновному голову, вѣшаетъ ее, какъ прочей, вѣдь своимъ домомъ. Онь же или обиженный уноситъ къ себѣ мозгъ, который тщательно сохраняется въ стеклянкѣ, по причинѣ приписываемой ему волшебной силы. Внутренностей не ѣдятъ; во сердце, руки и подошвы почипаюцца лакомыми кусками. Мясо ѣдятъ сырое или поджареное, не иначе какъ на мѣстѣ казни, приправля оное самбуломъ или сорочинскимъ щенкомъ. На пачихъ идрнѣствахъ не употребляется ни пальмовое вино, ни горячiе напитки, но многiе приносятъ съ собою пустыя бамбуковыя шроспи, и, наполнивъ ихъ кровью, пьютъ се. Виною

ный долженъ быть казненъ не тайно, но при всѣхъ; одни мужчины при шомъ присушествуютъ; женщинамъ же запрещается чловѣчье мясо; однакожь онѣ находятъ средства доставать оное украдкою. Мясо это любимая пища Батпасовъ, но они употребляютъ ее въ пѣхъ только случаяхъ, когда законъ позволяетъ. Таковая казнь назначается по хладнокровномъ, зрѣломъ, обдуманномъ совщаніи, въ кошпиромъ рѣдко участвуетъ личная месть, исключая, если дѣло идетъ о военопленныхъ. Въ мирное время, ежегодно съѣдають они отъ шестидесяти до ста чловѣкъ.

Бывало, Батпасы вдали родителей своихъ, когда они успарьютъ и не въ силахъ работать. Старикки сами вѣшались на дерево, уцѣплясь за него руками, а дѣти ихъ и сосѣди плясали кругомъ, крича: «пора свалиться зрѣлому плоду». Это происходило обыкновенно въ то время года, когда созрѣваютъ лимоны и нѣтъ недосыатка ни въ соли, ни въ перцѣ. Коль скоро употребленные старикки, ослабѣвъ, падали съ дерева, присушествующіе вѣдались на нихъ и пожирали. Теперь уже перестали вѣш стариковъ.

И въ Киплѣ нѣкогда горекіе жители дѣлались чловѣчьимъ мясомъ; обыкновеніе вѣшъ людей, въ военное время, существуетъ и донинѣ въ провинціи Фокіанъ. Китайскіе врачи нѣрѣдко прописываютъ большому кусочекъ чловѣчьяго мяса. Недавно въ Макао вѣкло, опасно больной, велѣлъ убить ребенка, чиня опасности себя отъ смерти. Въ Кантонѣ, пазачи весьма дорого продають желчь казненныхъ, которую мѣшаютъ съ пшеномъ, полагая, что она придаетъ смѣтосли, и потому пируса называютъ чловѣкомъ безъ желчи. Въ дополненіяхъ къ Китайскимъ уголовнымъ законамъ сказано, что Лику, Гоац—Шанскаго округа,

продать челоуьчьей желчи на 20 серебряныхъ унцій. Въ 1811 году дознано, что Чапгъ, изъ провинціи Че-Кіанга, въ печеніе 16 лѣтъ, умершвилъ 11 дѣвушекъ, чтобы соками ихъ подкрѣпить себя. Двенадцатая жерва вырвалась изъ рукъ людоеда, и донесла на него. По наружности — такъ пишуть о немъ — казался онъ челоуькомъ, сердцемъ же былъ люпый звѣрь. Ему исполнилось 70 лѣтъ, когда присудили изрѣзать его на куски; и шестнадцать семействъ, изъ коихъ онъ избиралъ жершвъ своихъ, присуниспвовали при его казни. (Р. В.)

— СУДЬБА НОВАГО ЛОНДОНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. — Извѣстно, какими блистательными надеждами сопровождалось основаніе Университета въ Лондонѣ: надежды сіи не сбываются; и заведенію, начатому съ такимъ усердіемъ и съ такою дѣятельностію, угрожаетъ уже паденіе. Недавно акціонеры учредили комиссію для разсужденія о средствахъ возвратить заведенію довѣренность, которую Совѣтъ Университета умѣлъ уже потерять въ краткое время своего дѣйствованія. Онъ соспонтъ изъ ученыхъ и достойныхъ Профессоровъ; но они все въ разладѣ между собою; а одинъ изъ нихъ (Анапомикъ Папписсонъ) произвелъ недавно гораздо большій соблазнъ, поссорившись публично съ своими слушателями. Это однако не самая еще главная бѣда, угрожающая Университету. Заведеніе сіе было основано съ тою преимущественною цѣлію, чтобы доставлять образованіе, независимо отъ вліянія духовенства; и хотѣли многіе изъ главныхъ основателей его принадлежать къ господствующей Англиканской Церкви, большую часть акціонеровъ составляютъ сектанты, въ особенності: Унипартіи,

Жида и Невѣрующіе. Между тѣмъ публикѣ не нравилось и не хотѣлось, чтобы религіозное образованіе исключено было совершенно; и политическіе враги основателей заведенія воспользовались очень удачно этимъ обстоятельствомъ, чтобы поселить съ самаго начала неблагопріятное къ нему предубѣжденіе. Совѣтъ думалъ разрушить это предубѣжденіе, пригласивъ къ профессорству многихъ уважаемыхъ особъ изъ Англиканскаго Духовенства и даже позволивъ одному изъ сихъ духовныхъ наславниковъ давать Богословскіе уроки вблизи Университета. Но это только что оскорбило акціонеровъ, не принадлежащихъ къ господствующей Церкви, не примиривъ ни мало публику съ заведеніемъ. Такимъ образомъ Университетъ, опъ котораго такъ много ожидали, распропслся въ самомъ младенческомъ и теперь уже носитъ сѣмена скораго разрушенія. Между тѣмъ, къ довершенію его несчасія, Королевскій Коллегіумъ открывался въ самомъ непродолжительномъ времени (не позже будущаго Октябра). Сіе послѣднее заведеніе учреждается, какъ извѣстно, для пропивудѣйствія новому Университету, Торисами и друзьями господствующей Церкви. Велингтоново Министерство подкрѣпляло его всѣмъ своимъ вліяніемъ: оно выхлопотало ему преимущества, какихъ не имѣлъ Университетъ, и мѣсто въ наиболѣе посѣщаемой частни города, такъ сказать, на рубежѣ между моднымъ и торговымъ свѣтомъ. Правду сказать, послѣ того какъ это Министерство оказалось такъ расположеннымъ къ Капюликамъ, наиболѣе ревностные члены Англиканской Церкви пошеряли къ нему довѣренности и считая себл обманутыми, охладѣли въ усердіи къ заведенію, состоявшему подъ особеннымъ покровительствомъ людей, въ коиъ подозрѣваютьъ замаскированныхъ Іезуитовъ.

Особенно Графъ Винчельси (Winchelsea) въ одномъ публично обнародованномъ письмѣ дозволяетъ себѣ такія оскорбительныя выраженія противъ Герцога Веллингтона, что сей послѣдній для спасенія своей чести или, можетъ быть, по другимъ высшимъ политическимъ видамъ счелъ за нужное съ нимъ сдѣлаться. Между пѣмъ заведеніе приняло свой ходъ; благоразумнѣйшіе умы разобрали дѣло и оспались вѣрными своему первому плану; такъ что, не смотря на завладѣніе Министертва противоположною партией, подъ предсѣдательствомъ Бругама, основателя Университета, Королевскій Коллегіумъ, подъ особеннымъ руководствомъ Лондонскаго Епископа, общаешь не только быть прекраснымъ зданіемъ, но и не имѣть недосыпатка въ достойныхъ Профессорахъ. Между прочимъ въ немъ учреждаются кафедры Французской, Италіанской и Нѣмецкой Словесности; и хотя особенно первая изъ нихъ будетъ конечно мало имѣть слушателей, это должно однако прибавить важности изученію новѣйшихъ языковъ и ослабить слѣдующее предпочтеніе, оказываемое доселѣ въ школахъ исключительно языкамъ мертвымъ. Сообразно съ основнымъ закономъ Дисциплины, Великій Канцлеръ Англии и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ долженъ быть, по своему званію, членомъ Совѣта Коллегіумскаго; и такимъ образомъ Лордъ Бругамъ есть теперь глава обоихъ соперничающихъ заведеній. Но онъ имѣетъ столько благородства и чистоты въ чувствованіяхъ, что Королевскій Коллегіумъ не можетъ опасаться отъ него никакого злоупотребленія власти, во вредъ себѣ. Безпринципные любители просвѣщенія желаютъ, чтобы оба сіи заведенія имѣли успехъ; ибо соревнованіе между ними могло бы скорѣе имѣть благотворное, чѣмъ вредное вліяніе для славы Британціи. (M. D.)

—Парижская выставка изящныхъ художествъ. — Кто бы могъ подумать, чѣобы на нынѣшней Парижской Выставкѣ явилось цѣлыя при мысли художественныхъ издѣлій? И такъ искусство не знаетъ и не боится никакихъ худыхъ временъ, никакихъ смущеній, никакихъ перевороповъ! Тогда какъ Франція колеблется въ своихъ основаніяхъ, художники покойно сидятъ за спанкомъ и оживляютъ на полотнѣ минувшія событія или прекрасныя виды природы. Дабы изъяснить это необыкновенное множество художественныхъ издѣлій на нынѣшней Парижской Выставкѣ, должно припомнить, что подобныхъ Выставокъ не было уже давно: сѣдоваательно художникамъ было когда работать въ продолженіе времени, которое если не было совсемъ покойно, то по крайней мѣрѣ было тихо. Впрочемъ выставленныя теперь произведенія по большей части мѣлки и не требовали много времени. Число большихъ картинъ безпрестанно спавнилось менѣе; ибо кромѣ церквей не много зданій, гдѣ бы онѣ могли находить мѣсто. Напротивъ является необыкновенное множество пакъ называемыхъ кабинетныхъ картинъ, которыя каждый сколько-нибудь достаточный гражданинъ можетъ имѣть у себя въ домѣ. Въ поже время замѣчается оцупнительное уменьшеніе, если не совершенное уничтоженіе, картинъ, представляющихъ сцены изъ Священной и даже изъ древней Греческой и Римской Исторіи: теперь преимущественно изображаются семейственныя черпы, новѣйшія событія, романтическія и романическія приключенія. Отсюда происходитъ великое различіе въ картинахъ и въ родахъ Живописи. Тѣ художники, которые прежде занимали первое мѣсто, какъ н. п. Жераръ, Гро и другіе имъ подобныя, не представили те-

перъ ничего; и ихъ примѣры не имѣли почти никакого вліянія на новое поколѣніе художниковъ, которое идетъ своимъ собственнымъ путемъ. Преимущество предъ всеми прочими единогласно отдано картинѣ живописца *Роберта*, представляющей *Италіянскихъ Жнецовъ*. *Летѣ*, придерживающійся еще стариннаго обычая писать огромныя историческія картины, выставилъ *Смерть Виргиніи*, которую уже, кажется, показывалъ за деньги въ Англии. Ноэпа *Виргинія* не имѣетъ никакого сравненія съ его *Брутомъ*. *Гораций Вернетъ*, находящійся теперь въ Римѣ Директоромъ Французской Академіи Художествъ, извѣнилъ свой стипль въ Италію и сдѣлался хорошимъ историческимъ живописцемъ. Эпа фамилія *Вернетовъ* представляетъ испишно чудное явленіе: всѣ они рождаются съ счастливыми дарованіями, становятся хорошими художниками, бываютъ вмѣстѣ оспроумными людьми и приобретаютъ себѣ великую славу. Впрочемъ большую часть художниковъ, выставившихъ теперь свои произведенія, составляютъ молодые люди, изъ которыхъ многіе подають о себѣ великія надежды. Между тѣмъ нынѣшня же Выставка представила доказательство, что надѣяться должно всегда съ оспорожностію. На послѣдней Выставкѣ въ Люксембургѣ, одинъ молодой художникъ, по имени *Дюверіа*, не обязанный никакому учителю своимъ образованіемъ, отличился удивительною смѣлостію перваго своего опыта. Каждый былъ пораженъ изумленіемъ; и вообще единодушное мнѣніе общало юношѣ блистательные успѣхи. Теперь онъ опять изумилъ публику, но уже удивительною посредственностію своихъ произведеній. Тоже случилось и съ нѣкоторыми другими. Нѣкоторые отличные художники, и. п. *Герсанъ*, нашанъ прибыльнѣе писать портреты

и представили весьма незначительные опыты на этомъ поприщѣ, что подвергаетъ опасности ихъ прежнюю славу. Вообще для художниковъ, какъ и для писателей, весьма невыгодно, что Парижская публика занята теперь совершенно другими дѣлами, не позволяющими ей обращать должное вниманіе на искусства. Это безъ сомнѣнія будетъ имѣть вліяніе на сбытъ художественныхъ издѣлій. Изъ трехъ тысячъ картинъ вѣроятно половина оспалелась въ масперскихъ художниковъ; и это конечно не поощритъ ихъ работать для будущей Выставки съ равнымъ усердіемъ и съ равною дѣятельностію. (М. В.).

XI.

отповѣдь одному журналисту.

Крайняя невѣжливость, съ копорюю вы нападаете на всѣ лица безъ разбору, дѣлаетъ и васъ недостойнымъ никакой пощады. Почему я себѣ позволяю сказать публично, что вы, государь мой, *говорите неправду*, приписывая на 470 и 472й страницахъ 12го № вашего Журнала на нынѣшній годъ, издателямъ любопытнаго творенія *Кирилова*, составленнаго по повелѣнію Петра Великаго (*Цѣлтущее состояніе Всероссийскаго Государства*), невѣжество, хвастовство, шарлатанство и желаніе большихъ барышей; равно *поступаете совѣстно*, увѣряя публику, будто книга эта была уже напечатана. Вотъ доказательства:

Почтенный *Голиковъ* и не мыслилъ издавать въ свѣтъ рукопися *Кирилова* въ 1797 году; но получивъ ее отъ А. П. Курбапова, пользовался ею только:

на раду съ другими истопыкали, у него бытиши, при сочиненіи XVIII тома его *Дополненій къ Дилліи-лиги Петра Великаго* а), подобно, какъ напр. Тапичевъ пользовался лѣтописью Несторовою за многіе годы до ея напечатанія, которое однако послѣ шкши не почель излишнимъ, или содержаніе лѣтописи *даво изъ стѣтъмъ*. Я усердно прошу всякаго добросовѣстнаго чинашеля сравнить объ книги отъ перваго листа до послѣдняго, шпобы въ томъ увѣряться. Что *Голыковъ* дѣйствителъно сочинялъ, *составлялъ*, а не переписывалъ изъ *Кирилова*, то очевидно уже изъ его предисловія, которое окончиваеиця такъ: «впрочемъ, къ доспиченію до точности всего описаннаго употреблено мною всевозможное стараніе, не жаль на то ни трудовъ, ни издержекъ. Но какъ при всемъ шпомъ на шѣкорыя изъ показанныхъ спашы не шмогъ я достать точныхъ вѣдомостей... слѣдовательно и не смѣю утверждать, шпобы въ разборѣ шпакетомъ и въ умозаклученіяхъ моихъ о нихъ не шмогъ я въ чемъ либо не ошибиться, и чего либо не шпроронить; а по сему сошпу себя чувствителъно шодолженнымъ шѣмъ изъ чинашелей моихъ, кои, имѣя шбольшее моего о семъ свѣденіе, сообщаютъ мнѣ свои замѣчанія, шпорыя и послужаютъ мнѣ наставленіемъ къ шправленію швременемъ найденныхъ ими шогрѣшностей и шкъ дополненію опущеннаго мною. (Марта 26 1797 года.)»

Самая книга (XVIII томъ *Дополненій*) отъ §: 1 «Россія, занимающая болъе седмой часпни суши зем-

а) Содержащаго въ себя описаніе состоянія Россіи, въ каковомъ сей Государь се по себя оставилъ.

наго шара а) ...» до известнаго хора Державина :

„Неси на небо гласы, въспрь :

„Безсмертенъ ты великій Петръ!“

и *заключили*, писана *всѣ* слогомъ повѣйшимъ, слогомъ *И. И. Голикова* или приводимыхъ имъ лицъ, *не Н. К. Кирилова*; и то, что замѣчено у послѣдняго, входящъ въ одну ошибку не *шляхоль*, какъ вы утверждаете, переработанное на ряду со множествомъ другихъ испочниковъ, сочиненіями *Татищева*, *Соймонова*, *Маштейна*; *Видолюстями* разныхъ *Коллежій*, и проч. и проч; между тѣмъ какъ есть въ сочиненіи *Кирилова* довольно число и такихъ очень любопытныхъ спашей, коими *Голиковъ*, по принятому имъ *собственному* плану, не хотѣлъ воспользоваться. Представимъ примѣръ, разгнунъ объ книги совершенно на удачу, по среднѣй. Попадается, какъ бы нарочно въ угоду вамъ, одно изъ самыхъ сходныхъ мѣстъ, безъ разсужденій, безъ цитатъ, коими отличаетса *Голиковъ* на каждой его страницѣ. Но посмотримъ, есть ли разность? Читайте!

У *Голикова*.

Стр. 272.

У *Кирилова*.

Стр. 8, Част. II.

§ 45. Казанская Губернія, въ коей кромѣ Русскихъ обитали Татары, часть Болгарь, Чувашъ, Казанская Губернія. Городъ Казань прежде былъ построенъ отъ Татарскихъ Царей, деревянный,

а) *Кириловъ*, послѣ краткаго извѣстія о содержаніи первой книги, начинаеть прямо С. Петербургскою Губерніею; и въ ней именами членовъ Верховнаго Совѣща.

Мордва, Черемисы и Вотьяки, большую часть обращенные въ Христіанскій законъ (кромя Татаръ).

Губернскій городъ Казань, бывшій столицей Царства Татарскаго, имѣетъ каменную старинную съ башнями крѣпость, окружавшуюся другою деревянною. Въ обнѣхъ было пушекъ мѣдныхъ 30, чугунныхъ 49, тоубицъ; дробовиковъ и мортиръ мѣдныхъ 10.

Стр. 274.

Въ Казанской Провинціи находилась въдомства Артиллерійской Канцеляріи, 3 сѣрные заводы: первый близъ пригорода *Сергіевска*, построенный по Указу же Монарха въ 1703 году.

Второй въ 6 оинъ персого верстахъ и при ономъ построенъ по Указу же Его Величества пригородъ

и въ 7061 году при Царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ взятъ оинъ Россійскихъ войскъ штурмомъ, и послѣ того поспросенъ каменный на горь, да около его другой городъ деревянный.

Споиетъ шотъ городъ на Казанкѣ рѣкѣ, а съ другой стороны озеро Кабанъ, изъ котораго вышла рѣка Булакъ, и течетъ сквозь деревяннаго города и впала въ Казанку рѣку; да оинъ города въ 5 верстахъ Волга рѣка; разспояиетъ шотъ городъ оинъ Москвы въ 680 верстахъ.

Стр. 11, Чаеп. II.

«О заводахъ.» Въ Казанской Губерніи имѣются казенные сѣрные заводы, которые нынѣ въ въдомствѣ Артиллерійской Канцеляріи.

Первые Сергіевскіе, разспояиетъ оинъ Сергіевскаго городка въ 6 верстахъ съ половиною.

При шѣхъ Сергіевскихъ

Новосергеевскъ. Оба сіи пригорода населены старой службы рейншарами, драгунами и проч. и укрѣплены земляными крѣпостями.

Третій близъ города *Самары*, укрѣпленный острогомъ.

Къ первому и второму для работы приписаны были 508 семей Тамарскихъ, а на прѣпьемъ работали дворцовые Самарскіе крестьяне. При всѣхъ находилось подмастерьев и учениковъ 58; работы исправлялись подъ надзраніемъ шрехъ определенныхъ оныхъ артиллерійской канцеляріи комиссаровъ и др.

свѣрныхъ заводахъ близъ нихъ 4 ключа, которые вышли изъ горы и вышиною 26 сажень съ половиною; разстоянія между первыи ключами оныя сѣпной стороны: оныя первого ключа до второго 12 сажень, оныя второго до прѣпьяго — 13, до четвертаго же 13 сажень съ аршиномъ; и изъ нѣхъ ключей вода бѣжитъ чрезъ ларя въ рудъ, изъ котораго сѣрналъ рѣчка пошла и впаде въ рѣку Сургутъ, которая оныя устья до ключей 327 сажень съ двумя аршинами, и изъ дальнихъ ключей, которые прѣсканы въ 703 году, печенъ вода въ рѣку Шурму.

Цѣлующее Состояніе Всероссийскаго Государства упоминается у *Голикова* не въ предисловіи, не въ началѣ гдѣ либо, чего оныя скрѣпности и правдолюбія его должно бы было ожидать, если бы оныя хотя *преимущественно* основывался на семь сочиненіи, но уже очень поздно, на 483й, какъ вы сами сознаете, и еще на 494й справщикахъ: на первой — (которую вы *за глаза* безъ всякаго стыда посправляете какъ бы *въ доводъ*) — слѣдующимъ образомъ: «а къ онымъ (*доходамъ*) присовокуплю и всѣ расходы государственныя, куда и на чпо и изъ какихъ именно доходовъ употреблялись, въ чемъ

«не малую помощь послужить мнѣ бывший Правитель-
ствующаго Сенапа Обер-Секретарь и попомъ Спаши-
скій Совѣтникъ и первый основатель Оренбургской
Губерніи Иванъ Кириловичъ Кириловъ; чего же въ
немъ недоставало, дополню моими замѣчаніями, по-
дѣрпнутыми частію изъ списковъ же достоверныхъ ис-
точниковъ, частію же изъ разныхъ записокъ, сообра-
женныхъ съ существомъ и обстоятельствомъ дѣла
и пр. (с. 482, 483). Внизу, въ примѣчаніи, напе-
менованіе рукописи и откуда она получена, въ первый
и въ послѣдній разъ. На стр. 494й въ примѣчаніи же:
«До 51 статьи описанные доходы взяты мною изъ
табеля, сочиненной о нихъ предупомянутымъ Г. Ки-
риловымъ изъ подлинныхъ ведомостей, въ Сенатъ
сообщаемыхъ; а показанныхъ подъ 51 статью и
послѣдующихъ за оную, у него не достаешь.» И
вошь все! . . . Это—рукопись Кирилова была за 54
года напечатана, и издатели *Цѣлтуцаго Состоянія*
«выдаютъ старое за новое?..» Стыдитесь, сударь!

Спрашивается всего, что вы скажете на *Дополненіи*
Галикова въ видѣ какъ бы сдѣланнаго вами открытія;
пойманіи на дѣлѣ: что можете обманушь не чи-
тавшихъ еще вышедшей книги и не имѣющихъ у себя
сочиненія *Галикова*, которое стало весьма уже рѣд-
кимъ а). Между тѣмъ какъ Г. *Погодинъ* и предисло-
віе свое началъ швытъ, что рукопись взята изъ *Го-
ликова* бумагъ. (! ?) Вотъ пунктъ-шо, съ *настоящимъ*
правомъ можно сказать: «не число, Князь!» Подобна

а) Этой одной причины было бы достаточно, чтобы не
оуждать напечатанія *Цѣлтуцаго Состоянія*; а благо-
дарить Г. Ширлева за употребленные издержки.

же *штучка* была вами упоиреблена въ 1826 году, чипобы уронить расхоть *Илюдо.истра* и срѣзанъ молодого человека, на восемнадцатомъ году его возраста, издавшего сію полезную книгу. Этому подѣ пару могутъ лишь служить ваши выходки проливу *Г. Велика*.

Касапелльно *большинхъ баргшеей*, опть васъ и опть всякаго изъ чипапелсей вашихъ завленить выправниелся въ томъ мѣспѣ, гдѣ напечатано *Цвнтущее Состояніе* и гдѣ оно продается, какъ о маломъ, крайне маломъ числѣ проданныхъ экземпляровъ, пакъ и о томъ, получили-ль издашеля изъ сего хопя одиць рубль въ свою пользу, между шѣмъ, какъ поверяпць, надѣюсь, чпо издержки на *предположенное* а) издание простиелсь бы конечно далеко выше трехъ тысячъ рублей, вамъ упоминаемыхъ: но чпожъ дѣлать, если доброжелансел книгопродавца не подкрѣпила публика; если никпо изъ *гролика* вызывающихъ *друзей простыциел* — (кромь *Г. Миннепра* сей часени, который рекомендовалъ взять по экземпляру для библиотекъ Университетовъ) — не удостоилъ его подпискою; если въ теченіи года, со всѣхъ концовъ Россіи опозвалось только пять особъ, желавшихъ имѣть сію книгу. Пришлось печалпать безъ каршъ и другихъ обшцавшихъ прибавлений! . . . Тѣмъ не менее увѣреннѣмъ бышь можно, чпо *все* обшцаиіе исполнелся, коль скоро сумма соберелся доспачочно, чпобы заплапшиъ из-

-
- а) Съ картами, планами, фасадами зданій, костюмами того времени и привычавіями для сравненія каждой статьи по прошествіи сіа дѣль; чпо конечно завяло бы два большіе тома.

держки. И это не первый примѣръ у насъ на Руси? Бывало и плоше эпата: получали подписныя деньги разомъ за двенадцать промовъ, и выдавали на силу шри въ шри послѣдующіе года. Это вы сами знаете.

Теперь—о томъ, правильно ли *Цвѣтуцкое Состоліе Кирьлова*, можетъ быть названо погдашнюю Спанишскаго, погдашнюю карлинную Россію?

Мы знаемъ не меньше васъ, государь мой, что названіе: *Спаністиска*—произошло въ половинѣ уже XVIII вѣка; сумѣемъ, если вамъ угодно, нарисовать и Германскаго ученаго, которій оно ввелъ. Но будете ли вы ошрицать: 1) что *всѣ* можетъ существовать прежде *ииски*, 2) что науки въ происхожденіи своемъ не то, что въ послѣдствіи, въ усовершеніи? Таковы были и Математика и Исторія; имя не менее *сообразно* *всѣ* заслуживавшія свои имена, заслуживающія ихъ и для насъ въ созерцательномъ отношеніи прежде, нежели современники поспѣннаго ихъ усовершенія оныя имя дали. Почему прослудушный нашъ Историъ не дослониъ имени *Историка*, не XIX вѣка, но своего XI вѣка? Почему Магницкій не могъ бы бытъ названъ первымъ Россійскимъ Математикомъ, издавъ просто Ариометикку, въ началѣ XVIII вѣка, когда имя Математики было у насъ неізвисно? Или первоначальный издатель Французскаго Меркурія *Журналистоліъ*, а изданіе, за которое онъ получалъ онъ двора пенсію, *Журналоліъ* (разумько *тѣперь*), хотя сіи названія были введены позднѣе пристуна къ Меркурію? Воля ваша, государь мой! . . Писцовыя книги Тульскаго посада называеше вы сами, *таміъ же*, въ N 12 на сшр. 499, *описаніемъ Туль въ XVII столѣтіи*, и въ примѣчаніи примѣлаеше къ Спаністиска, а ошрицаете это имя у *Цвѣтуцкаго Состоліа*

тил. Не противорѣчие ли это самому себѣ? . . . Все постепенно идетъ къ совершенству. И Статистика *Кирилова*, хотя далека отъ Статистики Ахенвала, а еще далье отъ Статистики Бальби, тѣмъ не менѣе есть Статистика. Прочтите, прошу васъ, *еще разъ*, то самое мѣсто изъ Предисловія ко Второй Части, которое вы напечатали на 474 страницѣ вашего N. 12 и вы удосповѣритесь, что сеймышленной Секретарь Петра Великаго имѣлъ намѣреніе писать Статистику Россіи такъ, какъ она могла быть написана въ его время, и какъ тогда нигдѣ въ Европѣ еще не было писано. Докажите проотивное: представьте хоть одно современное сочиненіе Нѣмецкое, Французское или Англійское— (о другихъ нечего и говорить)— въ которомъ бы «для совершеннаго знанія о состояніи Государства, «положеніи мѣстъ, городоѣ, рѣкъ, купечества и всякихъ торговоѣ, повароѣ, о состояніи и правительствѣхъ разныхъ народоѣ, о войнахъ, мирахъ, границахъ, портахъ, о генеральномъ извѣстіи и описаніи пратленія, законовъ, о высокоѣ дворѣ, о чинахъ коронныхъ, «коронаціяхъ, свадьбахъ, и о прочемъ» а)—было въ одномъ общемъ обзорѣ писано; дайте иное опредѣленіе наукъ, описывающей состояніе государствъ: тогда мы, читатели ваши, признаемъ, что сочиненіе *Кирилова* не *Статистика* и не *старыйца* Статистика въ Европѣ. Предпринятый въ *такомъ намѣреніи*— (хотя, по обстоятельству, конечно не совершенный)—памятникъ Россіи временъ Пелровыхъ, сто лѣтъ бывший подъ спудомъ, называется вы *простою росписью городоѣ*, которая — де уже и напечатана давно. И это изъ одного негодованія на *Г. Погодина* . . . Следовательно

а) Подлинныя слова *Кирилова*.

вы, государь мой, всегда по обычаю вашему *говорите правду и поступаете добросовѣстно и благородно!*
 Что и доказать надлежало!

(сообщено).

Москва.
 1831 года.
 Августа 29.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечатааніи представлены были
 въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва,
 Сентября 18 дня 1831 года.

Ценсоръ С. Аксаковъ.

МОСКВА, въ ТИПОГР. ЛАЗ. ИНСТ. ВОСТ. ЯЗЫКОВЪ.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВСЕОБЩЕЙ ПИРАМИДЫ ЯЗЫКОВЪ.

(изъ Философій Исторіи Ф. Шлегеля)

Языкъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ историческихъ документовъ человѣчества. Разнообразіе нарѣчій разсѣянныхъ по обитаемой землѣ, существенно связуется какъ съ всеобщей исторіею народовъ, такъ и съ исторіею отдѣльныхъ племенъ; и потому небезполезно сказать здѣсь объ этомъ нѣсколько словъ не для того, чтобы выкинуть болѣе, нежели сколько нужно, въ лабиринтъ неизчислимаго богатства языковъ, но для того, чтобы найти точку зрѣнія, съ которой можно бы было обозрѣвать сіе богатство, соответственно цѣли философической исторіи міра, такъ чтобы сей необъятный хаосъ смыкался бы по крайней мѣрѣ въ одномъ перспективѣ пониманія. Крайчайшимъ къ тому способомъ, можетъ быть, послужилобы, если бы

совокупность всѣхъ между людьми употребляемыхъ языковъ и составляющихъ оныя нарѣчій, представилъ въ видѣ одной пирамиды, которая бѣ состояла изъ трехъ ступеней, раздѣленныхъ такимъ образомъ по весьма простому началу.

Основаніе или нижняя обширная часть сей пирамиды должна состоять изъ языковъ, образованныхъ по большей части изъ односложныхъ коренныхъ звуковъ и словъ, вовсе не имѣющихъ грамматики, какъ языкъ Китайскій, или имѣющихъ только самыя грубыя ея начала, первыя, такъ сказать, начертанія чрезвычайно простаго и несовершеннаго грамматическаго образованія. Число языковъ, принадлежащихъ къ сему классу или къ сему первому порядку, есть наибольшее; они болѣе другихъ распространены по всѣмъ четыремъ частямъ свѣта; и для того чтобы однимъ яснымъ понятіемъ объять ихъ цѣлость, едвали можно расположить и обозрѣть ихъ иначе, какъ по географическому раздѣленію на Сѣверно-и-Восточно-Азіатскіе, Американскіе, Африканскіе языки и. п. д. Китайскій языкъ въ этой сферѣ можно почитать самымъ важнымъ и замѣчательнымъ; ибо онъ болѣе соотвѣтствуетъ характеру совершенно односложнаго языка, не имѣющаго настоящей грамматики, но припомъ съ та-

кою искусственностію развитъ и усовершенствованъ, какая только возможна для языковъ подобнаго образованія. Это степень младенчества для языка; ибо первое лепешаніе младенцевъ обыкновенно начинается звуками односложными: вошь природы, выражающейя въ самыхъ простѣйшихъ тонахъ; дѣтское подражаніе характерисическимъ звукамъ! Въ Кипайскомъ языкѣ сей первоначальный характеръ очевиденъ; хопя, въ послѣдствіе времени, степень младенчества его, чрезъ искусственное начертаніе буквъ и высшее развитіе понятій, распространилась до большей обширности и приняла направленіе совершенно условное. Вошь причина, по которой не мѣзя, на основаніи буквъ, рѣзко и точно опредѣлишь аналогію, существующую между возрастами жизни и эпохами умственнаго образованія.

Слѣдующую ступень нашей пирамиды должны занимать благороднѣйшіе языки втораго порядка; и сюда-то относятся споль много-различно и замѣчательно между собою соединенныя семейства языковъ: Индо-Персидское, Греко-Латинское, Готско-Германское. Здѣсь коренныя слова, по крайней мѣрѣ большаго числа, двусложны; и чрезъ то получая внутреннюю существенную подвижность, жизнь и производительность, даютъ мѣсто обильнѣйшему грамматическому развитію. Отличи-

пельный характер сихъ языковъ есть чрезвычайна искусственная грамматика, даже въ первоначальномъ образованіи языка, который бываетъ пѣтъ искусственнаго и правильнаго, чѣмъ ближе мы подходимъ къ его началу. Въ дальнѣйшемъ развитіи, сіи языки оплчаются поэтической полнобою и разнообразіемъ предсавительныхъ формъ, равно какъ съ другою спорою тонкостію опшѣнковъ ученой терминологіи.

Третья и послѣдняя ступень должна заключать въ себѣ такъ называемыя Семитическіе языки: Еврейскій и Арабскій, съ родственными имъ нарѣчіями: они-то должны составить вершину всей пирамиды. Извѣстно, что господствующее начало въ сихъ языкахъ то, что все коренныя слова должны состоять изъ трехъ слоговъ, такъ что каждая изъ трехъ буквъ, образующихъ корень, считается за слогъ и какъ слогъ выговаривается. Исключенія изъ сего правила остаются исключеніями, не составляя новаго правила. Не лзя сомнѣваться, что сія трехсложность коренныхъ словъ господствуетъ во всемъ языкѣ и его внутреннемъ строеніи не безъ цѣли и не безъ отношенія къ какой-то таинственной знаменательности, предполагаемой, или по крайней мѣрѣ предчувствуемой въ эпоху трехсложности. По основному закону производства

самыхъ словъ, глаголь въ сихъ языкахъ занимають первое мѣсто: изъ него извлекается все; и это даетъ ихъ выраженію что-то быстрое, исполненное пламенной жизни. Но при подобномъ ограниченіи, конечно не можеть имѣть мѣста такое обширное грамматическое развитіе и такое искусственное грамматическое устройство, какъ въ языкахъ втораго порядка, п. с. Индо-Греческаго произхожденія. Языки съ прехлосными коренными словами клонятся даже къ какому-то однообразію и никогда не могутъ достигнуть ни того поэтическаго разнообразія, ни той ерминологической гибкости, какъ вышеупомянутые языки. Господствующій характеръ Семитическихъ языковъ состоитъ, кажется, въ наклонности къ пророческому вдохновенію и глубокой символической знаменательности. Я говорю здѣсь собственно о языкѣ и его внутреннемъ составѣ, а не о духѣ, въ немъ выражающемся; и скажу еще больше, что сей характеръ, по мнѣнію самыхъ достойныхъ кришниковъ, въ Арабскомъ языкѣ является въ той же почти степени, какъ въ Еврейскомъ, хотя въ семъ доблдемъ имѣеть совершенно иное направленіе и образованіе. И такъ для высшаго духовнаго назначенія Евреевъ, для выраженія даншаго имъ откровенія, языкъ ихъ уже самъ собою приличествовалъ; и въ этомъ отноше-

шеніи Семипическіе языки могуць почипати-ся вершиною цѣлой пирамиды языковъ. Но не лзя полагать ихъ основою или корнемъ всего зданія, какъ думали многіе ученые древности.

Мнѣ кажется, что при пончайшемъ наблюденіи Еврейскаго языка, можно усмотрѣть, что онъ не весьма опдаленъ отъ семейства Индо-Греческихъ языковъ, и даже въ нѣкопорыхъ часпяхъ являеся имъ сродственнымъ; но эта сродственность при первомъ взглядѣ скрывается за совершенно уклоняющимся спроеіемъ и совершенно различнымъ грамматическимъ образованіемъ. Вообще наше раздѣленіе не лзя принимати въ слишкомъ шочномъ и системаическомъ значеніи; мы должны довольствоваться тѣмъ, что чрезъ то для цѣлой совокупности получаемъ одну почку зрѣнія; но развитіе духа человѣческаго въ области языковъ такъ обильно, измѣнчиво и многообразно, что должно не иначе бытъ постигаемо, какъ постигаеся возникновеніе жизни въ свободной природѣ, какъ постигаеся неправильное разнообразіе густаго лѣса или цвѣшущаго луга.

Къ языкамъ вшораго порядка, Индо-Греческаго происхожденія, относится также обширное племя Славянскихъ языковъ, которое съ прочими составляетъ четвершій членъ сего

класса; однако шочнѣйшее рѣшеніе сего вопроса я предоспаляю пѣмъ ученымъ, копорымъ сіи языки совершенно знакомы.

Есть еще множество среднихъ членовъ, особливо между впорымъ и препымъ классомъ. Это и не могло быть иначе: ибо смѣшеніе народовъ и племень, господствующее во всемірной испоріи, не могло не разпространиться и на языки. Сюда наиболѣе относятся пѣ языки, кои не совсѣмъ односложны, но копорыхъ грамматическое образованіе или слишкомъ просто и несовершенно, или безобразно и даже искусственно-уродливо, или наконецъ исполнено прошиворѣчій и всякихъ нестройностей; таковы нѣкопорые Американскіе языки, которые слѣдственно не совершенно приближаются къ препьему и не совсѣмъ подходятъ ко впорому классу. Большая часть Европейскихъ языковъ, сохранившихъ опѣ древнихъ временъ, принадлежатъ къ сему среднему классу, смѣшанному изъ двухъ классовъ, или занимающему между двумя классами средній порядокъ. Таковы языки Цельскій, Гаэлическій, Финскій и другіе подобныя обломки древности, важные для всеобщаго изученія языковъ. Сюда часно вкрадывается приспраспный мнѣнія, порождаемый папріотизмомъ или ученоспію, мнѣнія, копорыя даютъ поводъ къ односторонности взгляда или сужденія. Благо-

роднѣйшіе языки втораго порядка давно уже отдѣлились отечественными въ Европѣ и теперь совершенно господствуютъ. Другія отдѣльныя нарѣчія, которыя мы возлѣ нихъ находимъ, или приближаются къ нимъ, но въ дальнемъ родствѣ; какъ многія Цельтскія и Галлическія, или подходятъ къ обширнымъ семействамъ Азіатскихъ, а, можетъ быть, и Африканскихъ языковъ; ибо не возможно найти собственно Европейскаго кореннаго языка въ этой части свѣта, которая, какъ младшая, въ исторіи древности занимаетъ послѣднее мѣсто.

По частымъ, съ давняго времени существовавшимъ и безпрестанно возобновлявшимся историческимъ сношеніямъ между Сѣвровою Африкою и южными берегами Западной Европы, особенно Гесперидскимъ Полуостровомъ, можно было полагать, что въ языкахъ, тамъ употребляемыхъ, сохранился родство; а между тѣмъ самыя опыныя крипки и знаменья находятъ въ Бискайскомъ языкѣ родство не съ Африканскимъ, а съ Скиѣскимъ корнемъ Финскихъ языковъ. Напроравъ того, на Востокъ Европы, Магарскій (Венгерскій) языкъ есть совершенно Азіатскій, изъ числа тѣхъ, кои господствуютъ въ среднемъ поясѣ сей части свѣта; въ грамматическомъ же отношеніи онъ имѣетъ аналогію съ другими языками, родственными

языкамъ высшего порядка. Еслибъ въ заключеніи можно было сдѣлать предположеніе, что оно соснотало бы въ помѣ, что ничто не можеть болѣе способствовать къ полному обзорѣ цѣлой системы человѣческаго слова, къ тончайшему усмотрѣнію внутренней его основы и связи, какъ успѣхъ новообразующейся школы Египтологовъ, которая, при пособіи Коппскаго нарѣчія, изъ іероглифовъ почерпаетъ почтѣйшее познаніе, или по крайней мѣрѣ относительно превосходнѣйшее понятіе о древнемъ Египетскомъ языкѣ. И еслибы осмѣлились опыскивать поперянный или изсякшій испочникъ первоначальнаго языка, то для того надлежало бы выпши со всѣхъ чепырехъ споронъ вселенной и, дабы приблизиться къ древнѣйшему и внутреннѣйшему средоточію человѣческаго слова, изученіе Индійскаго и Еврейскаго языковъ соединить съ почтѣйшимъ испынаніемъ языковъ древняго Китайскаго и древняго Египетскаго.

съ Нѣмец. Н. Огдеевъ.

II.

КЪ ГОРНОЙ РѢЧКѢ.

Широкая лента! Синяя лента!
 Куда, извиваясь, бѣжишь?
 Подъ жемчугомъ пѣны, клубясь и сверкая,
 Бѣжишь ны къ спеклянному, синему морю.

»Я не лента! я горная рѣчка;
 Синью въ берегахъ и бѣлю.
 Опть свѣтло неба, опть пѣны пушистой,
 И радуги въ пѣнѣ играютъ!«

Снедись же лентою! мнѣ сладко въ вечеръ свѣжій
 Идти къ тебѣ и видѣть съ высоты,
 Какъ погружаются въ тебя серебряныя мрежи:
 И погружаюсь я въ темныя мечны.

Ө. Глинка.

III.

ТРИ ЕЛЕНЫ.

НОВѢСТЬ.

(*Генриха Циолкс*)

ГЛАВА I.

ВѢСТВО.

Ландекъ, 23 Юля 1819.

Изъ любви ко мнѣ, добрый мой Иеремія, съ удивленіемъ разсмащриваешь ны карпу. »Гдѣ зинощъ Ландекъ?« говоришь ны; »вѣрно Франць

съ ума сошелъ , чпо отправился въ луну опыскивать свой разсудокъ. »

Нѣтъ, я здѣсь , къ полному моему удовольствію , и , дастъ Богъ , пушусь далѣе , если придетъ охота. Ландекъ въ Тироль.

Теперь нѣтъ мнѣ дѣла ни до пепушекъ , ни до братцевъ и сесприць , оставшихся въ нашемъ городкѣ ! Воображеніе эгихъ людей заключено въ проспранствѣ , отдѣляющемъ дома ихъ одинъ отъ другаго ! Имъ кажется , чпо верхъ славы и счастья жить , подобно имъ , въ темномъ мѣщанскомъ быту ; а мнѣ такая жизнь пропивнѣе всего на свѣтѣ : Я хочу быть гражданиномъ вселенной , и желаніе мое исполняется.

Горькими слезами буду оплакивать шесць поперянныхъ мною лѣтъ ! Сердце и душа не живушь , прозябають въ тѣсномъ проспранствѣ небольшого города , гдѣ люди , каждый Божій день , движутся одинаково ; гдѣ поють и болшають сегодня , какъ пѣли и болшали наканунѣ . Мысли пухнушь въ этомъ глупомъ , упоминельномъ однообразіи ; вселенная исчезаетъ для глазъ жителей ; они—куклы на пружинахъ ; самъ Творецъ не можетъ являться имъ во всемъ Своемъ величіи . Такая жизнь не могла мнѣ нравиться , и я успремился въ міръ дѣшельный , чшобъ жить полной жизнью ; взялъ

почтовыхъ лошадей , и день и ночь мыкался по Германіи. Наконецъ , (по погруженный въ мечлы, по бодрствуя, доѣхалъ до Фельдкирха ; гдѣ спалъ на постояль въ первый разъ съ самаго дня отъѣзда.

»Куда изволите ѣхать?« спросилъ меня смотритель почтовой станціи ; »въ Блуденць , на Арлбергъ?«

—»Разумѣется, « отвѣчала я , весьма довольный этимъ маршрутомъ, о которомъ не имѣлъ понятія, и взялъ карту.

»Дѣло въ пайпориѣ ; позвольте взглянуть на него, « продолжалъ смотритель.

Я поспѣшь подалъ ему свой видъ для доказательствъ , что я ни опасный демагогъ , ни банкротъ, ни контрабандистъ.

Полно ; милый Теремія , расхваливать высшую степень Европейскаго просвѣщенія ! Въ наше время честнаго человека принимаютъ вездѣ, какъ плуша , покуда онъ не докажетъ своей невинности законнымъ порядкомъ. Въ старину не знали этого принужденія. Оно выдуманно въ новѣйшія времена и, служба конечно полезнымъ средствомъ къ задержанію нѣсколькихъ негодяевъ, честныхъ людей сжесточенно подвергаютъ прижимкамъ полицейскихъ служивцевъ.

Я, мой другъ, вооружаюсь не прошивъ шо-

го, что хорошо, а что слишком хорошо; потому что оно-то и есть самое худшее; я всегда почиталъ неограниченную свободу новымъ родомъ рабства, а преувеличенный порядокъ—нарушеніемъ порядка естественнаго.

Фельдкирхъ лежитъ въ простѣранной доли-
нѣ, посреди ужасныхъ фленкалькскихъ горъ,
коихъ шуманныя вершины перяются въ об-
лакахъ; долина испещрена пасбищами, не-
большими полями; засѣянными табакомъ,
овсомъ, ипаліанской пшеницей, карпофлемъ
и ячменемъ. За Блуденцомъ исполинскія
горы еще болѣе сближаются; хлѣбопаше-
ство исчезаетъ; съ скалистыхъ вершинъ
сплываютъ узкія, какъ серебро бѣлыя, ленты:
это водопады.

Черезъ Арабергъ проложена прекрасная доро-
га; я выѣзъ изъ коляски и пошелъ на гору
пѣшкомъ.

Здѣсь я невольно остановился, чѣмъ удиви-
вшись и насмотрѣвшись. Что значить каби-
неты Естественной Исторіи нашихъ вель-
можъ, въ сравненіи съ этими чудесами творе-
нія, съ крупными вершинами эпихъ извесико-
выхъ скалъ, колпорыхъ темныя, позлащенные
бока увѣнчаны мѣлкимъ плющемъ, съ ярко-
голубыми цвѣтами и розовыми кустами?

Душевно сожалею о тебѣ, добрый Іеремія!

Соберись съ духомъ! Вырвись наконецъ изъ подъ темныхъ сводовъ своей конпоры; приди насладиться величественной, торжественной тишиной, царствующей на Альпахъ; здѣсь только поймешь ты, что значить быть человекомъ и жить въ области Бога.

Я чувствовалъ себя счастливымъ въ первый разъ во всѣ шесть лѣтъ; я былъ наконецъ одинъ, потому что почтагоны и проводники были въ глазахъ моихъ машинами.

Когда, взобравшись на гору, я вошелъ въ Нассерепъ, люди, которыхъ встрѣчалъ я, казались мнѣ не только неприятными, скучными, но даже вовсе спранными. Я исполненъ былъ красотъ природы, и видѣлъ въ нихъ одно безобразіе и безвкусіе. Они смѣялись надо мной, я смѣялся надъ ними. Среди лѣта, женщины и дѣвки въ подешныхъ шерстяныхъ чулкахъ, сдѣланныхъ изъ черной или темной байки, въ два пальца толщины! По счастью я скоро опять очутился въ уединеніи, спускаясь съ горы узкою пропункой, съ противоположной стороны: влѣво, колеса едва не касались эластичной подошвы скалъ, гладкихъ, какъ мѣдь; вправо лежала подо мною глубокая пропасть, въ конорую низвергались быспрыя волины Розанны, пѣнясь на мягкой муравѣ. Мол колыска съ прескомъ капилась по краю бездны, ничѣмъ не огороженной; но лошадыми правилами искуская рука смѣльшаго изъ Тиролецевъ.

Еще немного—и горы раздѣляюся и для глазъ новое зрѣлище; предъ ними: кругообразная долина, обнесенная горами, холмы, скалы, поля и лѣса, разбросанные въ живописномъ безпорядкѣ; въ право—деревня на берегу Инна; соломенные крыши ея домовъ укрѣплены противъ усилій бури огромными камнями; на ближней горѣ церковь; далѣе, развалины стариннаго замка съ четырьмя высокими башнями: это Ландекъ.

Скажи двоюроднымъ сесприцамъ и брагидамъ, что я позволяю имъ цѣлые три мѣсяца пѣшиться на мой счетъ; они меня больше не увидятъ. Тебя же, мой милый, тебя, копорого жестокая судьба заключила въ пѣсную раковину бѣднаго мѣщанскаго быша, я еще увижу, долженъ увидѣшь, не въ стѣнахъ, или подъ кровлей нашихъ душныхъ жилищъ, но среди Альпъ, на высокой горѣ, въ уединеніи, гдѣ никого не будетъ, кромѣ Бога, тебя и меня!

А увижу ли я хорошенькую дочь нашего сборщика подапей—эпу Елену, лучшее произведеніе природы, но ахъ! обезображенное свѣтскою жизнью? Нѣтъ, не хочу ее видѣть! Черезъ нѣсколько лѣтъ эпошь цвѣшокъ завянетъ; и что отъ него останется?

Не жалко ли существо, копорое, не заботясь о нравственномъ своемъ усовершенствованіи,

ваніи , думаетъ только о томъ , какъ бы прелесни свои пуснитъ въ большіе проценты , которые богачъ будетъ уплачивать ей пышными домами , модными уборами , платьями , экипажемъ , лошадьми , боспонными и висловыми вечерами! Прощай!

ГЛАВА II.

НАЗВАННАЯ СЕДИЛА.

Вельсь 6 Августа, 1819.

Проѣхавъ нѣсколько деревушекъ , пустырей и лѣсовъ , я прибылъ въ Инспрукъ. Вправо и влѣво шланулся обширные лѣса , и мѣстами видны разбитыя скалы и горы , обрушенныя не одними крылами времени , какъ говорятъ поэты , но и безумнымъ невѣжествомъ челоуѣка , который поспешенно уничтожая защищающіе его лѣса и возвышенности , изсушаетъ испочники водъ и лишаетъ землю плодородія. Не челоуѣкъ , одна природа можетъ вновь созидать то , что разрушила.

Временемъ встрѣчались мнѣ Тирольскіе охотники въ щегольскихъ плащяхъ , и миленькія кресьяночки , въ праздничномъ уборѣ; глазки ихъ , изъ - подъ круглыхъ , войлочныхъ шляпокъ , горѣли желаніемъ нравиться : это оптънки каршины.

Миновавъ Зирль, я ѣхалъ вдоль утесистой скалы, называемой *Мартыновой Стѣной*. Я смотрѣлъ на нее очень равнодушно, не взирая на то, что часто у подошвы ея бывались между собою Франгузы, Баварцы и Тирольцы, и что однажды Императоръ Максимилианъ заблудился на ея вершинѣ. Большая часть того, что называютъ достопримѣчательнымъ, есть сущій вздоръ и не можетъ занимать меня. Люди менѣе всего обращаютъ вниманіе на подвиги мудрости и великодушія, слишкомъ между ними рѣдкіе; впрочемъ не отъ излишней скромности.

Положеніе Инспрука въ долину красиво; но городъ самъ по себѣ ничего не говоритъ. Въ немъ видны слѣды прежней столицы; но на меня онъ производитъ поже дѣйствіе, что старое придворное плащье.

Когда я пришелъ въ Соборъ, чтобы видѣть памятникъ, воздвигнутый Императору Максимилиану, мой чичероне указалъ мнѣ на домъ, передъ которымъ поставленъ былъ флюгеръ, какъ и въ нашемъ городкѣ бываешь передъ каждой лавкой; онъ думалъ, что флюгеръ диво, потому что позолоченъ.

Я почти испугался, когда, всунувъ подъ молчаливые своды Собора, гдѣ не было ни одного живаго существа, кромѣ насъ, уви-

дѣлъ по обѣимъ сторонамъ челоуѣческія подобія, смуглыя, спояція неподвижно, и сверхъестественнаго роста. Мнѣ казалось, что вижу тѣни древнихъ временъ и слышу шопотъ ихъ, прахъ коихъ, можетъ быть, сокрытъ былъ подъ моими ногами. Это изваянія двадцати или тридцати древнихъ Князей и Княгинь Тиролевскихъ, въ старинномъ облаченіи. Они, при полусвѣтѣ храма, сильно дѣйствуютъ на воображеніе. Тѣмъ менѣе казался мнѣ памятникъ Максимилиана, на которомъ изображены его главные добродѣтели и подвиги. О суета міра!

Въ Инспрукскомъ Соборѣ есть сокровище, для меня болѣе драгоценное. Тамъ явился мнѣ прелестный образъ, меня преслѣдующій. Я вспрѣтилъ здѣсь милую мою землячку, которая, подражая баптинкѣ своему, сборщику подапей, цѣнитъ дружбу на весь золотъ, и хочетъ дѣлать торгoвые обороты сердцами; вспрѣтилъ здѣсь, но благороднѣе, выше ея самой.

Взглянувъ на большее углубленіе позади крилоса, я подумалъ, что вижу ее; проводникъ сказалъ мнѣ, что это памятникъ, воздвигнутый изъ бѣлаго мрамора прелестной Филиппинѣ Вельзерѣ, супругѣ Канцлера Фердинанда Австрійскаго, котораго она такъ прославила.

Милый Теремія! не представляй себя льстивой, но жалкой выдумки Кановы, поставленной надъ гробомъ Принцессы Саксен-Тешенской въ Августинской церкви, въ Вѣнѣ; ни разбитаго камня, покрывающаго Гиндельбанкову могилу, на который кидается съ ребенкомъ молодая, спростная женщина, какъ будто хочетъ вживѣ похоронить себя; нѣтъ, Теремія, не думай ни о смерти, ни о могилѣ—но представь себя прелестную, легко одѣтую женщину, лежащую на бѣломъ мраморѣ, съ закрытыми глазами, какъ въ Евангеліи опрочковица Іанрова, о которой Господь сказалъ: *«не умире, но спитъ!»*

Вопиь какъ должно бы изображать смерть—сладкимъ сномъ! Воображеніе Грековъ не могло породить отвращительнаго скелета съ кося и съ клепсидрою; нѣтъ, его родило мрачное, грубое свѣрное воображеніе!

Представь себя мое удивленіе, когда, въ образѣ Филиппины, я узналъ Елену; я видѣлъ плуже крошесиль, поже небесное спокойствіе, нѣже восхищительныя прелести; но вмѣсто взоровъ живыхъ, зеркала души—холодный, неподвижный взоръ смерти.

Когда я коснулся до ней, дрожь пробѣжала по моему плѣту; чѣмъ болѣе вглядывался я въ нее, тѣмъ достойнѣе жизни она мнѣ казалась, Ахъ! за чѣмъ никуда въ эту минуту не могъ

сказать ей: *»отроковица, возстани! «* и *возвратился духъ ея и возста! . .*

Мнѣ казалось, что грудь ея волнуется подъ покровомъ, на нее накинута рука. Я вышелъ, вздыхая. Бѣдная Елена!

Я уѣхалъ, грустная и мечтающая. Сирена, орошаемая Инномъ, казалась мнѣ однообразна и скучна. Ни шумный Галль, ни печальный Швацъ, начинающій подыматься изъ пепла, не обращали на себя моего вниманія.

Но вскорѣ опять окружила меня прекрасная, просшая природа, не искаженная еще рукою человека, и улыбнулась мнѣ въ окрестностяхъ Золя.

Солнце садилось, когда я въѣзжалъ въ эту поэтическую спорону. Блещущія свѣжестію поля, хижинны, прикрытыя садами, и отдаленный холмъ, на которомъ возвышается замокъ, какъ бы сооруженный феями, позлащены были послѣдними лучами вечерняго солнца, отражавшагося въ волнахъ рѣки, каплящейся съ горы. Мѣстами видѣлись полунагія, румяныя дѣти и женщины пріятной наружности: но могутъ ли онѣ казаться красавицами подъ войлочными шляпками? Нарядите Афродиту во множество юбокъ, шер-

спянья чулки, коническую шапку Тирольки— и Афродина покажется безобразною.

Я приѣхалъ въ Зальцбургъ въ полдень. Другъ мой! этакъ городъ похожъ на Филиппину, спящую надъ ея могилой: прелестень и мертвъ. Безмолвные дворцы, обширных, но нуспья площади, и кругомъ величественная природа. Отсюда открывается взору необъятная перспектива, заключаемая исполинскими горами, разныхъ формъ и видовъ. Вообще видно по великолѣпнѣ города, что онъ построень духовными.

Жители Зальцбурга показывали мнѣ за диво строеніе, какого спраннѣ и глупѣ бытъ не можеть: это амфитеатръ темный, грязный, сырый, выдолбленный въ скалъ, образующей скамьи, ложи и дверь; сколько прудовъ безъ цѣли и пользы! Не помню имени Пастыря, которому пришла такая жадная мысль среди природы прелестной и величественной, и который прапилъ деньги подвласпныхъ ему людей на вещи споль безпольныя и вовсе некрасивыя. О! еслибы онъ зналъ, какъ я, нищету царствующую въ большей части хижинъ! Но эти люди живутъ не для другихъ, а для себя сполько. Онъ нашель даже льсепцовъ; прославившихъ его предпріятіе. На скалъ высѣчены слова: *saxa loquuntur*

(камни въздають). Пусть же камни, или лучше, каменосѣчцы и благословляютъ его! Онъ вѣрно и не желалъ болѣе.

Мнѣ до того наскучилъ городъ мертвецовъ, что я выѣхалъ изъ него ночью. По утру очутился я въ Фольклабрюкъ. Былъ воскресный день; поселяне шли въ церковь изъ всѣхъ окружныхъ деревень: мужчины и мальчики въ черныхъ курпкахъ, круглыхъ шляпахъ, крошкѣмъ исподнемъ плащѣ и въ синихъ или бѣлыхъ чудкахъ. Дѣвушки и женщины въ черныхъ длинныхъ плащяхъ и хорошенькихъ корсетцахъ; онѣ имѣютъ вообще легкой спань, прекрасныя черныя лица и прелесныя глаза. Эти женщины не ближе, какъ около Вельса, перемѣняютъ головной свой уборъ на легкіе плапочки, желтаго или краснаго цвѣта, кошорыми очень мило повязываютъ голову; костюмъ ихъ лучшій во всей Германіи. Для него я ѣхалъ шихо, и оспанавливался въ каждой гостинницѣ, покуда не успѣлъ нарисовать хорошенькой поселянки въ ея національномъ уборѣ.

Ночью я пріѣхалъ въ Вельсъ, и лишь только выскочилъ изъ коляски, подбѣжала ко мнѣ молодая дѣвушка, запыхавшись, съ разпростертыми объятіями; съ жаромъ поцѣловала

меня въ губы и въ полголоса прошептала мое имя: »Францъ, милый Францъ!«

И въ семдесятъ лѣтъ не откажешься онъ такого привѣспивія: такъ мнѣ ли было опказываться въ двадцать девять? Я опвѣчалъ на удачу поцѣлуями на поцѣлунъ, объспіями на объспія, и думалъ, что это не иная кто, какъ Елена, лишившая сердце мое покоя.

Но за чѣмъ она здѣсь? Какъ могла такъ скоро притѣхаться? Какъ узнала, что буду сюда? Не хочеть ли снова заключить меня въ свои оковы? Нѣжно прижималъ я ее къ сердцу. Въ эту минушу слуги съ свѣчами подошли къ дверямъ госпинницы, и женщина среднихъ лѣтъ, въ дорожномъ плащѣ, проптянула ко мнѣ руки; но вдругъ, изменившись въ лицѣ, вскрикнула: »Елена! Елена! это не онъ!«

Такъ это не она, подумалъ я; еще Елена, но не моя землячка. Елена не опвѣчала. Прекрасное, кропкое лице ея лежало на моей груди; она была въ обморокъ, неподвижна, какъ Филиппина Инспрукская. Сопровождаемый вспревоженной маперью, я опнесъ ее въ комнату, гдѣ приготоовленъ былъ ужинъ на троихъ. Тутъ я узналъ, что не меня ожидали, а брата Елены, возвращавшагося изъ Зальцбурга, и на вспрѣчу копорому путешественницы мои выѣхали въ Вельсъ.

Дѣвушка опомнилась. Когда обморокъ кончился, она открыла глаза и, прощипувъ ко мнѣ руки, произнесла слабымъ голосомъ :
 »Франць ! «

— Это не онъ, дитя мое, сказала мать.

— »Извините, сударыня! — отвѣчалъ я : « вѣроятно Франць. «

— Еще спрашивъе, продолжала мать, что вы совершенно похожи на нашего Франца. Поэтому-то и не удивительно, что она обманута была темнотою и неперпнѣемъ видѣть брата. Я вѣроятно также моглабы ошибься.

Мы еще продолжали разговаривать—(Елена молчала и не смѣла поднять глазъ) — какъ вдругъ подъѣхала коляска къ воротамъ и остановилась. Елена, поставивъ спаканъ воды, копорый поднесла было къ губамъ, сказала :
 »вотъ онъ!« Мать вспала, дверь отворилась, и молодой человекъ моего роспу кинулся въ ея объятія. Потомъ братъ обнялся съ сеспрюю. Но въ дѣвушкѣ не было замѣтно прежней пылкости; не знаю, удерживало ли ее присушествіе посторонняго человека, или она испощила на мнѣ, недоспойномъ, весь пылъ своего воспорга.

Я бы ушелъ, еслибы новые знакомцы мои, въ пылу радости, могли слышать, что я

нѣсколько ужь разъ прощаюсь съ ними. Наконецъ, успокоясь, мать и сынъ пребовали, чтобъ я раздѣлилъ съ ними ужинъ, имѣя право на ихъ благодарность. Братецъ мой по имени хохоталъ, какъ сумасшедшій, когда мать рассказала ему про ошибку Елены, а бѣдняжка, сидя на софѣ, краснѣла; какъ уличенная въ преступленіи.

За ужиномъ, объявивъ имя мое и родину, я узналъ въ обмѣнъ, что мать и дочь живутъ обыкновенно въ Пестъ, въ Венгріи; что онѣ на время пріѣзжали, въ Вѣну, и ошпуда ошправились на встрѣчу сына и брата, съ которыми шестъ лѣтъ не видались. Мать, въ восторгѣ радости, говорила много, сынъ еще болѣе. Елена и я молчали; она, не знаю по какой причинѣ; я же потому, что поцѣлуй горѣлъ еще на моихъ губахъ. Прекрасная Елена, нѣкогда воспламенившая любовью наспуха горы Иды, и за которую вся Греція ополчилась, вѣрно была не прекраснѣе этой Елены.

Наконецъ любовь къ брату, вино, и нашъ примѣръ распворили коралловыя губки красавицы. До сихъ поръ не знаю, больше ли души въ глазахъ ея, или въ пріятномъ голосѣ; только каждый звукъ ея опзывался въ моемъ сердцѣ. Скоро потомъ мы начали обходиться другъ съ другомъ безъ всякаго принужденія;

казалось, она забыла, что ошибкой цѣловала меня, и я осмѣлился величать себя названнымъ ея брашцемъ.

Такъ, въ слѣдъ за эпимъ прелестнымъ вечеромъ, прошли три незабвенные дня.

Не брани меня, милый другъ, если скажу тебѣ, что я, празднотлюбецъ по склонности, былъ очень доволенъ пребываніемъ моимъ въ Вельсѣ, гдѣ могъ разгуливать по берегамъ Трауна, покрытымъ множествомъ фабрикъ, рука объ руку съ милой, нареченной сесприцей. Здѣсь ведутъ большой споръ лѣсомъ, и все кажется мнѣ деревяннымъ, кромѣ пылкой души моей Елены.

ГЛАВА III.

отъездъ.

Вѣна, 13 Августа, 1819.

Кипо въ силахъ пропивившися влеченію природы? Какъ сильна главнѣйшая ея власть надъ нами! Нѣтъ сомнѣнія, что въ любви есть что-то благороднѣе инстинкта, влекущаго живописныхъ къ живописнымъ. Для того, кипо любить, одна мысль о такомъ взаимномъ влеченіи кажется уже оскверненіемъ святыхъ.

Не удивительно, что прекрасная Елена Вельская разшевелила мое сердце. Красота

имѣешь свои права—(не восхищался ли я марморной снпапуей въ Инспрукъ?)—приятность разговора еще болѣе увеличиваетъ власть ея, а свойства души доброй и честной лишаютъ возможности ей пропироваться. Однакожь я любилъ не съ пылкостью любовника. Покровъ панстввенности все довершилъ. Теперь я страшно влюбленъ. Слушай.

Въ четвертый день, по приездѣ моемъ въ Вельсъ, проснувшись послѣ приятнѣйшихъ сновъ, увидѣлъ я, что изъ-подъ двери моей комнаты выглядываетъ листокъ бумаги, взялъ его и прочелъ:

«Простите, другъ мой! я погибла, я несчастна; все для меня кончилось. Будущее благополучны. Молю Бога за васъ, молились и вы о сестрѣ вашей Еленѣ.»

Эти спроки изумили меня; я напрасно старался разгадать ихъ смыслъ. Одѣвшись наскоро, я позвалъ слугу. Его хладнокровіе меня успокоило: не могло случиться несчастія. Освѣдомившись о миломъ семействѣ, я узналъ, къ величайшему огорченію, что мать, дочь, сынъ и служанка уѣхали ровно въ одиннадцать часовъ: мать и дочь съ заплаканными, красными отъ слезъ, глазами; сынъ и служанка съ невеселыми лицами. Они молча сѣли въ карету и поѣхали по дорогѣ къ Линцу.

Я ничего болѣе не могъ узнатьъ : никто , уѣзжая , не проспился со мной . Другъ мой ! я чуть съ ума не сошелъ ; и для того прибгнулъ къ обыкновенному моему средству спасать въ такихъ случаяхъ голову опть разспройства , *ш. е.* принялъ на себя видъ совершеннаго равнодушiя и пилъ кофiй съ семействомъ хозяина , чшобъ бытъ съ людьми ; кошорые бѣ за мной замѣчали ; ибо шопъ , за кѣмъ наблюдають , гораздо больше имѣеть надъ собой власти , нежели человекъ , оставленный самому себѣ на произволъ . Я взялъ почповыхъ лошадей и успѣлъ наконецъ бытъ въ самомъ дѣлѣ шаквымъ , какимъ хотѣлъ казаться .

На первой станции справлялся я о моихъ бѣгланкахъ , но безъ пользы : ихъ не видали ни ночью , ни по утру . На второй шакже ничего не узналъ . Я приѣхалъ въ Линцъ и проѣхалъ черезъ него съ равнымъ успѣхомъ .

Такiя встрѣчи въ дорогѣ дѣло обыкновенное , подумалъ я , вздохнувши ; это происшествiе не можетъ имѣть послѣдствiй ! и спарался забыть объ немъ .

Оспановясь въ Молькѣ , опть нечего дѣлать взошелъ я на холмъ близъ монастыря ; съ него прелестный видъ на Дунай , волны кошорого плещуть подъ тѣнью лѣсовъ и дробящ-

ся о романтическія развалины Пехларна, прославленнаго въ пѣсняхъ Нибелунговъ, за то, что въ немъ живаль неуспрашимый Рюдигеръ.

Монахъ, казначей монастырскій, очень вѣжливо показывалъ мнѣ собраніе рукописей. Оно меня займетъ мене, нежели поштъ, кою ее показывалъ. Эпоштъ монахъ съ важностью ввелъ меня въ парадныя комнашы, и въ одной изъ нихъ обратилъ мое вниманіе на пыпнышко, выжженное на свѣцло налощенномъ полу.

»Жаль, « сказала я; »но эпо очень легко вывесить.«

— Избави Боже! отвѣчалъ монахъ. Наполеонъ жилъ въ эпой комнашѣ. Здѣсь получилъ онъ однажды депешу, зажегъ на свѣчкѣ и бросилъ на полъ, гдѣ онъ и догорѣлъ.

Воптъ съ какимъ раченіемъ добрый старецъ бережетъ выжженное на полу пыпно, какъ лучшее украшеніе комнашы, копорую называетъ *Залой Императора*. Однакожь Наполеону случалось оспавлять въ память о себѣ пожары позначительнѣе.

Другъ мой! не дыши ли люди?

Ничто икакъ не забавляло меня на пуши въ Вѣну, какъ повозки, называемыя *Zeisewagen*, копорыя посполно опправляются изъ Австріи въ Баварію, и очень удобны для всякаго рода

пупешественниковъ. Представь себѣ огромную проспивиковую повозку, наполненную соломой и накрытую шапромъ, подъ копорымъ лежатъ, гдѣ попало, мужчины, женщины, дѣти, какъ пеляпа, когда ихъ везутъ на рынокъ. Мнѣ спрахъ хочелся прокапиться въ такомъ экипажѣ. Разнообразіе общества должно бытъ очень забавно; пришомъ же ѣдешь день и ночь. Непремѣнно доставлю себѣ это удовольствіе на возвращномъ пути изъ Вѣны.

Я въѣхалъ въ Имперскій городъ поушру; погода была прекрасная. Городъ самъ по себѣ малъ, но, какъ иногда луна окружена кольцомъ, такъ онъ окруженъ безчисленными предмѣстїями; проспирающимися на полчаса ѣзды.

Чемоданы мои запечатали еще на границѣ, слѣдственно я не могъ распоряжаться своимъ добромъ. Здѣсь начали раскрывать ихъ ударами молота, чпобъ увѣришься, нѣтъ ли въ нихъ запрещенныхъ товаровъ; по счастїю два клочка ходячей бумаги остановили дѣятельные пальцы вѣрнаго пристава, который сказалъ мнѣ: »вижу, чпо у Вашего Превосходительства все въ исправности.«

Хлопотливостъ хозяекъ Вѣнскихъ домовъ поразила меня при самомъ въѣздѣ въ столицу. Женщины, по большей частїи очень хо-

рошо одѣшья , съ служанкой , или однѣ , ходили по рынку , наполняли корзинки свои овощами и возвращались домой съ парой цыплятъ или крикливыхъ куриць въ рукахъ.

Я видѣлъ Парижъ и Берлинъ , и въ самомъ разврашѣ большихъ городовъ находилъ что-то умное , развязное въ образѣ жизни , въ нравахъ и желаніяхъ людей , даже низшаго класса. Тамъ мыслятъ , чипають , имѣють припязанія на умъ , на разсудокъ , или наконецъ на чувствво. Любовь , полиплика , моды , вѣра , науки служатъ обыкновенными предметами разговоровъ , между нѣмъ какъ въ нашемъ городишкѣ , другъ мой , ты знаешь , говорятъ толькo о погодѣ , свадьбахъ и крестинахъ.

Здѣсь , кажешся , любятъ одно сущесшвенное , начиная опъ вѣры , до пици и липья. И это называютъ удовольсшвіями жизни!

Ввозъ имоземнаго шабаку , мыслей и всякаго рода издѣлій строго запрещенъ. *Австрійскій Наблюдатель* почищается оракуломъ въ полипикѣ ; нѣтъ города въ мірѣ счасшливѣе Вѣны. Здѣсь вѣрують , ѣдятъ и пьють.

Съ притзду моего я успѣлъ осмопрѣтъ Люксембургъ , Шенбруннъ , Бельведеръ , каршинія галлерей , фарфоровую фабрику , арсеналь , сады , кабинетъ Есшесшвенной Исторіи , театры ; обѣдалъ въ Праперъ и Аугаршенъ ; по-

помъ обходить казино, пракпиры, церкви, библиотеки, мѣщанскія собранія и пр. и пр. и все пущь.

Вѣна прекрасное мѣспопребываніе для чело-вѣка, предпочитающаго свободу мысли и свободу выражаться, уединеніе и праздность ума бесѣдамъ умнымъ и наспавишельнымъ.

Мнѣ же, праздному, всего пріятнѣе гулять по берегамъ Дуная, сложа руки. Люблю смотрѣть, какъ множество лошадей прыгаетъ вверхъ по рѣкѣ большія лодки; или, вечеромъ, мѣшаясь въ толпы народа черного и знашнаго, смотрю на блестящіе потѣшныя огни, и на потѣшныя разнообразныя лица, меня окружающія. Тупь солдаты и Венгерскіе студенты, отъ двадцати до тридцати лѣтъ, въ монашескихъ голубыхъ рясахъ и трехугольныхъ шляпахъ; здѣсь, служанки и государственныя чиновники; шамъ Турки и Греки, въ восточномъ одѣяніи, съ чалмами на головахъ и длинными шрубками во рту.

Иногда брожу въ Прагеръ, подъ тѣнью старыхъ липъ, зубовъ и шелковиць, по аллеямъ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаю кофейныя дома, балы и разныя забавы, на копоры приглашаютъ меня громкіе звуки шрубъ.

Вотъ послѣднія мои спроки изъ Вѣны. Все готово къ отъѣзду въ Венгерію, а, можетъ

быть, и на берега Чернаго Моря. Пашпортъ и финансы въ исправности. Въ Венгріи не жалуютъ Вѣнскихъ ассигнацій, и мало знаютъ Нѣмецкія деньги, попому-то и запасся я двадцати-врейцеровыми монетами.

Ты дивишься и спрашиваешь, что могло заспавить меня ѣхать въ Венгрію? Видѣніе въ Прагеръ.

»Что шупъ показываютъ?« спросилъ я у выходившихъ шолпою людей изъ домика въ видѣ ропонды.

—»Камер - обскуру, въ которой видѣнъ почпи весь Прагеръ.«

Надо посмотришь, подумалъ я, и вошелъ. Пройдя нѣсколько спуненекъ, очутился я въ небольшой, темной комнатѣ, передъ споломъ, вокругъ котораго спояло нѣсколько человекъ. Взглянувъ шуда, я увидѣлъ передъ собою живой видъ Прапера, ярко освѣщенный лучами солнца. Зрѣлище это нѣсколько минушь меня занимало. Хотя цѣшпы въ камер - обскурѣ слишкомъ рѣзки и шѣни черезъ чуръ черны; но вся картина, на которой въперокъ шевелишь лиспьями деревъ, а люди и живошныя движущся какъ въ природѣ, поражаетъ и нравился, попому что обманъ намъ всего милѣ.

Покуда я размышлялъ шакимъ образомъ, новыя лица явились на сцену, а именно: двѣ женщины и двое мужчинь, копорые казались

такъ велики и такъ ясно были видны, какъ будто находились въ самомъ близкомъ разстояннн отъ камеръ - обскуръ. Они оспановились шулъ словно нарочно, члробъ увеличншь наше удовольствнн и вспушншь въ разговоръ между собою. Объ женщины спали пропнвъ мужчннъ ; старшая, по видимо-му, говорила съ жаромъ ; младшая попупила голову и черпила на песокъ зонпикомъ ; одннъ изъ господъ грозился на нее кулаками ; другой, судя по движенню рукъ, копорья шо пропн-гиваль, шо подымаль и снова опускаль внизъ, старался помирншь ихъ. Вдругъ молодая под-няла глаза къ небу, съ выраженнемъ глубокой печали. Другъ мой! шо была Елена Вельсская, она—вымишая. Тупъ я узналь въ другой жен-щннъ машь ея, а въ мужчннъ, грозившемся на нее, ея брата. Что же касается до при-мирнтеля, пожилаго челоука въ щегольскомъ плашь, у котораго галспухъ доходиль до огромнаго носу, я его никогда не видываль и не знаю.

Между шъмъ, какъ другнн забавлялись на ихъ счетъ, я стояль какъ окаменълый ; сердце мое билось, какъ бы хотълло выпрыгнушь изъ груди, а глаза неподвижно успремлены были на образъ Елены. Мнъ хотъллось поговорншь съ него, вмъшанься въ ихъ ссору.

Какъ мы бываемъ иногда глупы ! Вмъсно

того, чтобы выдти и обыскать ее, я оставался подлѣ камер - обскурѣ, вслушиваясь глазами въ ихъ разговоръ, и тогда только выбѣжалъ изъ комнаты и бросился съ лѣстницы, когда онѣ исчезли между деревьями; но тамъ были совсѣмъ не тѣ люди, которыхъ я видѣлъ на карпинѣ: алленъ спянулись по всѣмъ направленіямъ: гдѣжь искать мою Елену? Трудно было угадать! Я бросался и вправо и влево, какъ гончая собака, озираясь во все стороны. Обѣгавъ безуспѣшно все окружности ропонды, я пустился обыскивать далѣе. Но, словомъ сказать, я не могъ найти ихъ, хотя весь остатокъ дня и цѣлый вечеръ бѣгалъ по кофейнымъ домамъ и публичнымъ мѣстамъ, гдѣ только могъ надѣяться ихъ встрѣтить.

Группа, видѣнная мною въ камер - обскурѣ, вѣздалась мнѣ въ память. Я пробовалъ искать и на другой день, но все напрасно. Наконецъ, на третій, счастливейшій въ жизни день, судьба угодно было, чтобы я, вошедши въ церковь Св. Стефана, увидѣлъ тамъ господина примирителя, въ томъ же платьѣ и съ тѣмъ же огромнымъ носомъ. Когда онъ пересталъ молиться, я подошелъ къ нему и, какъ иностранецъ, легко нашелъ случай сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ; потомъ пришворился удивленнымъ, что нахожу въ немъ одно изъ лицъ

видѣнныхъ мною въ камеръ - обскурѣ , въ Праперѣ ; короче сказаць , я узналъ такимъ образомъ , что онъ служилъ при Венгерской Канцеляріи; новость, вовсе для меня не любопытную; и наконецъ то, что слишкомъ много меня занимало, а именно: что Елена наканунѣ уѣхала въ Венгрію; что она отправилась въ Пештъ и, можешь быть, опшуда въ Одессу.

Чтожь касается до сцены, происходившей въ Праперѣ, господинъ чиновникъ Венгерской Канцеляріи не больше меня ее понялъ. Онъ зналъ мать и дочь попому только, что имѣлъ къ нимъ рекомендапельное письмо, и провожалъ ихъ въ Праперѣ, гдѣ привелось ему быть свидѣтелемъ семейной ссоры, изъ чего, Богъ знаетъ. Мать приказывала дочери молчать, и божилась, что поспавитъ на своемъ. Сынъ клялся, что пошлетъ пулю въ лобъ кому-то, если вспрѣшинъ эпого кого-то; а дѣвушка съ печальнымъ видомъ проговорила только: «не хочу продать себя, но могу умереть безъ сожалѣнія.»

Чиновникъ Канцеляріи увѣрялъ меня, что причина ссоры оспалась совершенно ему неизвѣстной, и что онъ только упрашивалъ всѣхъ ихъ не разглашать домашнихъ своихъ неудовольствій по цѣлому Праперу. Однакожь онъ, казалось, увѣренъ въ помъ, что мать и сынъ нападаютъ на Елену, и что бѣднень-

кая одна единёхонька среди своего семейства.

Еслибъ я не любилъ ея, другъ мой; еслибъ она была не шакъ хороша, и еслибъ шайншвенность, ее окружающая, не сдѣлала ее еще въ тысячу разъ милѣе—и тогда даже соспраданіе заспавило бъ меня предложишь ей руку помощи.

Я ѣду въ Пестъ, и не безъ причины; не безъ причины шакже и судьба повергла меня въ ея объятія, когда мы еще не знали другъ друга.

Бѣдная моя нареченная сесприца!.. Я думаю, ты насмѣшливо улыбаешься за своимъ письменнымъ споломъ, Іеремія! Не смѣйся надъ шайншвенными, непоспижимыми пупями судьбы!..

ГЛАВА IV.

ЕЛЕНА ТРОЯНСКАЯ.

Одесса, 18 Генваря 1820.

Странешвующій рыцарь швой, сидитъ теперь на берегу Чернаго Моря; и ему, какъ Римскому поэпу, нечего писать о любви своей и сумасшесшви, кромъ однихъ съпованій.

Что сказать тебѣ, добрый другъ, о сумасбродномъ моемъ пупешествіи?

Въ первый день пупи моего къ Пресбургу я ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ. Картина камер-обскуры носилась у меня передъ глазами. Воображеніе рисовало мнѣ прелесп-

ный образъ несчастной дѣвушки : я видѣлъ ; какъ въперокъ играетъ ея одеждою , любовался сиройнымъ ея спаномъ. Опять мечпаній не прежде пробудился я , какъ прѣхавъ въ Песпъ. Думаю, что тогда была шамъ осенняя ярмарка ; вездѣ лавки , вездѣ Жиды , Греки, Турки, Венгерцы, Поляки, Сибиряки, Татары и Нѣмцы.

Я пробылъ въ этомъ городѣ съ 21 Августа по 4 Сентября. Здѣсь обычаи и нравы западныхъ народовъ начинающъ уже замѣнять дикость и грубую пышность восточныхъ Европейцевъ.

Желая узнать что-нибудь о Еленѣ , я кидался во все стороны, и провѣдалъ наконецъ, что она дѣйствительно уѣхала съ матерью въ Одессу, гдѣ былъ у ней дядя, имѣющій богатый, торговый домъ. Мнѣ говорили, что она могла бы выйши замужь за одного изъ первыхъ магнатовъ въ Венгрии, еслибъ была также богата, какъ хороша ; она пробыла въ Песпѣ только шесть мѣсяцевъ, прежде жъ того жила въ Кроншпадпѣ, въ Трансильваніи, гдѣ должны короче знать объ ней и ея семействѣ.

Я былъ доволенъ успѣхомъ моихъ розысковъ, въ особенности причиною, преславленною ея выйши за магната, и пустился въ Кроншпадпѣ.

Я ѣхалъ пустырями и болошами, гдѣ видѣлъ множество буйволовъ и пастуховъ, но изрѣдка встрѣчалъ худую госпитальницу. Такъ добрался я до Кроншпадта, длиннаго города, лежащаго между двухъ горъ въ узкой долинь.

Тутъ я освѣдомился опять, и узналъ, что опіецъ Елены, нѣкогда очень богатый, разорился совершенно отъ игры и торговыхъ оборотовъ, и наконецъ съ опічяніемъ лишилъ себя жизни; что вдова его, съ дочерью, приѣхали жить въ Кроншпадтъ къ старой родственницѣ, и что послѣ смерти старухи, отказавшей имъ самую малую часть наслѣдства, онѣ оставили Трансильванію, надѣясь, что могутъ жить у богатшаго зятя, имѣвшаго домъ въ Одессѣ.

Признаюсь тебѣ, покидая городишко наше, я никакъ не воображалъ, что пушусь плавать по Черному Морю, гонясь за Еленой: но теперь, рѣшаюсь на то, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ еще никакого другаго намѣренія. Мнѣ только хотѣлось поскишаться нѣсколько лѣтъ по эпой часпи свѣта, которой, можетъ быть, и по смерти не увижу больше. Куда ни поведи судьба, мнѣ все равно.

Я слышалъ въ Кроншпадтѣ, что ѣхашь черезъ Молдавію и Новороссійскій край очень затруднительно и даже опасно. Но надобно бы-

ло испытать. Въ этомъ городѣ находилась паршія выходцевъ изъ Германіи, которые шли въ Крымъ искать новаго опечесива. Ихъ было человекъ двадцать, съ женами и дѣтьми. Я присоединился къ нимъ, и мы отправились въ путь 4 Октября въ фуръ, напомнившей мнѣ Вѣнскія повозки. Я одѣлся какъ они, проspo, и выдалъ себя за ремесленника, ѣдущаго пытать счастья въ Одессу.

Молдавія обширная область, по большой части чрезвычайно плодоносная; но она почти не воздѣлана, бѣдна, испощена совершенно.

Путешествовать по ней, истинное наказаніе! Мы подвергались всевозможнымъ неудобствамъ; по нѣсколькимъ днямъ сряду должны были ѣхать голыми степями, гдѣ изрѣдка попадаются бѣдныя деревушки, состоящія не изъ домовъ, но разоренныхъ хижинъ, неопряжныхъ, похожихъ на хлѣва. Госпинницъ вовсе нѣтъ, а называющія ими вѣшкія деревянныя лачужки, гдѣ худо ѣсть, еще хуже спать. Я почти всегда ложился въ коляскѣ.

Увы! любезный Іеремія; видѣніе камер-обскуры съ каждымъ днемъ становилось блѣднѣе, и мечпы сердца моего смѣнились скороспраданіями желудка, до того, что я началъ не шутя проклипать глупый случай, запа-

щившій меня въ сѣпи, на копорыя, изъ Пандорина ящика, казалось, высыпались всѣ бѣдствія. Одна только надежда меня еще нѣсколько поддерживала: я утѣшался мыслию, что отдохну въ Галацѣ.

Боже мой! что это за городъ? я не видалъ ничего хуже! Дома деревянные, грязные, сырые, гнилые; безъ бревень, брошенныхъ поперегъ улицъ, люди понули бы въ грязи.

Служники мои наняли лодку для переѣзду черезъ Дунай; рѣшившись участвовать въ этомъ плаваніи Аргонавтовъ, я взялъ у Г. Менсоли, Австрійскаго Консула, рекомендательное письмо въ первый Новороссійскій карантинъ. Мы приѣхали въ него того же дня, ш. е. 14 Октябрю. Насъ продержали до другаго дня на лодкѣ; и тогда только позволили выйти на берегъ въ дрянную лачугу, обнесенную тыномъ, гдѣ мы должны были оспаиваться пятнадцать безконечныхъ дней, не смотря на письмо Австрійскаго Консула.

Бренное шѣло мое претерпѣвало всѣ муки ада, милый Іеремія; но наконецъ я узналъ опытною, что можно и къ аду привыкнуть. Пища была худа и дорога; за самое гадкое вино плашили мы по сороку парѣ.

Когда срокъ заоченія кончился, и насъ осмошрѣли, не знаю для чего, мы пошли въ

деревушку, разстояніемъ на часъ пупи отъ карантина. Тамъ закупили хлѣба, кофею и вина; наняли повозку съ проводникомъ и пустились въ Бессарабскія степи.

Экипажъ нашъ состоялъ изъ дрянной шельмы и двухъ клячь, у кошорыхъ были полько кожа да кости. По большей части мы шли пѣшкомъ, потому что намъ приходилось шагать лошадей, а не имъ насъ. Въ этихъ степяхъ рѣдко встрѣишь человѣческое подобіе, еще рѣже селеніе. Если жъ намъ и случалось иногда приѣхать въ деревню, то мы ничего въ ней не находили, кромѣ худаго, чернаго хлѣба и водки: даже вода имѣла отвратительный, селипренный вкусъ.

Когда я услышалъ въ Бендерахъ, что намъ предположили еще карантинъ за Днестромъ, дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу. У меня пропала охота осматрѣть городъ, прославленный Карломъ XII, и я спѣшилъ дать денегъ нашему проводнику, кошорый едва понималъ меня, прося его доставить намъ поспѣшею же повозку лучше прежней, и отвезти насъ въ Кишиневъ, столицу Бессарабіи. Туда прибылъ я 28 Ноября, измученный, голодный и больной. Эта столица, мой другъ, есть деревня, населенная Ташарами, Русскими и Жидами. Однакожъ мнѣ посчастливилось опыткамъ тамъ нѣсколько Нѣмецкихъ семействъ.

Я приютился къ одному изъ нихъ, и лѣчилъ, сколько могъ, изнуренное мое тѣло. Молодой Русской Офицеръ, копорому вино мое было по вкусу, переселился ко мнѣ; онъ хорошо говорилъ по Французски, и былъ въ походахъ противъ Наполеона, отъ Москвы до Парижа.

Мы выѣхали изъ Кишинева 24 Декабря, и на другой день прибыли въ селеніе надъ Днеспромъ, гдѣ мнѣ объявили, что мы должны выдержанъ еще двадцатидневный карантинъ въ Дубоссарахъ. Креспьянинъ, сообщившій мнѣ это извѣстіе, былъ Нѣмецъ. Обрадованный звуками роднаго языка, копорымъ мы съ нимъ заговорили, онъ пригласилъ насъ къ себѣ, и сказалъ намъ, что Днеспръ скоро спанетъ; что мы должны подождать, и потомъ, пользуясь удобнымъ временемъ, можешъ бытъ, найдемъ средства избѣгнушь карантинна. Я безъ затрудненія ему повѣрилъ, и добрый Нѣмецъ, ласковый какъ нельзя больше, взялся предьявить наши пашпорты, гдѣ слѣдуетъ.

Три дня спустя, нашъ Нѣмецъ сказалъ намъ: »теперь, господа, съ Богомъ!« Днеспръ покрылся крѣпкимъ льдомъ; Дубоссарскіе спорожа, вѣроятно, не будутъ споянъ за полночь на часахъ, чтобъ ловить людей, копо-

рыхъ не ожидають : никто не замѣшивъ ; какъ вы проѣдете.

Пара лошадей спояла передъ домомъ : мы пустились по снѣгу, при свѣтѣ луны , и не безъ ужаса слѣдовали за проводникомъ по ледяной корѣ, покрывавшей рѣку : не безъ ужаса также увидѣли на противоположномъ берегу караульно. Однакожь , избавившись отъ опасности и , проѣздивъ всю ночь , прибыли въ городъ, названія котораго не помню.

По утру явился вдругъ передъ нами Русскій солдатъ , и требовалъ пашпортовъ. Это внезапное появленіе порядкомъ напугало насъ. Мой честный Нѣмецъ не поперялся : »Эпошь солдатъ«— сказалъ онъ—»вѣрно также умѣеть чищать , какъ моя лошадь играть на флейтѣ ; дайше ему на водку , и онъ опущитъ насъ.« Дѣйствительно, я далъ ему пригоршню денегъ , и дѣло кончилось большими со стороны его поклонами.

Вѣхавъ въ городъ , похожій на дурную деревню, мы остановились у пріятеля нашего проводника, и отдохнули отъ ночнаго странствія. Лучше всего было то , что я нашелъ тамъ двухъ Глюксбадскихъ колонистовъ , возвращавшихся домой въ саняхъ. Я уговорилъ ихъ взять меня съ собою и , наградивъ проводника, поѣхалъ.

Первый день 1820 года встрѣпилъ я въ самой скучной *Долинѣ Счастья* (Glücksthal), въ закопченной дымомъ избенкѣ. Колонія состоиптъ изъ Нѣмцевъ и Швейцарцевъ. Хозяинъ мой былъ Гривзонъ. Отдохнувъ нѣсколько дней, я быспро переносился изъ колоніи въ колонию, въ которыхъ все дурно, кромѣ названій; и такимъ образомъ прибылъ въ Кассель, а отсюда въ Тирасполь, небольшой городокъ на Днестрѣ; онъ недавно построень, правильно расположенъ и населень Богемцами, Ташарами и Жидами. За Днестромъ, на часъ пужи отсюда, я увидѣлъ другой городъ и, вообрази, какъ удивился, узнавъ Бендеры, черезъ копорые проѣзжалъ за шесть недѣль передъ эшимъ. И шакъ, не подвинувшись впередъ ни на одну милю, я сорокъ дней скипался по степямъ, борясь съ усралоспью, жаждой и голодомъ, единственна для избѣжанія каранпина!

8 Генваря 1820 года прибылъ я въ Одессу, при завываніяхъ бури и валившемъ снѣгѣ.

Теперь, честный Иеремія, можешь смѣяться, сколько тебѣ угодно. Слепи совершенно илѣчили мое сердце. Отправь къ Булгарамъ, къ Волохамъ, къ Ташарамъ всѣхъ любовниковъ своего городка, копорыхъ почипають неизцѣлимыми, и отъ копорыхъ докшора отпказались: увидишь, если они не выздоровѣють.

Не удивляйся жь послѣ того, что я, по приѣздѣ въ Одессу, услышалъ съ величайшимъ хладнокровіемъ, что Елена моя, Богъ знаетъ, гдѣ, можешь быть, даже при Дворѣ Пріама, и что и просто обманушый Менелай.

Нѣсколько ужь лѣтъ, какъ богатый дядя спалъ банкротомъ, и далъ пѣгу; Елена съ матерью приѣхала въ Одессу гораздо прежде меня; онѣ были доведены почти до отчаянія, услышавъ, что дядя пропалъ безъ вѣсти; я говорю *почти*, потому что нашелся по счастью молодой, богатый Англичанинъ, который, изъ христіанской любви, рѣшился прирѣшъ и утѣшить сиропокъ. За недѣлю до моего приѣзда, новый Парисъ похитилъ мою Елену, но безъ малѣйшихъ препятствій, съ согласія матери, и увезъ ее въ Константинополь. Счастливыи путь!

ГЛАВА V.

ПРЕБЫВАНІЕ НА ВЕРЕГАХЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Одесса, въ теченіе 1821 и 1822 годовъ.

Нынь, любезный Іеремія, ошибаешься! Кто пѣлые шесть мѣсяцевъ скишался по Венгріи, Богеміи, по сѣнямъ Молдавіи и Бѣссарабіи, перпя холодъ и голодъ, пошъ не вдругъ насытится неизъяснимымъ удовольствіемъ жить въ большомъ, хорошо выспроенномъ домѣ,

успанномъ богатыми коврами, я изъ копоряго опкрываеяся такой разнообразный, оживленный видъ, какимъ можно наслаждаешься только въ эпому обширномъ, торговомъ городѣ, лежащемъ на рубежѣ Азии; не вдругъ насынишься удовольствіемъ ежедневно садиться за столъ, успановленный всѣмъ, что лучшаго производятъ воспокъ и западъ; не скоро устанешь бѣгать по кофейнымъ домамъ, казино, театрамъ и, возвращаясь, отдыхать опъ дневныхъ трудовъ на мягкой поспели, покрытой пончайшею проспыней и мягкимъ одѣломъ. Хотябъ пришлось оспаняться цѣлые десяты лѣтъ въ Одессѣ, оспанусь! Скорѣй соглашусь лечь въ мерзлую могилу на берегу Чернаго Моря, чѣмъ пуститься оняшь въ степи, копорыми сюда ѣхаль.

Одесса обширный городъ—въ предположеніи въ немъ до 40,000 жителей, но онъ еще не достроенъ. Мнѣ это нравится, потому что надежда на будущее имѣеть для насъ несравненно болѣе прелестней, чѣмъ воспоминаніе о прошедшемъ и наслажденіе наспоящимъ. Улицы очень широки и прямы, но ни одна не докончена; вездѣ промежутки и пустыя мѣста. Въ мою бытность въ Одессѣ, въ продолженіе двухъ или трехъ лѣпниихъ мѣсяцевъ, выстроили двухъ-этажный домъ, на прочномъ фундаментѣ, съ погребамн на сводахъ; въ на+

чалъ зимы можно ужъ было жить въ немъ. Камни добываются изъ ближайшихъ каменоломней. Зажипочные люди покрываютъ крыши жестью, выкрашенною зеленой краской, что очень не дурно для глазъ.

Здѣсь найдешь все для необходимыхъ потребностей и для прихожей роскоши. Караваны и корабли доставляютъ сюда лучшіе товары. Надобно употребить милліоны, чѣмъ вымостить камнемъ этою черноземъ рыхлый и сырой. Каждый разъ, когда идетъ дождь или таетъ снѣгъ, дѣлается такая грязь, что женщины не могутъ выйти на улицу безъ сапоговъ; иначе—прощай башмаки, и безвозвратно. Весной и осенью каменные проуары передъ большими домами едва замѣтны изъ-подъ грязи. Отсюда происходитъ еще другое неудобство: въ дождливую погоду нѣтъ средства проѣхать, въ какомъ бы то ни было экипажѣ. Жалко смотрѣть, какъ люди и лошади барахтаются въ попкую грязь. Наибольше спрадуютъ ошъ ней мужики, которые привозятъ въ городъ на шельгахъ для продажи воду изъ ближнихъ источниковъ. Послѣ сильнаго дождя цѣна на воду значительно подымается, потому что у кого-нибудь изъ водовозовъ непременно падаетъ лошадь. Лѣтомъ дожди рѣдки; за то вся грязь превращается въ пыль и густыми тучами

носятся по улицамъ. При малѣйшемъ въперкъ свѣту не видно. Кто бережетъ глаза свои, шопъ прятеть ихъ подъ зеленые очки, оправленные шафшою.

Ничпо сполько: не пѣшииъ меня, какъ песпрая шолпа народа, копорую вижу изъ моего окошка. Точный маскерадъ! Смѣсь всевозможныхъ лицъ, убранствъ, цвѣшовъ и языковъ предспавляетъ удивительное зрѣлище!

Сшранное созданіе, человекъ! нѣтъ живопнаго заносчивѣе и зависпливѣе. Каждый недоволенъ своей участью, желаетъ лучшей, а между тѣмъ почиаетъ себя выше, честнѣе, благородумнѣе всѣхъ его окружающихъ. Онъ живетъ вездѣ согласно съ обычаями своей спраны: придерживается ея нравовъ, вѣры, одежды, и насмѣхается надъ другими.

Во множествѣ людей, привлеченныхъ сюда торговлей изо всѣхъ спранъ Европы, наиболѣе видно Жидовъ и Грековъ, на площадяхъ и улицахъ: можетъ бытъ, они замѣшнѣе прочихъ по своей одеждѣ. Жиды носятъ длинные кафшаны, прикрѣпленные къ спану поясомъ большою часпшою чернаго цвѣша; богатые шолько носятъ шелковые кафшаны, коричневые или лиловые. Вообще Жиды ходятъ въ большихъ шлпахъ, съ большими длинными бородами, копорыя ни сколько не прибав-

ляютъ имъ красоты. Еврейки одеваются великолѣпно, но безъ вкуса. Онѣ всѣ, безъ исключенія, носятъ шелковыя плащья, а на головѣ жемчугъ, кошораго ослѣпительная бѣлизна составляетъ разительную противоположность съ ихъ черными волосами а).

Грековъ я всегда смѣшиваю съ угнетающими ихъ Магометанами. Они имѣютъ совершенно воспочную наружность, и пакъ *отуретились*, что вовсе не напоминаютъ Фокіоновъ, Аристидовъ и Кимоновъ. Немногіе изъ нихъ опускаютъ бороду, большая часть подбриваютъ ее, оставляя только узенькую полосу, а нѣкоторые и совсѣмъ бръютъ, по Европейски. Гречанки склоняѣе мужей своихъ перенимаютъ Европейскіе обычаи; онѣ вообще подражаютъ Французскимъ модамъ. Горестно смотрѣть на этихъ несчастныхъ, бѣжавшихъ изъ опечесства и скипающихся здѣсь, подобно пѣнямъ.

Пусть придутъ въ Одессу путешественники, жалующіеся на мертвое безмолвіе, царствующее въ Англіи по воскреснымъ днямъ.

и) Жемчугъ почти носятъ на головѣ Еврейскія женщины; но онъ не можетъ составлять разительной противоположности съ ихъ черными волосами, потому что онѣ ихъ бръютъ. Дѣвушки же ходятъ въ волосахъ, но не носятъ жемчуга. *Прим. Пер.*

Здѣсь эпопѣе день самый шумный, самый веселый изъ всей недѣли. На улицахъ экипажей и купцовъ больше, нежели во все прочіе дни.

Поутру, звонъ колоколовъ призываетъ къ молитвѣ Христіанъ разныхъ вѣроисповѣданій. Иѣмцы всѣхъ ихъ скромнѣе: они наняли большой амбаръ, и опираютъ въ немъ служеніе по Люшеранскому обряду. Все улицы наполнены людьми, вѣдущими къ церкви на легкихъ повозочкахъ или дрожкахъ. Во время службы храмы обставлены множествомъ экипажей. Вокругъ Русской церкви мужчины и женщины продаютъ плоды, пироги, просвиры и дѣшскія игрушки.

Но не передъ одними церквами торгуютъ по воскреснымъ днямъ: на трехъ большихъ площадяхъ, гдѣ еженедѣльно бываетъ ярмарка, также производится торгъ съ утра до полдня. Прежде всѣхъ приходятъ шуда Русскіе мужики и колонисты; за ними являющіяся Жиды и Греки; тамъ модные щеголи шѣсняются въ полкъ съ пьянымъ мужикомъ, грубымъ полицейскимъ офицеромъ и крестьянкой въ праздничномъ платьѣ. После полудня все расходится по кофейнымъ домамъ и клубамъ. Здѣсь не рѣдко случается, что служанка, принимаясь въ домъ, въ число другихъ условій, включаетъ и позволеніе ходить каждое воскресенье на балъ.

Торговля прерывается въ большіе только праздники, на примѣръ: въ Свѣтлое Христово Воскресенье, Рождество и Новый Годъ; тогда всѣ лавки запираются; но веселости нѣже, особливо на масляницѣ. По окончаніи обѣдни, каждый уѣзжаетъ за городъ, на лугъ, и всѣ чины въ спорону. Тамъ разбиты палатки, лавочки, респораци; въ понедѣльникъ всѣ вмѣстѣ отправляются на кладбище, гдѣ надъ каждой могилой поставленъ памятникъ, съ именемъ покойника. Но и шуда ѣдутъ съ запасами: на могилахъ ѣдятъ, пьютъ и напиваются за здоровье усопшихъ. Чпо спорона, по обычай! Каждый надеется на семь недѣль поста; слѣдующаго за масляницей, въ продолженіе кошораго запрещено даже употреблять въ пищу молоко, сыръ и яйца.

Обширность торговли причиною здѣшней роскоши, впрочемъ не всегда изящной. Особенно ввелась она въ 1816 и 1817 годахъ, въ которые западныя государства посылали сюда огромныя суммы денегъ, въ обмѣнъ за худую пшеницу. Когда Европа умирала съ голоду, на берегахъ Чернаго моря процвѣтала золотой вѣкъ Ашпери.

Здѣсь каждый гоняется за деньгами и за удовольствіями. Впрочемъ въ Одессѣ не любятъ слишкомъ высокихъ удовольствій. Русскій педантъ не могъ существовать, попому чпо ди-

репторы разорялись; Испаліянская же Опера рушилась за неимѣніемъ слушателей. Недавно хотѣли учредить Купеческое Собраніе, сдѣлали подписку; но оно не долго существовало: чванство—главнѣйшая помѣха общественнымъ удовольствіямъ. Въ первый день было въ собраніи женщинъ тридцать, во второе не было и десяти. Первоспашейнымъ купчихамъ показалось неприличнымъ быть вмѣстѣ съ женами мелкихъ торгашей: потому что здѣсь купецъ, плащащій въ гильдію двѣ тысячи рублей, думаетъ, что онъ совѣтъ иного покроя, чѣмъ тотъ, который плащитъ сто, и считаешь низостью входить съ нимъ въ связи. Люди вездѣ дѣши!

Я любопытствоваль узнать образъ жизни эдинскихъ колонистовъ; и для того нѣсколько разъ ѣздилъ въ нихъ, не подалеку отсюда находящіяся, селенія, гдѣ эти выходцы разыгрываютъ роль Робинсона Крузоэ, только не съ его дѣятельностію и искусствомъ. Немногіе изъ нихъ умѣютъ упрочить свое благосостояніе, а прочіе, по собственной винѣ, живутъ также худо, какъ жили въ Германіи и какъ вездѣ бы жили.

Каждое семейство получаетъ отъ Россійскаго Правительсва нѣсколько десятинъ земли, 500 рублей на обзаведеніе и скотъ; сверхъ того на семь лѣтъ освобождается отъ

подапей : они могли бы жить безъ нужды , но немногіе умѣютъ пользоваться сими благодѣльніями.

Не лѣзя представлявъ себѣ , до какой степени проецирающія невѣжесиво , лѣнь и неопытность большей части колонистовъ. Они совершенно не радятъ о удобреніи земли, и только нѣсколько лѣтъ назадъ вздумали разводитъ фруктовыхъ деревья. Одними дровами они изобилуютъ, но вмѣсто того, чинобъ употребляютъ ихъ, жгутъ навозъ, бурьянъ или болотный порфъ. Не копаятъ сѣянъ конопля, а покупаютъ ее дорогою цѣной въ городѣ. По дикимъ хижинамъ , неопытной одеждѣ и самымъ нравамъ , они очень сходствуютъ съ Тапарами ; новыми изъ согражданами. Почти всѣ колонисты носятъ сторуки или родъ плащей изъ шолстаго, сѣраго сукна, изъ овечьей, даже некрашеной шерсти; хозяйство и все прочее соотвѣтствуетъ одѣянію.

Рѣдко случается, чтобъ они привозили домой хотя часть денегъ, полученныхъ въ городѣ за скотину или хлѣбъ. А если который колонистъ и воропится съ деньгами , то немедленно отправляется съ женой въ кабакъ, спорится съ товарищами, дерется и , пропившись, мирится. При дороговизнѣ хлѣба въ 1846 и 1847 годахъ, всѣ они могли бы обогащаться ; но немногіе изъ нихъ думали о бу-

дущемъ , большая же часть пользовалась об-
снопьятельными для того, чтобы еще болѣе
предаваться разврату.

Ты правъ , любезный другъ ! Самъ удивля-
юсь , какъ могъ я прожить здѣсь три года ;
но меня прельстилъ новизною предметовъ
эпошъ край , близкій къ Азіи.³ Съ каждымъ
днемъ я видѣлъ новыя сцены и новыхъ акте-
ровъ ; видѣлъ дѣкихъ сыновъ природы и борь-
бу непросвѣщенія съ Европейскою образован-
ностію. Я похожъ на челоуѣка , упомянна-
го однообразіемъ шаира , на копоромъ да-
ють всегда одну и ту же піэсу , и копорый
съ жадностію принимаетъ впечатлѣнія , про-
изводимыя новыми зрѣлищемъ. Чиспосердечно
признаюсь : здѣсь я находилъ удовольствіе въ кру-
гу семействъ , гдѣ царствуютъ невинность ,
опкрвенность и благородство , соединенныя съ
образованностію и любовью къ изящному. Но
ты ошибаешься , если заключаешь изъ того , что
какая-нибудь страспъ приковала меня къ Одес-
сѣ. Нѣшъ , мой другъ , вѣроятно даже , что
еслибъ судьба не вдохнула въ меня желанія
видѣшь Харьковъ , я бы долго еще здѣсь про-
былъ , и все таки сердце мое не лишилось бы
свободы.

(окончаніе слѣдуетъ.)

IV.

В Д О Х Н О В Е Н І Е .

Лови минушту вдохновеенья,
 Воспорговь чашу жадно пей,
 И сномъ лъниваго забвенья
 Не убивай души своей!
 Лови минушту! пролетаешъ
 Какъ молвы яркая струя;
 Но годы многіе вмѣщаешъ
 Она земнаго бышья.
 Но если разъ душой холодной
 Опринишь ты небесный даръ
 И въ суешъ земли безплодной
 Попушишь вдохновеенья жаръ;
 И если разъ, въ безпечной лъни,
 Ничтожность міра полюбивъ,
 Ты свяжешъ цѣпью наслажденій
 Души бунпующій порывъ:
 Къ тебѣ поэзіи священной
 Не снидеть чистая роса
 И предъ звицей ослѣпленной
 Не распахнутся небеса.
 Но сердце бѣдное изсохнешъ:
 И нива прежнихъ думъ пвонкъ,
 Какъ степь безводная, заглохнешъ
 Подъ терномъ помысловъ земныхъ.

А. Хомяковъ.

V.

ЖЕНЩИНЫ XIV ВѢКА.

Между тѣмъ , какъ романисты спараются оживлять предъ нами спарину, а философы, выводя результаты и дѣлая заключенія , сравниваютъ нравственность нынѣшняго вѣка съ нравственностію минувшихъ временъ и въ заключеніе оставляютъ насъ въ неизвѣстности и сомнѣніи , мы видимъ общее нерадѣніе о томъ , что могло бы пролить истинный свѣтъ на сіи предметы; и именно о книгахъ, романахъ , нравоченіяхъ въ стихахъ и прозѣ , дидактическихъ поэмахъ и проповѣдяхъ, сочиненныхъ до шестнадцатаго вѣка. Они-то представляютъ истинную картину временъ среднихъ. Многочисленные повѣствованія или сказки въ осмысленныхъ, рифмованныхъ стихахъ, произведенія праздности и воображенія писцовъ, которыхъ вельможи имѣли обыкновеніе держаши при себѣ; ручныя назидавательныя книжицы (*manuels disciplinaires*); нравочительныя правила, облеченныя въ форму прехристианскій и четверостишиій— несравненно больше могутъ объяснить предметъ сей , нежели все изслѣдованія романистовъ, пишущихъ исторію.

Есть старинная книга, сочиненная однимъ Анжуйскимъ дворяниномъ, Жофруа Ландри де ля

Турь, и имѣвшая Европейскій успѣхъ, въ среднѣе чепьрнадцатаго столѣтія. Она извѣстна по переводамъ: Пѣмецкому, 1380 года, Англійскому, не изданному; находящемуся теперь въ числѣ рукописей Гарлейской библіотеки а), и наконецъ другому Англійскому б), составленному и напечатанному почтеннымъ Какспономъ, в) въ первый годъ царствованія Ричарда III. Въ книгѣ сей говорится о воспитаніи женщинъ, о ихъ порокахъ, слабостяхъ, привычкахъ. Читая ее, какъ бы переносишься въ среду общества чепьрнадцатаго вѣка, посвящаешься въ тайныя домашняго быта; осваиваешься съ сокровенными обычаями, модами и слабостями женщинъ сего опдаленнаго времени. Переводъ Какспона до того рѣдокъ, что, въ 1779 году, полный экземпляръ его былъ заплаченъ 105 гиней. Мы будемъ здѣсь руководствоваться еще

а) A Treatise in old english, containing Counsels to Young Ladies, and other Women, how to govern themselves by following virtue and eschewing vice: made by a Knight, for the use of his three daughters. Harleian Mss. N. 1764.

б) The book which the knight of the tower made to the enseygnement and teaching of his daughters; translated out of the french into our maternal english tongue; by me W. Caxton, the first year of the regne of king Richard third.

в) Типографчикъ Весиминистерскій.

менѣе извѣстнымъ, но болѣе вѣрнымъ переводомъ, найденнымъ нами въ рукописяхъ Гарлейскихъ и относящимся ко времени царствованія Эдуарда VI. Слогъ его мужественъ, чистъ, но исполненъ галлицизмомъ; онъ служилъ дословнымъ и чашельнымъ образцомъ Англійской прозы того времени, когда сходство народныхъ нравовъ Англичанъ и Франгузовъ близко было къ пождеству. Димитрій Халкондилъ, посѣщавшій Англію въ 1400 году, не замѣтилъ ни малѣйшей разницы между сими двумя народами а). И дѣйствительно, Нормандское происхожденіе Англійской аристокраціи, и долгоевременное пребываніе Англичанъ въ западныхъ провинціяхъ, принадлежавшихъ Франціи, дословнымъ образомъ объясняютъ это взаимное сходство двухъ народовъ. Не прежде, какъ въ началѣ шестнадцатаго вѣка оказалось значительное различіе между ихъ нравами. Религіозныя распри, отчуждивъ Англію отъ другихъ странъ Европы, преобразили веселый Альбіонъ въ новую, отдѣльную націю, носящую отпечатокъ собственнаго характера, и изгладили даже до воспоминанія о ея происхожденіи отъ Нормандовъ и Франгузовъ; но въ четырнадцатомъ вѣкѣ Великобританія была совершенно офрангужена. Слѣдовенно,

а) De rebus Turcicis, L. II. p. 48.

наставленія родительскія увѣщанія Господина Жофруа де ля Туръ относятся какъ къ Французенкамъ его вѣка , такъ и къ Англичанкамъ, ихъ современницамъ.

Въ книгѣ сей, вопреки погдашнему обычаю, нѣтъ ни спранныхъ иносказаній, ни метафизическихъ олицетвореній; напропивъ мы видимъ въ ней обыкновенный гражданскій и домашній бытъ во всей его простотѣ. Жофруа Ландри де ля Туръ лишился милой ему жены; онъ идетъ вечеромъ мечпашъ въ садъ свой подъ тѣнь густаго дерева. Три его дочери, удивленные долгимъ отсутствіемъ отца, бѣгутъ къ нему; при видѣ ихъ, его родительское сердце умиляется; онъ размышляетъ о неизвѣстной и часпо горькой участи, ожидающей женщинъ. »Что будешь съ ними? Какъ избѣжаешь имъ сѣпей прельщенія, тогда какъ самое дерзкое волокитство украшается личиною рыцарства и героизма? Какіе совѣты, какое воспитаніе дашь имъ?« Начало прогашельное, дышущее простотою сердца! Не лзя было естественнѣе и удачнѣе присупитъ къ разсужденію о воспитаніи и судьбѣ женщинъ.

Жофруа Ландри вспоминаетъ, какъ онъ шаливалъ самъ въ молодости, въ лѣта своеволія и въпреноси; какъ онъ проскакалъ весь Пуанту, сопровождаемый молодыми людьми, не меньше его предпримчивыми; волочилъ за каждой

красошкой, обманывалъ мужей, похищалъ дѣвицъ; и вовсе не думалъ о послѣдствіяхъ. »При успѣхѣ и при неудачѣ, мы одинаково выпускали слухъ о поржесивѣ своемъ, наспоющемъ или мечпашельномъ, попому что въ насъ не было ни стыда, ни боязни: и такимъ образомъ обезславили множесство чеспныхъ женъ и дѣвицъ, понося ихъ безжалостно; ошъ чего многія изъ нихъ поспрадали и лишились добраго имени.« Пришедши въ зрѣлый возрастъ, Жофруа съ ужасомъ и горестію вспоминалъ о проказахъ молодоспи, и боялся вліянія общей безнравспвенности на своихъ дочерей. И такъ онъ возвратился домой, швердо рѣшившись написать книгу, копорал могла бы предосперечь ихъ ошъ соблазна; свойспвенныхъ женскому полу заблужденій и господспвовавшихъ въ то время пороковъ.

У Ландри, въ Анжуйскомъ его замкѣ, жили два священника и два писца. Ихъ по и посадилъ онъ за работу, по еспь, велѣлъ имъ выбирать изъ всѣхъ рукописей, составлявшихъ его библиотеку, полезныя примѣры, анекдоты и нравоученія, долженспвовашия составить предположенную имъ книгу. Онъ предпочелъ прозу спихамъ, копорые, по его мнѣнію, были слишкомъ распянуты и не споль вразумительны. Эта-по книга познакомишъ насъ съ нравами и общеспвленнымъ быпомъ

женщинъ четырнадцатаго столѣтія. Если въришь рыцарскимъ романамъ и общему образу мыслей тогдашняго времени, слабому полу оказывалось тогда глубочайшее уваженіе. Управляя изящными искусствами и покровительствуя имъ, занимаясь музыкой и поэзіей, вдыхая великіе подвиги и высокія, спройныя пѣсни, женщины за пять предъ симъ вѣковъ, какъ увѣряютъ, занимали въ обществѣ мѣсто несравненно выше того, которое предоспавлено женамъ нашимъ и дочерямъ.

Все ложь и выдумка. Современницы Господина де ля Туръ по большей части не знали грамоты, какъ онъ самъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ объявляешь; дѣвушка, скоро и чепко писавшая, почипалась чудомъ. Ландри жалуется на нескѣжество, въ копоромъ оспавляли женщинъ. Онъ хочешь, чпобъ ихъ учили чипать, но полагаешь, умѣнье писать пагубнымъ для мужей искусствомъ; и поному оно исключено изъ его плана воспитанія, въ соспавъ коего входять полько: чпненіе нравоучительныхъ книгъ, шипье, пѣніе псалмовъ, хирургическія свѣденія и поваренное искусство.

Изъ словъ его и наблюденій видно, чпо дѣвчды знашнаго рода никогда не воспитывались въ родителескомъ домѣ. Ихъ обыкновенно поручали наспойшельницѣ монастыря,

или женѣ какого нибудь вельможи, высшаго, чѣмъ родилели ея, званія. Женщины не только были чужды педантизма; но даже, по словамъ Ландри, рыцари часто отказывались отъ брака съ молодыми, прекрасными собой и богатыми дѣвцами, единственно по тому, что онѣ знали грамоту. »Дѣйствительно—говорить де ля Туръ — ихъ учатъ по книгамъ, открывающимъ все тайны любовной науки; по безнравственнымъ романамъ, сладострастнымъ повѣстямъ, и другимъ сочиненіямъ, имѣющимъ въ предметъ одну любовь и суешу житейскую.« Ландри не только запрещаетъ дочерямъ своимъ чтеніе подобныхъ книгъ, но просираетъ спростъ сію гораздо далье, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ.» Поспирись чаще, дѣпи мои«—говорить онъ дочерямъ—» полный желудокъ удаляетъ смиренныя, благочестивыя мысли. Присутствуйте, сколько возможно чаще, при служеніи въ храмахъ Господнихъ. Покуда не выйдете за мужъ, совѣную вамъ посидитесь дня три въ недѣлю: этимъ среднвомъ умерившите вы спрости ваши и предстанете на служеніе Богу чисты и непорочны. Еслижь трудно будетъ вамъ питаться однимъ хлѣбомъ и водою, воздерживайтесь по крайней мѣрѣ отъ всякой живности.«

Женщины и дѣвцы вели себя тогда въ

церквахъ очень дурно. Ландри сильно упрекаетъ ихъ въ неблагоприспособности поведенія и разговоровъ. Въ это набожное время, рыцари приходили въ церковь съ борзыми собаками, женщины со слугами, у кошорыхъ на рукахъ сидѣли соколы, и такимъ образомъ превращали домъ Божій въ рынокъ или поштыное сборище. Тамъ смѣялись и разговаривали; у подножія алтара заключались любовныя связи: церковь служила удобнѣйшимъ поприщемъ чесполобно мужчинъ и кокепшву женщинъ. Они, во время службы, прогуливались взадъ и впередъ, назначали поединки и любовныя свиданія. Такъ было до реформаціи; и теперь еще, въ книгахъ шестнадцатаго столѣтія, находимъ доказательства сей неприличной, прошивной вѣрѣ свободы. Послушайте, что говоритъ Барклай, сочинитель известной Аргениды:

Служенье началось; священикъ алтара
 Возвысилъ гласъ; но въ Божій храмъ полною,
 Взошли вельможи, шумно межъ собою
 О женщинахъ и скачкахъ говоря,
 И въ рынокъ домъ Господень превратили
 И заглушили пастыря: один
 О буйствахъ прошлой ночи говорилъ,
 Другіе взоромъ взоры дѣвъ ловили
 Смѣялся и ссорился онъ—
 Шумъ, говоръ, смухъ и смѣхъ! — А служба
 что же? —

До службы ли богатому вельможѣ!

»Дѣши мои«—говоритъ по сему случаю Лан-

дри—»не подражайте женщинамъ, которыя, вмѣсто того, чшобъ со вниманіемъ слушаютъ слово Божіе, вершались по споронамъ: онѣ больше похожи на щебешливыхъ сорокъ или разврашвиць, нежели на женщинъ честныхъ и набожныхъ. Не посмащривайте на молодыхъ господчиковъ черезъ плечо или сквозь пальцовъ. Взоръ вашъ долженъ бытъ покоенъ, скромень и швердъ; не спарайтесь пѣлодвиженіями обрашнть на себя вниманіе людей; спойте спепенно; а если и нужно обернунтсь, повернитесь не одной головой, но вѣмъ пѣломъ, чшобъ не почли васъ за вѣпрениць.»

»Я помню«—продолжаетъ онъ—»какъ не соспоялся бракъ дочери Датскаго Короля съ однимъ изъ Англійскихъ Принцевъ, потому единспвенно, что онъ замѣшилъ, въ ней желаніе нравиться; замѣшилъ, что она моргаетъ гмазками, громко хохочетъ и опвѣчаетъ, не выслушавъ, о чемъ ее спрашиваютъ; да и самъ я не женился однажды почти по такимъ же причинамъ. Пріятель мой намекнулъ мнѣ объ одной благородной дѣвушкѣ, хорошаго дома, и совѣщовалъ на ней женишсь. Отець мой повезъ меня къ ея родителемъ; насъ приняли пышно, и отецъ оспавилъ меня съ ней наединѣ, чшобъ я ознакомился съ образомъ мыслей ея и рѣчей.»

»Мы заговорили о содержащихся въ город-
Телеск. Ч. IV.

скихъ тюрьмахъ , которыя тогда Англичане порядкомъ набивали, и я сказалъ ей: «а что, сударыня, счастливъ плоть, кто, въ военное время , попался бы къ вамъ въ плѣнь : ему вѣрно веселѣе было бы, чѣмъ въ тюрьмѣ у Англичанъ!» А она, посмопрѣвъ на меня, отвѣчала: «есть человекъ , котораго я хотѣла бы имѣть своимъ плѣнникомъ и берегла бы, какъ собственное мое тѣло.» Потомъ забывъ стыдъ и скромность , приличныя дѣвицѣ , спала просить меня приходилъ къ ней почаще. Я изумился, потому что она до тѣхъ поръ ни разу меня не видала, и знала вѣроятно , что меня хотѣли на ней женить. Когда мы повхали, отецъ спросилъ; какого я мнѣнія о невѣстѣ? И я отвѣчалъ , что не смотря на умъ и богатство , не хочу имѣть ее женой, потому что она въпрена и несостоятельна: чему въ послѣдствіи времени былъ очень радъ ; ибо не прошло году, какъ она подтвердила въпреность свою и легкомысліе очевидными доказательствомъ.»

Женщины среднихъ вѣковъ , которыя какъ видно, не изъяты были отъ слабостей , свойственныхъ настоящему времени , были еще пристрастнѣе нашихъ къ роскоши и щегольству уборовъ : эпидемическая болѣзнь эта продолжалась отъ одиннадцатаго до шестнадцатаго столѣтія , и обратила на себя вни-

маніе законодапельства , особенно въ Англіи , гдѣ она доходила до изспуленія . Тамъ правительство принуждено было издаць законъ ; впрочемъ оставшійся безъ дѣйствія , для положенія границъ распочительности , производившей опть глунаго шщеславія . Въ 1363 году , какъ видно изъ прошенія , поданнаго Депушатами въ Парламентъ , всѣ классы людей въ Англіи присвоивали себѣ одѣяніе классовъ высшихъ . Слуги одѣвались оруженосцами , оруженосцы рыцарями , рыцари принцами . Мѣры правительства къ прекращенію сей роскоши были сполько же несправедливы въ отношеніи къ частнымъ лицамъ , сколько безразсудная распочительность ихъ была вредна и доспойна порицанія . Оно входило въ малѣйшія подробности частной жизни ; опредѣляло мѣру пищи ; однимъ запрещало употреблять мясо два раза въ день ; другимъ не позволяло ѣсть дичины ; слуги не смѣли носить плащя , цѣною выше двухъ маркъ , а жены ихъ покрывали дороже двѣнадцати денежекъ . Ремесленники обязаны были ходити въ сукнѣ , спюющемъ не болѣе сорока денежекъ , шейкъ и серебро , шитье , эмаль , мѣталлическія пуговицы , кольца , перстни , подвязки и цѣпи были имъ запрещены , а жепамъ ихъ не позволялось носить мѣховыхъ одеждъ . Оруженосцы , не имѣвшіе спа-фунтовъ сперлинговъ дохода , и граждане , кацшпаль которыхъ не про-

спирался до двухъ сотъ фуншовъ сперлинговъ, имѣли право употреблять на плашье чепыре съ половиной марка, но не смѣли носить ни шипья, ни серебра, ни золота, ни мѣховъ. Оруженосецъ, получавшій доходу сто фуншовъ сперлинговъ, и гражданинъ, имѣвшій капиталу двѣсти фуншовъ, могли носить шелковыя манеріи и серебро, но не золото: женамъ ихъ дозволялось ходить въ мѣховыхъ одеждахъ, но качество мѣха опредѣлялось закономъ, который давалъ право рыцарямъ, получавшимъ доходу двѣсти фуншовъ сперлинговъ, употреблять на свое одѣяніе шесть маркъ, но безъ золота и горноспая; особенно же и строго запрещено было вышивасть плашье жемчугомъ. Наконецъ, тысяча фуншовъ годоватаго дохода давали право одѣваться во что угодно, кромъ горноспая, предоставленнаго однимъ Королемъ и Принцамъ. Приказные, по соразмѣрности ихъ сословія, подходили подъ одни правила съ рыцарями. Ремесленники низшихъ званій, поденщики и мызники обязаны были носить плашье не иначе какъ шерстяное, или изъ полешой холстины. Въ харшіяхъ Парламента а) сохранились законы сіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очевидныя доказательсва невниманія къ нимъ. Ихъ никогда не выполняли:

а) Roles of Parliament. Т. II. 278, 281, 286.

каждый классъ общества, по прежнему, издерживалъ большую часть доходовъ на одежду; въ особенности женщины, спаравшіяся занимѣвать другъ друга. Кто повѣритъ, что въ эпоху полупросвѣщенный вѣкъ, моды были также переменчивы, и столько же дороги, какъ въ наше время? Вотъ что говоритъ объ нихъ Жофруа Ландри, спаринный писатель:

»Жены наши говорятъ ежедневно мужьямъ своимъ: на такой-то и такой-то прекрасныя платья и имъ къ лицу; прошу тебя, закази мнѣ такоеже; и если мужъ отвѣчаетъ: пусть ихъ одѣваюся, какъ имъ угодно, но благоразуміе, не подражай имъ—жена говоритъ: посмотри, какъ такое платье ко мнѣ пристанетъ; онъ не умѣютъ надѣть его, какъ надо—и ласками, да просьбами заславляешь наконецъ мужа исполнить ея желаніе; иначе не дастъ ему покоя. Правду сказавъ, женщина найдетъ больше словъ и доводовъ, чѣмъ искуснѣйшій стряпчій; и на кого нападешь, шопъ олъ ней не опдѣлается.«

Женщины имѣли обыкновеніе весьма долго убираться, что доказываютъ многіе анекдоты, переданные намъ Ландри, и между прочими анекдотъ о племянницѣ, копорой дядя принесъ пышный подарокъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ платьевъ; но, какъ племянница его слишкомъ долго одѣвалась, шо онъ вышелъ

изъ перспійя, взялъ ихъ съ собой обратно и подарилъ другой дѣвушкѣ. Жофруа Ландри передалъ намъ также другую достопримѣчательную и странную легенду. Въ ея содержаніе: молодая женщина умерла; душа ея поднялась къ небу. У подножія престола Верховнаго Судіи, Св. Михайлъ и Діаволь заспорили о душѣ усопшей. Нечистый держалъ вѣсы, положивъ на одну сторону душу со всеми добрыми ея дѣлами, а на другую прегрѣшенія покойницы, и говорилъ Архангелу: «видишь ли, что она мнѣ принадлежитъ. У ней было десять цвѣтныхъ платьевъ, и столько же юбокъ; а одно изъ нихъ достапочно было бы для прокормленія тридцати нищихъ, умершихъ отъ холода и голода.» Сказавъ сіе, Діаволь склалъ наряды умершей шуда же, гдѣ были ея прегрѣшенія. Тогда Архангелъ Михайлъ положилъ на другую сторону благодѣанія ея, умерщвленіе плоти, посты и проч., и вѣсы пришли въ равновѣсіе. Но Діаволь достпалъ связку перспней, ожерелей, серегъ, которыя надарилъ ей любовники, за что, не скажемъ. Тогда худая сторона переплнула: сапана схватилъ грѣшницу, съ ея планьями и драгоценностями, и бросилъ все вмѣстѣ въ преисподняго, въ огонь неугасаемый.

Страсть къ роскоши заразила все сословія. «Служанки даже—» говоритъ Жофруа—

«опускають воронники и края одежды своей мѣхомъ, спускающимся по спинѣ ; еслибъ могли, шю и самые каблуки обшили бы мѣхомъ, нужды нѣтъ, что онъ загрязнился бы. А грудь носятъ разкрытою, что вредно для здоровья и въ лѣтнюю и въ зимнюю пору. Лучше бы имъ закрывать грудь шѣмъ мѣхомъ, который носятъ на ногахъ, безъ всякой пользы.»

Несовершенство фабрикъ, малочисленность издѣлій и общепринятое мнѣнiе, что пышность одежды составляетъ ея красоту, необычайно возвысили цѣнность одѣжнiй, которыхъ, не взирая на законы и посповѣденiя, украшались жемчугомъ и золопомъ. Одно платье стоило обыкновенно чепыреста или пять сотъ франковъ на наши деньги. Не было иного средства блеснуть пышностию и богатствомъ : о пшаврѣ тогда не имѣли понятiя, художествами не занимались ; зодчество, ваянiе, живопись были еще въ дѣтствѣ. Роскошь и вкусъ, царствующiе въ домахъ зажиточныхъ людей нашего времени, были въ прошъ вѣкъ вовсе неизвѣстны. Мы теперь верно не согласились бы жиць въ обширныхъ, мрачныхъ пемницахъ, съ желѣзными рѣшетками, съ полами, успланными соломой и лисьями, вмѣстѣ ковровъ, въ которыхъ жили весь вѣкъ свой первые вельможи чепырнадцатаго столѣтiя. Толны слугъ,

необходимая принадлежность каждого знатнаго дома, пипались произведеніями земли, и почпи ничего не спюили. Сльдспвенно щегольство одежды было единспвеннымъ средспвомъ блеснушь, распочашь и кичишься. Рыцари и дѣвицы, не нося рубашекъ, одѣвались въ шелкъ, золотые галуны и драгоценные камни.

Къ сей пышности, управляемой тщеславіемъ, а не вкусомъ, присоединялась свобода обращенія, вредная для нравспвенности. Мужья рѣдко показывались вмѣспь съ женами. Молодые женщины, безъ покровишеля, безъ зашпшы, присуспспвовали при шумныхъ сборищахъ холоспныхъ рыцарей и оруженосцевъ, копорые починнали долгомъ и славой соблазняшь легко-вѣрныхъ красавиць. Такимъ образомъ честь женщинъ, даже самыхъ добродѣтельныхъ, подвергалась искушеніямъ, и, если вѣришь Жофруа Ландри, цѣломудріе было весьма рѣдко. Между тѣмъ какъ мужъ находился на войнѣ, или при Королевскомъ дворѣ, супруга его посѣщала игры и респалища, ѣздила по сосѣднимъ замкамъ и сама давала роскошные пиры и обѣды. Вотъ причина скепшицизма на счетъ женской добродѣтели, скепшицизма, отражающагося во всѣхъ сочиненіяхъ того вѣка и вполнѣ доказывающаго всеобщее развращеніе нравовъ. Тогда, какъ въ развращенныя времена падающей монархіи, ревность дѣлала мужа

посмѣшищемъ людей и доброе имя самой скромной женщины могло быть опозорено щеславіемъ самохвальнаго вѣпреника. Часомъ въ концѣ пиршества пушили свѣчи и тогда, говоришь Ландри, Богъ знаетъ, что происходило. »Берегись, дѣши мои« — продолжаетъ онъ—»берегись подашь поводъ къ злорѣчію; въ эти опасныя минушы имѣйше всегда близъ себя покровителя близкаго или родственника; пошому что во Франціи множество лгуновъ, готовыхъ хвалишься благоклонностью дѣвиць, не обращавшихъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія, а женщины, поведеніемъ своимъ, подають поводъ вѣришь всему, что ни скажутъ о нихъ дурнаго.«

Прочтите Кнейгпона и Халкондила, и увидите, что нравы Англичанъ совершенно сходны были съ описываемыми въ книгѣ Жофруа Ландри, и что въ Англіи господствовала такая же безнравственность, какъ и во Франціи. »На каждое ристалище или турниръ—« говоришь Кнейгпонъ — »сѣзжались верхомъ женщины, въ великолѣпныхъ мужскихъ одеждахъ. Иныя, ослѣпительной красоты, имѣли на себѣ цвѣтныя туники, короткія юбки, шапочки унизанныя дорогими камнями, золотые или серебряные поясы, небольшіе кинжалы и сумки. Тутъ онѣ промашывали деньги съ менеспредями и рыцарями; забывали до-

бродѣтель въ своевольномъ ихъ обществѣ и упопали въ удовольствіяхъ; а посмунали пакъ знашнѣйшія въ Королевствѣ женщины. « Халкондиль удивляется глупости мужей въ Англіи. Чтобъ оплучиться изъ супружняго дома, женѣ спило только сказать, что она отправляется на богомолье по обѣщанью; и ни-кто не смѣлъ прекословить. Послѣ чего она уѣзжала, не рѣдко одна, и куда, Богъ знаетъ. Такъ проводили жены по нѣскольку дней, да-же недѣль, внѣ своего дома, наслаждаясь пол-ной свободой и не боясь нареканій.

Таковы были нравы эпого вѣка. Не взирая на сильное вліяніе католической вѣры, обы-супружества впали въ пренебреженіе; чичиз-бейство водворилось въ семействахъ. Каждая замужня женщина имѣла своего прислужни-ка; къ ней безпреспанно являлись нѣжные угодники, какого бы званія, нрава и сана ни была она: отказывавшись оныхъ услугъ почи-палось смѣшнымъ и спрааннымъ. Соображаясь съ обычаемъ, она обязана была выбрать од-ного чичизбейа изъ всѣхъ своихъ обожаемыхъ. Чаусеръ рассказываетъ, какъ достойную замѣ-чанія диковинку, что прекрасная Герцогиня Ланкасперская приняла непреодолимое отпра-щеніе къ этому обыкновению.

А ей подобной не видать:

По чесни, Герцогиня диво!

Встрѣчалъ взоръ ея спѣсивой
 Предъ ней любовникъ замолкалъ.
 Всегда одна и молчалива,
 И на устахъ улыбки нѣтъ
 На страстный юношей привѣтъ.
 По чести, Герцогиня диво!

Мужья смотрѣли безъ удивленія, безъ досады на обожаемыхъ, ровнившихся кругомъ ихъ женъ. По тогдашнему, это означало вѣжливость; и какія бы изъ того ни вышли послѣдствія, должно было согласоваться съ обычаемъ. Халкондиль, по собственному его увѣренію, имѣлъ добродѣтельную жену и подражалъ всеобщему примѣру, покуда нѣкопорыя непріятныя сомнѣнія не возмущили его супружескаго счастья. Вотъ разговоръ его съ женою:

«Могу ли бытъ увѣренъ, что ты всегда была мнѣ вѣрна душой и шѣломъ, и никогда, никого, кромѣ меня, не любила?»

—«Я думаю, что еслибъ я сказала тебѣ сущую правду, ты и тогда мнѣ не повѣришь. Правда, я часто слыхала любовныя объясненія. Мужчины тысячу разъ начинали опровергаться мнѣ въ спраски, но я всегда останавливала ихъ и заводила рѣчь съ другими.»

—«Эти господа»—продолжаешь жена—«гово-

ря намъ о любви своей, только припворствуююпъ, чпобъ обратишь на себя вниманіе и прослышь счасливцами, копорымъ ни одна женщина не въ силахъ пропивишься. Они нарочно испускаюпъ тяжелые вздохи; задумываюпся, и опомнившись, бросаюпъ лукавые взгляды. Иная добросердечная женщина, видя ихъ спраданія, и въ самомъ дѣлѣ подумаешъ, что они спрастно влюблены. Ничего не бывало: единственное ихъ желаніе обманушь и соблазнишь. Кто испинно любишь, шопъ боишься оскорбишь любимую имъ женщину или повредишь ея славу.»

Не взирая на снисхожденіе свое къ безнравственности и вертопрашесству женъ, мужья были грубы и властлюбивы. Жофруа Ландри нравицца эшо феодальное обращеніе мужей съ женами; онъ полагаешъ даже нужнымъ по временамъ давашь имъ ручныя наспавленія. По его мнѣнію, мужъ долженъ бышь господиномъ и главою; въ доказательство чего приводишь онъ льва, «копорый, разсердясь за что-нибудь на львицу, переспаетъ смотрѣшь на нее и день и ночь дуешся.» Ландри правъ, по разительному сходству мужей чешырнадцатаго столѣтія съ дикими звѣрями въ ихъ логовищахъ. За малѣйшее непослушаніе, за шѣнь неудовольствія, мужья колошили высокомошныхъ супругъ своихъ. Жофруа объявля-

еще дочерямъ о участи, ихъ ожидающей, что это неопытаемое супружное право, и что рыцарь, закованный въ спаль, имѣетъ полную власнь надъ женою, въ живопѣ и смерти. »Я знавалъ женщину«—говоритъ онъ—»сердипую и спорщицу, копорая безпреспанно при чужихъ людяхъ противорѣчила мужу, а мужъ былъ храбрый рыцарь. Однажды, разсердясь на жену за крупной ея нравъ, онъ преснулъ ее кулакомъ и повалилъ на полъ. Потомъ спалъ попшапъ ногами, и избивъ лице шпорами, такъ ее изуродовалъ, что она до самой смерти никуда, отъ спыда, не могла показаться.«

Такъ-то поступали храбрые рыцари; вопъ что называлось въжливоспю того времени! Никто не сомнѣвался въ правахъ мужа бранишь, ругашъ, бишь, увѣчишь жену, сколько душъ угодно. Прекрасныя правила эти выполнялись въ почности, и раздраженный супругъ не щадилъ своей половины.

»Въ нашемъ краю—« продолжаетъ Жофруа—»жила женщина, копорая, не смопри на прозбы и приказанія мужа, никакъ не хотѣла сдипься съ нимъ за споль и ѣспъ вмѣспѣ. Что онъ ни дѣлалъ, что ни говорилъ, все напрасно! Однажды, пообѣдавъ, велѣлъ онъ позвать паспуха, ходившаго за спадомъ свиной, и послалъ на споль тряпку, копорой

выпирала посуду на кухню. Когда подали кушанье, посадил он паспуха за столъ, приказавъ женѣ своей ѳсть съ нимъ изъ одного блюда: »за то, что ты не хотѣла обѣдаться съ мужемъ, возшь себя свинопасъ въ товарищи! « Она обливалась слезами; но мужъ не сжалился и, посшавивъ на своемъ, наказаль ее жестоко, но справедливо.»

Эта низкая жестокость, это злоупотребленіе силъ пѣлесныхъ съ одной стороны и униженіе съ другой, соспавляли характериспическую черпу всѣхъ сословій общеспва. Слѣдспвенно, по словамъ Жофруа, женщины были вмѣстѣ набожны, моповки, въспрены, бишпы и презираемы. Не полько мужья, но и цѣ даже, копорымъ законы не давали во все на нихъ права, обращались съ ними съ грубоспнїю совершенно пропивоположною рыцарскому великодушїю, копорому мы удивляемся въ романахъ. Послѣдуемъ за Жофруа въ госпиную шогдашняго времени.

»Дѣвица, дочь благороднаго рыцаря, въ домѣ отца своего, играла въ шашки съ молодымъ дворяниномъ, въ присутствїи множеспва гостей. Въ цгрѣ они заспорили объ одномъ невѣрномъ ходѣ; дворянинъ, въспренный и упрямый, ушверждалъ свое, а дѣвица назвала его глупцомъ. Споръ дошелъ до колкостей; она переспала обращать вниманїе на игру,

и проиграла. Тогда я, наклонясь, шепнулъ ей: »не сердись, или вамъ же будетъ неприличность. Вы знаете, что онъ сварливъ, дерзокъ и вспыльчивъ; прошу васъ, ради собственной чести вашей, не связываться съ нимъ. « Я совѣщывалъ ей, какъ бы родной дочери или сестрѣ; но она не послушалась, продолжала всячески раздражать его, и сказала наконецъ, что онъ негодяй, холопъ, и тому подобное. »Я больше спѣю въ мужчинахъ, чѣмъ ты въ женщинахъ—« опвѣчалъ піотъ. »Лжешь!« возразила дѣвушка. Вспыливъ еще больше, они кончили ужасною бранью и проклятіями. Дворянинъ упрекнулъ ее тайнымъ, ночнымъ свиданіемъ съ однимъ изъ его знакомыхъ; и когда взбѣшенная дѣвица спала запершись, назвалъ ей время, мѣсто и свидѣтелей. Такимъ образомъ она лишилась добраго имени, и кто не зналъ прежде, узналъ теперь о ея дурномъ поведеніи. »Чтожь!« говорили рыцари: »она сама подала на себя оружіе; лучшебъ молчать, а не сердить сумасшедшаго. « Дѣвица же, обливаясь слезами, дрожа отъ злости и разпрепавъ волосы, продолжала бранить дворянина, и покрыла себя такимъ стыдомъ, котораго, хоть сто лѣтъ живи, не смоешь.»

Ужасно ознакомилъ съ существованіемъ нашихъ древнихъ, такъ беспыдно хваленыхъ

нравовъ, и видѣть карпины рыцарской вѣжливости безъ покроя. Происшествіе это приводитъ Жофруа къ одному только размышленію, а именно, что благоразумная женщина не должна подвергаться дерзостямъ безразсуднаго человѣка. Онъ не оуждаетъ ни грубости молодого дворянина, ни его неприличнаго доноса, ни дурнаго поведенія дѣвушки. Это характеристическія черты; и—если подобныя сцены не вселяютъ ни удивленія, ни отвращенія, то произнесенъ приговоръ цѣлому вѣку. Да и какъ было не возникнуть такимъ нравамъ изъ варварскаго, суевѣрнаго, феодальнаго полупросвѣщенія, подавлявшаго тогдашнюю Европу?

Книга Ландри, основанная на практическомъ, здоровомъ разсудкѣ, и между тѣмъ обнаруживающая на каждой страницѣ слѣпое суевѣріе, показываетъ отличную его способность къ повѣствовательному слогу и наблюдательный прочный взглядъ на предметы. Самая смѣсь общежитейской разсудительности и суевѣрной поэзіи служитъ оппечаткомъ вѣка, въ которомъ онъ жилъ. *Романъ о Розѣ (roman de la Rose)*, *Сказки Чаусера* можно причислить къ сатирамъ; но здѣсь, въ этомъ практическо-нравственномъ сочиненіи, написанномъ для женщинъ, мы видимъ вѣрное, хотя и непривлекательное зеркало

состояніи прекраснаго пола въ блестящія времена рыцарства.

изъ RETROSP. REVIEW.

VI.

ИСТОРИЯ РУССКАГО НАРОДА

ТОМЪ ТРЕТІИ

ЗАМѢЧАНІЯ а)

Публика по двумъ первымъ томамъ этой исторіи знаетъ уже, чего можно ожидать отъ слѣдующихъ; никакъ разбиратѣ вновь вышедшій третій ученымъ образомъ, по-

- а) Издашель надѣялся помѣстить въ *Телескопъ* полную рецензію *Г. Погодина*, но получивъ отъ него сіи замѣчанія, при слѣдующей запискѣ: «Вы желаете, чтобы я разобралъ третій томъ такъ называемой *Исторіи Русскаго Народа*. Правда въ *Московскомъ Вѣстникѣ* я обѣщавъ публикѣ представлять отчеты объ этомъ смѣшномъ произведеніи — но это была шушка. Мнѣ становился уже скучно заниматься подобнымъ вздоромъ и на досугѣ. Не совѣтую и вамъ упоминать объ немъ въ вашемъ *Журналѣ*. Ученые, образованные люди давно ужъ знаютъ шишу по полету, а толковать прочимъ—какая польза? Впрочемъ, чтобы удовлетворить хопл отчаспи вашему желанію, я переписывалъ книгу и опмѣшивъ кое-что карандашемъ. Посыляя вамъ сіи опмѣтки, предоставляю ихъ въ полное ваше распоряженіе.» (*М. Погодинъ*. Авг. 28).—Совершенно соглашавъ съ *Г. Погодинымъ*, я не стелъ нужнымъ дополнять сіи замѣчанія и помѣщаю ихъ такъ, какъ онѣ получены. Охотникамъ будетъ надъ чѣмъ позабавиться. *Изд.*

казываешь, как авторъ не понимаетъ главныхъ вопросовъ исторіи, искажаешь событія, нарушаешь порядокъ повѣствованія, криво толкуешь о дѣйствующихъ лицахъ—было бы излѣшше. И такъ уже прежніе рецензенты получили отъ нашихъ либераторовъ нѣсколько упрековъ за то, что въ своихъ разборахъ—(Моск. Вѣст. и Вѣст. Евр. 1830)—употребляли часомъ тяжелую артиллерію тамъ, гдѣ довольно было мѣлкой дроби. Желая удовлетворить ихъ, рецензентъ въ преній томъ будетъ стрѣлять самою мѣлкою—*собственными словами автора.*

Заглавіе: Исторія Русскаго народа. Книга III *Отъ перенесенія Великаго Княжества (разумѣется Андреемъ Боголюбскимъ) во Владиміръ Зальскій до нашествія Монголовъ. (Отъ 1157 до 1236 года).*

А въ изложеніи содержанія чпнается вотъ что: «Глава I. Андрей, сынъ Георгія, властитель Суздаля; борьба Олеговичей и дѣшей Ростислава за Кіевъ; Андреева система политическаго Единовластія, онъ покоряетъ Кіевъ, переноситъ великое Княжество въ Суздаль или Владиміръ Зальскій» (с. 7) Это было въ 1169 году.

И такъ великое Княжество перенесено во Владиміръ въ 1157 и 1169 годахъ!!!

Первыя снроки въ первой главѣ: «Приступая къ изображенію періода удѣловъ въ Исторіи Русскаго Народа, мы олвергли не-

Но далье: «Что видѣлъ Мстиславъ окрестить себя? Города въ пожарахъ, воспламеняемыхъ иноплеменниками, призываемыми роднею

праведливую мысль, что сей періодъ былъ въкомъ какого то безумія народнаго, какого то непонятнаго *слищенія страстей* и дѣйствии ими произведенныхъ.---Изображеніе событій (опять смерти Ярослава до смерти Долгорукаго) доказало намъ, что сей періодъ развивался въ строгихъ, неизменяемыхъ, изъ самаго начала Русскаго Народа произшедшихъ условіяхъ, по коимъ Провидѣніе всегда правитъ судьбой царствъ и народовъ» (с. 7).

на родню, братомъ на брата, или Князьями и ихъ безчеловѣчными дружинами, для защиты своего жалкаго бытія, поля запекшіяся Христіанскою кровію; панци, заросшія волцемъ, ибо воздѣлывашель ихъ погибли; междоусобія дошедшія до послѣдней степени наглости и безстыдства; клятвы едва данныя и уже нарушенныя; клеветы взводимыя одинъ на другаго; права наслѣдства пошеряныя, нарушенныя» (с. 7.) и проч. и пр. Или прежде еще. »Повѣсть о второй половинѣ періода удѣловъ рѣшаютъ намъ то, что еще кажется неяснымъ въ событіяхъ первой половины. Мы---увидимъ какъ *разгаръ страстей* доведеть до рѣшительнаго раздѣленія Сѣверъ, Югъ, всь части Руси, унизитъ характеръ однихъ до грубыхъ злодѣйствъ перваго времени Руссовъ; сдѣлаеть другихъ какими то спранспвующими рыцарями удалства и чести, умалитъ

души, испончить сердца,
и доведеть всю Русь до
кровавой бани очищенія»
(с. 14).

Остановимся на послѣднихъ словахъ автора. Изъ нихъ математически выводится, что между Великимъ Княженіемъ Боголюбскаго, коимъ начинается вторая половина удѣловъ, когда спали *мьлать души и истощать сердца*, и *грубыми злодѣйствами первыхъ временъ Руссовъ*, былъ промежутокъ, когда *характеры были добрые, нѣжныя, души крупныя, сердца полныя*.

Подъ первыми временами авторъ долженъ разумѣть періодъ отъ Рюрика до Крещенія—не иначе. Следовательно завидный промежутокъ долженъ заключаться въ первой половинѣ удѣловъ?

Но — увы! вопль какъ осудилъ ее спротивъ историкъ еще во II томѣ: «Ни что не безопасно Руссовъ и отъ естествонныхъ бѣдствій, при грубости нравовъ, невѣжествъ и униженіи обывателей. Жестокосіе, свирѣпосіе видны были во всехъ дѣлахъ Руссовъ» (II 278). Еще не описавъ ее, онъ рѣшительно предрекъ, какъ оракулъ, такое состояніе. «И такъ не могла исполниться молитва Ярослава, завѣщавшаго миру и согласіе дѣтямъ» (II , 286)? «Мы увидимъ кровавые ужасы междоусобій» (II , 8). — Но , возражать мнѣ , въ войнѣ и раздорѣ могутъ еще встрѣчаться крупныя души и полныя сердца. Нѣтъ : самъ историкъ рекомендовалъ большую часть главныхъ *представителей* этого періода , во II томѣ , какъ людей *слабыхъ* , низкихъ , только властолюбивыхъ и кровавадныхъ. *Изяславъ* , напримѣръ , былъ нерѣшительнъ ; следовалъ совѣшамъ другихъ , не имѣлъ необходимой правителью твердоси духа въ бѣдствіяхъ , слабъ (II , 288);

Олеги пожерпывалъ честолобіемъ *спокойствію*, когда у него, братьевъ и дѣпей былъ уголъ въ родимой споронѣ (II, 376); *Мономахъ* былъ совершенный эгоистъ, человекъ *хитрый*, не уважавшій ни договорами, ни совѣстью (II, 377); *Мстиславъ*, сынъ его, черъшнпелень и слабъ (II, 386), и проч. и проч. Нѣкоторые изъ остальныхъ представителей осуждены еще строже. И такъ когда же были объявленныя испоркомъ крупныя души, полныя сердца и сильныя характеры? Не въ одно ли Княженіе *Ярослава*, когда Христіанство уже было, а удѣловъ еще не было. Нѣтъ. Княженіе *Ярослава* ни чѣмъ не отличаетсѣ отъ Княженій его предшественниковъ, начиная съ самаго *Рюрика*: «Періодъ, которой мы обозрѣли, (т. е. по кончину *Ярослава*)—сказалъ историкъ—«являлъ намъ ужасы злодѣйствъ, волненія, битвы смертельныя» и пр. и проч.— И такъ напрасно по всѣмъ прѣмъ томамъ *Исторіи Русскаго Народа* будемъ мы искать даже следовъ какой нибудь крупной души, полного сердца и сильного характера.

—Замѣтимъ двѣ полипическія системы, существовавшія тогда для Русскихъ Князей: одна изъ нихъ стремилась цѣлыя области и цѣлыя поколѣнія къ искаженію надъ другими властн, облакаемой обольстительнымъ названіемъ Великаго Княжества; другая вела Князей къ образованію от-

—«Оставивъ Кіевскую область *Андрей*—(какъ удѣльный Князь еще)—шелъ съ тѣмъ, чтобы основаніе въ *Владимірѣ Зальскомъ*.» (с. 26).

дальнихъ сильныхъ Кнж-жествъ. Сію послѣднюю--
 первый понялъ вполнѣ
 Владимірко Галицкій. - - -
 Андрей Георгіевичъ рѣ-
 шился бытъ Владиміркомъ
 Суздаля» (с. 24.)

И такъ Андрей Боголюбскій слѣдовалъ иной в дру-
 гой системѣ???

— «И такъ послѣ смерти Андрея (Боголюб-
 скаго) долженствовало наследовать сынъ его Георгій
 Новгородскій по праву удѣловъ» (с. 80). Это очень ясно.
 Но на слѣдующей страницѣ испорикъ продолжаетъ:
 «могъ наследовать и старшій въ родѣ Георгія Долгору-
 каго» (с. 81).— Спрашивается какое же это было право,
 найденное испорикомъ, по которому *долженствовало*
наследовать сынъ и *могъ* старшій въ родѣ? И поче-
 му же старшій сынъ Долгорукаго, а не старшій изъ
 всѣхъ родовъ?

— «Мы видѣли Андрея
Добродушнѣмъ въ мирѣ, него-
довавшимъ на хищренія и че-
столюбіе отца. Късему при-
 совокуплялъ онъ умъ прѣ-
 мой, швердой, но дѣятель-
 ной только въ опасности;
 безпечность опцовская опи-
 зывалась и въ характерѣ
 Андрея» (с. 24).

— «Слѣдуя системѣ Вла-
 димірка Андрей, не
 давалъ удѣловъ братьямъ
 и обладалъ самъ единовла-
 стно. Изгналъ ихъ нако-
 нецъ изъ Суздальскихъ бо-
 ласней, такъ что нѣко-
 торые изъ нихъ искали при-
 спанища въ Греціи» (с. 35).

И такъ Андрей былъ честлюбивъ и нечестлю-
 бивъ!!!

Тутъ же испорикъ говоритъ: «укрѣпляя сѣлу Суздаля, Андрей думалъ, что для сего можно упопрѣблять всѣ мѣры, кромѣ злодѣйства.»—Но какое злодѣйство по погодашнимъ понятіямъ было больше, на примѣръ, шакого изгнанія, и что же было причиною всѣхъ междоусобныхъ ужасовъ, какъ не подобныя предпріятія?

— «Преемникъ Князя встрѣчалъ затрудненія, потомъ все затихало и новое движеніе опять начиналось съ его преемникомъ» (с. 90)— а между тѣмъ нѣтъ ни одной страницы, ни одного года, безъ войнъ!!!

— «Походъ 1098 года былъ послѣдній а)» (с. 42). Но память же: «Романъ въ 1204 году совершилъ нападеніе сильное и блестящее» (с. 42). «Романъ выступилъ (по просьбѣ Императора Грегескаго). Ужасно было опустошеніе земель Половецкихъ! Изгнанные, поражаемые всюду Половцы еще болѣе гибли отъ жестокой зимы» (с. 175.)

И такъ походъ 1098 года былъ послѣдній и предпослѣдній!

Святославъ (Всеволодовичъ) Кіевскій «приближаясь къ глубокой старости былъ еще дѣяшелемъ и бодръ

а) Въ примѣчаніи есть оговорка, что, Романъ не входилъ въ глубь степей Половецкихъ но развѣ по этому можно не считать похода?

духомъ и шѣломъ» (с. 136). Въ Исторіи Русскаго Народа (на с. 113) говорилось о хитрой, уклончивой его политикѣ, (на с. 109) о его пылкости, и наконецъ (на с. 157) что сей Князь почти *пятидесять лѣтъ былъ дѣйствующимъ лицомъ* въ Исторіи Русскаго Народа. Но когда умеръ эшопъ Князь, дѣйствующее лице въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, то вопъ какъ историкъ вспоминалъ о немъ при сынѣ:» Главою Олеговичей былъ уже тогда Всеволодъ рязкій, сынъ *Святослава Всеволодовича, кнѣзюшнй* подобно отцу, но больше его жестокосердый и безсовѣстный» (с. 175).

— «Неуважал печали дѣтей (Святославъ) пощасъ по кончинѣ дяди своего хотѣлъ захватить *Черниговъ*» — (и захватилъ). » Чувствуя себя довольно сильнымъ, *Святославъ* спѣшилъ воспользоваться кончиною Мстислава храбраго: онъ предложилъ *Новгородцамъ* сына своего Владиміра — вздумалъ изгнать Ростиславичей изъ *Кіевскихъ* областей — ходилъ на *Суздаль*, но неуверенный въ успѣхъ отступилъ безъ сраженія отъ войска Всеволодова, жегъ *Дмитровъ*» (с. 106). «Пощомъ ходилъ онъ еще на Ростиславичей—требовалъ только *Кіева*» (с. 117)—и получилъ. Далѣе (на с. 154) описаны приязанія его на Галичъ послѣ смерти Романа. Слѣдовательно не было почти ни одного важнаго города въ Россіи, на которой бы *Святославъ* не льялъ приязанія по словамъ историка. И такъ какой же системѣ слѣдовалъ эшопъ Князь? Что думаетъ читатель? Вопъ какой: *Святославъ*» — (при переговорахъ съ Всеволодомъ о Рязани) — «щцательно *соблюдалъ свою систему уступчивости*» (с. 114). !!!

— «Опыпомъ узавши опасноснѣ самовласпія, *Георгій* ннхо и поспоянно слѣдовалъ правиламъ опца своего (*Всеволода*)».

— *Всеволодъ Георгіевичъ* названъ Русскимъ Лудовикомъ XI (с. 189)!!

— «Союзники послали звать на Галицкое Княжесство» — (мимо многихъ претендентовъ) — «сына *Всеволодова, Ярослава*» (с. 189). Уже 55 года властвовалъ Всеволодъ. Правда обласпи Владимірскія были крѣпки подъ его рукою; Булгары и Половцы не смѣли впадать въ его земли; города и селенія безопасно умножались по берегамъ Волги и Клязьмы» (с. 205).

И между тѣмъ, смѣясь надъ словами Карамзина о *Всеволодѣ*: «сильный, вообще уважаемый» — историкъ восклицаетъ: «но гдѣ же являлась сила *Всеволода* и кто уважалъ его?»

Продолжая смѣяться надъ Карамзинимъ, историкъ Русскаго Народа говоритъ: «Карамзину казались времена Ярослава и Изяслава I еще продолжавшимися во времена Романа. Говоря о Всеволодѣ Георгіевичѣ, онъ ни гдѣ не упускаетъ прибавленія *Великій Князь*, и думаетъ, или по крайней мѣрѣ говоритъ о немъ, какъ о дѣйствительномъ Князѣ» (с. 176); а между тѣмъ (на с. 178) приводитъ вопшъ какія слова самаго Романа: «Но я самъ не смѣю располагать Кіевомъ, говорилъ Романъ (сильный маспичель Галица и Вольши). Князь Всеволодъ Георгіевичъ швой и мой опецъ и господинъ. Пошли къ нему.

Я спану умоляю егѣ, чшобъ онъ отдалъ тебѣ Кіевъ по прежнему. «Вообще эта часть книги (возраженія Карамзину) всего забавнѣе: новый историкъ въ шекспирѣ на примѣръ возражаетъ Карамзину, а въ примѣчаніи съ нимъ соглашается, или на оборотъ. Напр. въ пр. 151 (на с. 170) онъ смѣется какъ бы надъ словами Карамзина, что «Поляки возвели сію Романъ на престолъ Галицкой»; и шущъ же почти (на с. 174) говоритъ: «все состояло въ томъ, что Романъ взялъ дружины Польскія на помощь.» На что же больше? Въ шекспирѣ же и еще утвердительно: «Романъ употребилъ для овладѣнія Галичемъ то же средство, которымъ Владиміръ искнилъ Княжесиво Галицкое изъ рукъ Венгровъ. Онъ выпросилъ себѣ помощь Поляковъ; съ Волинцами и Поляками Романъ вступилъ въ Галичъ».

По какому-то странному капризу историкъ вмѣняетъ себя въ особливую честь прославленіе Мстислава Мстиславича; но Карамзинъ давно уже называлъ его героемъ (III, 250). — «Не ошъ удачъ ли» — говоритъ историкъ — «произошло его прованіе *удалого*?» Но Карамзинъ давно уже сказалъ, что прилагательное *удалый* значить счастливый.

Но по ли еще? «Безъ справедливаго негодованія нельзя читать, когда Карамзинъ» — (Г. Полевой безъ справедливаго негодованія не можетъ читать словъ Карамзина — Г. Полевой!!!) — «когда Карамзинъ при гробѣ Мстислава, говоритъ, что онъ былъ Князь, слабый характеромъ, во многихъ случаяхъ неблагоразумный, игралъ хитрыхъ болръ, и виновникъ перваго бѣдствія претерпѣннаго Россією ошъ Монголовъ. Кпо же такъ безчеловѣчно терзаетъ память великаго?» — Слушайте, слушайте чи-

нашли! Этотъ періодъ, верхъ наглости, должно разобрать обстоятельно. Вопервыхъ — Карамзинъ называетъ Мстислава *героемъ*, великодушнымъ Княземъ (III 160). Потомъ предъ приведенными у Г. Полеваго словами, сказалъ: «Мстиславъ преславился, подобно отцу *заслуживъ или храброго, даже великаго.*» Неужели сими словами Карамзинъ «перзалъ безчеловѣчно память великаго?» Теперь разберемъ слова его, приведенныя у Г. Полеваго: «слабый характеромъ, игралице хитрыхъ бояръ.» Но вопль чинъ сказано въ Вольнской лѣтописи: «Судиславу (Воярину) лѣпящю подъ Мстиславомъ рече ему: «Килже! дай дщерь свою обрученную за Королевича и дай ему Галичь - - - Не можешь бо дрѣжаши самъ, а бояре не хопяшъ тебѣ. Ономужъ не хопящю даши Королевичю, но паче хопя даши Данилови, Глѣбовиче Зверемеевичю и Судиславу преиляца даши ему Данилови, рѣста бо ему: аже даси Королевичю, тогда въскощеши и можеши взлши подъ нимъ; даси ли Данилови, въ вѣки не твоя будеть Галичь - - - Галичаномъ бо хопящимъ Данила» (И. Г. Р. II, III, пр. 196). Далѣе: «Мстиславъ дастъ Галичь Королевичю Андрееви» (мимо наследника Данила, мимо всѣхъ сыновъ). Еще далѣе, собственныя слова Мстислава: «Демьяну повѣсящю съ нимъ: «сыну! сгрѣшихъ, не давъ тебѣ Галича» (И. Г. Р. II, III, пр. 326). Основательны ли слова Карамзина? Карамзинъ говоритъ еще: «не благоразумный виновникъ перваго бѣдствія, претерпѣннаго Россіею отъ Монголовъ». Но, по единогласному свидѣтельству лѣтописей, сраженіе при Калкѣ потеряно потому, что Мстиславъ желая прославиться однимъ побѣдою, не предупредилъ нѣкоторыхъ другихъ Князей о сраженіи. Повторяю: основательны ли слова Карамзина, и удерж-

жался ли хопя одинъ мой чинапель оцъ справедливаго негодованія? И что должно сказать наконецъ, когда самъ ослепленный испорикъ, въ помъ же примѣчаніи, въ кошоромъ такъ дерзко ругалъ Карамзина за основательное обвиненіе — въ помъ же примѣчаніи—говорилъ: «великій духъ *Мстиславъ* тогда упалъ и измѣнился?»—Вероятно ли это?

Вообще объ эпомъ *Мстиславъ Мстиславичъ* наговорено по многимъ мѣстамъ очень много забавнаго. На прим. (с. 204): «воображаемъ *Мстислава Мстиславича*, въ бѣдномъ Торопецкомъ его удѣлѣ, думающаго думу о судьбѣ Руси, и изыскивающаго средства совершить свои обширные помыслы.» Далѣе на нѣсколькихъ страницахъ (204—208) слѣдуетъ описаніе сихъ воображаемыхъ помысловъ съ заключеніемъ: «ипакова была мысль *Мстислава Мстиславича*, мысль, которой рѣшился онъ посвятити всю жизнь, мечъ и умъ свой». Въ примѣчаніи 195 еще прибавлено: «не думаемъ влагать здѣсь нашихъ мыслей *Мстиславу*: такъ могъ онъ самъ смотрѣть на современныя событія.» А въ слѣдующей строкѣ эпиа воображаемая испорикомъ мысль обращена въ дѣйствительную *Мстиславою*, и испорикъ спрашиваетъ уже: «такъ мысль сія запала въ душу Торопецкаго маломочнаго Князя?» и описываетъ: «мѣлописцы молчатъ: мы не знаемъ.»—Такъ за чѣмъ же онъ выдумалъ ее и можно ли выдумать чтонибудь смѣшнѣе эпиаго? Впрочемъ далѣе и еще слышимъ: «сынъ доблестнаго *Мстислава*, можетъ быть, и самъ не отдавалъ себѣ отчета въ развитіи мысли великой; можетъ быть и не умѣлъ бы дать такого отчета»??? Каково? Спустился нѣсколько опять повтораемся: «но удачи (*Мстислава*) были слѣдствіемъ глубоко обдуман-

наго плана.» (с. 204); потомъ говорился о *системѣ* политическаго состоянія Руси, которую Мстиславъ будупоначалъ въ 1212 году въ Торжкѣ и утвердилъ на поляхъ Липецкихъ (с. 289)!? Въ заключеніе выпишемъ еще одно смѣшное сравненіе отца съ сыномъ: «встановимся у гроба *Мстислава* храбраго не плакать, подобно современникамъ его, но сказать что это былъ последней Скандинавской крѣпости Князь Русскій. Все вокругъ него умалилось—духомъ, цѣлью жизни и спрасьями а); періодъ развитія высшихъ силъ духа человѣческаго не могъ еще наступить, и періодъ развитія грубой силы кончился съ нимъ на Руси б). Сыну *Мстислава* предоставлена была участь оживить своего отца, но въ духъ новаго поколѣнія в), и оживить для него только, чтобы дожить до времени глубокой тѣмы, временнаго не существованія или пляжжаго сна Руся» г) (с. 65).

Довольно! Здѣсь указаны только нѣкоторые противорѣчія, относящіяся къ главнымъ Князьямъ, представившимъ періода. Но что будетъ, если коснуться до прочихъ! Пусть читатели обращаютъ еще вниманіе на толки историка о первородствѣ и старшинствѣ, котораго онъ ни какъ не можетъ понять, безпрещанно забывая, что Князь изъ

-
- а) У кого прежде былъ великій духъ и дѣль жизни высокая?
 б) Если до него развивалась только грубая сила, то какъ же могли быть болѣе великій духъ и цѣль болѣе высокая?
 в) А чѣмъ отличаетъ духъ Мстислава отъ духа его отца?
 г) А Даниль, а Александръ Невскій? Здѣсь не знаешь, надъ чѣмъ больше смѣяться.

младшаго рода можетъ быть старшимъ по степени между Князьями всѣхъ родовъ. Здѣсь они могутъ опы- сками самыя смѣшныя промахи.

Замыслимъ нѣсколько общихъ ошибокъ *послышите*; *«Феодализмъ перенесенный изъ Скандинавіи»* (с. 9)!!! Но феодализмъ есть чуждо завоеванію. Тамъ только разви- вался онъ, гдѣ чуждые побѣждали селились между туземцами побѣжденными. Въ Швеціи, Норвегіи и Даніи а) чуждыхъ завоевателей не было; почему и феодализмъ тамъ не примѣчается. Рюсъ, первый критическій историкъ Швеціи (другъ Шлецера), сказалъ это давно въ своей Шведской Исторіи; Гизо о томъ же твер- дитъ на всякой страницѣ: а нашъ еще толкуетъ о повыхъ писателяхъ! Хорошо же онъ читалъ ихъ, хорошо понимаетъ!!

—«Князья ожидали битвы, которая рѣшила бы участь Олеговичей» (с. 166). Одна битва, поражение — могло рѣшить участь рода! Вотъ какъ понимаетъ нашъ историкъ вѣка междоусобій! и какъ измѣняетъ самъ себя!

—«Когда *Полоцки* былъ еще слѣнтъ, всего бо- лѣе онъ удерживалъ западныхъ соседей Русскихъ, обитав- шихъ между Польшею, Туровомъ, Смоленскомъ, *Полоц- комъ* (!) и Чудскими племенами, которыя занимали берега Балтійскаго моря. Сии сосѣди были древнія Славянскія или Венедскія племена: Липва, Зимегола, Лешгола, Ливь, Корсь, Япвяги, Голды» (с. 121) — Липва—Славяне!!!—Ливь, Корсь жила во внутренней страні!! Лешгола и Зимегола—(ошибка въ двухъ спискахъ вмѣ- сто Лешгола)—разныя племена!!!

—«Романъ унесъ съ собою въ могилу честь и счастье

а) Въ Даніи феодализмъ развился послѣ, но только по стра- намъ ею покореннымъ Славянскимъ и Нѣмецкимъ.

Галицкой земли» (с. 148.) Но она была счастливейше, могущественнѣе при Даниилѣ!—Какъ сей—(походъ на Половецъ 1098)—такъ и другіе предпринимаемы были оппачасни только въ оппиченіе за обиды, а болѣе изъ какого то удалства.—Походы на Половецъ до 1200 года предпринимаемы болѣе изъ удалства! на Половецъ, которые для Россіи того времени были такимиже врагами, какъ Поляки при самозванцахъ и далѣе!—

—«Мы сказали»—(но за чѣмъ же говорить въ другой разъ?)—«что два столѣтія, IX и Xе, были для всей Европы вѣкомъ перехода народовъ испребнителей древняго гражданскаго общества къ новому образованію общества. - - - Это образованіе явилось совершенно въ новыхъ формахъ: *новыхъ государствъ*, языкахъ, законахъ обычаяхъ, новой вѣрѣ! - - - Все измѣнилось; даже древніе боги»—(но вѣдь уже сказано было о новой вѣрѣ)—«пережили свое божество»—(чѣмъ же они остались?)—«они лежали въ прахъ и уступили власть своего истинному Богу.»—Эпо о вѣ IX и X мѣ, а черезъ спрокъ тоже о X и XI вѣкахъ.

—«Въ XI и XII столѣтіяхъ въ Европѣ продолжалось развитіе духа человѣческаго по новымъ формамъ. Буря, сокрушавшая міръ древній, утихла; звѣзда путеводная, показавшая»—(кому?)—«пачала поваго міра, Имперіа Карла Великаго погасла; стихіи *волновались, колебались*, и еще ничего не образовали рѣшительнаго» (с. 16). За чѣмъ же не сложить ихъ?

—«Сущность событій мы нашли въ борьбѣ *двухъ стихій гражданскихъ общества* (монархіи и церкви)» (с. 6). Кажется это очень ясно и на двухъ никакъ не обсчитывается. Но вѣшь! Нашъ историкъ продолжаетъ: «или лучше сказать *четыре*: церкви, монархіи, феодализма и народа»!!

— Русь IX и X вѣка принадлежала къ погасавшей системѣ воспока? — «Аравійскій калифатъ погасалъ въ IX и X вѣкѣ!!» —

Наконецъ и здѣсь есть pendant къ Fotii epistolis (I го) и Viardoso (II тома). Это—слово idem (тотъ же). Историкъ въ своихъ цитатахъ вышепъ оное раздвѣсти вышпо ibidem (тамъ же)!

А вотъ прежніе великолѣпные вопросы съ пороженными опвѣтами.

Вопросъ, «Опъ чего почти всегда происходило на Руси пакъ, что преемникъ Князя встрѣчалъ затрудненія на новомъ поприщѣ своемъ, и долженъ былъ бороться со множествомъ препяспивій; потомъ все запыкало, Княженіе его входило въ рядъ обыкновенныхъ событій, и новое движеніе начиналось опять съ его пресмыкомъ (с. 91)?» —

Опвѣтъ. «*Тажъ* всегда бываетъ въ обществѣ полуобразованномъ, и следспвенно смышанномъ, неспройномъ.» За симъ слѣдуютъ общія извѣстныя мѣста, а въ заключеніе повпоренъ вопросъ подъ другою формою за опвѣтъ: «въ сей борьбѣ болѣе молцный, болѣе сильнымъ умомъ поборалъ, и если этопъ болѣе молцный, болѣе сильный былъ Князь» — (а кпоже еще могъ быть?) — «по его владычеству могло продолжаться, безъ дальнѣшаго сопротивленія подвластныхъ, до его смерти. Наслѣдникъ опять дѣлался человекомъ, долженствовашимъ бороться.»

Еще вопросъ. «Чѣмъ же ршалось сближеніе Сѣвера и Юга Руси (при Святославѣ и Всеволодѣ) въ грозныхъ ополченіяхъ?» (с. 109).

Опвѣтъ. «Ни чѣмъ.» Коротко и ясно!

Вопъ замѣчательные очерки характеровъ:

— «Изяславъ можетъ быть добрый по дугъ; но имѣвшій всѣ недоспапки людей малодушныхъ» (с. 10.)

— «Свянославъ, мужествовый, не знавшій союза совѣсти съ жестокостью.»

— «Изяславъ Черниговскій былъ выродившійся Олегъ Свянославичъ а) (с. 23). Олегъ былъ храбръ, добръ, прямодушенъ, радушенъ, ласковъ, весель (Т. II, с. 305), умьренъ, благоразуменъ (с. 313), силенъ душою» (с. 324). Но въ Изяславъ не было доблестной честности Олега. Онъ опозорилъ себя гоненіемъ несчастнаго дяди, потомъ передавался всѣмъ сторонамъ, и никогда не умѣлъ выиграть многого.»— Мы видимъ, что онъ слишкомъ выродился; но спрашивается, что же въ немъ оставалось Олегова ?

— «Ярославъ, братъ Мстислава Изяславовича, уступавшій во всемъ мужественному своему брату, и неблагодушный» (с. 24).

Самый же любимый эпитетъ для Князей въ III томъ есть : *доблестный* — эпитетъ, который въпоряется безпрестанно.

Въ образчикъ языка воспорженнаго предлагаемъ нѣсколько выписокъ:

— «Провидѣніе отдѣлило міръ Востока въ зародышъ маломъ онъ міра Запада, развивавшагося въ огромныхъ объемахъ» (с. 9).

— «Основаіе (чего-то) находилось въ самомъ образованіи Русскихъ Княжествъ; *стихи* въ политическомъ оп-

(а) Вообще въ приговорахъ своихъ историкъ нашъ только что выворачиваетъ сужденія Карамзина: добрыхъ называетъ злыми, злыхъ добрыми, храбрыхъ трусами, и п. д.

нощеніи одного Княжества и одного рода Князей къ другому Княжеству, другому роду Князей: *средства, опыты конихъ тѣлѣснѣи стихій*—характеры Князей» (с. 9).

—«Если здѣсь видимъ всюду какое-то разрушеніе; паденіе, въ тоже время посмотрише, какъ *жизнь* будущаго господилась въ другихъ мѣстахъ, и не гасла, но *жилилась*» (с. 13).

—«Къ началу XIII столѣтія все пало предъ громами Вашикана; *но тѣлѣ самыя* непобѣдимая власть Папъ укрѣпила основы Монархіи; подрывла сама себя своєю побѣдою» (с. 18). Этого блистательный періодъ напоминаетъ, правда, восклицаніе Пирра; но переставивъ слова испорика, нельзя не спросить: какъ непобѣдимые Папы могли бытъ побѣждены своєю побѣдою?

Впрочемъ испорикъ не всегда держившя на плакой высотѣ. Вошь какъ наивно выражается онъ объ одномъ удѣльномъ Князѣ: «предпріятіе Гатба было придумано хорошо, но исполнено плохо» (с. 99).

Или еще. «Между тѣмъ произошло слѣдующее. Сдѣлалось странное чудо, но крайней мѣрѣ произошло событіе, для насъ неизъяснимое» (с. 97). Дѣло идетъ о прозрѣніи двухъ ослѣпленныхъ Князей.

Наконецъ представимъ нѣсколько доказательствъ къ прежнему нашему положенію объ особенномъ устройствѣ умственнаго организма нашего испорика—какъ разсуждаетъ онъ даже не по общимъ формамъ человѣческаго мышленія; не видитъ самыхъ ясныхъ образовъ, утверждаетъ со всею добросовѣстностію, что дважды два пять, и проповѣрять себя даже поспроchno, а не поспранично.

—«*Спокойствіе* (Русскихъ Княжествъ XIII столѣтія)

было подобно *судорожнымъ движеніямъ* умирающаго (с. 344). Спокойствіе судороги!

«Напрасно добрая мать умоляла — — — напрасно Константинъ, старшій братъ опличался добротой и кротостію» — (каковъ оборотъ: напрасно опличался и проч.) — «раздоръ загорѣлся и грозилъ бытъ началомъ плжкихъ бѣдъ» (с. 220). А изъ слѣдующихъ спрокъ видно, что эпитетъ *раздоръ зажженъ* Константинномъ, какъ подиверждають слова изъ лѣтописи о Константинѣ: «воздвиге брови своя согнѣвомъ на братью свою, паче же на Георгія.»

— «Половцы, какъ Пѣмецкіе пришельцы и Лятовцы въ Чудскихъ земляхъ, какъ Булгары на Волгѣ, казался народомъ, *осужденнымъ покоряться силъ Русскаго меча, когда сей мечъ возносился между ними, зломъ неизбежнымъ*, которое, бывъ пославлено на предѣлахъ Руси, наказывало грѣхи Русскаго Народа и Князей, подобно совѣспи (?), наказывающей преступленія» (с. 292). И такъ Половцы и были осуждены покоряться и были зломъ неизбежнымъ!!!

Заключаемъ. Третьему пому, для совершеннаго сходства съ двумя первыми, недостаемъ введенія, которымъ украшенъ первый, не достаесть картины, которая выславлена въ преддверіи втораго. Здѣсь нѣтъ также тѣхъ драгоцѣнныхъ разсужденій, въ коихъ историкъ, какъ вдохновенная Пифія на преножникѣ, махаль, замуривъ глаза, и народами, и царствами, и человечествомъ, и судьбою. Увы! въ третьемъ помѣ изрядка даже встрѣчаются воспоминанія и объ тѣхъ волнахъ, океанахъ и буряхъ, которыя такъ весело грозили намъ прежде всеобщимъ наводненіемъ.

Но крайней мѣрѣ, проигрывая съ этой стороны; претѣи томъ выигрываетъ со стороны проптиворѣчій; и рецензентъ порадуется читателямъ надеждой, что сіи проптиворѣчія по слѣдующимъ томамъ пойдутъ crescendo; ибо позади историка безпрестанно будутъ накопляться страницы, съ которыми ему должно быть въ согласіи, а это для него не очень легко; такъ что двѣнадцатый томъ Истории Русскаго Народа, если онъ когда либо напечатается, вѣрно составится изъ параллельныхъ линій въ отношеніи къ одѣнадцати своимъ предшественникамъ.

VII

БИБЛИОГРАФІЯ

— ПОСОБІЯ И ПРАВИЛА ИЗУЧЕНІЯ РУССКІХЪ ЗАКОНОВЪ или *матеріалы къ (!) Энциклопедіи, Методологіи и Исторіи Литературы Россійскаго права. Сочиненіе Доктора Правъ Павла Дегалъ. Москва, въ Типогр. А. Селина, 1851.*— Между различными отраслями нашей словесности, юридическая преимущественно оплачивается бѣдностію. Это и не удивительно. По сему пору, не смотря на распространяющіеся успѣхи просвѣщенія, законоискусство наше остается ремесломъ шемнымъ, передающимся изъ рода въ родъ по наслѣдству и составляющимъ завышенное сокровище такъ называемыхъ дѣльцевъ, воздвоенныхъ канцелярскими чернилами и вскармленныхъ архивною пылью. Эти прісжанные гіерофашпы нашей юриспруденціи увѣрены, что всю тайну законовѣденія составляетъ ихъ приказная мудрость, собранная, въ пость лица, по зер-

нѣшкѣ. Мы знаемъ дѣло—повсюду они съ само-вольною гордостію: и это знаніе дѣла, на ихъ языкѣ, не иное что значить, какъ механически пріобрѣтенная ловкость приводить и прилаживать на всякій случай законы, безъ всякой заботы и безъ великаго понятія объ ихъ взаимной связи и живомъ органическомъ единствѣ. Такимъ образомъ правосудіе у насъ—какъ будио для народѣи глубокомысленной эмблемы, подѣ которою предскавлялось у древнихъ—работаетъ по большей части съ завязанными глазами, оцупью: и наука, которая одна можетъ открывать ихъ, считаешся, въ святышцахъ его, пришлою, незваною гостьею. И пакъ мудрено ли, что наша юридическая литература доселѣ ограничивалась почти одними только сборниками законовъ, болѣе или менѣе полными, кои обогащали не правовѣденіе, а библиографію правовѣденія?

Тѣмъ пріятнѣе должно бытъ для насъ каждое явленіе, изобличающее высшіе виды и высшія требованія въ сей важнѣйшей области знанія, сопряженной столь тѣсными узами съ жизнью. Таково сочиненіе Г. Дегала. Въ немъ обнаруживается потребность и предощеніе внутренняго органическаго единства, когдо чуждѣ еще смутный хаосъ нашего законовѣденія. Сочинителю, кажется, не безизвѣстно современное сословіе юриспруденціи въ Европѣ: и потому въ сочиненіи его оцупнительно вліяніе новыхъ идей и соображеній. Это дѣлаетъ честь направленію Г. Дегала и общаешъ богатый надежды.

Но сіи надежды, на этотъ разъ, оспаются пока въ прекрасномъ цвѣтѣ. Оидавая полную справедливость намѣренію и видамъ почтеннаго сочинителя, мы не можемъ не сознаться, что желалибъ видѣть ихъ исполненными лучше и доспойнѣе.

Сочиненіє Г. Дегал, по заглавію, должно заключать въ себя *матеріалы къ — (для?) — Энциклопедіи, Методологіи и Исторіи Литературы Россійскаго Права*. Слѣдовательно оно назначаетъ само себя при частныя цѣли и пріемлетъ на себя отвѣтственность по прѣмъ пунктамъ. И такъ —

Что сдѣлано въ немъ для *Энциклопедіи Россійскаго Права*? *Энциклопедія науки*, по общивеннымъ словамъ Г. Дегал, должна *«раскрывать ея сущность, исчислять главнѣйшія части и опредѣлять взаимное ихъ между собою отношеніе»* (с. III). Таково именно назначеніе четвертой главы сочиненія Г. Дегал, озаглавленной: *о систематическихъ сочиненіяхъ, кои могутъ служить руководствомъ при изученіи Россійскаго Права*. Здѣсь почтенный сочинитель излагаетъ свои понятія о правѣ, сопоставляющемъ сущность юриспруденціи, и, разлагая общую идею права на составныя начала, размежовываетъ по нимъ кругъ правоученія на главнѣйшія части и опредѣляетъ взаимное ихъ другъ къ другу отношеніе: слѣдовательно здѣсь предполагалъ онъ заложить основанія для *Энциклопедіи Россійскаго Права*. Но понятія о правѣ, долженствующія служить краеугольнымъ камнемъ предположенному зданію, удивительно какъ зыбки и неопредѣленны. Г. Дегал не опредѣляетъ права оупъ долга, или юридической обязанности оупъ нравственной, никакими положительными и опредѣленными признаками: посему и правоученіе или юриспруденція не опредѣляется у него съ подлежащею точностію оупъ правоученія или этики. *«Правоученіе»* — говоритъ онъ — *«разсматриваетъ безъ исключенія вѣсь дѣлніи челоувѣка, даже и тѣ, кои относятся къ животнымъ: правосуденіе объелметъ одни дѣйствія, и импюціи вліяніе на другихъ людей»* (с. 57). Будто это правда?

Будно *правовѣденіе* не просируется на *дѣйствія*, не *имѣющія вліянія на другихъ людей*? Развѣ мы не имѣемъ юридическихъ обязанностей къ самимъ себѣ? Развѣ жизнь наша не ограждается опъ собственныхъ нашихъ покушеній силою права? Развѣ самоубійство и самонскаженіе не суть пресупуенія, подлежащія правосудію? Еще спранные видѣть исключенными изъ области правовѣденія *тѣ наши дѣйствія, кои относятся къ животнымъ*. Намъ напротивъ кажется, что сіи дѣйствія не столько принадлежатъ къ правоученію, сколько къ правовѣденію. Правоученіе предписываетъ одну только общую обязанность въ отношеніи къ животнымъ: *блаженъ человекъ, иже и скоты милуетъ*; но ограниченія, коимъ подвергается право владѣть и пользоваться животными, какъ вещами, весьма многочисленны и составляютъ обширную часть правовѣденія. Дальнѣйшее различеніе между правственностію и правосудіемъ, кажется, не имѣетъ вовсе смысла. »*Нравственность*«—продолжаетъ Г. Дегай—»*вообще стремится къ возмозному (?) совершенству, состраданію, благотворительности, иногда (!) самоотверженію, а правость лишь къ выполненію законовъ*« (с. 57). По крайней мѣрѣ мы понять этого не умѣемъ; ибо, по нашему разумѣнію, *правственность*, столькоже какъ *правость*, *стремится къ исполненію законовъ*, или лучше, если не что иное, какъ *исполненіе законовъ; возмозное жь совершенство* составляетъ общую цѣль всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, не только *правственныхъ и правыхъ* безъ различія, но даже безнравственныхъ и неправыхъ. И такъ самое первое понятіе, долженствующее бытъ сѣменемъ всей науки правовѣденія, у Г. Дегай оспается въ туманѣ неопредѣленности. Гораздо яснѣе и понятнѣе выведены главныя части правоученія изъ разло-

женія понятія о правѣ на составныя начала. «Въ общежительномъ состояніи» — говоритъ Г. Дегай — «права и обязанности, равно какъ и законы карательныя ихъ обезпечивающіе, требуютъ устройства властей и обрядовъ, коили они приводились бы въ дѣйство; поему понятіе о правомъ приномъ гражданскомъ состояніи людей объемлетъ три основныя начала: постановленія гражданскія, опредѣляющія права и обязанности членовъ общества, уголовныя законы и обряды дѣлопроизводства» (с. 58, 59). Жаль только, что сіи частин, въ сочиненіи Г. Дегай, объяснены слишкомъ бѣгло и легко, особенно важное опдѣленіе: о *Общемъ Гражданскомъ Правѣ*.

Что сдѣлано въ немъ для *Методологіи Россійскаго Права*? «Методологія открываетъ кратчайшую и удобнѣйшую стезю къ изученію науки» (с. III): следовательно къ ней должны относитъя всѣ первыя семь главъ сочиненія Г. Дегай, не исключая и четвертой, въ коей полагаются основанія для *Энциклопедіи Россійскаго Права*. Намъ удивило весьма, что матеріялы для *Методологіи* изложены здѣсь безъ всякой методъ. Г. Дегай спачала разсуждаетъ объ источникахъ, изъ коихъ могутъ быть почерпнуты Россійскія законоположенія (Гл. I); потомъ о матеріалахъ къ присканію законовъ (Гл. II); далѣе о вѣтвяхъ изъ дѣлъ и законовъ (Гл. III); еще далѣе о систематическихъ сочиненіяхъ, кои могутъ служить руководствомъ при изученіи Россійскаго Права (Гл. IV); еще далѣе о пополненіи ученія Ответственнаго Права новыми законодѣльями (Гл. V); потомъ а практической дѣятельности юриста (Гл. VI); наконецъ о предметахъ теоріи законовъ вообще, пользы ученія Римскаго Права и познаніи современныхъ успѣховъ Правовѣденія (Гл.

VII). Все это очень хорошо: но что за порядок, что за связь между главами? Не без удивленія также прочли мы заглавія нѣкопорокихъ изъ нихъ, оплачающіяся непочтностію выраженій. Такъ глава II я разсуждаетъ о матеріалахъ къ пріисканію законовъ: но матеріалы служатъ не къ пріисканію, а къ составленію! Глава V я — о пополненіи ученія Отечественнаго Права новыми узаконеніями: но узаконенія, новыя должны, кажется, пополнять не ученіе, а содержаніе права! Заглавіе седьмой главы представляешь другую странность — необыкновенную разнородность содержанія. Оно выражается слѣдующими словами: *о предметахъ теоріи законовъ вообще, пользы ученія Римскаго права и познаніи современныхъ успѣховъ правовѣденія*. Можно ли все это подвесить подъ одно общее понятіе, что необходимо для самостоятельности главы? Въ текстѣ сіе заглавіе замѣнено другимъ, представляющимъ болѣе единство: *объ усовершенствованіи ученія отечественныхъ законовъ общію теоріею права и познаніемъ иностраннаго правовѣденія* (с. 108). Но здѣсь за то иль въ вѣрности въ смыслѣ: *ученіе отечественныхъ законовъ должно не совершенствоваться общію теоріею права, а на ней основываться*. Что касается до исполненія этой главы, коей важность очевидна, то оно отличается особенною слабостію и недоспапчностію. Объ *общей теоріи права* сказано въ ней нѣсколько словъ, съ присовокупленіемъ, что оно составляетъ *цѣль, недостигаемую отдельными усиліями одного человека* (с. 108). *Польза Римскаго Права для усовершенствованія отечественныхъ законовъ* ни мало не раскрыта: только высказано за мнѣніе Савинья, что *польза Римскаго права кроется не въ сводахъ Юстиніановыхъ, но въ*

изученіи Пандектовъ и вообще произведеній Юристовъ, изготовлявшихъ матеріалы къ силъ сводамъ» (с. 111). Въ отношеніи къ успѣхамъ современнаго правосудія упомянуто только, да и то слегка, о полемической борьбѣ Савиньи и Тибо; поименованы Бенпамъ, Куперъ, Гегель, Гансъ — и только. Вообще, кажется, лучше всѣхъ обработана глава (III я) о *выпискахъ изъ дѣлъ и законовъ*: по крайней мѣрѣ, изъ всего сочиненія Г. Дегалъ, она наиболее приспособлена и наиболее полезна къ изученію *Россійскаго Права*. Остаются теперь спросить:

Что сдѣлано въ немъ для *Исторіи Литературы Россійскаго Права*? Осьмая глава сочиненія Г. Дегалъ имѣетъ преимущественно сіе назначеніе. Но въ ней не показываюцца *постепенныя преобразованія* правосудія въ нашемъ отечествѣ, какъ пребывалъ самъ Г. Дегалъ отъ *Исторіи Литературы науки* (с. III); а представляется сухая хронологическая перечель всѣхъ нашихъ юридическихъ сочиненій. Большая часть ихъ исчислена уже была Г. Дегалемъ въ главѣ о *систематическихъ сочиненіяхъ, кои могутъ служить руководствомъ при изученіи Россійскаго Права*, гдѣ — мимоходомъ сказать — не безъ удивленія вспрыгнули мы, въ числѣ *систематическихъ юридическихъ сочиненій*: *Періодическое Изданіе объ успѣхахъ Народнаго Просвѣщенія* (с. 75), *Средства для спасенія отравленныхъ и множио-умершихъ*, М. П. Орфилль (с. 83), *Описаніе Водныхъ Сообщеній между С. Петербургомъ и разными Губерніями*, Кафтырева (с. 89), и ш. п. Въ главѣ, посвященной собственно *Исторіи Литературы Россійскаго Права*, сіи и подобныя имъ сочиненія опущены: но она тѣмъ не менѣе кажется излишнимъ повтореніемъ. Спранно еще, что поминный сочинені-

псель, упоминая, въ началѣ ея, о *Русской Правдѣ*, сомнѣвается, была ли она *подражаніемъ Германскимъ законамъ* (с. 118). Если *Г. Дегаю* не знакомы археологическія розысканія *Г. Каченовскаго* по сему предмету; но онъ могъ видѣть ихъ результаты, похищенные въ *Исторію Русскаго Народа*, кошорая, судя по многочисленнымъ указаніямъ на *Московский Телеграфъ*, испещряющимъ его сочиненіе, должна быть ему не безызвѣстна. И какъ можно думать, чтобы *вира, судъ Болжій* и другія подобныя вещи, перешли въ *Русскую Правду* опть *Грековъ*?

Все это не ослабляетъ однако уваженія, изъявленнаго нами къ благороднымъ намѣреніямъ и похвальному пруду *Г. Дегаю*. Ибо—повторяя приведенное имъ самимъ изреченіе — *dans les sciences nouvelles la médiocrité même est utile!*

— котъ бурмосько, любимецъ Халифа *Ал-Мамуна*, *Восточная Повѣсть*, издавалъ *В. Ушаковъ*. Москва, въ тип. *Н. Степанова*, 1831. — Какъ сладко предаваться надеждамъ и какъ горько въ нихъ разочаровываться! Явленіе *Киргиз-Кайсака* примирило было насъ съ многоглаголивимъ выпіею, испощавшимъ некогда першвіе самыхъ ревностныхъ чиншелей *Московского Телеграфа*: и мы искренно радовались, предполагая, что у насъ будетъ однимъ пустымъ рецензиномъ меньше и однимъ надежнымъ писателемъ больше. Но — увы! радость наша была непродолжительна. Отставный бирючь *Московского Телеграфа* перешелъ въ службу къ *Сѣверной Пчелѣ*; и въ часы досуга, оставляемаго ему меньше длинными, но не меньше суесловными, выключками, разносимыми на сѣренькихъ крымышкахъ *Журнального Настюкинаго*, подарилъ насъ — *Котомъ Бурмоською!* Предоставляя липера-

шурной зоологін опредѣлить, къ какому классу четвероногихъ принадлежишь это чудное живошное, мы замѣнимъ только, что мдукаше его, прожужжавъ намъ всѣ уши, не опоздалось въ умѣ ни одною мыслию, не позабавило воображенія ни одною испивно занимательною картинною. Сочинитель, кажется, хотѣлъ написать аллегорію: но вѣроятно забылъ, что аллегорическая оболочка не сшивается бѣлыми нитками. Не желая показаться вовсе неблагодарными, мы не скроемъ отъ него, что онъ изрядко похѣшилъ цасъ *гудесном исторією о семи небесахъ* (с. 264—282), явно показывающею, что *мракобывіе*, о которомъ онъ довольно распространяется, извѣстно ему не по слуху. Но какъ ни высоко зазсмаприваетъ онъ съ своимъ *Котомъ*, мы не можемъ однако ручаться, чтобы это дивное живошное одолѣло всѣхъ мышей, наполняющихъ книжныя лавки.

—УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА, *Литературный Альманахъ*, составленный изъ сочиненій Дмитрія Сидова. Москва, въ типогр. Н. Степанова, 1831, съ эитрафолъ:

Взойди, моя звѣзда
 На литературный горизонтъ,
 Въдъ тебѣ Полярная — сесира
 И другъ милый — Аполлонъ.

Альманахъ эпопъ — припча во языцѣхъ! Благодаря оборопливости книгопродавцевъ, берушихъ дань съ легковѣрныхъ провинціальныхъ читателей, и самоопверженію бумаго-марашелей, добровольно ондающихся на посмѣяніе публики, мы имѣемъ ежегодно по нѣскольку сборниковъ, украшенныхъ разными, громкими именами; но подобнаго *Утренней Звѣздѣ* еще не видали, и врядъ ли когда увидимъ! Совѣстно даже

говорить о немъ, и мы вѣрнобъ не сказали ни слова, еслибъ не почитали обязанностью нашей предостерегать любителей чтенія, увлекаемыхъ громкими названіями книгъ и газетными объявленіями, отъ покупки Парнасской макулатуры.

Если мальчикъ, только что вышедшій изъ школы, печатаетъ дыскій свой лепетъ : Богъ съ нимъ! Не заботясь о публикѣ, онъ самъ себя чипаетъ и пѣтѣится книжкой своей, какъ дитя побрякушкой. Извиняетъ даже и пѣхъ писателей, которые, не имѣя дара, передаютъ писанію свои романы, поэмы и проч. Книжки ихъ мирно почиваютъ на полкахъ книгопродавцевъ. Но какъ извинить того человека, который, не имѣя понятія не только о правилахъ стихосложенія и о грамматикѣ, но даже не умѣющій сочетать двухъ словъ какъ должно, безстыдно печатаетъ бредъ свой подъ именемъ Литературнаго Альманаха? И какъ не жалеть послѣ этого, что у насъ нѣтъ Литературной Управы Благочинія для подобныхъ писателей, безнаказанно ругающихся надъ Русскою словесностью?

Книжонка эта состоитъ изъ 8 прозаическихъ статей и 16 стихотвореній. Въ первыхъ замѣтно желаніе автора подражать Г. Булгарину. Юмористическія выходки его мало уступаютъ въ остроуміи и соли произведеніямъ Русскаго Жуи. Почти почти же взгляды на современные нравы, тоже глубокое знаніе сердца человеческого и приличій общественныхъ. Слава и честь Оадею Венедиктовичу! Мало того, что онъ самъ даритъ насъ—(разумеется за деньги)—Нравственно-Сатирическими Романами и статьями, но еще и въ другихъ вливаетъ свой гений. Съ восторгомъ видимъ и доносимъ любителямъ изящнаго, что Г. Булгаринъ не удержитъ въ *Г. Сиговъ!*

Стихи еще лучше прозы. Мы желали бы что нибудь выписать, но затрудняемся въ выборѣ. Возьмемъ на удачу слѣдующее четверостишіе :

Одному авторитету
Вздумалось удивить планету.
И чтожь, оны сдѣлались писателемъ
Или попросту бумагомарателемъ

Этого, кажется, довольно! Желательнѣе только знать, на какой *авторитетъ* мышишь зашѣливая остропа *Г. Сигова*?

— НАПРАВЛЕНІЕ УМА И СЕРДЦА КЪ ИСТИНѢ И ДОБРОДѢТЕЛН. *Часть III. Москва, въ Тип. А. Селева, 1831.* — Сею частію оканчивается полезное собраніе сочиненій и переводовъ, коимъ не льзя опсказать въ должной справедливости. Содержаніе ихъ оплчается чистою нравственностію, а наружная опдѣлка правдивостію и чистотою слога. Рекомендуемъ сіе собраніе любителямъ полезнаго чтенія.

— HISTOIRE DE L'UNIVERSITÉ (DE PARIS) depuis son origine jusque à nos jours, par Eugene Dubart. Paris, 1830. (ИСТОРИЯ (ПАРИЖСКАГО) УНИВЕРСИТЕТА, отъ основанія его до нашихъ временъ. Соч. Евгенія Дюбарта. Парижск., 1830). — Весьма замѣчательно, съ какою ревностію и быспротою Французы подвизаются въ обработываніи своей опечественной исторіи, спюющей Нѣмцамъ прудовъ споль долговременныхъ. Они знаютъ уже теперь, что тогда шолько можно имѣть хорошую опечественную исторію, безъ всякаго философскаго суетмудрія и суетсловія, когда предварительно изгопювишся богатый запасъ частныхъ и мѣстныхъ исторій, обработанныхъ съ надлежащею основательностію и

безпристрастіемъ. Къ числу таковыхъ принадлежатъ отчасти сочиненіе *Г. Дюбарта*, въ коемъ собраны извлеченія изъ длинныхъ повѣствованій Дюбуллау и тяжелыхъ диссертацій Кревье, относящіяся къ объясненію Испоріи Парижскаго Университета.

Университетъ Парижскій есть явленіе любопытное не только для Французской, но и для всеобщей испоріи времени среднихъ. Будучи почилъ единственнѣйшимъ средопочіемъ тогдашняго Европейскаго просвѣщенія, онъ имѣлъ вмѣстѣ высокую политическую важность. Это было особенная держава (*puissance*), имѣвшая свой духъ, свою власть, свои постановленія. Почему не излишне будетъ изложить здѣсь, въ краткомъ очеркѣ, происхожденіе и судьбу его.

Въ пятомъ столѣтіи исчезли просвѣщеніе и языкъ Рима въ Галліи. Карль Великій и нѣкоторые изъ его преемниковъ, при всѣхъ усиліяхъ, не могли распространить въ народѣ наукъ, заключенныхъ въ стѣнахъ монастырей. Сіе какъ бы исключительное право на просвѣщеніе естественнымъ образомъ содѣйствовало возвышенію духовенства и власти его надъ прочими сословіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ власти гражданскія должныствовали проливостать ему, а человечество вообще роптать на возложенное духовенствомъ иго. Изъ двойной потребности, свободы гражданской и свободы частной, возникли Университеты; и сія-то потребность пзъясняеть, почему даны имъ привилегіи, коими они пользовались. Власть духовенства могло поколебать одно высшее, просвѣщеніе; только схоластическая философія въ силахъ была воспоржествовать надъ богословіемъ. Учрежденіе Университетовъ вело непосредственно къ сей цѣли. Филиппъ Августъ, основавъ Парижскаго Университета, не ошибся въ расчетѣ.

Благоразумію поступали государи, ополчаясь противу Папской власти, не явно, но косвенно, и противоставляя ей общенародное заведеніе, сочетававшее жажду къ познаніямъ съ усердіемъ къ вѣрѣ и опровергавшее власть духовенства, не подавая вида, что къ этой цѣли стремился. Такъ возникъ Парижскій Университетъ. Почти также поступали государи съ господствовавшимъ феодализмомъ, власть котораго равномерно нужно было уничтожить. Его одолѣли не оружіемъ, но законами; его уничтожило не право сильного, но общепринятое мнѣніе. Для достиженія цѣли сей учреждены Парламенты. Цѣль ихъ и начало объяснюмъ, почему, въ теченіи многихъ столѣтій, Парламенты и Университеты всегда за одно ополчались противу Папской власти и феодализма.

Сему-то стремленію къ познаніямъ и сей политической независимости обязанъ Университетъ Парижскій постепенно возрастающимъ вліяніемъ его на умы въ продолженіе XIII и XIV вѣковъ. Къ нему повсюду стекались для полученія совѣтовъ и наставленій: онъ почти равно считался недоступнымъ для заблужденія, какъ самъ Римъ. Изъ него разпространялись ученіе и примѣры повсюду, по Испаніи и особенно по Германіи, гдѣ вскорѣ образовались собственные свои Университеты, которые, подобно многимъ ученымъ Германскимъ заведеніямъ, сохранили донынѣ права и характеристическія черты вѣковъ среднихъ.

Въ концѣ XV столѣтія запылала цѣль учрежденія Университетовъ. Лудовикъ XI, удачно преодолевъ и поправъ феодализмъ, продолжалъ спрашивать мятежей и болелъ даже движеніемъ умовъ въ области

паукъ. Вошь причина его поведенія въ отношеніи къ Университету, въ коемъ обнаруживалась какая-то холодная недовѣрчивость, безъ любви, но и безъ ненависти.

Въ XVI вѣкъ ярость Лиги снова бросила Университетъ въ превращеніе гражданскихъ междоусобій и распрей. Исключая нѣсколькихъ покушеній, онъ, въ цѣломъ, оставался вѣренъ основному своему правилу, религіозной независимости и законной Королѣвской власти. Когда Папы, соединясь съ Гизами, хотѣли уничтожить Галликанское вѣроисповѣданіе и Дисциплину, Университетъ, присоединясь къ Парламенту, мужественно и твердо противопоставилъ и громко проповѣдывалъ о несправедливости ихъ обидныхъ притѣвленій. Но это было послѣднимъ свободнымъ возгласомъ его самостоятельной силы въ политическомъ быту Франціи! Съ этого времени Университетъ сталъ мало по малу упадать, и, какъ все прочее, склонилъ вѣно подъ иго деспотизма Ришельё. Но упадку его содѣйствовало еще вѣчно другое, чему трудно было противопоставить.

Отъ хитрой, прозорливой политики Папъ не укрылось, къ чему вело это стремленіе къ религіозной независимости, существовавшее въ XIII столѣтіи, и спараніе, внесли вновь въ употребленіе природный языкъ и основали Университеты. Она противопоставила имъ, что могла. Толпы Доминиканъ и Францискановъ, разсѣиваясь, проповѣдывали народу его наръчіемъ, дабы противодѣйствовать розыскателямъ и сомнѣніямъ, возникавшимъ изъ Университетовъ и изъ явившихся потомъ расколовъ, которые не смотря на угнѣненіе, продолжали пылать подъ пепломъ. Въ XVI столѣтіи Римскій дворъ руководствовался

той же политикой. Лоптеру онъ противопоставилъ Иезуитовъ, новому общенародному учению—воинство юное, свѣжее, исполненное рвенія. Онъ не могъ поладить и Парижскаго Университета, который былъ, хотя почитаемымъ противникомъ Рима, но все-таки проиницикомъ. Вскорѣ возникъ споръ между ними и Иезуитами. Въ семь долгое и упорное споръ проявилось краснорѣчіе Арнольдовъ. Бывша сія ознаменована горестными послѣдствіями!

И основаніе Сорбонны не мало нанесло вреда Университету, ибо, въ слѣдствіе того, лишился онъ своей религіозной власти, составлявшей преимущественную его силу и вліяніе на воспитаніе.

Когда при Лудовикѣ XIV и XV Иезуиты усмились при дворѣ, Университетъ совсѣмъ притихъ и не показывалъ никакого признака жизни; вскорѣ потомъ онъ совершенно былъ уничтоженъ; и поскресъ уже въ наше время, съ новыми надеждами для просвѣщенія Франціи, но уже безъ всякаго политическаго вліянія и важности: (Р. Ж.)

VIII.

ПОЭТИЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ

КЛИНГЕРА.

Хотя *Клингера* въпшнюю жизнь свою посвящалъ Россіи (а), но умственные труды его и душевная дѣлательность принадлежали Германіи. Можетъ быть, одного его, изъ всѣхъ поэтовъ миноваго столѣтія,

(а) Генерал-Лейтенантъ Фридрихъ Максимиліанъ Клингера скончался 25 Февраля, въ Петербургѣ, на 77 году онъ рожденія.

по справедливости можно назвать предшавишемъ Германскаго духа, вѣрнымъ однажды принятому имъ направленію. Полное собраніе его сочиненій, состоящее изъ двѣнадцати томовъ, въ коемъ совершенно развивается образъ его мыслей, выходило поспешенно въ Кенигсбергъ до 1820 года; въкоторыя пѣсы печатались отдѣльно, многими изданіями, какъ п. п. *Близнецы*: доказательство, что *Клингерь* поспитъ духъ своего вѣка. Между нимъ какъ другіе счастливейшіе поэты, подъ предводительствомъ *Гёте*, свергали съ себя узы прежней спартипой школы, *Клингерь* остался вѣрнымъ тому времени, въ которое началъ дѣйствовать. Онъ одаренъ былъ силою душевною; но эта сила истощалась, прошивуръча вкусу времени; и читатель, видя его мощныя усилія, невольно соболъзнуеть о томъ, что онъ не достигли своей цѣли. Если цѣлю *Клингера* было опкрѣпить вѣку своему новыхъ, новыхъ идей, то онъ совершенно достигъ ее; но, по несчастію онъ не умѣлъ облечь твореній своихъ вѣшнюю прелесть; и потому имъ, какъ огромнымъ развалинамъ—бездушнымъ, по вѣрнымъ памяникамъ минувшаго времени—не достало печати изящества, до котораго поэты не могъ возвыситься.

Славу *Клингера* составляютъ преимущественно драматическія произведенія. Въ нихъ оцупительно вліяніе *Шекспира*, воцарившагося уже на Германской сценѣ. Современники однако не оцѣнили ихъ достойно: они мало удивлялись разнообразію *Клингера*, не поспитали того возвышеннаго, неземнаго духа, копорый парилъ надъ видимымъ міромъ, не чуждаясь его: все это оставалось безъ вниманія, или не возбуждало гармоническаго сочувствія; одна только первобытная сила уподоблявшая героевъ его иногда невиданнымъ

исполняемъ — духамъ, казалась достойною удивленія и подражанія. Писатели перенимали у него не дивную простоту и дѣислвенность, но одну высоту, или лучше сказанъ, напряженность слога, и говорили о чемъ-то дикомъ, неопредѣленномъ, чудовищномъ. *Клингеровы Близнецы* напоминаютъ *Лейсваница Юлія Таретскаго* и *Шиллеровыхъ Разбойниковъ*, идущихъ по тому же направленію и написанныхъ въ томъ же духѣ. Прибавимъ только, что его піеса имѣетъ по достоинству, что въ ней, первой изъ всѣхъ эмфатическихъ длинно-періодныхъ драмъ, проснулась Германская поэзія, грозная, какъ пробудившійся левъ! Одинъ только *Уголино Герстембергъ* появился за нѣсколько лѣтъ до *Близнецовъ*. Мрачныя, злобныя рчи *Разбойниковъ*, которыхъ *Шиллеръ* хотѣлъ представить героями, и которые въ сущности не что иное, какъ скелки съ *Рихарда*, являющагося у *Шекспира* воплощеннымъ демономъ съ первой сцены, нѣмъ показались бы слишкомъ непріятными зрителю, особливо слабонервному женскому полу. Въ одной только сценѣ *Клингеровыхъ Близнецовъ*, отецъ и сынъ переходятъ отъ любви къ справедливымъ измѣнѣямъ неистовой ярости, по благословляя, по проклиная другъ друга. Въ минуту родовъ, угрожавшихъ матеря смертью, испуганный отецъ забылъ, который изъ двухъ братьевъ близнецовъ родился прежде, и уже, въ послѣдствіи времени, далъ право *Фернандо*, заслужившему любовь его крепостію своею, право первородства надъ неукротимымъ *Гольфолемъ*, когото гордая душа не въ силахъ перенести сего оскорбленія. Онъ полагаетъ, что у него не справедливо отнято право первородства и наследіе. Наконецъ и та, которую онъ любитъ, покинула его, обра-

щасялся къ счастливому его брату; и мысль—спрашанная мысль о мщениі—зараждается въ душѣ его. Папрасно успокоивася его иѣжная мать: неслеповой обгардепся кровью брата; и наконецъ падаетъ отъ мстпщаго кнпжала ошца. Мысль, что *Гесльфо* спаршій сытъ, потому что отъ мужеспвешнже и свннже брата, соединена съ цѣлымъ, какъ спрашанная пайна. Нпкто не знаетъ, справедлпвы ли его прпнпзачія на псрвороденно, ошець пп разу не обнарпжпвася сомнѣнн; по порывы чувствн *Гесльфа* почнн увлекаютъ зрпшела на его споропу. Другая трагедія *Клпнгера*, *Ельфрида*, нмѣетъ болѣе достовнспвн; но очеркъ ея жеснкпй и суровпй, оставлаетъ въ душѣ непрнятное, холодное впечатлѣнне. Муза *Клпнгера* естъ мсппщаная, хладнокровно карающая Немезпда. Въ испорчеспкнхъ драмахъ его характеры обрпсованы слабо, потому что поэтъ обращалъ болѣе вниманія на мыслв, чѣмъ на образы. Многя мѣспта въ *Конрадпнѣ* сплны и разпшпльны, какъ и вообще его громовая, мощная проза.

Комедп *Клпнгера* не напоппнаютъ *Шекспира*: отъ прпнадлежатъ скорѣ къ Французской школѣ; однакжъ сквозъ Французскую шпспрпгу проглядываетъ въ нпхъ прсппона Германская. Нвнн нпчего опаратпшслынже и спраннже, когда Французскіе щеголы и щеголпшп, среди самаго учпшваго разговора, прпнпмаютъ вдругъ за грубеспн, показывающп въ нпхъ Германскую душу. Однакжъ такая смѣсь естъ вѣрная картина времени, въ которое родплся сн прпзведенія. Нѣмецкая комедія всегда спшшкомъ французпла; можно даже сказанъ, что она нпкогда не росла на родной почвѣ. *Коцебу* умѣетъ, въ лучшихъ изъ свопхъ комедпй, прѣдспавлпющпхъ по болыпей частп

слабости и пороки мѣщанскаго бытія, окружать Нѣмецкою мѣстностью сославленные имъ по Французскому образцу инприги; и такъ какъ въ его время Германія не совсѣмъ еще освободилась отъ приспирасіи къ Французскому вкусу, то онъ представлялъ ихъ не въ пародіи, а какъ нѣчто настоящее, существенное; и такимъ образомъ, подобно милой, но вѣроломной красавицѣ, льстивъ слабостямъ публики и любезничалъ памъ, гдѣ долженъ былъ бы дать полную свободу сатирическому юмору в пародіи. Такъ судятъ о немъ либераторы; любителямъ же театра нравится онъ болѣе потому, что умѣлъ искусно сохранять въ піесахъ своихъ послѣдовательность и единство тона; тогда какъ въ комедіяхъ *Клингера* недосмотромъ ихъ производилъ непріятное впечатлѣніе на зрителя.

Что касался до романовъ, сославлявшихъ главный предметъ трудовъ и дѣятельности *Клингера*, не лзя не удивиться, слыща, что онъ написалъ отъ осьми до десяти огромныхъ сочиненій, руководимый одною и тою же мыслию, смотря на предметы съ одной и той же точки зрѣнія, такъ что одно изъ нихъ дополняетъ другое, и всѣ части, соединенныя вмѣстѣ, въ общемъ ихъ направленіи, представляютъ отношенія человека къ міру. Посвятить большую часть жизни одной, господствующей идее, есть мысль высокая, достойная Германскаго поэта! Отличительную черту Нѣмецкой Романической Поэзіи составляетъ стремленіе къ умозрительности; прежде жъ было еще болѣе во вкусъ времени, облекать въ форму романа умственныхъ заблужденія и правдивыя прѣвѣла частныхъ лицъ. Но въ семъ случаѣ, не смотря на поэтическій даръ писателя, должно неминучемо признаться, что пластическое изображеніе предметовъ, ко-

второе одно только можетъ возвести сочиненіе на степень поэзіи; а что мысль подавляетъ поэзію, но доказываютъ многи изъ лучшихъ произведеній знаменитѣйшихъ Германскихъ писателей. Все, что произвелъ въ эпическомъ родѣ *Клинггеръ*, какъ то: *Святскій Человѣкъ и Поэтъ* и проч., входитъ почти въ категорію Платоновыхъ Разговоровъ, гдѣ поэзія остается впороспеленнымъ, вспомогательнымъ средствомъ, а не можетъ вполне дѣйствовать.

Въ ряду романовъ, которыми *Клинггеръ* хотѣлъ изобразить борьбу чувственнаго съ духовнымъ въ человѣкѣ и мірѣ, занимаетъ первое мѣсто: *Жизнь, Дьяволъ и Вскрѣсеніе изъ адъ Фауста*. Между тѣмъ какъ *Гёттевъ Фаустъ* нисходитъ во глубину собственной души, и въ пей обрѣтаетъ адъ, *Клинггеровъ* съ самаго начала рыцаетъ по свѣту съ дьяволомъ и посѣщаетъ своихъ современниковъ, которые все вообще представляются ему въ черномъ видѣ. Въ Германіи видитъ онъ одно лишь умственное и общественное рабство, во Франціи коварнаго убійцу Людовика XIго, въ Англіи хладнокровнаго демона Ричарда IIIго, наконецъ въ Римѣ Александра Боргію, уповающаго въ преступленіяхъ и крови. Размышленія *Фауста* представляютъ опредѣленную мораль; страсть участвовать въ злыхъ дѣлахъ равняется въ немъ ярости и желанію порицать Всевышняго за преступленія міра. Такъ повергается онъ въ бездну грѣховъ порока; онъ болѣе похожъ на безотчетнаго *Дон-Жуана* низшаго разбора, чѣмъ на духовно падащаго *Фауста*. *Клинггеръ* достигъ своей цѣли, если хотѣлъ возбудить въ читателѣ физическое и моральное отвращеніе; но мы твердо увѣрены, что въ его *Фаустѣ* цѣль и нѣтъ поэзіи. Кажется, онъ самъ эпо

чувствовали, ибо *Рафаель де Аквиласъ* и *Джизфаръ*, эпизоды сей спральной картины, написаны перомъ менѣе жесткимъ и непримиримымъ. Хотя все герою *Клингерovýchъ* романовъ, какъ бы влекомые проклятіемъ, погружаются въ пороки, однакожь по временамъ, въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ, проглядываетъ утѣшительная, благодатная увѣренность что есть будущій міръ, неопытлемая награда добродетели.

Въ заключеніе съ удовольствіемъ упомянемъ о его *Исторіи Германіи новѣйшихъ временъ* (вышедшей въ 1798 году). Граціи не благоволили *Клингеру*; но онъ достоинъ уваженія, какъ писатель прмодушный и честный: въ особенности сіе послѣднее сочиненіе можешь назваться классическимъ; ибо объясняетъ положеніе Германіи во время Французской революціи.

Freimithige. (A. Ш.),

IX.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

—ГОЩЕНЕ НА МАСОНОВЪ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.—
Между нѣмъ какъ у насъ, въ Спаромъ Свѣтѣ, Масонскія дожи вездѣ замираются и уже почти заперты, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки возникаетъ также партія, имѣющая цѣлю, совершенное уничтоженіе франк-масонства и старающаяся достигнуть оной, не допуская ни къ какимъ должностямъ Масоновъ, не соглашающихся опломжиться оуп обществу. Многія просвѣщенныя, значительныя особы въ Америкѣ

полагають и говорятъ, что Массонство есть глупая секта и что основныя его правила могутъ быть вредны для государства. Дабы распространить мнѣніе сіе въ народъ, употребляютъ всевозможныя средства, и число прозелитовъ съ каждымъ днемъ увеличивается. Во многихъ областяхъ соснавилась политическія партіи, проповѣдывающія Массонству. Ръчи и поступки начальниковъ сихъ партій показываютъ такой духъ терпимости, который совершенно несомаситъ съ свободою, основанною на законахъ и здравомъ разумѣ. Ожеспоченіе это доказываетъ, что человекъ, при всякомъ правленіи, во всякомъ климатѣ, осипается человекомъ, и что какъ въ Лиссабонѣ, такъ и въ Нью-Йоркѣ можно вывести одинъ и тотъ же результатъ изъ разныхъ, но одинаково ошибочныхъ, данныхъ.

Въ 1826 году пѣкно, по имени Вилліамъ Морганъ, жившій въ Батавіи, въ восточной части Нью-Йоркского округа, изъявилъ желаніе вступитъ въ новоучрежденную Массонскую ложу, но получилъ отказъ. Чувствительнѣе тѣмъ обиженный, онъ объявилъ гласно, что опкроетъ тайныя постановленія общества. Морганъ, бывшій уже членомъ ложи *Великаго Царственикаго Ковгега*, оказывалъ всегда ревностное къ ней усердіе, но велъ безпорядочную жизнь; онъ вовсе не имѣлъ состоянія, и вѣроятно подвинутъ былъ къ измѣнѣ надеждой полученія за нее значительную сумму денегъ. Нѣсколько времени не обращали вниманія на его угрозы, но наконецъ онъ причинилъ безпокойство нѣкоторымъ изъ Массоновъ, кои простирали ревность свою до того, что пыпались изирбнить Морганову рукопись, взломивши въ домъ, гдѣ она печаталась, и зажегши его. Послѣ сего поку-

шенія, Морганъ заключенъ былъ въ темницу за небольшой долгъ; пѣкпо, по имени Лапортъ Лаусонтъ, заплашилъ за него, и онъ вновь получилъ свободу. Но въ слѣдъ за тѣмъ его бросили въ повозку, въ которой нѣсколько незнакомыхъ людей съ нимъ помѣстились, и завязавъ ему глаза, отвезли въ Шагарскую крѣпость. Онъ прибылъ туда 13 Септембра 1826 года, и недолго просидѣвъ въ темницѣ, былъ умерщвленъ. По показаніямъ свидѣтелей планъ убійства составленъ и произведенъ въ дѣйство Масонами, въ слѣдствіе принятой ими на себя обязанности.

Это злодѣяніе произвело живѣйшее негодованіе во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ, во всѣхъ гражданахъ свободной, просвѣщенной страны. Морганъ конечно былъ человекъ ненадежный, безираственный; но давало ли это право на подобный поступокъ? Можноли исторгнуть человека изъ среды семейства, повергнуть въ темницу и кланокровно умерщвить, вопреки законамъ и властямъ, по одному жестокому повѣленію тайнаго общества, поставляющаго волю свою выше законовъ государственныхъ? И удивительно ли, что послѣ такого злодѣянія, общее негодованіе громко возспало на виновныхъ и что вся строгость законовъ была призвана для наказанія оскорбителей ихъ неприкосновеннаго величія? Сіе чувство негодованія приносило честь націи. Губернаторъ Клинтонъ объявлялъ, что тому, кто покажетъ людей; похитившихъ Моргана, дается въ награду 1000 фунт. стерл. Законодательное Государственное Состояніе учредило особую комиссію для изслѣдованія дѣла, открытія участвовавшихъ въ похищеніи и убійствѣ Моргана, и наказанія ихъ сообразно съ законами. Произведено до пятидесяти слѣдствій, найдено много

виновныхъ; наслолиціе же убійцы не открыты до сихъ поръ, и вѣроятно навсегда укрылись отъ кары законовъ.

Во время судопроизводства открылось многое, оправдывающее дѣйсвія противниковъ Массонства, размножившихся нынѣ по всему пространству Соединенныхъ Штатовъ. Некоторые изъ допрашиваемыхъ Массоновъ, какъ свидѣтелей, не хотѣли ничего объявить, и предпочли годичное заключеніе въ темницу, въ наказаніе за ихъ неповиновеніе законамъ; другихъ, призванныхъ предъ судомъ присяжныхъ, по долгомъ выслушаніи обязанностей, возложенныхъ на нихъ франк-масонскими посланствіями, отпустили какъ людей, немогущихъ въ дѣлѣ сечь говорить безприсрастно. Въ слѣдствіе сихъ порожественныхъ объясненій, враги масонства заключили, что въ недрахъ государства скрывается разрядъ гражданъ, повинующихся тайнымъ законамъ, въ направленіи своемъ противоположныхъ законамъ гражданскимъ, и даже не подвластныхъ онымъ, и объявилъ, что обстолятельство сіе гибельно для государства; ибо подкупываетъ основныя его правила и уничтожаетъ общественный духъ.

Впрочемъ, за смерть Моргана должны отвѣтствовать одни только виновники оной; общество же Массоновъ въ цѣломъ его соизправъ непричастно сему злодѣянію. Нью-Йоркская ложа *Великаго Ковчега* многократно подавала отъ себя объясненія, въ коихъ, именемъ всѣхъ сочленовъ порожественно отрекалась отъ участія въ сечь преступленіи, называя оное нарушеніемъ святоши законовъ и личной свободы. Прочія ложи дали подобныя сему объясненія. Слѣшкомъ несправедливо было бы обвинять всѣхъ Массоновъ за злодѣяніе нѣсколькихъ членовъ ихъ общества. Но таково было и таково шенерь общее мнѣніе во всей

Съвершой Америкѣ, не взирая на то, что большая часть значительныхъ особъ въ Нью-Йоркѣ до сихъ поръ оснаются Масонами. (Ж. В.)

—общество мира въ Женевѣ.—Къ полезнѣйшимъ обществамъ, существовавшимъ донынѣ въ Женевѣ, принадлежитъ *Общество Мира (société de la paix)*, имѣющее цѣлю показати людямъ несчастія и бѣдныя произходящія отъ войны и вмѣстѣ съ тѣмъ изыскати средства къ водворенію всеобщаго, ненаружимаго мира. Основателемъ сего, многочисленнаго уже общества, есть почтенный Селдонъ, въ теченіи многихъ лѣтъ посвящающій труды свои охраненію и защитѣ человѣческой жизни. Селдонъ былъ некогда Каммергеромъ при Наполеонѣ, и не взирая на скромный нравъ, прешертъвалъ многія оскорбленія отъ того, который имѣлъ обыкновение говорить: *сударство—это я!* Великую приносить ему честь, что онъ въ спомъ кроваваго учинища не позабылъ цѣны человѣческой жизни. Отъ началъ спараніемъ уничтожилъ смертную казнь въ Женевѣ; и основаніе *Общества Мира* есть уже послѣдствіе сего уничтоженія. Предпріятіе сего встрѣчено было многими, неосновательными опроверженіями. Нѣкоторые утверждали, что настоящее время ему не благопріятствуетъ; что теперь, когда Швейцарія ополчается, оно можетъ почестись оужденіемъ мѣръ, сию принимаемыхъ. Но кажеши, положеніе Швейцаріи, желающей всячески предупредить войну, именно и доказываетъ благовременность сего общества. Ни кому изъ благоразумныхъ людей не придетъ въ мысль, что онъ добивается вліянія на Полицику и Дипломатию, дабы остановить войну и измѣнить направленіе Европейскихъ кабинетовъ;

все это въ кругъ его дѣйствій Общество сіе можетъ имѣть только религіозное и моральное вліяніе; цель его—открывать собственныя причины войнъ, отдѣлять ихъ отъ чуждыхъ, и изыскивать средства къ ослабленію или даже къ совершенному уничтоженію сего бича рода человѣческаго. Явно, что трудъ сей есть трудъ долготѣпшій, вяжкій. Положимъ, что основанная нынѣ обществу будетъ впредь подвизаться съ успѣшнымъ успѣхомъ, не встрѣпитъ никакихъ препятствій на своемъ поприщѣ, и полной удачею вознаградитъ все труды свои и преднамѣренія; но ни какъ не лзя надѣяться, чтобы существующіе нынѣ члены до того дожили; счастье это должно быть предоставлено ихъ преемникамъ, и еще не извѣстно, въ сколь дальнемъ поколѣніи. Кажется, однако, что именно посему-то цель общества и должна быть признана возвышенною и великою, чего о прочихъ сказать не лзя. Оно трудится не съ надеждою собрать плоды и насладиться ими, но для грядущихъ поколѣній, о счастьи и спокойствіи конхъ заботится. Оно вновь берется за *мысли добраго челоука*, Аббата Сен-Пьера, и разсматриваетъ теперь, въ чемъ должно распросивать ихъ, въ чемъ сократить, существующіе ли еще тѣ препятствія, которыя нѣкогда помѣшали ихъ исполненію, и есть ли возможность преодолѣть ихъ. Общество сіе вступаемъ въ союзъ съ Обществами Мира, уже существующими въ Англии и Сѣверной Америкѣ, дабы узнать отъ нихъ о непосредственныхъ слѣдствіяхъ ихъ усилій, чего они надѣются, какъ дѣйствуютъ нынѣ, и въ чемъ оно можетъ помочь имъ. Изслѣдованія и труды ихъ конечно приведутъ къ новымъ, любопытнымъ открытіямъ. Можетъ быть Общество сіе и отклонится со временемъ отъ особенной

цѣли, которую нѣтъ предположило, и принуждено будетъ усправиться къ другой. Теперь однако невозможно рѣшительно опредѣлить дѣйствій его и направленія на предбудущее время. (М.В.).

X.

НОВОСТИ

НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

—ОТКРЫТИЕ ТЕЧЕНІЯ И УСТЬЯ РѢКИ НИГЕРА. — Великая географическая проблема о теченіи и устьѣ *Нигера* наконецъ рѣшена Ричардомъ Ландеромъ, вѣрнымъ спутникомъ несчастнаго Клаппертона. Сей отважный и ловкій путешественникъ, въ сопровожденіи своего брата, назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ, оставилъ Англію, съ намѣреніемъ употребить новыя усилія для того, чтобы опредѣлить положительно теченіе этой панисивенной рѣки. Прибывши въ Юри, пунктъ, уже посѣщаемый ихъ предшественниками, оба брата отправились по *Нигеру* или по *Кварръ*—(такъ называется рѣка эта у туземцевъ)—въ легкомъ челнокѣ; и послѣ долговременнаго и опаснаго путешествія, доплыли до моря, близъ мыса Формозы, на Гвинейскомъ берегу. Рукавъ, которымъ она вошла въ море, называется у туземцевъ *Нуиз* и впадаетъ въ заливъ Біафрскій. Сіе открытіе подтвердило совершенно мнѣніе славаго Нѣмецкаго путешественника Рейхардта, который, послѣ долговременнаго пребыванія на берегахъ Африки, писалъ, въ Январѣ 1824 года, что *Нигерь*, прежде впаденія въ океанъ, долженъ образо-

вашь большуто дельпу, коей *Rio-Furioso* или *Венисская Рѣка* соснавляетъ западную, а *Rio-del-Rei* восточную сторону. Со времянь Мунго-Парка до Клаппертона, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, болѣе сна путешественниковъ запланили живити за покушенія разрѣшити сію проблему. Бранья Ландеры, по возвращеніи изъ своего опаснаго путешествія, занимающаго издаіемъ журнала, веденнаго ими во время плаванія по *Нигеру*. (R. В).

—Надгробные памятники Павлу и Виргинии на оспровѣ Иль-де-Франсъ. — Наконецъ художества воздвигли памятники *Павлу и Виргинии*, сполько прославленными въ мишувшемъ вѣкѣ знаменитыми липературными произведеніемъ. Повесть Бернардина Сен-Пьера основана почини на баснословной ткани происшествій; надгробные памятники сіи сіде баснословіе. Но, что процанотъ чипантели сочинителю, копорый, обманывалъ, забавляетъ ихъ, шого не проспятъ любопытныя посѣтители зодчему памятника, вздумавшему надъ ними пошѣшались. Воитъ въ чемъ состоятъ дѣло. Одна Англичанка, проведенная семь лѣтъ на Иль-де-Франсъ, въ запискахъ о сей колоніи, говоритъ слѣдующее. «Кварпаль Памплемусскій неоспоримо принадлежитъ къ живописѣйшимъ часнямъ оспрова, а надгробные памятники *Павла и Виргинии* поставили его на ряду съ извѣснѣйшими мѣстами древней половины земнаго шара. Толпы молодыхъ Англичанокъ ежегодно посѣщаютъ сіи памятники и выражаютъ чувствительность свою забавными шѣловженіями. Впрочемъ доказано, что гробницы не сокрываютъ въ себя бранныхъ останковъ *Павла и Виргинии*, и что оны сооружены нынѣшнимъ владѣтелемъ сей части оспрова,

для приманки Англійскихъ путешественниковъ, которые любятъ помѣщать въ запискахъ своихъ описанія сердце-томительныхъ чувствованій, возбужденныхъ при взглядѣ на прахъ сихъ злополучныхъ любовниковъ. Сначала воздвигъ онъ одинъ только *Виргиніи* памятникъ; но какъ чувствительные путешественники, со слезами на глазахъ, безпрестанно спрашивали, гдѣжь поконился несчастный *Павелъ*, то вмѣнилъ онъ себя въ обязанность соорудить и другой, для довершенія пріятнаго заблужденія посѣпителей. Памятники сіи, весьма некрасивой наружности, написаны именами, стихами, пословицами и изреченіями, плодами романтическихъ мечтаній чувствительныхъ посѣпителей. По многимъ изслѣдованіямъ узнала я наконецъ, что слабый только слѣдъ новѣеши Бернардина Сеп-Пьера сохранился на островѣ; а именно, что тогда, какъ Губернаторомъ онаго былъ Лабурдоне, молодая двушка, по имени Виргинія, во время бури, поглощена была моремъ близъ С. Жеранскаго берега, и что юноша, страстно въ нее влюбленный, умеръ съ печалью. Кромѣ живописнаго изображенія острова, все прочее въ сочиненіи Сеп-Пьера выдуманно; и потому невольно смѣешься, видя мимическія кривлянья, забавный восторгъ и сцены состраданія почтительней памяти Павла и Виргиніи.» (*Journal des Artistes.*)

XI.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ СТАТИСТИКИ

ВРЕМЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Въ нашей литературы нельзя, кажется, сделать никакого дела, копорогобы неблагонамѣренные или только что несвѣдущіе люди не располковали въ худую спорову. Такъ случилось и съ изданіемъ *Статистики Времени Петра Великаго*. Почитаю за нужное объясниться предъ публикою, кому о томъ вѣданы надлежить.

Это сочиненіе составлено Оберъ-Секретаремъ *Кириловымъ*, однимъ изъ умѣйшихъ людей своего времени, изъ официальныхъ документовъ. Оно кончено около 1727 года, но начато, разумѣется, гораздо прежде для представленія Петру Великому.

Говорясь иныя, что многія показанія въ этомъ сочиненіи могли безъ ущерба для Исторіи и Спасища бытъ преданы забвенію. Нѣтъ: изъ него нельзя и не должно выпускать ничего; здѣсь важно всякое слово, показывая, что умные люди того времени считали важнымъ и на что обращали вниманіе. Если исключимъ изъ сего сочиненія разныя мѣста, то оно исказится, и сдѣлается новымъ сочиненіемъ, и следовательно пощереетъ историческое свое достоинство, свою физиономію и свой характеръ. Изъ рукописи

не исключаютъ, на примѣръ, самыхъ пуспыхъ и нелѣпыхъ мѣспъ; а развѣ Спалписника *Кирилова* не принадлежить къ числу историческихъ матеріаловъ?

Я издалъ по ошибочному списку. Но я объяснилъ въ предисловіи, почему не могъ издать съ подлинника. Я самъ, сказавъ объ этихъ ошибкахъ, копорыхъ, разумевся другой не такъ легко бы могъ опыскашь. Припомъ сіи ошибки не важны и малочисленны и не опнимаютъ главнаго достоинства у сочиненія. И еще вопросъ: почему никто не позаботился въ печеніи спалъпъ напечатать съ подлинника? или еще легче, почему не свѣрятъ теперь моего изданія съ подлинникомъ? Исправленные ошибки помѣстились бы *на поллистъ*, и книга получила бы совершенный видъ.

Другіе говорятъ: зачѣмъ я не сдѣлалъ извлеченіе изъ этой книги. Но это можетъ быть предметомъ особливаго новаго сочиненія. Извлеченія можетъ дѣлать теперь Поляникъ, Историкъ, Спалписникъ, Географъ, Топографъ, и проч. Извлеченія каждаго будутъ различныя, смотря по предмету его занятій. Почему я не объяснилъ нѣкоторыхъ темныхъ названій?—Но въ книгѣ почти нѣтъ темныхъ названій для Русскихъ, знающихъ языкъ свой—а объяснилъ два-три слова я не хотѣлъ, чшобъ не песпирить сочиненія такими маловажными объясненіями.

Мнѣ говорятъ, что это прудъ маловажный. Но развѣ я почишаю его важнымъ? Я не подписалъ бы подъ нимъ своего имени—такъ мало я самъ цѣню его—еслибы не пужно было объясниться предъ публикою, почему издана книга такъ, а не иначе. *Но не должно смлшивать изданія съ сочиненіемъ*: изданіе маловажно, но важно сочиненіе.

Не думалъ также я говорить, чшобъ я опыскалъ

рукопись. Одни ослѣпленные клеветники могутъ сказать это: ибо въ первой строкѣ предисловія у меня сказано, что рукопись, принадлежала *Голикову*, отъ *Голикова* досталась *Г. Каразинъ*, отъ *Г. Каразина* получена мной для изданія.

У *Голикова* напечатаны были только выписки изъ этого сочиненія, болѣе или менѣе полныя, перемѣшанныя съ собственными объясненіями автора и выписками изъ другихъ сочиненій, которые имѣетъ *Г. Каразинъ*.

Узнавъ въ 1829 году, какія историческія драгоценности находились у сего почтеннаго любителя и собирателя Русскихъ Древностей, получившаго въ наслѣдство библіотеку *Голикова*, я съ величайшимъ удовольствіемъ принялъ его предложеніе печатать ихъ, по его плану, начавъ съ *Кирилова* — лишь бы скорѣе ихъ обнародованъ и принесли тѣмъ пользу всемъ занимающимся исторіею. Другихъ видовъ не могло быть; ибо охотниковъ до такихъ книгъ у насъ еще не много и въ продолженіе года на Спасскику *Кирилова* явилось чуть ли не пять только подписчиковъ. А меня теперь упрекаютъ за полстую бумагу, дурную обвертку, за красной патриотизмъ, за другое, за третье, и взводятъ небывлицы!.. Проспите слабости: мнѣ было это очень прискорбно!..

М. Погодинъ.

XII

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О МИЗИНЦѢ Г. БУЛГАРИНА

и о прочемъ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ незлопамятныхъ литераторовъ, которые, публично другъ друга обругавъ, обнимаются потомъ всецародно, какъ *Пролазъ съ Высокосомъ*, говоря въ похвальбу себѣ и въ упѣшеніе:

Вѣдь кажешся у насъ по полной оплеухъ.

Нѣтъ: разсердясь единожды, сержусь я долго и упихаю не прежде, какъ испощивъ весь запасъ оскорбительныхъ примѣчаній, обидокъ, заграничныхъ анекдотовъ и шому подобнаго. Для поддержанія же себя въ сѣмъ суровомъ расположеніи духа; перечитываю я, тщательнѣе мною переписанныя въ особую тетрадь, спашь, подавшія мнѣ поводъ къ такому ожесточенію. Такимъ образомъ, пересматривая на дняхъ антикриптику, подавшую мнѣ случай заступиться за почтеннаго друга моего *А. А. Орлова*, попалъ я на слѣдующее мѣсто:

—*Я рѣшился на сіе*—(на оправданіе Г. Булгарина)—*не для того, чтобъ оправдать и защищать Булгарина, который въ этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него въ однолицъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ* (см. № 27 *Сина Отечества*, издаваемаго Гг. *Грегемъ и Булгаринъ*).

Изумился я, какимъ образомъ могъ я пропустить безъ вниманія сіи краснорѣчивыя, но необдуманныя строки! Я спалъ по пальцамъ перечитывающъ всевозможныхъ рецензентовъ, у коихъ менѣе ума въ

головѣ, нежели у *Г. Булгарина* въ *мизинцѣ*, и теперь догадываюсь, кому *Николай Ивановичъ* думалъ погрозишь мизинчикомъ *Фаддея Венедиктовича*.

Въ самомъ дѣлѣ къ кому можете отнести это запѣйливое выраженіе? Кипо наши записные рецензенты?

Вы, *Г. Издатель Телескопа*? Вѣроятно мспишельный *мизинтикъ* указываетъ и на васъ: предоставляю вамъ самимъ вспуниться за свою голову а). Но кипо же другіе?

Г. Полевой? Но не смотря на прежніе раздоры, на письма Бригадирши, на насмѣшки славнаго Грипусе, на недавнее прозвище *Верхогляда* и проч. и проч., *всей Европѣ* известно, что *Телеграфъ* сосновшъ въ добромъ согласіи съ *Сверной Пчелой* и *Сынкомъ Отечества*: *мизинтикъ* касается не его.

Г. Воейковъ? Но сей замѣчательный литераторъ рецензіями мало занимается, а извѣстенъ болѣе изданіемъ *Хамелеонистики*, оспроумнаго сбора спашей, въ коихъ выводятся, такъ сказаць, на чистую воду нѣкопорыя, такъ сказаць, литерашурныя плушны. Ловкіе издатели *Сверной Пчелы* ужь вѣрно не спашутъ, какъ говорится, класць ему пальца въ ротъ, хопя бы сей палець былъ и знаменшый, вышеупомянутый *мизинтикъ*.

Г. Соловѣвъ? Но кажешся *Литерашурная Газета*, совершивъ свой единственный подвигъ—совершенное уничтоженіе (*литерашурной*) славы *Г. Булгарина*—почиеть на своихъ лаврахъ и *Г. Грегъ*, вѣроятно, не спашеть превозвишь сего счастливаго усыплещя, щекочя *Газету* проказливымъ *мизинчикомъ*.

а) До мизинцевъ ли мнѣ? *Изд.*

Кого же оцарапалъ сей мизинецъ? Кто сіи рецензенты, у коихъ—и такъ далье? Просвѣщенный чинопастель уже догадался, что дѣло идетъ обо мнѣ, о *Феофилактѣ Косицкинѣ*.

Всему свѣту извѣстно, что никакъ послоняніе моего не слѣдовало за исполненіемъ ходомъ нашего вѣка. Сколько глубокихъ и блистательныхъ твореній по части полиптики, точныхъ наукъ и чистой литературы, вышли у насъ изъ печати въ печеніе послѣдняго десятилѣтія—(шагнувшаго такъ далеко впередъ)—и обратило на себя справедливое вниманіе завидующей намъ Европы! Ни одного изъ таковыхъ явленій не пропустилъ я изъ виду; обо всякомъ, какъ извѣстно, написалъ я по одной страницѣ, отличающейся ученостию, глубокомысліемъ и остроуміемъ. Если долгъ безпристрастія преобладалъ, чтобы я указывалъ иногда на недоспадки разбираемаго мною сочиненія; но можетъ ли кто нибудь изъ Г. Русскихъ авторовъ жаловаться на заносчивость или невѣжесиво *Феофилакта Косицкина*? Можетъ быть, по примѣру Г. *Полсаго*, я слишкомъ лестно отзывался о самомъ себѣ; я могъ бы говорить въ пріемъ лицъ и попросить моего друга подписать имя свое подъ сими справедливыми похвалами; но я гнушаюсь таковыми уловками и Гг. Русскіе журналисты, вѣроятно, не укорятъ меня въ шарлапанствѣ.

И чтожь! Г. *Грегъ* въ журналѣ, съ жадностію читаемомъ во всей просвѣщенной Европѣ, даетъ пониманіе, будто бы въ мизинцѣ его поварница болѣе ума и таланта, чѣмъ въ головѣ моей! Отзывъ слишкомъ для меня оскорбительный! Полагаю себя въ правѣ объявить во услашаніе есей Европы, что я ни чинхъ мизинцевъ не боюсь; ибо не входя въ разсмотрѣніе го-

ловъ, увѣрлю; что пальцы мои—(каждый особо и вся пяць въ совокупности)—гошovy воздашь спорницею, кому бы по ни было. Dixi!

Вздыхнувшись за перо, я не имѣлъ однакожь цѣлю объявить о семъ почтеннѣйшей публикѣ; подобно нашимъ писателямъ - аристократамъ—(разумью слово сіе въ его ироническомъ смыслѣ)—я никогда не отвѣчалъ на журнальныя крипики: дружба, оскорбленная дружба призываетъ опять меня на помощь успешнаго дарованія.

Признаюсь: послѣ спашьи, въ которой такъ порожественно оправдалъ и защитилъ я *А. А. Орлова*—(спашьи, принятой Московскою и Петербургскою публикою съ опличной благосклонностію)—не ожидалъ я, чтобъ *Сверная Пчела* возобновила свои нападенія на благороднаго друга моего и на первопреспольную столицу. Правда, сіи нападенія уже гораздо слабѣе прежнихъ, но я не умолкну, доколь не привужу къ совершенному безмолвію ожесточенныхъ гонимелей моего друга и непочинительнаго *Сына Отечества*, издавающагося надъ нашею древнею Москвою.

Сверная Пчела (N 101), объявляя о выходѣ новаго *Взъяснителя*, говоритъ: »Заглавіе сего романа заставило насъ подумать, что это одно изъ многочисленныхъ подражаній произведеніямъ нашего блаженнаго *Г. А. Орлова*, знаменитаго автора - - Припомъ же всякое произведение Московской литературы, носящее на себѣ печать издѣлія книгопродавцевъ пятнадцатаго класса - - приводитъ насъ въ невольный претепшъ. «
—»Блаженный *Г. Орловъ*«... Что значитъ блаженный *Орловъ*? О! конечно: если блаженство состоитъ въ покойствѣ духа, не возмущаемаго ни завистью, ни корыстолюбіемъ; въ чистой совѣсти, не запятанной

ни плушнями, ни лживыми доносами; въ честномъ и благородномъ трудѣ, въ смиренномъ развитіи дарованія, данного опъ Бога: по добрый и небогатый *Орловъ* блаженъ и не станеть завидовать ни богатству плуша, ни чинамъ негодяя, ни извѣстности шарлапана!!! Если же слово *блаженный* упопрблено въ смыслъ, коего здѣсь изьяснятъ не спану, по удивляюсь охотѣ нѣкоторыхъ людей, спарающихся представитъ смѣшными вещи, вовсе не смѣшныя, и которыя даже не могутъ извинять неприличія мысли оспроуміемъ или веселостію оборота.

Насмѣшки надъ книгопродавцампъ пашнадапаго класса обличають аристокрапію чиновныхъ издашелей, нѣкогда осмѣяную пакъ называемыми аристокрапическими нашими писашелями. Повшоримъ испину, стольже неоспоримую, какъ и иравспвенныя размышленія Г. *Булгарина*:» чины не дають ни честности плушу, ни ума глупцу, ни дарованія задорному маракъ. *Фальдингъ* и *Лабрюеръ* не были ни *Спашскими* Совѣшниками, ни даже *Коллежскими* Ассесорами. Разночинцы, вышедшіе въ дворянство, могутъ бытъ почтенными писашелями, если только они люди съ дарованіемъ, образованностію и добросовѣспностію, а не флигяры и не наглцы.»

Надѣюсь, что сей умѣренный мой опзывъ будеть послѣднимъ и что почтенные издашели *Съверной Печель*, *Сына Отечества* и *Съвернаго Архива* не вызовушъ меня снова на поприще, на которомъ являюсь рѣдко, но не безъ успѣха, какъ изволите видѣшь. Я человекъ миролюбивый, но всегда готовъ заступиться за моего друга; я не похожу на того Китайскаго Журналиста, который, потакая своему товарищу и въ глаза выхваляя его бредни, говоритъ на ухо всякому:»

«эпошъ пачкунъ и мерзавецъ соорипъ меня со всѣми порядочными людьми, мараетъ меня своимъ товарищесствомъ; но чшо дѣлать? онъ человекъ дѣловый и распоропный!»

Между тѣмъ полагаю себя въ правѣ объявить о существованіи романа, коего заглавіе прилагаю здѣсь. Онъ поступилъ въ печать или оспанется въ рукописи, *смотря по обстоятельствамъ.*

НАСТОЯЩІЙ ВЫЖИГИНЪ

ИСТОРИКО - ПРАВСТВЕННО - САТИРИЧЕСКІЙ

РОМАНЪ XIX ВѢКА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I. Рожденіе Выжигина въ кудлашкиной кануръ. Воспитаніе ради Христа. Глава II. Первый пасквилъ Выжигина. Гарнизонъ. Глава III. Драка въ кабакъ. Ваше Благородіе! Дайте опохмѣлнись! Глава IV. Дружба съ Евсѣемъ. Фризовая шинель. Кража. Бѣгство. Глава V. Ubi bene, ibi patria. Глава VI. Московскій пожаръ. Выжигинъ | грабилъ Москву. Глава VII. Выжигинъ перебѣгаетъ. Глава VIII. Выжигинъ безъ куска хлѣба. Выжигинъ ябедникъ. Выжигинъ поргашъ. Глава IX. Выжигинъ игрокъ. Выжигинъ и опісшайный кваршальный. Глава X. Вспръча Выжигина съ Высухинымъ. Глава XI. Веселая компанія. Курьозный куплетъ и письмо-анонимъ къ знап-

ной особѣ. Глава XII. Танпа. Выжигинь попадаешся въ дураки. Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бѣдный племянничекъ! Ай да дядюшка! Глава XIV. Господинь и Госпожа Выжигины покупають на прудовыя денежки деревню и съ благодарностию объявляють о помѣ почтенной публикѣ. Глава XV. Семейственныя непріятности. Выжигинь щецеть утѣшенія въ бесѣдѣ музъ и пишеть пасквили и доносы. Глава XVI. Видокъ или маску долой! Глава XVII. Выжигинь раскаевается и дѣлаешся порядочнымъ человекомъ. Глава XVIII и послѣдняя. Мышь въ сырѣ.

О. Косичкинъ.

(сообщено).

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечаташи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Сентября 27 дня 1851 года.

Ценсоръ С. Аксаковъ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛАЗАРЕВЪИХЪ ИНСТИТУТА.

ТЕЛЕСКОПЪ

1.

НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ.

ЧУВСТВОВАНІЯ РУССКАГО

ПРИ ГРОМЪ КРЕМЛЕВСКИХЪ ПУШЕКЪ.

Чу! Остроленской бытвы гуль,
Привѣтъ Москвы питомцамъ славы —
То надъ могилою Варшавы
Золошоглавый Кремль вздохнулъ!

Вошце въ единое мгновенье
Въка минувшіе сперлись;
И вопли Россовъ: мщенье, мщенье!
Изъ мрака древности неслись;
Десницу благости Сармату
Царь сердобольный простиралъ;
И Славянинъ на встрѣчу брашу
Привѣты дружбы посмалъ —
Вошце! Ему урокъ кровавый
Даютъ чужія племена;
И вошь ужь, на поляхъ Варшавы,
Дозрѣли Галловъ сѣмена!

Пожни же, Польша! И кошницы
 Уже готовы для жнецовъ —
 Въ пущыхъ сѣнахъ твоей столицы,
 Среди могилъ твоихъ сыновъ!

Смотри: спокойна, величава
 Первопрестольная Москва;
 Ужъ новымъ блескомъ, новой славой
 Озарена ея глава!
 Смотри — какъ исполнишь, спрегущій
 Царя любимаго Престоль,
 Стоишь недвижно Россѣ могущій
 Среди общихъ бурь и общихъ золь;
 И какъ, за шо, благословенье
 Лучами славы облекло
 Его высокое чело!
 А ты! — Пошомкамъ въ поученье,
 Твое безславное паденье
 Въ скрижаляхъ міра будетъ жишь,
 Урокомъ страшнымъ для народа,
 Чшо шолько тамъ цвѣтеть свобода,
 Гдѣ свяшо власть умѣють чшить,
 Гдѣ не лжемудрствуешь крамола
 И гдѣ, владыкъ боготвора,
 Народъ на стражѣ у Престола
 За вѣру, вѣрность и Царя.

А. Шишковъ 2.

Село Останкино,

Сент. 8

II.

НѢМЕЦКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА
ЮРИСПРУДЕНЦІИ.

(Е. ЛЕРМИНЬЕ):

Клопштокъ, своими поэтическими звуками, пробудилъ къ новой жизни Германскій геній. Предъ лицомъ Французской философіи, которая царствовала самодержавно и имѣла въ Берлинѣ на пронѣ одного изъ учениковъ своихъ, онъ не боялся предаваться религіозному и національному одушевленію: За Клопштокомъ слѣдовалъ Лессингъ, критикъ и вмѣстѣ драматургъ, предтеча Шиллера и Гете, сихъ двухъ великихъ художниковъ, кои наконецъ приобщили Германію къ литературной славы Англии и Франціи:

Новая жизнь отъ литературы сообщилась юриспруденціи. За Гейнекциемъ и Бахомъ слѣдуютъ умы оригинальные, собственно Германскіе. Эра школы исторической открывается: Но, замѣтимъ, этотъ юридическій переворотъ послѣдовалъ не непосредственно за Лейбницемъ, Томазиемъ и Вольфомъ, кои на самомъ дѣлѣ были первыми его виновниками: онъ произошелъ уже тогда, когда литераторы и философы взяли передъ: юриспруденція начала процвѣтать послѣ литературы и философіи.

Въ Италіи и во Франціи, *Вико* и *Монтескѣ* пробудили философію исторіи и права. Первый, геній одинокій, великій самъ по себѣ, въ тѣсномъ уголкѣ Италіи, заложилъ начала науки, которую самъ назвалъ *новою*. Почерпая изъ двухъ источниковъ, философіи и филологіи, онъ хотѣлъ изложить вмѣстѣ и дѣйствительную исторію человечества и его идеальную судьбу. Сочетать неразрывнымъ союзомъ философію и исторію, мѣрять идеи и цѣпь событий, и изъ того и другаго при содѣйствіи вдохновенія, въ католическомъ энтузіазмѣ, создать твореніе оригинальное по своимъ справнымъ формамъ, гдѣ на каждомъ шагѣ схоластика спорить съ поэзіей, гдѣ болѣе видѣть пророческое зрѣніе, нежели кристика: вотъ что было господствующею идеею въ твореніи *Вико*. Это былъ поэтъ, въ которомъ часто въщее сердце воспѣвало то, чего не постигалъ разумъ. Черезъ четыре года по смерти *Вико*, который понесъ во гробъ негодованіе на своихъ современниковъ, сознаніе своего генія и упорное вѣрованіе въ свое безсмертіе, явился *Духъ Законовъ*. Здѣсь философъ, вышедшій изъ среды образованнѣйшаго и разумнѣйшаго народа, созерцаетъ исторію всѣхъ народовъ, ихъ нравы, ихъ законодательства; здѣсь онъ излагаетъ разумъ законовъ, изданныхъ до него, пишетъ великими буквами всеобщую исторію: это удивительный памятникъ, который бу-

дешъ житьъ въки, какъ дивное смѣшеніе ума и воображенія.

Что значають творенія *Вико* и *Монтескё*, какъ не видѣнія на родъ человѣческой, въ коихъ преемственный рядъ людей въ теченіе вѣковъ представляется однимъ и тѣмъ же человѣкомъ, всегда пребывающимъ и непрестанно наукающимся? Они начертали исторію человѣчества, которое въ ихъ глазахъ должно идти впередъ и никогда не забывать пройденнаго; они-то собственно основали сію школу, въ послѣдствіи названную *историческою*, которая у прошедшихъ временъ, глубоко изученныхъ и безпристрастно допрошенныхъ, беретъ уроки для будущаго. Дорога была указана: надлежало по ней идти, при пособіи учености, филологіи и криптики, надлежало изучать каждый народъ, его нравы, его законы, и мечты воображенія; гаданія генія, замѣнить безпристрастной истиной; надлежало низойти въ безконечный анализъ, дабы оправдать или уличить во лжи дерзновенныя синтезы. Германія заодно съ Франціей и Италіей приняла на себя трудъ сей: такимъ образомъ для сооруженія зданія истинной науки, каждая нація приносить отъ праведныхъ трудовъ своихъ, какъ некогда каждое изъ колѣнъ Израилевыхъ одно за другимъ приносило жертву на алтарь Бога истиннаго.

Историческій и національный духъ Германскій въ первый разъ обнаружился, когда Французская философія импровизировала законодательство въ Прусскомъ кодексѣ. *Юстъ Мёзеръ* въ Исторіи Оснабрюка, первоначальномъ руководствѣ къ изученію Германской конституціи, и *Іоаннь Шлоссеръ*, крѣпко стали за науку и нравы Германій. Они были предтечами такъ названной въ послѣдствіи Исторической школы.

Около 1790 года, молодой докторъ правъ, *Густавъ Гуго*, который бралъ уроки и совѣты у Гейне и Спитшлера, вознамѣрился преобразовать способъ изученія юриспруденціи; своими лекціями, изданіемъ періодическихъ сочиненій и учебныхъ книгъ, сочиненіемъ Исторіи Римскаго Права, онъ измѣнилъ Университетское ученіе, пробудилъ вкусъ къ мужесквеннымъ занятіямъ и исторической истинѣ. Онъ началъ преобразование правовѣденія исторією. Проникнувшій живымъ знаніемъ Римскаго Права, онъ изобразилъ его судьбу и перевороты сообразно хронологическимъ дѣленіямъ Гиббона, и преемствовалъ во вліаніи на судьбу правовѣденія Баху. *Гуго*, какъ совершенный юрисконсультъ, съ исторической точкой умѣлъ обнять все стороны правовѣденія, и шѣмъ явилъ опытъ ума обширнаго и энциклопедическаго — качество, безъ котораго преобразователь не можетъ воспоржествовать. Правда, что

его сочиненія о самой философіи права имѣютъ странности и показываютъ необширный кругъ зрѣнія; но заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ философія указала свое мѣсто въ цѣльной системѣ науки. Вошь что составляетъ общую его физиономію. Къ сему должно присовокупить, что онъ былъ глубокой знатокъ Римскаго Права, исторію коего распространилъ значительно. Труды его по сей части науки содѣлаютъ имя его навсегда незабвеннымъ; только желанельно бы было, чтобы Геттингенскій Профессоръ изложилъ свою науку и свои изысканія стилемъ болѣе яснымъ и болѣе историческимъ. *Крамеръ* и *Гобольдъ* присоединились къ нему въ трудахъ преобразованія, *Гобольдъ* отличался особымъ характеромъ отъ *Гуго*; онъ всегда писалъ полатыни, и былъ, такъ сказать, классическимъ писателемъ липературнаго переворота. Онъ взялся за Римское Право съ двухъ сторонъ: со стороны исторіи, и липературы, и уяснилъ его филологіей и библиографіей.

Но человекъ, которому предназначено въ особенности сообщить исторической юриспруденціи блескъ и глубину, еще не являлся. Въ 1803 году *Савиньи* издалъ *трактатъ о владѣніи*. Самый предметъ уже ясно показываетъ, каковъ былъ тогда духъ юридическаго ученія. Владѣніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно было у Римлянъ, имѣло ха-

рактерьъ совершенно національный; чтобъ понять его, надобно знать Римъ, схватишь исторически оригинальность его юриспруденціи въ ея отличіяхъ и подробностяхъ, и въ тоже время по урочищамъ историческаго пути стремишься къ догматическимъ заключеніямъ. *Савиньи* не поддаюся своему предмету: онъ сочинилъ прекраснѣйшую книгу по Римскому Праву, которая когда либо являлась съ XVI столѣтія. Изучая его *трактатъ о владѣніи*, находишь счастливое соединеніе двухъ методовъ, раздѣлявшихъ XVI вѣкъ: методу Кужаса и методу Донó. Кужась силень толкованіемъ (*exégesis*), Донó догматикой: *Савиньи* соединяетъ пошъ и другой способъ, умѣряетъ, дополняетъ одно другимъ, и во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ какъ остроумный филологъ и глубокомысленный логикъ. Донó превзошелъ Кужаса въ статьѣ о владѣніи; *Савиньи* принялъ отчасти его теорію, и разлилъ на нее яркій свѣтъ. Нельзя довольно нахваливаться его юридическимъ стилемъ: это сочещаніе, гармонія исторической подлинности съ утонченностію и круглою дошю догматовъ положительнаго права.

Между тѣмъ филологія во всѣхъ пунктахъ начала исполнять свое назначеніе: соединять цѣль времени и знакомить насъ съ древностію и народами, до насъ жившими. Фоссъ своими переводами Гомера и *Виргилія* возбудилъ уваженіе къ разумнѣю древнихъ;

и безкорыстный вкусъ къ наукъ искалъ себѣ повсюду. услажденія.

Въ 1811 году, *Нибуръ* публиковалъ первое изданіе своей Римской исторіи. Это было настоящимъ откровеніемъ въ наукъ: Римъ, его происхожденіе, древняя Италія съ своими племенами и народами, патриціатъ и его таинственный духъ, какъ бы возстали изъ гроба предъ нашими очами. Не даромъ дивились его смѣлымъ догадкамъ, напоминавшимъ *Вико*. Во всемъ твореніи отразилось могущественное воображеніе, изобрѣшательная филологія, которая сообщила жизнь всему, что древность имѣла заветнаго и сокровеннаго. Не менѣ дивились его силѣ, суровому и вмѣстѣ блистательному, этому смѣшенію отвлеченностей и образомъ, въ которомъ поэтическая суровость казалась иногда вдохновенною самимъ Катономъ и Энниемъ.

1814 годъ, въ которомъ оружіе и счастье Франціи сокрушилось, для Германіи былъ эпохою освобожденія и восстанія. Свободная отъ Французскаго владычества, съ независимостію своихъ владѣній, она возвратила всю энергію своего разумнія; и геній Германскій, порабощенный и уничтоженный властительнымъ вліяніемъ, со всею бодростію пустился въ подлежащій ему путь. Въ 1813 году Берлинскій Университетъ былъ уже открытъ; и въ то время, какъ счастье Франціи подвергалось всѣмъ превратностямъ, уче-

ная Германія съ жаромъ и гордымъ самочувствомъ предавалась прудамъ своимъ.

Однакожь вліяніе Французскаго владычества и законовъ, отъ коихъ освободилась Германія, не на всѣ умы и сердца было одинаково. Многіе питали непримиримую ненависть ко всему Французскому: но другіе, равно проклиная Французское иго, не могли не признать достоинства Французскаго управленія, всюду одинаковаго и правильнаго, законодательства, вездѣ простаго и однообразнаго. Имъ пришло на мысль соединить съ уваженіемъ къ національному духу нѣкоторыя важныя нововведенія. Таковы были виды знаменитаго *Тибо*, Гейдельбергскаго Профессора, который въ 1814 году писалъ о необходимости гражданскаго кодекса, общаго для всей Германіи.

Тибо, владея полнымъ и вѣрнымъ знаніемъ правоченія, обращалъ его преимущественно къ приложенію и къ практикѣ; нѣсколько философскихъ идей, знаніе исторіи, живая ученость, соединенныя въ равномъ количествѣ, образовали въ немъ юрисконсультъ, который болѣе думалъ о непосредственномъ приложеніи науки, чѣмъ о безкорыстныхъ умозрѣніяхъ чистой теоріи. Онъ привелъ въ систему Пандекты и изложилъ многія частныя статьи Римскаго Права.

Германія свободна, писалъ сей юрисконсультъ: добрымъ гражданамъ, истиннымъ Германцамъ, должно соединить всѣ свои силы

для изтребленія послѣднихъ остатковъ Французскаго духа. Политическое единство и соединеніе властей въ однѣ руки было бы смертельнымъ ударомъ для Германіи. Но однообразіе гражданскаго законодательства одно можетъ спасти отъ анархіи, ей угрожающей. Право Германское и право Каноническое не имѣютъ никакого порядка и вмѣстѣ никакой полноты. Право Римское, коего нѣкоторыя теоріи превосходны, никогда не будетъ вполне извѣстно: впрочемъ оно и не заслуживаетъ всѣхъ похвалъ, ему приписанныхъ. Даже самъ Лейбницъ разхвалилъ его выше мѣры. Сверхъ того, онъ и не думалъ о непосредственномъ его употребленіи въ Германіи. Ни что столь не противуположно гению Германскому, какъ гений Римскій. Притомъ тексты Римскаго права имѣютъ безчисленные варианты; слѣдовательно судьба ищущихъ правосудія всегда зависѣла бы отъ трудовъ и объясненій ученыхъ людей; самая наука потерпѣла бы отъ столь несообразнаго порядка вещей; для ней, для филологіи и для исторіи, гораздо полезнѣе существовать отдѣльно. Сверхъ того, при однообразномъ кодексѣ и академическомъ ученіи пріобрѣтеть единство; а отсюда произойдетъ драгоценное соединеніе теоріи и практики. Народы будутъ счастливы; управленіе юстиціею не будетъ имѣть ничего произвольнаго; національный характеръ, стряхнувши мѣстныхъ мѣлочей, выиграетъ свободу

и разширеніе. Напрасно возражаютъ, что право, по существу своему, должно быть разнообразно, что оно зависитъ отъ мѣста и времени; напротивъ, право на то и создано, чтобы торжествовать надъ навыками и наклонностями людей, исправлять и настраивать общества на одинъ тонъ справедливости. И такъ, для Германіи нуженъ общій кодексъ, который бы, собравъ уроки съ протекшихъ временъ, скопивъ богатства и успѣхи науки, даровалъ обществу однообразное и твердое правосудіе, съ предоставленіемъ полной независимости изученію Науки Права.

На сіе приглашеніе къ преобразованію, умы Германіи пришли въ движеніе, и раздѣлились на партіи. Многіе приняли мнѣніе *Тибо*; но юрисконсульты, у коихъ любовь къ древности и національнымъ обычаямъ составляла сердечное вѣроисповѣданіе, воспротивились предложеннымъ нововведеніямъ. Представитель несогласныхъ, *Савиньи*, объявилъ себя противъ проэкта общаго кодекса въ сочиненіи: *о призваніи нашего времени къ законоположенію*. Сіе маленькое сочиненіе, въ видѣ ученой брошюрки, написанное съ живоостію и страстію, было какъ бы откровеніемъ историческаго духа, одушевлявшаго Германію. Вотъ его содержаніе:

Юрисконсульты должны подчиняться правленію государства. Ихъ раздѣляютъ два мнѣнія: одни хотятъ, полнаго возстановле-

нія національнаго законодательства и правосудія; другіе предлагаютъ составленіе кодекса, общаго всему Германскому союзу. Сіе послѣднее мнѣніе имѣеть тѣсную связь съ философическими ученіями послѣдней половины XVIII вѣка. Тогда стремились къ совершенству неопредѣленному, всеобщему; тогда презирали все національное, историческое. Такимъ образомъ въ законодательствахъ требовали кодексовъ новыхъ, краткихъ, ошвлеченныхъ; смѣли надъ обычаями и владычествомъ нравовъ. Должно сказать, что это было мнѣніе народовъ; и правители едва могли смягчать и умѣрять сію склонность къ философическимъ ошвлеченностямъ. Нынѣ все перемѣнилось: открылась любовь ко всему національному, пробудилось историческое чувство: нынѣ ни во что считаютъ теоріи и ошвлеченія, ни на чемъ существенномъ неоснованныя; даже тѣ самыя, кои пребудутъ генеральнаго кодекса, имѣютъ въ виду практическую цѣль. Но они имѣютъ ограниченныя и ложныя понятія о существѣ положительнаго права. Въ ихъ глазахъ право, въ своемъ нормальномъ состояніи, есть не что иное, какъ результатъ законовъ, то есть, обнародованныхъ распоряженій власти; такъ что законодательство имѣеть совершенно произвольное основаніе, и что право сего дня не можетъ быть правомъ завтра. Посему полный и однообразный кодексъ есть пер-

вая потребность народа; безъ кодекса онъ предоставленъ владычеству обычая: Событія громогласно обличаютъ лживость сей безжизненной теоріи: ибо, встрѣчая перво-бытную исторію народа, мы находимъ, что его гражданское право имѣетъ свой особенный характеръ, стольже опредѣленный, какъ и его языкъ, его нравы, его политическая конституція. По истинѣ, ничто не зиждется, ничто не образуется отдельно отъ своего цѣлаго, но все живетъ общою жизнію, все дышетъ національнымъ сознаниемъ. Юность народа бѣдна идеями, но исполнена жизни и силы: право гражданское отзывается сею мужественною бѣдностью. Тогда не издаются книги и разсужденій для изясненія его; но отношенія семейства и собственности пѣмъ не менѣе обнаруживаются со всею силою. Какимъ образомъ? Символическими актами, драматическимъ дѣйствіемъ, гдѣ рисуется сознание народа, гдѣ опливаются различными цвѣтами идеи нація: народы древней Италіи и Германіи суть живое тому доказательство. Въ послѣдствіе времени, когда способности народа развернутся, право гражданское выдвигается и идетъ къ отвлеченностямъ; являются юрисконсульты; ихъ наука обращается на истолкованіе того, что прежде жило въ сознаніи народа; рядомъ съ элементомъ политическимъ возникаетъ элементъ *техниче-*

скій. Такимъ образомъ, право живетъ сперва въ правахъ и обычаяхъ, а потомъ уже въ наукѣ. *Гуго* и *Мёзеръ* уже открыли историческую сторону права.

И такъ законы, то есть, обнародованныя распоряженія власти, не только не составляютъ права, но часто даже портятъ и безобразятъ его. Они обнаруживаютъ свое вліяніе посредствомъ кодексовъ. Кодексы суть родъ законной программы, въ которой государство отдѣляетъ отъ себя все чуждое, все, что не есть оно. Кодексы составляетъ и печатаетъ высочайшее утвержденіе государства, которое предоставляетъ имъ первенство силы надъ всеми другими сочиненіями.

Если хотятъ, чтобъ кодексъ былъ полезенъ; то для составленія его надобно выбрать такую эпоху, въ которую Наука Права созрѣетъ въ своихъ силахъ и достигнетъ могущественнаго развитія. Кодексъ, по настоящему, долженъ содержать въ себѣ начала, изъ коихъ вытекають рѣшенія по всемъ встрѣчающимся дѣламъ: поелику право, какъ геометрія, существуетъ въ основныхъ и родотворныхъ точкахъ, а знаніе юрисконсульта состоитъ въ томъ, чтобы схватить послѣдствія и повѣрить ихъ съ разумомъ началъ самаго права. Посему, если вы составите кодексъ въ такую эпоху, когда Наука Права слаба и бѣдна, то ваше хилое твореніе будетъ пагубно для государства.

Обнародованный кодексъ только по видимому будетъ управлять правосудіемъ, а въ самомъ дѣлѣ ничего не будетъ значить въ ходѣ гражданскаго правосудія. Такъ какъ юрисконсульты не будутъ уметь объяснять его по правиламъ науки, то приложеніе его сдѣлается совершенно произвольнымъ; да и самая наука, не будучи понимаема, какъ должно, въ книгѣ, къ изложенію ея назначенной, будетъ искажена во имя юриспруденціи, подъ предлогомъ аналогій, сущности права. Вотъ что должно сказать объ самой эпохѣ составленія кодекса; а въ будущемъ ожидаетъ его еще худшая судьба. Если наука оправляется отъ своей слабости, дѣлаетъ успѣхи и страшится сблизиться съ своимъ вѣкомъ, съ его духомъ; то въ кодексъ и его формулахъ встрѣтитъ она сильныя преграды дальнѣйшимъ своимъ успѣхамъ. Она должна будетъ остановиться предъ дѣйствующимъ законодательствомъ, вооруженнымъ властію. Такимъ образомъ мало такихъ эпохъ, коимъ прилично сооруженіе кодекса. Въ юношескомъ возрастѣ народа существуетъ сильное сознаніе права; но языкъ бѣденъ и грубъ, а логическія и искусственныя формы и совсѣмъ еще не развернулись: доказательство тому въ древнія времена законы XII таблицъ, въ новѣйшія — законы среднихъ вѣковъ. Во времена упадка народа, сознаніе права погасло, языкъ увялъ; нѣтъ ни основанія, ни формы. И

такъ остается одна эпоха средняя, когда форма является въ полномъ совершенствѣ; но тогда не чувствуютъ никакой потребности въ кодексѣ. Надлежало бы позаботиться о послѣдующихъ временахъ упадка и разрушенія; но вѣки могучіе и сильныя рѣдко расположены предвидѣть безсиліе своихъ потомковъ.

Вопросите Исторію Римскаго Права. Если въ прѣшнемъ вѣкѣ Христіанской эры, юриспруденція достигла въ Римѣ развитія, известнаго намъ; то сіе произошло отъ того, что предшествовавшія времена задолго приготавливали сію блистательную литературу права. Римляне время республиканскихъ умъли уважать древность и вѣснѣ не отказывались отъ важныхъ нововведеній. Такимъ образомъ, въ ихъ политической конституціи и правѣ гражданскомъ, къ правамъ и обычаямъ прививаются необходимыя измѣненія. У Римлянъ нѣтъ насильственныхъ и обрывистыхъ перемѣнъ, нѣтъ расколовъ настоящаго съ прошедшимъ. У нихъ законодательство прядется, какъ нынѣ, и непрерывно поступаетъ впередъ; такъ что Римлянъ можно назвать приверженцами обновленной старины. Отсюда ихъ вымыслы въ правѣ гражданскомъ, посредствомъ коихъ они умъли и удовлетворяють новымъ идеямъ гражданственности и сохраняють благочестивую вѣрность къ древнимъ обычаямъ. Такъ напримѣръ, при *наслѣдствѣ*

законномъ является у нихъ *Преторское владѣніе имѣіемъ*, при *ослзательномъ искѣ* (*vindicatio rei*) утраченной собственности — *мысленное Публиціево дѣло*, рядомъ съ *прямыми дѣлами сжатаго права* — *полезныя дѣла распространеннаго права*. И такъ, превосходное достоинство Римскаго Права не должно приписывать одному третьему вѣку: оно обязано полной исторіи Рима, которая ясно свидѣтельствуешь, что нравы и обычаи составляли основу права и что законы, собственно такъ называемые, имѣли мало вліянія, доколѣ сохранялись нравы и обычаи. Тогда не думали о кодексѣ. Даже въ классическую эпоху юриспруденціи сія мысль и въ голову не приходила, ни Папиніану, ни Ульпіану, ни Павлу, кои были Преторіанскими Префектами, и, конечно, не имѣли недостатка ни въ довѣренности, ни въ должной заботливости о правѣ. Напротивъ, за два вѣка прежде, Цезарь, въ полномъ сознаниі своего могущества и выгодѣ своей власти, предпринялъ намѣреніе издашь настоящій кодексъ. Въ шестомъ вѣкѣ, когда все разспрохлось и впало въ изнеможеніе, появилось множество кодексовъ, одинъ за другимъ: Эдиктъ Теодорика, Сокращеніе (*Breviarium*) Визиготское, Папиніанъ у Бургундовъ и книги Юстиніана.

Послѣ сего краткаго обзорѣнія на Римское право, *Савини* испытываетъ Германію, и находитъ нужнымъ доказать, что ни

правы, ни политическое ея состояние, ни языкъ до сихъ поръ еще неопредѣленный, не имѣють довольно гибкости для однообразной редакціи гражданскаго кодекса. Потому онъ переходитъ къ испытанію трехъ Европейскихъ кодексовъ, имѣющихъ силу въ настоящее время: Австрійскаго, Прусскаго и Французскаго. Въ жару преній и оскорбленнаго патріотизма, онъ безъ милости критикуеть Французскій гражданскій кодексъ, и впрочемъ не лъзя не согласишься, что его отзывъ о многихъ статьяхъ весьма основателенъ. Кодексъ, по мнѣнію его, доказываетъ:

Слабость сужденій Государственнаго Совѣта Франціи относительно началъ науки.

Недостатокъ историческихъ свѣденій въ редакторахъ.

Планъ кодекса, снятый съ Юстиніановыхъ Институцій.

Несвязность и недостаточность теоріи недѣйствительности правъ (*theorie des nullités*).

Въ глазахъ *Савиньи*, сооруженіе трехъ кодексовъ дурно, вліяніе ихъ вредно. Практика и теоретическое ученіе подъ вліяніемъ законодательства, коего слабость и формулы никогда не измѣняются и которое служило оффиціальнымъ утѣшительствомъ посредственности и невежеству, не имѣють ни свѣжести, ни свободы; и такъ Германія, заключаетъ *Савиньи*, можетъ выбирать одно изъ двухъ: ученую неволю и законотвореніе, или науку всегда теку-

чую и полную жизни. Да убоится она окрывать власною свое ученіе и свое разумнiе! Сильный опивѣтъ *Савиньи* приверженцаиъ кодексовъ произвелъ взрывъ. Начались споры. *Тибо* защищался. *Савиньи*, *Эйхгорнъ* и *Гёшенъ*, для поддержанiя и раскрытiя сего ученiя, открыли свой славный Журналь Историческаго Правовѣденiя (*Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*). Тогда-то школа *Савиньи* названа была по превосходству Историческою Школою. Нѣсколько второстепенныхъ товарищей присоединились къ спорамъ, и разожгли ихъ до того, что нѣсколько времени жаркія и даже язвительныя пренiя раздѣляли какъ бы на двѣ стѣны всѣхъ юрисконсульшовъ и ученыхъ. Наконецъ, предводители паршій, *Савиньи* и *Тибо* нѣсколько сблизились между собою; нечувствительно сія внутренняя война затихла, и великіе мирные труды смѣнили кратковременные споры. И такъ не должно забывать, что споръ о составленiи кодекса (*codification*) былъ только эпизодомъ исторической школы. Этому и быть надлежало. Кодексы государствъ не являються по призыву и хотѣнію юрисконсульшовъ. Однѣ политическія событiя выводятъ ихъ на сцену. Они бывають орудiями могущества или переворотовъ: не спросятъ науку, когда имъ надобно пожаловать. Такимъ образомъ, Цезарь, Феодорикъ, Юстиніанъ, Фридрихъ и Наполеонъ замышляютъ и издають кодексы для утвержденiя еди-

нообразія и сосредоточенія силъ правитель-ства. Законниковъ пригласятъ къ трудамъ; безъ нихъ начнутъ, безъ нихъ и кончатъ; ихъ дѣло составитъ кодексъ, какъ велятъ. Такимъ образомъ и Беншамъ, заклятый демократъ, непріятель законовъ старой Англiи, пребующій Парламентскаго преобразованія, сочиненія общаго кодекса, ожидаетъ побѣды такого оружія, которое до сихъ поръ слушалось только властей. Ученость и наука готовятъ матеріялы, но не располагаютъ ими: иная сила собираетъ ихъ въ стройный порядокъ, или раскидываетъ, смотря по тихому или бурному дыханію судебъ государственныхъ. Германія находится теперь въ возрастъ прекраснаго ученаго воспитанія, какое когда либо бывало; и, какъ выражается *Савиньи*, Германія должна надѣяться.

Между тѣмъ историческая школа, освобождаясь отъ полемическихъ взрывовъ, спокойно приняла свой истинный характеръ безпристрастнаго и всеобщаго изысканія. Нужда самозащитенія вовлекла ее въ пыль распрей, и поставила ее противъ философіи, противъ теорій и умозрѣній разумнѣя, всегда священныхъ и достоуважаемыхъ, даже и тогда, когда онѣ, не управомоченныя опытомъ, дерзновенно выперезиваютъ общества, кои надлежало бы убѣдительно просить слѣдовать за собою. Но съ сихъ поръ исторія со всею искренностію была изучаема для ней самой.

Савиньи послѣ того опубликовалъ четыре а) тома превосходной своей *Исторіи Римскаго Права въ среднія времена*. Его Журналъ наполненъ оригинальными опытами, относящимися къ исторіи и законодательству. *Нибуръ* во второй разъ издалъ свой первый томъ *Римской Исторіи* б), твореніе достопамятное, которое авторъ предположилъ довести до времени Августа.

Вотъ истинныя заслуги исторической школы, вотъ великіе труды, кои необходимо должно знать. Съ историческимъ направлениемъ и размышлениемъ, узнаемъ мы происхожденіе національнаго законодательства, его печеніе сквозь вѣки и перевороты, новыя формы, имъ принятыя, старыя формы сброшенныя, и каждому вѣку воздадимъ должное; не станемъ воображать, что все настоящее началось вчера, что законы, управляющіе нами, упали съ неба, подобно Салійскому щипу, и если должно будетъ сдѣлать перемѣны, продолжать преобразованія, тогда исторія наведетъ справки, а философія произнесетъ приговоръ.

Савиньи выбралъ предметъ для сочиненія съ величайшею проницательностію. Въ самой вещи главное дѣло исторической школы состояло въ томъ, чтобы доказать важность Римскаго Права картиной его судебъ и исто-

а) Теперь уже вышелъ и пятый томъ.

б) Вышелъ уже и второй томъ, вторымъ изданіемъ.
Пр. Пер.

ріи, возвівшииь его неизмѣнную пребываемость въ Европѣ, его вѣчное присутствіе въ правахъ и гражданственности средних вѣковъ, и показавъ, какимъ образомъ, за одно съ Христіанствомъ и Германскими учрежденіями, составляло оно до нашихъ временъ Европейское право. Къ несчастію, *Савиньи* въ своимъ глубоко историческимъ видамъ совѣтъ не прибавилъ идеальнаго воззрѣнія философа: какъ будто сей знаменитый юрисконсульнъ далъ клятву избѣгать всего, что будетъ походитъ на философическую идею, или боится философіи, какъ чего нибудь возмущительнаго и гибельнаго для юриспруденціи. Можетъ быть, сіе-то самое предубѣжденіе и сдѣлало *Савиньи* торжественнѣйшимъ, чистѣйшимъ и блистательнѣйшимъ выраженіемъ исторической школы. Онъ есть глава, писатель глубокой и вмѣстѣ народный представитель своей школы. Отсюда живое противодѣйствіе со стороны философіи.

Между тѣмъ наука обогатилась драгоценными открытіями. Институціи Кая, многіе отрывки *Теодосіева* кодекса, такъ называемые отрывки *Ватиканскіе*, республика *Цицерона*, многіе отрывки изъ его рѣчей, сочиненія *Фронпона*, письма *Фронпона* и *Марка Авреліи*, реторика *Юлія Виктора*, отрывки *Симмаха*, *Діонисія Галикарнасскаго*, *Лиды* о начальствахъ Римской Республики;

сдѣлались неощенною добычею юриспруденціи и филологіи.

Такимъ образомъ съ 1790 года до нашего времени историческая юриспруденція, перерожденная въ своихъ источникахъ, продолжаетъ свои зананія; но ученость обращена не на одно Римское Право. Съ 1770 года, за двадцать лѣтъ до появленія *Гуго, Михаелисъ*, выпренній Богословъ, издалъ составленное имъ Моисеево право, и симъ открылъ новую эру здраваго изученія исторической Богословіи. Ему наследовалъ *Эйхгорнъ*, опровергавшій его во многихъ пунктахъ. Сынъ *Эйхгорна* издалъ о Германскомъ Правѣ (*Deutsche Stats- und = Rechtsgeschichte*) коренное сочиненіе, съ коимъ вмѣстѣ должно упомянуть о трудахъ *Мезера*, *Рогге* и *Гримма*. Это еще не все; законодательство Грековъ и право Аптическое глубокомысленно изслѣдованы *Гюльманомъ*, *Платнеромъ*, *Мейеромъ* и *Герфферомъ*.

Говоря объ общемъ развитіи исторической школы, мы не должны забыть объ уголовныхъ юрисконсультахъ, кои произошли по прямой линіи отъ идеальной Философіи Канта. Школа Волтера, своею филантропіею, одушевила *Беккарію*, юрисконсульта чистѣйшей души, но посредственнаго ума. Кантъ и его критицизмъ вдохнулъ идеальный и ученый характеръ въ юрисконсультовъ, искавшихъ твердаго основанія для карательной (*penale*) систе-

мы. Со времени Канта и Фихте глубокія раз-
ногласія раздѣляли Германскихъ криминали-
стовъ, такъ какъ въ наши дни *Фейербаха* и
Грольмана. Системы строились и сражались
въ безконечномъ разнообразіи. Даже сенсуа-
лизмъ показывался иногда въ теоріяхъ юрис-
консультовъ: но всякой разъ системы сіи поч-
кою опирающія имѣли ученіе о челоѣкѣ,
психологію. Присовокупите къ тому, что въ
Германіи наука и исторія права подкрѣпляютъ
теоріи и отвлеченный умозрѣнія, и вы пойме-
те, какой живой контрастъ, какую рѣзкую
противоположность съ Вольперовой филан-
тропіею образуютъ различныя системы Гер-
манскихъ криминалистовъ: *Фихте*, *Фейерба-
ха*, *Грольмана*, *Генке*, *Шульце*, *Гегеля*,
Шпангенберга, кои всѣ, хотя съ неравною
силою, опираются на челоѣкознаніе и ис-
торію и коихъ начало хронологически вос-
ходитъ къ временамъ появленія Канта.

Полуденная Германія, прилежащая къ
Франціи, кошорая долго сообщала ей свои
правы и свои законы, теперь чувствитель-
но склоняется къ преобразованію законода-
тельства по началамъ науки. Историческія
изысканія, планы кодексовъ, догматическія
идеи, каждое съ своимъ добромъ, входящъ
въ совмѣстничество для достиженія сей цѣ-
ли. Даже въ нынѣшнемъ году (1829), двое знаме-
нитыхъ юрисконсультовъ въ Гейдельбергѣ,
Миттермайеръ и *Захарія*, открыли *Крити-*

тескій Журналь иностранной юриспруденціи и законодательствъ, назначенный служить средоточіемъ для юрисконсульшовъ разныхъ государствъ, гдѣ они, совокупленными силами, могутъ производить, такъ сказать, обще-европейское изслѣдованіе теорій и фактовъ правовѣденія.

Въ такомъ богатствѣ и разнообразіи Германскаго правоученія не лзя не видѣть избытка жизни и успѣховъ. Съ 1790 года теорія продолжаетъ имать свои мирныя движенія; а мы Французы — мы практикуемъ въ приказахъ и на поляхъ битвъ.

съ Франц. О. М.

III.

Р И М Ъ.

(къ Шевыреву).

Державный Римъ, несчастный Римъ
Гигантъ, твою ли тѣнь мы зримъ?
Въковъ, народовъ пепелище,
Сатурна мрачное жилище —
Твои свящныя красоты
Порфирой тлѣвія покрыты,
Надъ непломъ ихъ глумяшь шумы,
 Или вздыхаюшь сибариты! —

Несчастливъ шестъ, чья жизнь долга:
Оцъ много милыхъ похоронилъ,

Онъ , можешь быть , къ погамъ врага
 Стѣны скорбныя преклонить ;
 Младенецъ вѣхій — онъ сидитъ ,
 Какъ лишній гость , въ бесѣдѣ шумной ,
 И тихо гаснешь , и глядишь
 На гробъ съ улыбкою безумной ! —

О Римъ , о призракъ гробовой ,
 Разбей скрижаль воспоминаній ,
 Какъ нищій съ вѣхою сумой —
 Не собирай мірскія дани.
 Чѣло жизнь твоя ? — Какъ дымъ , какъ тѣнь ,
 Какъ блѣдный мѣсяцъ въ яркій день ! . .
 Такъ расшуйсь , земля сырая —
 Пусть тѣнь исчезнетъ гробовая ! —

Ты просишь вздоховъ , жаждешь слезъ ,
 О Римъ , но кто тебя оплачетъ ?
 Чей геній образъ твой означитъ ?
 Съ тобой — великихъ міръ исчезъ ,
 И сердцу грустно , сердцу больно ! . .
 Сокройсяжъ , призракъ гробовой !
 Нѣтъ , слезъ вселенной не довольно —
 Скропитъ бездушный пепель твой ! —

Поэтъ съ возвышенной душой ,
 Среди развалины печальной
 Въ себѣ , какъ въ безднѣ , углубленъ —
 Ты слышишь гимнъ вѣковъ прощальной ;
 Съ тобой бесѣдуетъ Кашовъ ,
 И при лампадѣ блѣднолунной ,
 Звучитъ на лирѣ сладкострунной
 Торквато Тассъ или Маронъ .

Достойны ты сихъ пѣсней неба . .
 Но мнѣ завиденъ пивой удѣлъ !
 Къ тебѣ , подь кровь лазурный неба ,
 Не разь душою я лепилъ ,
 Не разь съ родимою Невою
 Прощался я . . по не солгу —
 Прикованъ мачихой судьбою ! . .
 (Нѣшь денегъ — ѣхать не могу) .

Пойду пѣшкомъ ! трудовъ награда —
 Вѣковъ пеплѣная громада
 Во всей печальной красотѣ
 Предстанеть мнѣ . . . и не въ мечтѣ !
 И я развалину измѣрю ,
 Я взоромъ жаднымъ обниму
 Весь рядъ могилъ — проникну тѣму —
 И звукамъ Байрона повѣрю .

Примижь подь свой радушный кровь
 Роднаго гостя , Шевыревъ !
 Я знаю , звукъ октавы пѣжной
 Тебя плѣнилъ , тебя увлекъ :
 Но сердцемъ — Русской человекъ —
 Ты не забылъ нашъ Сѣверъ снѣжной !
 Когда услышишь : *здравствуй , другъ !*
 Узнаешь ты родимый звукъ .

И звукомъ ты заплашишь звуку !
 И скажешь : *здравствуй , радъ душой !*
 И Спр. . кому прощавешь руку ,
 Какъ въ той лачугѣ вѣковой ,
 Гдѣ мы такъ дружно праждовали ,
 Гдѣ спорамъ не было конца ,

И ошь фигляровъ мы не ждали
Себѣ лавроваго вѣнца.

Богъ съ нимъ: ошь насъ ли онъ зависить?
Нашъ долгъ — шолву глупцовъ презрѣть,
Чтобъ смѣло чувствовашъ и пѣшь!

Насъ не унизишь, не возвысишь

Несправедливая хула,

И покупная ихъ хвала.

Мы не полземъ, какъ червь убогой —

Но прямо — въ даль — прямой дорогой —

И прямо къ цѣли мы дойдемъ,

Опчизитъ въ жертву принесемъ

Все, что намъ небо даровало!

Не даромъ сердце билось въ насъ

И что-то съ дѣтства намъ звучало!

Обѣтованный близокъ часъ;

Святыню сердца возлѣземъ,

И для *прекраснаго* созрѣемъ.

Не забывай Москвы родной,

Она нашъ Римъ — и Римъ живой!

Покинь развалинъ мѣръ пустынный;

Его примаичивъ грустный видъ,

Но Кремль Москвы, сей Кремль старинный

Теби за все вознаградитъ!

Родомъ ближе намъ преданья. . . .

Прощай, товарищъ, до свиданья!

Трилуный.

Петербургъ.

Августа 30

1831

IV.

ТРИ ВЛЕНА.

ПОВѢСТЬ.

(окончаніе)

ГЛАВА IV.

ЕЩЕ ВЛЕНА.

Одесса. Апрель, 1823.

Не понимаю, какъ пришла мнѣ странная мысль, въ веселую минушу дать слово одному изъ моихъ пріятелей ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Харьковъ, куда онъ отправлялся по торговымъ дѣламъ. Вѣроятно, я сдѣлалъ это по склонности къ перемѣнамъ и страсти искать приключеній. Какъ бы то ни было, я не хотѣлъ измѣнить своему слову, не смотря на усиленные просьбы всѣхъ моихъ знакомыхъ. Отъ Одессы до Харькова семь сотъ верстъ, дорога дурна, селеній мало, люди негостепріимны и множество дикихъ звѣрей. Всегожь хуже то, что начиналась суровая зима.

Мы пустились въ путь 9 Ноября 1822 года, надѣясь возвратиться въ Одессу черезъ полтора мѣсяца. Товарищъ мой запасся всѣмъ нужнымъ для дороги: четверкой надежныхъ лошадей, откидной кибиткой, и проводникомъ, хорошо знавшимъ дорогу. Съ нами былъ запасъ кофію, чаю, шоколаду, рому, платья, шубъ и даже перинъ. Предусмотрительность эша необходима, по негодности постоялыхъ дворовъ, которую я зналъ опытною.

Мы съ первой ночи въ шомъ удостовѣрились, прїѣхавъ къ корчмѣ, среди пустыри, при которой не было даже конюшни для лошадей, а просто дворъ обнесенный тыномъ. Пепровичъ, кучеръ нашъ, освоенный съ Русскими обычаями, привѣсилъ къ кибиткѣ рогожку въ видѣ яслей и кинулъ туда купленное у хозяина сѣно. На дворъ стояло еще нѣсколько повозокъ.

Мы помѣстились въ жаркой избѣ, набитой Русскими извозчиками. Жара, дымъ и вонь заставляли меня ежеминутно выходить вонъ; не было ни другой комнаты, ни постели, ни даже соломы. Мы ворочались въ повозку, и въ ней провели ночь.

Веселому спутнику моему не нужно было ободрять меня; я былъ въ раю въ сравненіи съ моими Бессарабскими прїключеніями. Мы разговаривали, шутили, а ушоясь, читали или спали. Окрестности не представляли ничего, достойнаго вниманія. Кругомъ насъ видѣлись только безконечныя степи и пустыри, однообразіе которыхъ изрѣдка прерывалось полуразвалившеюся хижинкой, уродливымъ селеніемъ или какимъ нибудь деревяннымъ городишкомъ. Только въ Елисаветградѣ снова увидѣли мы лѣса; въ Кременчугѣ переправились черезъ Днѣпръ по мосту, ушверженному на лодкахъ; а близъ Полтавы увидѣли обширныя болота, и въ отдаленіи вершину памятника, воздвигнутаго на полѣ битвы, въ коей разбитъ Карлъ XII. Частый, круп-

ный дождь опилъ у меня желаніе поближе разсмотрѣть его.

По временамъ, безмолвіе пустыни нарушалось встрѣчей какого нибудь каравана, идущаго съ товарами изъ Харькова въ Одессу, или въ Москву и обратно. Караваны эти состоятъ отъ десяти до пятидесяти и ста повозокъ, запряженныхъ одной или двумя лошадьми. Извозчики, отправляющіеся обыкновенно во множествѣ, чинобъ быть безопаснѣе отъ воровъ, идутъ за повозками, молча, покуда водка не развеселитъ ихъ. Изрѣдка встрѣтишь молчаливаго путника, и то развѣ какого нибудь мужика изъ ближней деревни.

Мы оба обрадовались, добравъ до Харькова въ нѣсколько недѣль. Дурная дорога задержала насъ долѣе, нежели мы предполагали. Послѣ такого утомительнаго пути я былъ очень доволенъ столицей Украйны.

Вскорѣ послѣ моего приѣзда, я вошелъ въ лучшее общество Харькова, куда Русскіе Князья, Графы и дворяне присылаютъ сыновей своихъ и даже дочерей учиться свѣтскому обращенію и хорошему тону. Хорошій тонъ этогь не что иное, какъ Французскіе нравы. Молодые люди, учащіеся въ Университетѣ, большею частію готовятся къ военной службѣ; Студентовъ нѣсколько сотъ. **ИМПЕРАТОРЪ** Александръ употребилъ огромныя суммы на заведеніе училищъ. Въ числѣ Профессоровъ есть нѣсколько Нѣмцевъ.

Вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Одессу въ началѣ Декабря, какъ предполагалось, мы были въ это время еще въ Харьковѣ. Пріятель мой не успѣлъ окончить своихъ дѣлъ, и наконецъ объявилъ мнѣ, что принужденъ ѣхать въ Москву. Я отказался соупутствовать ему; онъ не настаивалъ, и былъ до того снисходителенъ, что оставилъ мнѣ свою повозку съ кучеромъ. Петровичъ славный малой; напивается только къ вечеру, а днемъ ведетъ себя прекрасно. Я зналъ порусски нѣсколько лишь словъ; слѣдственно мнѣ необходимо былъ человекъ, на котораго я могъ положиться.

Когда я назначилъ день моего отъѣзда въ Одессу, въ одномъ изъ знакомыхъ мнѣ домовъ предложили мнѣ довести туда Французенку, пошую, спарую и важную. Она отправлялась въ качествѣ няньки или гувернантки въ одинъ изъ Одесскихъ купеческихъ домовъ. Меня шутъ же съ ней познакомили; и хотя мнѣ вовсе не понравилась ея ученая наружность предвѣщавшая тѣмъ непріятностей въ такомъ долгомъ путешествіи, однакожъ я не могъ отказать ея просьбѣ, и согласился со всевозможною вѣжливостью.

Вечеромъ, на канунъ моего отъѣзда, явился ко мнѣ одинъ изъ Харьковскихъ знакомцевъ, молодой Русскій офицеръ, съ которымъ я былъ очень друженъ, съ просьбой дать мѣсечко въ моей повозкѣ молодой вос-

питанной дѣвучкѣ, нетерпѣливо ожидавшей случая ѣхать въ Одессу, и котораго, только за нѣсколько недѣль предъ тѣмъ, пріѣхала изъ Москвы. Услышавъ обо мнѣ, она просила моего пріятеля сдѣлать мнѣ это предложеніе. Напрасно говорилъ я ему, что взялъ ужъ въ соупницы гувернантку и что повозка моя слишкомъ мала для троихъ. „Знаю, отвѣчалъ онъ, смѣясь; но въ тѣснопѣ люди живутъ; чѣмъ тѣснѣе, тѣмъ теплѣе! Будь я на вашемъ мѣстѣ — я бы не заставилъ себя долго просить, оказать услугу женщинѣ прекраснѣйшей, отъ Москвы до Чернаго Моря. Полно-те, согласишесь; вы мнѣ спасибо скажете!“

Что было дѣлать? Ни отъ кого въ Харьковѣ не видалъ я столько ласки, никто не приглашалъ меня къ себѣ такъ часто, какъ этотъ офицеръ; боясь прослыть неблагодарнымъ, я согласился.

„А ктожь эта красавица?“ спросилъ я.

— „Клянусь честію“ отвѣчалъ онъ захохотавъ — „я знаю только ея имя — Ленокка. Но что до имени, когда дѣло идетъ о молоденькой, хорошенькой дѣвочкѣ? Кому придется въ голову справляться о немъ? Она беретъ на себя путевыя издержки.“

Онъ ушелъ, довольный успѣхомъ, а я, оставшись одинъ, размышлялъ объ этомъ имени: *Ленокка*. Вѣрно опять какая нибудь Елена, а Елены всегда приносили мнѣ несчастіе. Смѣйся

изъ за конторки своей, свѣйся, злой Іеремія! я рѣшительно Еленистъ или Еленофиль.

Я назначилъ отъѣздъ мой рано поушру слѣдующаго дня. Чѣшобъ не заставитъ ждашь себя, обѣ спутницы мои переселились на ночь съ вещами своими въ тотъ домъ, гдѣ я занималъ квартиру; однакожь я не видалъ ихъ до самой минуты отъѣзда. Подошедши къ повозкѣ, я замѣшилъ, что онѣ, молча, мѣряють другъ друга глазами. Нянька Француженка встрѣпила меня съ важностію Минервы, и объявила, что не можетъ ѣхать въ пакомъ двусмысленномъ обществѣ; что отличное воспитаніе, ею полученное, не позволяетъ ей имѣть сношенія съ этой Русской; что въ короткое мое пребываніе въ Харьковѣ, я не могъ слышать объ этой двушкѣ и увѣриться въ ея хорошемъ поведеніи; что же до ней касается, то она никакъ не намѣрена лишиться репутаціи, которою пользуется въ Москвѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Петербургѣ, пускаясь въ дальнюю дорогу съ подобной спутницей. Она намекнула мнѣ, что эта хваленая Леночка должна быть женщина не совсѣмъ почтенная, и что вѣроятно выслали ее изъ губерніи за дурное поведеніе. Тутъ я вспомнилъ, какимъ забавнымъ пономъ сказалъ мнѣ офицеръ, что у ней нѣтъ другаго имени, кромѣ: *Леночка*. Однакожь, давши слово помѣстить ее въ моей повозкѣ, я замѣшилъ почтенной старушкѣ,

что уже поздно и дѣла перемѣнить не лзя; почему и просилъ ее, вооружась терпѣніемъ, покориться обстоятельству. Но спрогая Минерва разгнѣвалась, взяла обратно свой чемоданъ и сказала мнѣ, что она ясно видитъ, что я беру съ собой эту Русскую по такимъ причинамъ, которыя не позволяютъ честной женщинѣ ѣхать съ нами вмѣстѣ.

Оскорбленный такой грубой выходкой, я отворотился отъ ней, и далъ ей волю идти на всѣ четыре стороны.

Тогда я подошелъ къ другой моей спутницѣ, горячо разговаривавшей съ Петровичемъ, и хотя ни слова не понималъ, однакожь замѣтилъ, что голосъ ея тонокъ и пріятенъ. Она стояла ко мнѣ спиной; и въ нагольномъ тулупѣ, мѣховыхъ сапогахъ и капорѣ, показалась мнѣ толста и неуклюжа. Но когда она обернулась ко мнѣ, я увидѣлъ выглядывающее изъ подъ краснаго платка, завязаннаго подъ бородкой, прелестное личико, дѣтскій рожикъ, аленькія губки, и голубые глаза, которые сверкали, какъ звѣздочки. Она заговорила со мной, потупивъ глазки, но увидѣвъ, что я ее не понимаю, черезъ Петровича объявила мнѣ, что какъ старая Француженка отказалась отъ поѣздки, по и она не поѣдетъ; потому что надѣялась пустить въ дорогу въ сообществѣ женщины. Когда я растолковалъ ей съ большимъ трудомъ, также посредствомъ Петровича, что старушка

миѣ измѣнила , не объявляя однакожь причины , и увѣрилъ , что ей трудно будетъ впередъ найти случай доѣхать до Одессы такъ покойно и скоро , она рѣшилась предать себя на волю судьбы , но съ видомъ печальнымъ и недовольнымъ . Я замѣтилъ , что Петровичъ наговорилъ ей несравнено больше того , что я ему сказывалъ , и что вмѣсто моихъ причинъ представилъ ей собственныя свои убѣжденія : изъ всѣхъ его ужимокъ видно было , что ему очень хотѣлось свезти красотку въ Одессу .

Я предложилъ ей сѣсть въ повозку , но она покачала головой , въ знакъ отказа , выражавшаго вмѣстѣ и почтеніе и благодарность ; Петровичъ сказалъ мнѣ , что она хочешь помѣститься рядомъ съ нимъ , на козлахъ . Я принужденъ былъ согласишься , и мы поѣхали .

Не скрою отъ тебя , любезный другъ , что мнѣ непріятно было видѣть эту хорошенькую дѣвушку , рядомъ съ моимъ кучеромъ . Обращеніе ея подтверждало догадки старой Француженки . Она похожа была на Русскую служанку , сосланную въ деревню . Горе этому крошечному личику , этимъ глазамъ , исполненнымъ невинности , этому аленькому рожаку !

Между тѣмъ , какъ они разговаривали на козлахъ , я скучалъ , сидя одинъ въ кибит-

къ, и почти раскаивался, что променялъ *благовоспитанную* Минерву на Русскую Леночку. Отъ нечего дѣлать, я разсматривалъ попадавшіяся мнѣ на встрѣчу толстыя фигуры, всѣ одна на другую похожія, подъ мѣховыми шапками и шубами. Но сидящіе на козлахъ, ни мало мной не занимаясь, разговаривали и смѣялись, Богъ знаетъ, чему; я былъ для нихъ точно какъ глухой, и почиталъ за счастье удостоиться иногда отвѣта отъ Петровича. Да, откровенно признаюсь себѣ, мнѣ наконецъ до того стало скучно, что я почти началъ завидовать моему кучеру и чтобъ Леночка почаще на меня взглядывала, предлагалъ ей то то, то другое изъ дорожной провизіи. Въ первый день она отъказывалась учтиво, по своему, съ видомъ робкимъ и застычивымъ; на другой выпила нѣсколько капель мадеры съ сахаромъ; и я восхищался, видя какъ мало по малу осваивается моя полу-дикая, которая сначала, кажется, боялась меня потому, что я не понималъ ея словъ. Съ ней также былъ запасецъ; она пощивала меня имъ, въ первой корчмѣ, гдѣ провела ночь, равно какъ и Петровичъ, между шѣмъ какъ я оставался въ кибиткѣ.

Я не могъ понять, отъ чего Леночка, съ личикомъ, которое могло бы служить украшеніемъ блестящихъ собраній, вообще имѣла въ себѣ что то простое, тяжелое; она ступала, какъ неуклюжал Русская крестьянка; тѣло-

движенія: ея были самымъ надежнымъ щипомъ прошивъ ея прелестнаго личика.

На третій день, около Полтавы, кибитка наша увязла въ болотѣ. Мы принуждены были выдти. Провозившій съ Петровичемъ около часа и употребивъ все усилія спасти кибитку и лошадей, терявшихъ уже послѣднія силы, я замѣнилъ, что Леночка упала въ грязь, и не можешь изъ ней вылезть; я подбѣжалъ къ ней, взялъ на руки, и самъ по колѣна въ болотѣ, вынесъ ее на сухое мѣсто. Она плакала, сердце мое надрывалось отъ состраданія; мнѣ хотѣлось осушить слезы ея поцѣлуями.

Мы съ Петровичемъ снова принялись за работу, безъ малѣйшей надежды на успѣхъ. Городъ былъ такъ близко отъ насъ, что вѣрно тамъ слышали нашъ крикъ; но никто не любопытствовалъ придти, взглянувъ, что съ нами дѣлается. Подозвавъ ѣхавшихъ мимо извозчиковъ, мы предлагали имъ деньги, если они намъ помогутъ; но они посмѣялись нашему горю, и поѣхали. Такъ прошло три часа; плашье наше до того покрылось грязью, что мы почти не походили на людей, и Богъ знаешь, чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ сдѣлавъ отчаянное усиліе, мы не успѣли наконецъ высвободить кибитки и вытащить ее на сухое мѣсто.

Леночка между тѣмъ кой какъ очисти-лась; но тогда лишь замѣнилъ я, что она

потеряла одинъ сапогъ , и что только иппанный тонкій чулокъ прикрываль ея ножку , маленькую и стройную , что составляло чудную противоположность съ огромными сапожищами . Она дрожала отъ холода ; я предложилъ ей сѣсть въ кибитку , и Петровичъ великодушно упрасиваль ея согласиться на мое предложеніе , чувствуя по себѣ , какъ ей будетъ холодно на козлахъ . Я помѣстился подлѣ ней , и мы вѣхали въ Полшаву .

Мы остановились въ изрядной гостиницѣ , гдѣ Петровичъ напился пьянъ . Леночка отдалась подлѣ покровительства хозяйкѣ , а я , въ ожиданіи ночи , шатаюсь по городу . Возвращаясь , ошибкой , вмѣсто своей горницы , зашелъ я въ другую , и спохватился , увидѣвъ , что у окна сидитъ пожилая женщина , а передъ ней стоить прекрасная молодая дѣвушка , въ щегольскомъ дорожномъ платьѣ , обрисовывающемъ стройный ея станъ , съ длинными , русыми волосами , кои падали кольцами вокругъ прелестнѣйшей въ мірѣ головы . Услышавъ шаги мои , дѣвушка обернулась , и я узналъ въ ней Леночку . Она , какъ казалось мнѣ , была въ смущеніи , и стала что-то говорить мнѣ съ жаромъ . Не понимая словъ ея , я разполковаль ея знаками , что ошибелъ дверями ; тогда старуха встала и отвела меня въ мою комнату .

Такъ вотъ какую Сильфиду вытащилъ я изъ болота и несъ на рукахъ! Горе этой красотѣ, такъ искусно прикрытой маскою!!

Я увидѣлъ ее не прежде, какъ въ самую минуту отъѣзда, но опять въ прежнемъ нарядѣ, съ огромными лапами; потому что она купила новые мѣховые сапоги. Лице ея было блѣдно и носило отпечатокъ снраданій; Петровичъ сказалъ мнѣ, что ее во всю ночь прѣсела лихорадка и что она жалуется на сильную головную боль. Не заставляя много себя просить, она съѣла въ кибитку подлѣ меня; потомъ, прислонясь къ задку головою, закрыла глаза, и казалось, заснула.

Тутъ я могъ на свободѣ разсмотрѣть прекрасную соразмѣрность во всѣхъ чертахъ грѣшной пупешественницы. До сихъ поръ я еще не осмѣливался такъ долго глядѣть на нее; она была похожа на кающуюся Магдалину и исполнила сердце мое жалости. Я представлялъ себѣ видѣнный мною наканунѣ легкій станъ, теперъ закутанный въ шубу, и маленькую, спройную ножку, спрятанную въ тяжелый сапогъ, и готовъ былъ плакать, что такое совершенное швореніе природы погублено дурнымъ воспитаніемъ и пороками свѣта.

Она весь день почти ничего не ѣла. Участвіе мое возрастало съ каждой минутой; я жалѣлъ, что, живши такъ долго въ Одессѣ, не выучился порусски. Еслибъ по крайней мѣрѣ

была со мною Грамматика Лавая, чѣобы по-
заимствоваться изъ нее какими нибудь выра-
женіями! Какъ я завидоваль Петровичу, ко-
торый могъ говорить съ нею! Правда, онъ
служиль мнѣ переводчикомъ; но отвѣты Ле-
ночки шеряли всю прелестъ, проходя сквозь
его губы.

Не прежде какъ къ вечеру, согласилась
она на мои усильныя просьбы, и пошла не-
много. По видимому, она замѣнила мое без-
покойство о ея болѣзни, и сказала черезъ
Петровича, что ей легче. Поутру Леночка
показалась мнѣ Магдалиною: я находиль что-
то ангельское въ ея улыбкѣ.

Мы не могли доѣхать въ эпошъ день до
Кременчуга, но остановились на ночь въ воню-
чей лачугѣ, набишой мужиками. Моя кающаяся
Магдалина, поговоривъ съ неопрятной хо-
зяйкой, просила у меня позволенія, все по-
средствомъ нашего переводчика, провести
ночь въ кибиткѣ, потому что въ корчмѣ
не было ни особливой комнаты, ни свѣжей
соломы. Я и самъ намѣренъ былъ предло-
жить ей это теплое и покойное убѣжище;
она помѣстилась тамъ, между ирѣмъ какъ я за-
стегиваль кругомъ ея кожаныя занавѣски,
Петровичъ сказалъ ей, что она можетъ по-
чивать покойно, потому что я, не чувствуя
усталости, займу свое мѣсто не прежде какъ
черезъ нѣсколько часовъ; но я рѣшился уже

ночевать въ корчмѣ, чтобъ не прерывать сна ея, столько для ней нужнаго.

Не возможно вообразить, до какой степени отвратительны степныя Русскія корчмы. Кушанье варятъ въ комнатѣ, куда теплоша привлекаетъ всѣхъ, домашнихъ и дорожныхъ, и отъ которой куры и свиньи отдѣлены одною шонкою перегородкою. Воздухъ зараженъ чадомъ отъ горшковъ, табашнымъ дымомъ, виннымъ запахомъ, и испареніями людей и животныхъ. Напившись допьяна, каждый ложится на свою шубу, и засыпаетъ гдѣ попало, кто на полу, кто на скамейкахъ. Я заблаговременно занялъ изрядное мѣстечко подлѣ окна; и все таки принужденъ былъ выходить нѣсколько разъ ночью, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Я подходилъ къ повозкѣ, посмотреть, спокойно ли спитъ моя Магдалина. Какое небесное чувство лишать себя удобствъ жизни для успокоенія существа спраждающаго! Тутъ я вполне понялъ неизъяснимое удовольствіе, которое чувствуетъ мать, жертвуя своимъ покоемъ для ребенка и проводя безсонныя ночи у его колыбели. Къ утру только заснулъ я крѣпкимъ сномъ, и не проснулся даже отъ шума уѣзжавшихъ извозчиковъ.

Солнце было высоко, когда я проснулся; Магдалина стояла съ Петровичемъ у окошка, и сама, приготавливала кофій. Ея дружеское привѣтствіе, выразительный взоръ, брошен-

ный ею на внутренность нечистой комнаты и на мою постель, были несравненно краснорѣчивѣе всѣхъ выражений благодарности, переданныхъ мнѣ Петровичемъ. Подкрѣпленная сномъ, она показалась мнѣ еще лучше, нежели когда нибудь; я восхищался, увидѣвъ что румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ, когда я, дружески ей поклонившись, схватилъ ея руку; онъ служилъ доказательствомъ, что молодая грѣшница не совсѣмъ еще разнакомилась съ чувствомъ стыда, самой природой вдохнутымъ въ сердце женщины. Я съ удовольствіемъ принялъ изъ ея прекрасныхъ ручекъ завтракъ, который она подала ловко и непринужденно.

Благодарность перемѣнила прежнюю ея холодность и дикость въ скромную довѣрчивость. Больше всего былъ я тѣмъ доволенъ, что суровое личико ея прояснѣло вмѣстѣ съ облегченіемъ головной боли и уступило мѣсто тихой веселости. Даже походка ея сдѣлалась совершенно другая; и я пораженъ былъ, видя, какъ щеголевато завернулась она въ шубу, и какъ ловко передвигала медвѣжьи ноги свои, подходя къ повозкѣ.

Ни гдѣ не лѣзя такъ скоро свыкнуться и стать необходимыми другъ для друга, какъ сидя въ тѣсномъ пространствѣ дорожнаго экипажа, неразлучно, нѣсколько недѣль сряду; тамъ никого не видишь, никого не

знаешь, кромѣ своего спутника. Полагаю, что такимъ образомъ я могъ бы сдѣлаться другомъ величайшаго злодѣя и привыкнуть къ отвращительнѣйшему въ мірѣ лицу.

Откровенно признаюсь тебѣ, добрый Іеремія: я запылалъ любовью къ Харьковской Магдалинѣ; тяжело было мнѣ вѣчно оставаться въ границахъ, которыя она будто бы перешагнула, и скрывать мои чувства, которыхъ она не стоила. Иногда желалъ я, чтобъ она была не такъ прекрасна, или былабъ болѣе добродѣтельна; часто, подшерегая взоры ея, исполненные невинности и топчасть скромно отвращаемые, я готовъ былъ тысячу разъ присягнуть за ея непорочность. Но я зналъ, что самыя презрѣнныя твари искусно умѣютъ облекать себя наружностію чистоты и невинности!

Въ этомъ пущи я больше выучился по-русски, нежели въ нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ Одессѣ. Петровичъ былъ моимъ словаремъ и грамматикой; я чувствовалъ необходимость говорить съ Русскою красавицею; и удивлялся снисхожденію и кротости, съ которыми она удерживала улыбку всякій разъ, когда я коверкалъ ея природный языкъ.

Я, сколько возможно, старался ночевать и кормить лошадей въ городахъ, и всегда упрасивалъ спутницу мою проходитьъ по нимъ вмѣстѣ со мною. Да, ослабляйся, Іере-

мія, ослабляйся, сколько хочешь! Безъ ней я не находилъ удовольствія.

Кремепчугъ на Днѣпрѣ обширенъ, но не многолюденъ; всѣ дома деревянные. Лучшее мѣсто площадь, на которой производится большой торгъ, по близости ея отъ Днѣпра. Наводный мостъ, длиною въ триста футовъ, сильно пострадалъ при вскрытіи льда; съ большими затрудненіями позволили намъ перейти по немъ въ повозкѣ. Чего никакъ не хотѣли сдѣлать для бѣдныхъ извозчиковъ, стоявшихъ на берегу уже нѣсколько дней, но сдѣлали для насъ, потому что спусница моя умѣла ксташи блеснуть въ глаза корыстолюбивому таможенному приставу кошелькомъ, полнымъ золота. Въ первый разъ увидѣвъ въ ея рукахъ такъ много денегъ, я почувствовалъ непонятную грусть. Несчастная! подумалъ я, какой цѣной приобрѣла ты это богатство?

Елисаветградъ, названный такъ въ честь Императрицы Елисаветы, также обширенъ, но имѣетъ не болѣе пяти или шести тысячъ жителей. Дома въ немъ вообще деревянные, исключая церквей, складенныхъ изъ камня. Улицы, какъ и въ цѣлой почти Россіи, не мощены.

Мы приближались къ цѣли нашего странствованія. Какъ скоро промчалось для меня время! Я желалъ, чтобы Одесса отодвинулась еще

на нѣсколько сошень верстѣ. Ни одинъ садъ, украшенный дарами весны, не говаривалъ еще душѣ моей такъ краснорѣчиво, какъ необозримое, холодное пространство степей и лѣсовъ, отдѣляющихъ Украину отъ Чернаго Моря. Я былъ такъ счастливъ подлѣ этой Магдалины, которая скромной улыбкой добросердечія отклоняла всякую неприличную короткость! Именно этогъ благородный видъ, можешь быть, притворный, дѣлалъ мнѣ съ каждымъ днемъ милѣе. Наконецъ я не зналъ, что заключить объ ней; она при малѣйшемъ покушеніи моемъ, уклонялась отъ меня, подобно какъ травка *недотрога* свертывается отъ чужаго прикосновенія; не ужели для того, чтобъ привлекать, прельщать? Былъ ли то въ ней голосъ раскаянія, или робкая стыдливость невинности? Но этогъ кошелекъ съ золотомъ въ рукахъ дѣвушки молодой и прекрасной, не побоявшейся пуститься черезъ степи съ двумя мужчинами!!

Загадка скоро разгадалась.

За два дня до пріѣзда нашего въ Одессу, послѣ заката солнца, Магдалина просила меня велѣть остановиться передъ уединеннымъ домикомъ. Оставалось не болѣе трехъ верстѣ до очень изрядной гостиницы, гдѣ мы предполагали ночевать; но ей давно ужъ хотѣлось пить, и потому она вышла спро-

ситъ стаканъ воды. Изъ дому раздавались смѣшенные голоса и громкій хохотъ. Вскорѣ мы слышали крикъ Магдалины. Съ быстротою молніи выскочилъ я изъ кибитки и кинулся къ ней. Тамъ пятеро пльныхъ Русскихъ мужиковъ, обступивъ бѣдную дѣвушку, обременяли ее своими отвратительными ласками. Я бросился на нихъ, билъ на право и на лѣво, и, поваливъ двоихъ, освободилъ мою Леночку, убѣжавшую, покуда я справлялся съ остальными.

Не знаю, какъ бы я отдѣлался отъ этой неровной битвы, еслибъ одинъ изъ мужиковъ не выронилъ изъ рукъ ноженка, который упавши, пошухъ; пользуясь темнотою, я ушелъ, сѣлъ въ повозку, и мы помчались во весь опоръ.

Разсказывая Петровичу случившееся съ нами, я почувствовалъ, что меня ранили; теплые ручьи крови текли по щекъ. Чтобъ не испугать моей спутницы, я промолчалъ, и завязалъ голову платкомъ; послѣ того, ослабѣлъ, и приклонясь къ повозкѣ, заснулъ безпокойнымъ сномъ.

Открывъ глаза, я, съ изумленіемъ, увидѣлъ, что уже давно день. Я лежалъ на тюфякѣ въ скверной, хошя и теплой комнатѣ, прикрытый шубой и плащемъ. Магдалина стояла подлѣ меня на коѣнахъ, съ красными, разпухшими отъ слезъ глазами. Когда я взянулъ на нее, она опустила мою руку,

которую взяла было, чтобы пощупать пульсъ. Я пристально глядѣлъ на ея прекрасное лице и думалъ, что меня обманываетъ сновидѣніе. Она также смотрѣла на меня, съ безпокойствомъ, неподвижно. Наконецъ я услышалъ пріятный ея голосъ, и ужаснулся; я уже зналъ, что не сплю, и все таки не вѣривъ ушамъ своимъ.

— „Боже мой! вы не узнаете меня! спросила она въ полголоса, чистымъ Нѣмецкимъ языкомъ, который выговаривала очень хорошо, хотя въ произношеніи и было замѣтно нѣчто чужестранное.

„Какъ!“ вскрикнулъ я, испугавшись, и приподнялся, опираясь на локти: „гдѣ я? Что со мной происходитъ!“

— „Успокойтесь ради Бога! сказала она; опасность прошла, не тревожьтесь. Каково вамъ? Не хотите ли чаю?“

Я протеръ глаза и снова устремилъ ихъ на нее. „Вы — точно вы ѣхали со мною, спросилъ я; ктоже такъ скоро выучилъ васъ говорить понѣмецки?“

— „Безпокойство“ — отвѣчала она съ смущеніемъ, и покраснѣвъ, приподнялася.

„Вы знаете Нѣмецкій языкъ, сказалъ я, и такъ долго лишали меня удовольствія говорить съ вами?“

Она смутилась еще болѣе, прошептала нѣсколько извиненій, и обратила разговоръ на то, что въ эту минуту, по словамъ ея, было всего

важныѣ, то есть на слабоснѣ моего здоровья. Чувствуя себя совершенно здоровымъ, исключая небольшой головной боли, я вспрыгнулъ съ постели, и тогда только, приѣхавъ, что плащѣ мое все въ крови, узналъ о происходившемъ.

На канунъ этого дня, Леночка и Петровичъ, видя что я пересналъ отвѣчать на ихъ вопросы, подумали, что я сплю. Но оставаясь у корчмы и удивляясь, что я лежу въ кибиткѣ безъ движенія, велѣли подать огня и увидѣли что я блѣденъ и окровавленъ. Тогда перенесли меня въ эту комнату, гдѣ я черезъ нѣсколько времени опомнился; меня заставили выпить нѣсколько чашекъ чаю; потомъ обмыли рану и снова перевязали, послѣ чего я впалъ въ глубокой сонъ, не прерывавшійся во всю ночь.

Покуда милыя ручки моей попечительной сестрицы приготовляли на кухнѣ заширакъ, вѣрный Петровичъ пришелъ ко мнѣ съ извлеченіями радости, причиненной ему моимъ выздоровленіемъ. Отъ него узналъ я, что Леночка едва не упала въ обморокъ, увидѣвъ, въ какомъ я положеніи; она горько плакала, сама обмыла рану мою, и всю ночь провела безъ сна у моей постели. Петровичъ, лежавшій въ боковой комнаткѣ, увѣрялъ что слышалъ, какъ она тихо плакала; но боясь стукнуть и обезпокоить ее, не смѣлъ взойти и узнать, что съ нею дѣлается. Разсказъ Петровича

меня чувствительно тронулъ. Нѣтъ, думалъ я; не можетъ статься, чтобъ она была существо презрѣнное; да хотя бы и такъ, все я не могу не любить ее!

Петровичъ, полагая что мы будемъ принуждены долго пробыть тутъ, внесъ въ горницу всѣ наши вещи. Я перемѣнилъ бѣлье и платье, и когда Леночка взошла съ завтракомъ; прекрасна какъ утренняя зоря, и села подле меня на сундукъ, я невольно подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее руку; и, со слезами на глазахъ, называлъ ее спасительницей моей жизни. „Да“ — отвѣчала она, покраснѣвъ — „жизни, которою вы за нѣсколько передъ тѣмъ минуешь для меня жертвовали.“

О другъ мой! Ты не постигашь всей красоты нашего языка, не слыхавъ его изъ алыхъ ея губокъ: его благородные звуки въ устахъ Леночки иибуотъ какую то особенную, восхищительную прелесть; они тихи, какъ вздохъ вѣшняго вѣтерка въ Золотой арфѣ; они слаще, звучнѣе окшавъ Италіянскихъ!

Въ тотъ же день мы добхали до Одессы. Какая нѣжная попечительность! Передъ отъездомъ, она еще разъ перевязала мою рану. Милый Іеремія! кто не позволишь Русскимъ мужикамъ проломить себѣ голову, лишь бы такія ручки перевязали потомъ рану. Слезы

состраданія блиспали въ глазахъ Леночки ; какъ я благодарень своей ранѣ ! Теперь мы обходились другъ съ другомъ безъ малѣйшаго принужденія ; сердце ея было для меня совершенно открыто. Этошь послѣдній день вознаградилъ меня за долговременное молчаніе.

Можешь себѣ вообразить, что я не щадилъ упрековъ за то, что она, изъ непонятнаго эгоизма или гордости, скрывала отъ меня во все время путешествія нашего по степямъ, что знаетъ Нѣмецкій языкъ и можетъ имъ свободно говорить. Но она такъ хорошо умѣла оправдываться, что я принужденъ былъ, на счетъ ума, отдать ей преимущество предъ самой Пенелопой.

Боясь пустишься въ такой дальній путь съ мужчиной, ей совершенно незнакомымъ, она прибѣгла къ хитрости, но не изъ числа употребляемыхъ обыкновенно другими женщинами ; и, хотя очень хорошо знала Французскій и Нѣмецкій языки, выдала себя за простую Русскую дѣвушку, твердо рѣшившись не говорить иначе, какъ на природномъ своемъ языкѣ, дабы избѣжать всякой сомной короткости и предотвратитъ всякое со стороны моей волокитство. По тойже причинѣ показывала она столько неловкости въ походкѣ и обхожденіи. Увидѣвъ же, что я достоинъ ея довѣренности, отказалась она отъ принятой роли, самой шя-

желой для женщины и перестала притворяться уродомъ.

Милая героиня моя рассказала мнѣ сверхъ того, что, во время недовѣрчивости ея ко мнѣ, она твердо рѣшилась остаться въ стени, какъ скоро замѣтила бы малѣйшее къ себѣ неуваженіе. Она въ чемоданчикѣ своемъ везла даже полный арсеналь; и показала мнѣ заряженный карманный пистолеть и кинжаль осыпанный дорогими каменьями.

Леночкѣ, не меньше моего, хотѣлось вознаградишь себя за долгое, добровольное молчаніе, откровеннымъ, дружескимъ разговоромъ, и вполне предашь наслажденію довѣрчивости; споль свойственной людямъ, которые нѣсколько недѣль сидѣли рядомъ въ повозкѣ вмѣстѣ, переносили всѣ неудобства, видѣли одно и тоже, получали одинаковыя впечатлѣнья. Вотъ что она рассказала мнѣ:

Елена или Леночка — (какъ ее обыкновенно называли въ Россіи) — произошла отъ благородной Польской фамиліи, разорившейся въ Костюшкину революцію. Отець ея, преслѣдуемый несчастіями, умеръ на чужбинѣ. Мать Леночки, родомъ изъ Германіи, потѣхала съ нею въ Россію къ сестрѣ, жившей въ одной изъ Россійскихъ Губерній и весьма богатой по мужу. Тамъ она умерла, и бездѣт-
ная шетка Елены, воспитала племянницу съ

нѣжностію матери. Но Елена была счастлива до тѣхъ полѣкъ порѣ, пока жила тетка, умершая когда наступилъ ей семнадцатый годъ. Дядя сдѣлалъ дурачество, женись вторично на молодой жѣнщинѣ, имѣвшей цѣлу слабостей, изъ которыхъ самую проспительною была: страсть къ удовольствіямъ. Вскорѣ простота и пишина, царствовавшія дополѣ въ домѣ, замѣнились непрерывными празднествами, гдѣ господствовали роскошь и невоздержаніе. Елена могла обратитъ на себя взоры и вниманіе гостей; а это не нравилось жѣнщинѣ властолюбивой, хотѣвшей быть единственнѣмъ предметомъ любви и удивленія. Прошло еще нѣсколько времени, и Елена вполне почувствовала сиротство свое и одиночество. Тогда прибѣгла она къ единственному, остававшемуся ей другу, пожилому Графу, котораго съ давнихъ порѣ привыкла называть отцомъ. Онъ взялъ ее изъ дядина дома, въ которомъ она подвергалась всякаго рода оскорбленіямъ и отвезъ въ свою деревню, гдѣ Елена была для старика почтительной, благодарной дочерью.

Но ласки дѣвушки, исполненныя дѣтской любви, пробудили въ сердцѣ его, чувства любви болѣе нежели родительской: оледененный годами старикъ запылалъ огнемъ, составляющимъ обыкновенно муку юности. Онъ открылъ ей чувства свои и предло-

жилъ свою руку съ большею частію имѣнія. Елена, предпочитавшая имя дочери званію супруга, съ признательностію отказалась отъ предложенія, которое дѣлало ей честь, но было не по сердцу. Не взирая на отказъ, старикъ попрежнему ей благодѣтельствовалъ; но во взаимномъ ихъ обращеніи родилась какая-то непріятная принужденность.

Въ это самое время сынъ Графа возвратился изъ Пешербурга. Онъ принадлежалъ къ числу людей, избалованныхъ огромнымъ богатствомъ, полуобразованныхъ и безхарактерныхъ. Не имѣя самъ возвышенныхъ чувствъ, онъ не вѣрилъ добродѣтели женщинъ и съ перваго дня началъ преслѣдовать Елену пѣжностями и угожденіями. Чѣмъ дольше онъ жилъ съ ней, тѣмъ страсть его становилась сильнѣе, и наконецъ дошла до того, что онъ спалъ просить руки ея, не взирая на данную имъ себѣ клятву, никогда не обременять себя шоль тяжкими узами.

Елену со всѣхъ сторонъ мучили; сынъ изъявленіями страсти; отецъ ревностію къ сыну, въ которомъ видѣлъ опаснаго соперника. Онъ чувствовалъ необходимость разлучить ихъ, и боясь, чтобы послѣ его смерти Елена не сдѣлалась жертвою молодаго Графа, заблагоразсудилъ тайно отправить ее въ Одессу, препоручивъ тамъ стариннымъ своимъ пріятелямъ. Какъ скоро она согласилась на ошъездъ, старикъ снабдилъ ее, даже

съ избыткомъ, всѣмъ чшо нужно для пути и общаь обезпечить судьбу ея на будущее время. Елена, отправилаь въ хорошемъ обществѣ въ Петербургъ, потомъ въ Москву и Харьковъ, гдѣ жила у одного почтеннаго семейства, подъ именемъ Леночки, выдавая себя за гувернантку, ѣдущую въ Одессу.

Сколько мнимое званіе Елены, столько, полагаю, красота ея и молодость подвергли ее многимъ непріятностямъ въ этомъ домѣ, куда ежедневно приходило множество студентовъ и офицеровъ. Но, какъ ни хотѣлось ей оставить Харьковъ, она не рѣшалась ѣхать иначе, какъ въ надежномъ сообществѣ, зная по опыту грубость ямщиковъ, когда они имѣють дѣло съ беззащитною женщиною.

Улышавъ, что я ѣду въ Одессу, она просила меня, посредствомъ офицера, посѣщавшаго домъ, гдѣ жила, дать ей мѣсто въ моемъ экипажѣ, и изъ предосторожности, чтобъ ея щеголеватая одежда не бросилась въ глаза степнымъ жишелямъ, одѣлась въ простое платье служанки. Она очень понравилась доброму Петровичу, котораго видѣла въ Харьковскомъ пражирѣ, въ вечеру передъ нашимъ отъѣздомъ, и распросила обо мнѣ и старой Французенкѣ.

Елена уже рѣшилась пуститься въ дорогу, какъ вдругъ негодование Минервы поко-

лебало ея твердость: но доводы и просьбы Петровича, соединясь съ собственнымъ ея нежеланіемъ возвратиться назадъ въ Харьковское свое жилище, положили конецъ сомнѣніямъ; а можетъ быть — (позволь мнѣ льстить себя этой пріятной надеждой) — я самая наружность моя вдохнула въ нее довѣренность ко мнѣ. Мнѣ кажется: женщины вообще большія фізіономистки.

Могъ ли я думать когда нибудь, что рана въ голову, нанесенная въ степяхъ Херсонскихъ, доставитъ мнѣ прелестнѣйшій день въ жизни? Съ какимъ восторгомъ слушала я признаніе прелестной сироты, признаніе, что одна недоувѣрчивость къ собственной твердости препятствовала ей отвѣчать мнѣ лаской на ласку! Въ ночь самый день, когда я, подъ Полтавой, вынесъ ее изъ грязи, и потомъ, сострадая о бѣдной, уступилъ ей мѣсто въ повозкѣ, рѣшаясь провести самъ ночь въ неопрятной, безпокойной корчмѣ, она — почему не повторитъ мнѣ собственныя ея слова, Іеремія? — она исполнилась ко мнѣ довѣренности и почтенія, желала говорить со мной, вывести меня изъ заблужденія! И узналъ также, что ночью она видѣла, какъ я подходилъ къ повозкѣ, чтобы увѣриться, хорошо ли, покойно ли ей!

Съ своей стороны я чистосердечно признался, какихъ будь объ ней мыслей, и, плаща откровенностію за откровенность, описалъ ей всю мою жизнь, мои чувства, моя странствования; говорилъ о нашемъ достопочтенномъ городкѣ, о тебѣ, Іеремія, наконецъ, обо всемъ, кромѣ двухъ Еленъ, которыхъ любилъ никогда; я не сказалъ ни слова ни объ нихъ, ни о томъ, что изъ всѣхъ возможныхъ Еленъ, могу одну только ее любить истинно.

На послѣдней станціи, Елена, снявъ съ себя простое платье, онадала бѣдной хозяйкѣ дома, гдѣ мы остановились. Я не узналъ моей спутницы. Не такъ прелестна была Афродита, выходящая изъ волнъ морскихъ, какъ эша сѣверная красота, сбросившая съ себя тяжелую шубу Русской крестьянки.

Елена покраснѣла и пошупила глаза, замѣливъ мое удивленіе; казалось, она сама пугалася красоты своей. Чѣмъ ближе подъѣжали мы къ Одессѣ, тѣмъ мнѣ было грустнѣе: я долженъ былъ расстаться съ той, которая мнѣ такъ долго принадлежала!

— „Могули надѣяться“ — говорила она тихимъ, трогательнымъ голосомъ — „могули надѣяться, что разположеніе ваше ко мнѣ не переменится въ Одессѣ? Я не знаю людей, которымъ Графъ меня препоручаетъ. Если буду имѣть нужду въ совѣтѣ и подпорѣ, къ кому мнѣ обратиться, кромѣ васъ? Кто луч-

не васъ знаетъ безпомощное, жалкое мое положеніе?»

Слезы струились по ея щекамъ — и по моимъ; я не могъ выговорить ни слова; взявъ преспеющую ея руку и прижалъ къ моему сердцу; она не отдернула ее, и я вполнѣ чувствовалъ мое счастье! молчалъ, но молчаніе это было въ тысячу разъ краснорѣчивѣе всего, что сказано было на канупѣ; взаимная довѣренность породила между нами сочувствіе душъ чистыхъ, которыя безъ словъ понимаютъ другъ друга.

Уже повозка наша качившаяся по улицамъ города, остановилась у воротъ гостиницы. Помѣстивъ тамъ Елену и снабдивъ ее всемъ необходимыхъ, я пошелъ съ Пещровичемъ въ скромное мое жилище.

Г л а в а VII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ЕЛЕНОФИЛА.

Константинополь, Іюль 1823 года.

Что, богобоязливый Іеремія? не испугался ли ты, получивъ это письмо изъ столицы Турецкаго Султана? Не бойся, любезный! Хотя Падишахъ невѣрныхъ и желалъ бы истребить весь родъ Христіанскій, однакожь не смотря на то, онъ весьма великодушенъ. И не заслужилъ ли онъ удивленія

всей Европы великимъ предпріятіемъ искоренить Грековъ, этихъ дерзкихъ мятежниковъ, нехотѣвшихъ добровольно подвергаться грабежу и оскорбленіямъ Пашей и Деевъ и осмѣлившихся думать, что они такіе же люди, какъ Турки!

Мусульмане смотрятъ на Грековъ почто также, какъ мы на Евреевъ. И дѣйствительно, что сказалибы Христіане, еслибы все Жиды, соединясь, вдругъ ополчились, чтобы положить конецъ униженію своему и гоненіямъ почти во всѣхъ государствахъ Европы? Вѣрнобы не оправдали ихъ! Мусульмане еще менѣе расположены одобрять высокотрныя требованія Грековъ, хотя сіи послѣдніе, конечно, имѣють полное право выгнать этихъ варваровъ приходшихъ изъ Азіи и единственно по праву сильного завладѣвшихъ наслѣдіемъ Еленъ. Но вѣролно, въ Турецкихъ законахъ не упоминается о правахъ наслѣдія; право сильного сильнѣе правъ гражданскихъ и божественныхъ и — *beati possidentes!*

Я былъ вѣрнымъ и неутомимыхъ чичероне прекрасной Елены, познакомилъ ее съ семействами, въ дома которыхъ имѣлъ входъ съ давнихъ поръ, и проводилъ въ жилище новаго покровителя, которому препоручалъ ее старый Графъ. Хотя тамъ приняли ее съ должнымъ уваженіемъ, однакожь она просила позволенія нанять себѣ особенную квартиру, потому что Одесскій покровитель не

совѣтъ ей нравился; онъ цѣлый день пилъ и шолько поушру былъ презвъ; семейство его, разхваленное Еленѣ старымъ Графомъ и можетъ быть весьма любезное за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, состояло шеперь изъ нѣсколькихъ веселыхъ и злоязычныхъ старушекъ, вовсе не милыхъ и едвали почтенныхъ.

Старый Графъ ошибся въ людяхъ, которыми препоручилъ бѣдную сиротку; онъ забылъ, что быспрощенное время уноситъ съ собой красоту и любезность. Но Елена имѣла еще большую причину сѣтовать на него и беспокоиться, потому что онъ, казалось, забылъ обѣщаніе не оставлять ее и въ Одессѣ своими благодѣяніями. Она къ нему писала, но отвѣта не было; такъ прошло три мѣсяца.

Между тѣмъ я всегда видѣлъ ее веселою въ обществѣ нашихъ знакомыхъ и у ней, когда бывалъ приглашенъ вмѣстѣ съ другими; потому что, съ перваго дня пріѣзда въ Одессу, я лишился права видѣть ее наединѣ. Откровенно признаюсь тебѣ, Іереміа, я начиналъ уже сомнѣваться; какъ и ты вѣрно шеперь сомнѣваешься, въ чистосердечіи Елены и существованіи стараго Графа, и думалъ, что все рассказанное ею, выдумка. Въ противномъ случаѣ, какъ бы могъ эшотъ великодушный благодѣтель не писать къ ней шолько времени, и какъ могла бы она быть такъ покойна?

Для чего же было ей обманывать меня? Можешь быть для того, чтобъ я не дивил-ся видѣнному мной въ рукахъ ея кошелекъ съ золотомъ, который вселилъ въ меня сильное подозрѣнiе послѣ словъ Харьковской Минервы. Я не смѣлъ однако помыслишь о томъ; послѣ того какъ увидѣлъ ея благородное лице, въ которомъ каждая черта была отпечаткомъ чистѣйшей невинности. Нѣтъ! девятнадцатилѣтняя дѣвушка не можешь такъ адски обманывать своею ангельскою наружностію! Наконецъ будь она женщина, гонящаяся за приключеніями; я и тогда любилъ бы ее! Она не могла быть совершенно испорчена; ябъ постарался спасти ее!

Загадка разгадалась неожиданнымъ образомъ. Однажды поутру она прислала за мною; я нашёлъ ее одну, блѣдную, съ заплаканными глазами. Выславъ служанку, она сказала мнѣ съ замѣшательствомъ.

— „Теперь дѣйствительно я не имѣю въ цѣломъ мiрѣ никого, кромѣ Бога! Что мнѣ дѣлать? Куда обратиться? Я получила письма, отъ моего благодѣтеля; но его ужь нѣтъ въ живыхъ! Вотъ письмо: прочтите, и потомъ дайте совѣтъ несчастной, имѣющей къ вамъ однимъ полную довѣренность.“

Письмо Графа, въ которомъ выражалъ онъ огорченіе свое и гнѣвъ на сына; уже возвратившагося въ Петербургъ, написано

было въ предчувствіи близкой смерти и дышало нѣжной страстью къ Еленѣ. Слованья несчастнаго старца прослезили меня; онъ посылалъ бѣдной дѣвушкѣ, которую боготворилъ и на краю могилы, огромную сумму денегъ, векселями на разные торговые дома въ Москвѣ и Одессѣ. Устроивъ судьбу Елены, онъ сыну своему почти ничего не оставлялъ. При письмѣ этомъ приложено было письмо управителя, которымъ онъ уведомлялъ о смерти старика.

„Что станется со мною“ — говорила она, рыдая. — „Добрый и великодушный старецъ“ — отвѣчала я, увидя, что она нѣсколько успокоилась — „пекся объ участи вашей съ нѣжностію отца; одно только страшно, а именно, чтобъ сынъ не почелъ сдѣланнаго вамъ дара, отнятіемъ его собственности; онъ можетъ протѣдать, гдѣ вы находитесь, и преслѣдовать васъ независимо своей или любовью. Побѣжайте въ Германію; покиньте эту страну, къ которой ни что уже васъ не привязываетъ; и если даже рѣшитесь отказать отъ богатства, оставленнаго вамъ благодѣтелемъ вашимъ, то будьте увѣрены, что вы не всѣми покинуты въ мірѣ. Я не буду, и все что имѣю, вамъ принадлежитъ.“

Не помню, что я говорилъ еще; знаю только, что послѣднія слова мои привели ее въ краску, что я упалъ на колѣна и осмысленно поцѣлывалъ трепещущую ея руку; что

она подняла меня, сказала что-то, и рыдая, поверглась въ мои объятія.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, мы говорили много; я узналъ, что Елена любитъ меня съ той самой ночи, какъ занемогла въ Полтавѣ, и что она въ Одессѣ отдала меня опъ себя, чтобъ лучше скрыть страхъ свою. Помню еще, что я едва вѣрилъ моему блаженству, и тогда только поверилъ ему когда она произнесла передъ алтаремъ клятву любить меня вѣчно, когда я назвалъ ее женой моею и увелъ въ шѣсную каюту корабля, на которомъ донесся по волнамъ Чернаго Моря до Константинополя, глазъ на глазъ съ нею, какъ во время незабвеннаго путешествія опъ Харькова до береговъ Евксинскаго Понта.

Въ жизни моей не имѣлъ я столько дѣлъ, и столько пріятныхъ дѣлъ, какъ въ послѣднюю недѣлю пребыванія моего въ Одессѣ: я трудился для ней, она награждала меня за труды съ неизъяснимою прелестію! Надо было искупить все необходимое для пуши, бѣгать за паспортномъ изъ конторы въ контору, объявлять три дня сряду въ вѣдомостяхъ, что мы выѣзжаемъ изъ Одессы; послѣ того наступили прощальные визиты и наконецъ - свадьба. Мы вѣнчались въ дорожномъ платьѣ, за часъ до отплытія на суд-

нѣ храбраго Генуезскаго Капитана Ругузина. Вѣтеръ былъ прошивной, пошелъ дождь, наступилъ штиль; въ продолженіе сорока или пятидесяти часовъ, нечистыя волны Дуная непрерывно мутили свѣтлую влагу Чернаго моря. Мы видѣли берега Европы и Азіи, наконецъ величественный Стамбуль и веселый Скутари. Нѣтъ, не вѣрь мнѣ, Іеремія: мы ничего не видали кромѣ насъ самихъ, кромѣ любви нашей, хладнокровные ко всему остальному. Еслибъ море насъ поглошило, мы не увидѣли бы и самой смерти!

Прибывъ въ Константинополь по двѣнадцатидневномъ плаваніи, я готовъ былъ присягнуть, что былъ на морѣ не болѣе двѣнадцати часовъ. Мы заняли изрядную квартиру въ Перѣ, предмѣстіи населенномъ Франками или Христіанами, и потому слышущемъ у набожныхъ Турковъ кварталомъ свиней. Елена надѣла мужское платье, чтобы всюду ходить со мною.

Не ожидай отъ меня описанія Константинополя; ты найдешь его во ста книгахъ. Я видѣлъ одну Елену и удовольствіе, оживлявшее взоръ ея при каждомъ новомъ зрѣлищѣ.

Столица Султана есть Азія въ Европѣ; великолѣпный плащь, прикрывающій отвратительную неопрятность; рай, почивый червями и ржавчиной!

Окрестности прелестны до невѣроятности, видъ гавани изпещренной парусами и фла-

гами, восхищительны. Въ нашей Европѣ нѣтъ ничего подобнаго. Но за то, сколько величественна здѣшняя природа, столько дурны люди. Турокъ, покоится ли на мягкомъ диванѣ, стоитъ ли на часахъ, или сидитъ въ лавкѣ, всегда съ длинною трубкою во рту, всегда имѣетъ самодовольный видъ, свойственный глупости; ни что не пробуждаетъ его отъ моральнаго усыпленія, кромѣ плушней, пьянства, бѣшенаго гнѣва, неукротимыхъ желаній, и другихъ чувствъ, свойственныхъ животному. Вѣроятно есть исключенія, скажутъ мнѣ, особенно въ высшихъ классахъ людей! Но здѣсь нѣтъ классовъ: послѣдній Турокъ можетъ сдѣлаться Пашей, невольникъ верховнымъ Визиремъ, и съ высоты величія снова низринуться въ ничтожество.

Турки принесли съ собою изъ Азіи невѣжество Востока, а въ Византійской Имперіи ознакомились съ испорченностію Европейскихъ нравовъ. Дикіе, сластолюбивые, грубые, необразованные, пришли они съ Белурскихъ горъ: таковы и донинѣ. Они гордо презираютъ все, чего не понимаютъ, чего не дѣлаютъ, чему не вѣрятъ! За недостаткомъ опіума или фанатизма, вѣра въ предопредѣленіе придаетъ имъ храбрость на войнѣ и дѣлаетъ хладнокровными къ чумѣ.

Тріестъ, Августъ.

Я ни чего не сказала тебѣ о Константинополѣ и нашемъ плаваніи; другъ мой! я жила для одной Елены, только ее видѣла! Въ Тріестѣ насъ посадили въ карантинъ, обходились съ нами хорошо и продержали не долго.

За сто лѣтъ предъ симъ, эготъ городъ, лежащій между холмовъ и скалъ, былъ бѣденъ и неизвѣстенъ. Теперь скалы и холмы покрываются множествомъ прекрасныхъ зданій, улицъ, церквей, замковъ. Нынѣ Тріестъ богатѣйшій торговый городъ въ Австріи, простирается до береговъ Адриатическаго моря и имѣетъ сорокъ тысячъ жителей. Окрестности усажены красивыми загородными домами и похожи на луга, въ весеннее время изпещренные бѣлыми цвѣточками. Я съ удовольствіемъ поселился бы здѣсь, еслибы городъ не былъ населенъ одними — (извини мой другъ!) — купцами и фабрикантами, кои день и ночь заняты счетами да разсчетами.

Мы съ Еленой рѣшили пупешествовать до тѣхъ поръ, пока не сыщемъ пріятнаго края, гдѣ Полиція не придетъ къ намъ освѣдомляться о нашихъ занятіяхъ; гдѣ свободно можемъ заниматься словесностью Франціи и Германіи, гдѣ наконецъ сосѣдство какого нибудь большаго города дастъ намъ средства украсить сельскій нашъ домикъ

всѣмъ, что необходимо для удобствъ и пріятностей жизни.

О ты, славящій разходную и приходную книгу свою несравненно выше Оберона и Освобожденнаго Іерусалима, выше Шиллера и Фосса, Іеремія, заклятый врагъ драматическихъ произведеній и романовъ! приготовься теперь прочесть самое романтическое произшествіе.

Однажды я ходилъ съ Еленой по Тріесту; бывъ цѣлый день на ногахъ, мы чувствовали усталость, и вечеромъ сѣли на берегу канала. Вдругъ, не подалеку отъ насъ, женской голосъ произнесъ мое имя.

„Возможно ли? Это вы, Г. Іемине?“ И вотъ подошла ко мнѣ — дочь сборщика подашей — Елена — Елена первая — во всемъ блескѣ свѣтской женщины. Я вскочилъ и привѣтствовалъ первую любовь мою со всемъ краснорѣчіемъ, какое только позволяло мнѣ присутствіе постороннихъ лицъ, молодой жены и какого-то толстаго, высокаго мужчины, который смотрѣлъ на милую землячку мою глазами, выражавшими права полномочныя. Я тотчасъ же вспомнилъ о своемъ послѣднемъ письмѣ, и заключилъ что эшошь господинъ безъ сомнѣнія эшошь богатый кунецъ въ очкахъ, о которомъ ты мнѣ писалъ.

Въ самомъ дѣлѣ она представила мнѣ его, какъ мужа, съ которымъ пріѣхала сюда по торговымъ дѣламъ.

И здѣсь подлѣ милой жены, завоеванной въ степяхъ Россіи, я долженъ былъ любоваться прелестнымъ ея личикомъ!

Сказавъ нѣсколько вѣжливыхъ словъ Г. Консулу, и представилъ имъ обривъ мою жену.

Консулъ, въ глазахъ котораго, не смотря на очки, я прочелъ весьма естественное удивленіе, при видѣ столь короткаго знакомства съ его супругой, сдѣлался очень ласковъ, услышавъ, что я не одинокъ и также веду книги двойнымъ числомъ. Онъ меня убѣдительно просилъ присоединиться къ пріятельскому обществу, оставшемуся въ нѣсколькихъ отсюда шагахъ. Елена, съ перваго взгляду увѣрившаяся, что моя Леночка одѣта съ ногъ до головы въ лучшемъ вкусѣ, стала также ее упрашивать. Между тѣмъ общество, къ которому они приглашали насъ, приблизилось. Другъ мой! Повѣришь ли? Прекраснѣйшая изъ всѣхъ женщинъ, къ намъ подходившихъ, пристально взглянула на меня въ то самое время, когда глаза мои привлеченные ея красотой, были на нее устремлены. Она покраснѣла, ступила еще два шага и остановилась въ нерѣшимости; я подошелъ къ ней; сердце мое билось; въ ней узналъ я Елену, видѣнную мною въ камер-обскурѣ — Елену вторую — изъ любви къ кошорой я возложилъ на себя крестъ, и скитался такъ долго по Венгріи и Трансильваніи, по проклятымъ степямъ и каранпинамъ.

Не преодолѣвъ смущенія, но скрывъ его подъ обыкновенными привѣтствіями, она обратилась къ прекрасному, молодому мужчинѣ и сказала ему поанглійски: „Вошь онъ, другъ мой, вошь онъ!“ ..

Сиръ Бейлей — (это было его имя) — обошелся со мной очень вѣжливо; какъ видно, онъ уже зналъ меня по рассказамъ жены; да, другъ мой, онъ женатъ на Еленѣ. Вѣроятно, она разсказала ему о любви своей ко мнѣ; откровенность, которой, признаюсь, я не ожидалъ отъ ней!

Послѣ уже узналъ я, что она принуждена была выйти за этого молодаго чело­вѣка, страшно въ нее влюбившагося, не взирая на сдѣланное мнѣ признаніе. Мать была главною причиною всѣхъ ея огорченій. Будучи скупа, тщеславна, и дошедши почти до нищеты, она надѣялась, что красота дочери доставитъ ей зятя знашнаго и богатаго, посредствомъ котораго она можетъ блистать снова. Мистрисъ Бейлей вышла замужъ, единственно для того, чтобъ избави­ться отъ преслѣдованій корыстолюбивой матери. Сія послѣдняя возвратилась въ Вѣну, гдѣ, благодаря попеченіямъ зятя, живетъ въ довольствѣ. Елена такъ была озлоблена ею и такъ живо помнила претерпѣнныя ею муки, что не хотѣла и видѣться съ нею.

Согласившись на приглашеніе Консула, мы были великолюбно угощены въ загородномъ домѣ богатаго Тріестскаго жителя, его хозяина.

Я былъ въ самомъ странномъ, романтическомъ положеніи; между трехъ Еленъ, которыхъ поочередно любилъ и изъ которыхъ каждая имѣла на меня виды. Невозможность обращаться по прежнему съ двумя первыми приводила меня въ замѣшательство. Вѣроятно и онѣ были не очень покойны, вспоминая, одна о балахъ нашего городка, другая о берегахъ Трауна. Я замѣтилъ что онѣ очень приглядывались къ моей Русской Еленѣ. Можешь быть каждая мысленно сравнивала ея красоту съ своею.

Въ продолженіе вечера, я нѣсколько разъ проклиналъ рокъ, присудившій мнѣ быть *Еленофилдомъ*. Какъ затруднительно находишься въ присутствіи трехъ любовницъ! И я также сравнивалъ ихъ между собою. Каждая имѣла свою особенную прелесть. Онѣ представляли собою три грамматическія степени: дочь сборщика податей — *положительную*; Елена Венгерская — *сравнительную*; а моя Леночка, моя сѣверная роза — *превосходную* степень!

Превосходная по временамъ бросала на меня грозные взгляды, которые я очень хорошо понималъ и отъ которыхъ краснѣлъ невольно; мнѣ казалось, что и Консулъ съ сыномъ Альбіона морщились, когда я заговаривалъ

съ ихъ женами. За то, изъ меспи, моя Леночка любезничала съ каждымъ до того, что къ вечеру заплонила всѣхъ жителей и жишельницъ Триеста.

Еслибъ и у тебя была своя Леночка, милый Иеремія, ты бы зналъ, что значить выслушать проповѣдь, исповѣдаться и получишь отпущеніе грѣховъ. Разумѣется, моя миленькая Московочка посердилась, что я при первомъ шагѣ на берега южной Европы, встрѣпилъ такихъ коропкихъ знакомокъ. Я ей разсказалъ все подробно.

— Это не слишкомъ утѣшительно“ — отвѣчала она, смѣясь: „а много ли еще Елень встрѣшимъ мы, покуда доѣдемъ до дому, господинъ Еленофилъ!“

Я, безъ зазрѣнія совѣсти, успокоилъ ее на эшошъ счетъ, а она простила меня за мою Еленоманію. „Но“ — прибавила — „не мѣшалобъ, думаю, убраться подальше отъ Триестскихъ Елень?“

И такъ мы отправляемся завтра. Правду говорятъ, не совсѣмъ безопасно встрѣчаться съ прежними предметами вздоховъ.

Кажется, двѣ Елены мои такъ же исповѣдывались своимъ мужьямъ, которые приняли шѣ же благоразумныя мѣры, какъ и жена моя; сего

дня мы всё трое сошлись и каждый изъ насъ объявилъ о своемъ опъздѣ. Англичанинъ опърявляется завтра на западъ; Консулъ на востокъ; а я съ моею ревнивицею, на сѣверъ — къ тебѣ, милый Теремія!

V.

ЛЕВЪ И ТИГРЬ.

Видалъ ли ты, какъ грозный Левъ
Свой изъявляетъ страшный гнѣвъ?
Онъ бьетъ хвостомъ, подъемлеть ревь,
Косматою машеть головой
И выстунаетъ гордо въ бой.

О! Тигръ Бенгальскій не таковъ!
Онъ совершаетъ тайно ловъ;
На спящихъ мечется враговъ;
Коваренъ онъ и хитръ и золь
И быстръ; измѣчливъ, какъ Эоль.

Сравни: героя, грозенъ ликъ,
Когда войны послышетъ кликъ
И занесетъ прех-гранный шпыкъ
Иль мечъ надъ вражьей головой:
Онъ Левъ, онъ гордъ, онъ прямо въ бой!

Но не таковъ коварный врагъ!
Въ немъ вмѣстѣ дерзость, злоба, страхъ,
Какъ тать ночной, какъ Тигръ въ степяхъ,
Онъ тайной крадется шропой
И вдругъ бросается на бой.

Л. ЯКУБОВИЧЪ.

VI.

ВОСПОМИНІЯ

О ЮЖНОЙ АФРИКѢ а).

(КУПЕРА - РОЗА)

Выѣхавъ очень рано, я пустился въ горы, отдаленныя отъ мыса на шестнадцать миль. И я и конь мой начинали уже чувствовать, что пора возвратиться домой, какъ вдругъ шуманъ совершенно одѣлъ насъ. Не знаю, случалось ли тебѣ когда нибудь замѣчать дѣйствія шумана и видѣть, какъ онъ измѣняя видъ горъ, по увеличиваешь, по вовсе скрываетъ предметы, или наконецъ даетъ имъ такой странный, фантастическій образъ, что путешественникъ, ежеминутно обманываемый, перестаетъ вѣрить глазамъ своимъ.

Я находился на вершинѣ утесистаго холма, съ котораго могъ съѣхать не иначе какъ весьма крупною пропункой. Я не терялъ ея до пѣхъ поръ, покуда могъ различать стрѣлку на компасѣ, и коня часто ошибался, но все продолжалъ путь мой по скаламъ и болошамъ, до самаго заката солнеч-

(а) Желая ознакомить читателей нашихъ съ новымъ произведеніемъ Купера - Роза: *Четыре Года пребывания въ Южной Африкѣ (Quatre ans de séjour en Afrique Meridionale, Paris, 1851)*, представляющемъ любопытный очеркъ мѣстности и нравовъ, выписываемъ здѣсь нѣсколько мѣстъ изъ сего сочиненія, представляемаго въ видѣ писемъ къ другу.

наго, въ слѣдъ за которымъ, здѣсь, непосредственно наступаетъ совершенная темнота. Еще нѣсколько минутъ послѣднія лучи солнца пробивались сквозь разступившіяся облака, и по сему-то направленію шла моя лошадь; казалось, какая-то надежда оживляла ее, потому что она усердно скакала. Наконецъ, добѣжавъ до обрыва горы, она остановилась, а съ тѣмъ вмѣстѣ рушилась и вся моя надежда. Не оставалось инаго средства, какъ провести ночь на горѣ. Упомянутый, мокрый и сверхъ того голодный — (съ самаго завтрака я не принималъ никакой пищи) — слѣзъ я съ лошади и искалъ пріюта отъ дождя у подошвы скалы. Вскорѣ потомъ услышалъ я дикія протяжныя завыванія шакала и отрывистый вой волковъ. Они чуяли лошадь мою и приближались. При мнѣ не было никакого оружія; я собралъ нѣсколько кремней, и стуча однимъ по другому, старался выскрѣ искры, и кричалъ изо всѣхъ силъ. Три или четыре волка подошли ко мнѣ близехонько; но думаю, самый жестокій голодь не въ силахъ преодолѣть боязни, внушаемой имъ звуками человѣческаго голоса. На это-то, кажешся, и надѣялась моя лошадь; она жалась ко мнѣ, раздувая ноздри, когда чувствовала приближеніе хищныхъ звѣрей; и, хотя мы до сихъ поръ не слишкомъ дружны были, смотрѣла на меня, какъ на товарища въ бѣдѣ; то кусала

мнѣ руку, то шептала холодной мордой по лицу моему и не давала мнѣ заснуть.

Я слышалъ глухой, однообразный шумъ моря, дробившагося о подошвы огромныхъ скалъ; густой туманъ окружалъ меня со всѣхъ сторонъ, и луна, пробившись на мгновеніе сквозь густую его оболочку, показывала мнѣ зрѣлище, котораго дикій, безотрадный видъ навсегда оспанется въ моей памяти. Каждый разъ, когда прояснялся туманъ, я устремлялъ взоры къ той точкѣ небосклона, гдѣ долженъ блеснуть первый лучъ солнца, и каждый разъ обманывало меня ожиданіе. Луна, казалось мнѣ, носилась въ облакахъ, какъ легкая ладья, то висѣла на хребтѣ волнъ, то погружаясь въ бездну, и озаряла блѣднымъ, страшнымъ мерцаніемъ разбросанныя кругомъ сѣдые скалы. По временамъ, густая ткань облаковъ, скрывала ее отъ моихъ взоровъ, и я, снова погруженный въ мракъ, прислушивался къ глухому однообразному шуму волнъ. Вой волковъ и пронзительный крикъ шакала возвѣстили мнѣ приближеніе упря; хищные зѣбри, проскипавши всю ночь въ окрестностяхъ жилыхъ мѣстъ, возвращались въ свои убѣжища. Наконецъ я услышалъ заревую пушку, и никакой звукъ до сихъ поръ не былъ такъ пріятенъ, такъ сладокъ моему слуху. Тучи прояснѣли, солнце взошло, дождевыя капли заблестали, какъ бриліанты на цвѣтахъ и кустарникахъ, и окрестность,

дошолъ мрачная и унылая, озарилась вдругъ свѣтомъ и красою. Я сѣлъ на лошадь, и въѣхалъ на самый верхъ холма, увидѣлъ что нахожусь не далеко отъ того мѣста, которое напрасно до сихъ поръ отыскивалъ. Но теперь уже разсвѣло, туманъ, какъ легкій покровъ, опустившійся на покатость горъ, не заслоняя, украшалъ ихъ новою прелестью, и сплался по долину, какъ гладкое озеро, отражающее въ себѣ сводъ небесный. И послѣ эпаса мы дивимся, подумалъ я, что люди боготворять солнце?

Вообще колоніальный Готшентопъ есть существо развратное, неспособное прошивиться искушеніямъ и вполне чувствующее преимущества Европейца, котораго поля онъ воздѣлываетъ. Но тутъ же есть родъ людей, не признающихъ ни чьей надъ собою власти, и одушевляемыхъ непримиримой къ намъ ненавистью; людей, которые бывъ окружены Европейскими поселенцами, никогда не просятъ пощады, но бьются отчаянно и умираютъ до послѣдняго: это Бошисмены, живущіе въ пещерахъ, или дикихъ, уединенныхъ мѣстахъ; они питаются кореньями, муравьями, кузнечиками, мясомъ дикихъ птицъ, которыхъ бьютъ небольшими, ядомъ напоенными стрѣлами, также мясомъ лошадей и быковъ коихъ крадутъ у Кафровъ и колонистовъ, имъ непріязненныхъ. Этого несчастный родъ людей,

едва имѣющихъ человѣческой образъ, примѣнно и быстро уменьшается; ихъ до тѣхъ поръ преслѣдовали какъ дикихъ звѣрей, покуда они дѣйствительно не одичали. Бошисмены изгнанники, отверженные человечествомъ. Змѣи не внушаютъ такого ужаса и отвращенія, какъ они.

Всѣ древніе и новѣйшіе путешественники, писавшіе о Южной Африкѣ, одинаковымъ образомъ описываютъ жестокое обращеніе Европейцевъ съ симъ несчастнымъ народомъ.

Когда народонаселеніе увеличилось и количество земли оказалось недостаточнымъ для сыновей и внуковъ плантаторовъ, они выгнали первобытныхъ жишелей и мало по малу опіяли у нихъ всѣ плодоносныя, пріятныя мѣста, удобныя для пажитей и хлѣбопашества. Доведенные до отчаянія Бошисмены, не заботясь уже о пріобрѣтеніи земель, удалились въ неприступныя, голыя скалы, ожесточились, одичали, и вѣдъ кочевую жизнь, грабили Европейцевъ, которыхъ почитали демонами. За то и плантаторы, когда нуждались въ слугахъ, окружали пещеры, послѣднія убѣжища несчастныхъ, умерщвляли отцовъ, которыхъ навыкъ къ грабежу дѣлалъ для нихъ бесполезными, а дѣтей уводили съ собою. Хотя Голландское Правительство и не одобряло сихъ жестокостей, однакожъ не принимало дѣятельныхъ мѣръ къ совершенному прекращенію оныхъ, и онѣ продолжались еще лѣтъ съ пятьдесятъ или болѣе; прекратились

же весьма недавно. Спарманъ, путешествовавшій по Африкѣ въ 1773 году, бывалъ неоднократно свидѣтелемъ безчеловѣчія планшаторовъ, и приводитъ нѣсколько тому примѣровъ. Тогда Бошисмены были еще народъ многочисленный, разсѣянный по всей этой странѣ небольшими ватагами, по грабимымъ планшаторами, по приводящій ихъ въ трепеть. Голодь и принятая Европейцами система испребленія, значительно уменьшили ихъ количество, и теперь остатки сего народа, первобытные жители страны сей, обитають въ гористыхъ мѣстахъ Граафа-Рейнешкаго и Сомерсетскаго округовъ; нѣкоторые изъ нихъ поселились по берегамъ Желтой Рѣки.

Спарманъ говоритъ также о ихъ пляскѣ, продолжающейся во всю ночь, при свѣтѣ луны, и еще объ одномъ истинно чудномъ обыкновеніи. Вотъ собственныя его слова. „Многіе колонисты увѣрали меня, что невольники Бошисменскіе, обоихъ половъ, имѣють обыкновеніе, во время грозы издѣваться надъ громомъ, называя его *Т-Гузери*, *Т-Гаунатен*, то есть: демономъ, колдуномъ, и обременяя другими ругательствами. Произнося ихъ, они берутъ башмаки своя, или что попадетъ подъ руку, и ими грозятъ перунамъ, разражающимся надъ ихъ головами.“

Не бывъ въ странѣ, обитаемой Бошисменами, я не ручаюсь за дѣйствительность сего обыкновенія; но въ немъ столько дикой

поезіи, що оно не можетъ быть выдумкою колонистовъ. Представь себѣ эгихъ несчастныхъ, безобразныхъ Пигмеевъ, у отверзшія пещерь, слѣдящихъ взорами бурю, между тѣмъ какъ черныя тучи собираются надъ ними и земля одѣвается 'мрачнымъ покровомъ. Наконецъ, когда послѣ мертвой тишины, молнія забраздитъ тучи и ущелія скалъ начнутъ впоришь грохоту грома, представь себѣ, какъ эти дикари, съ желтыми, адской злобой дышащими лицами, неистово грозятъ бурѣ и изрыгаютъ безсильныя хулы прошивъ грома небеснаго!

Вечеромъ, я и нѣкоторые изъ насъ вошли въ *Краалъ Пато*, и были свидѣтелями обрядовъ, посредствомъ которыхъ пророкъ узнаеть колдунью. Старшина *Краала* былъ съ нѣкотораго времени боленъ, и для-то призывали пророка; надобно знать что здѣсь болѣзнь старшины приписывается обыкновенно колдовству или отравѣ. Всѣ были въ безпокойствѣ и страхѣ. Вошедъ, я увидѣлъ женщинъ, которыя, ставъ полукругомъ, ударили въ широкіе щиты, сопровождая звукъ сей печальной, однообразной пѣснюю, въ честь какого-то незримаго существа, порожденнаго ихъ воображеніемъ. Должно думать что присутствіе иноземца при таинственномъ отправленіи обрядовъ было имъ непріятно, потому что онъ, сейчасъ по приходѣ нашемъ, умолкли.

Всѣ Кафры вообще вѣрятъ колдовству, и жестоко за него наказываютъ. Пророкъ, окончивъ заклинанія, указываетъ на виновнаго, почти всегда на человѣка, обладающаго многочисленными стадами. Не требуя иныхъ доказательствъ, не слушая оправданій, несчастнаго повергаютъ на землю, и связавъ ремнемъ руки и ноги, кладутъ на него разкаленные камни, и язвы, ими произведенныя, усываютъ черными, ядовитыми муравьями. Спрадалецъ, одолеваемый болью, признается во всемъ, что угодно. Его заклинаютъ опречься отъ своего пагубнаго могущества; а онъ отдастъ жемчужное ожерелье свое или что другое. Послѣ того замучиваютъ его до смерти или, доведя до крайней нищеты, изгоняютъ.

Я взошелъ въ хижину, которую отвели намъ для жительства; хозяева занимались укладываньемъ и переноской своего имущества, состоявшаго изъ рогожки, глинянаго горшка, двухъ корзинокъ и ложки. Взявъ хозяйку за полную, круглую руку, я изъяснялъ ей, сколь мнѣ прискорбно доводить ее до такихъ хлопотъ. Она слушала непонятную ей рѣчь мою съ такимъ удивленіемъ, котораго описать не возможно, и когда я кончилъ, оборотилась къ переводчику; но ему весьма трудно было передать Кафрскими словами общія мѣста и пустошу принесеннаго мною извиненія; выслушавъ его, она сказала: „ко-

нечно, это очень неприятно!“ Женщина образованная отвѣчала бы, что я не только ее не беспокою, но напротивъ, доставляю ей большое удовольствіе, хотя въ то же время проклиналабъ меня въ душѣ. . .

Поутру, простившись съ Гинзой и его Кафрама, мы пустились въ обратный путь къ колоніи. Дорога, кою возвращались мы, была очень похожа на ту, кою сюда ѣхали. Небольшое общество наше увеличилось женщиной, изъ колѣна Конгуарова; мужъ ея, подданный Гинзы, не могъ заплащивъ за нее условной суммы; онъ ее взялъ въ долгъ, обѣщая прислать рогатаго скота; но не имѣвъ возможности сдержать слово, принужденъ былъ возвратить ее.

Когда Барровъ путешествовалъ по Каффрии, за женщину платили одного быка; теперь цѣна возвысилась: ѣхавшая съ нами, стоила восемь быковъ, хотя была изъ низкаго званія и вовсе не красива. Конгуаръ сказывалъ намъ, что онъ, за одну изъ своихъ женъ, дочь Сен-Ламби, далъ сорокъ, а за Намарке просили съ меня пятьдесятъ быковъ. Пріятно видѣть, что прекрасный полъ, оцѣняемый какъ должно, занимаетъ наконецъ приличное въ обществѣ мѣсто!

Молча, скорыми шагами, шли мы по степѣ, проложенной слонами чрезъ холмы и овраги. Не привыкнувъ ходить пѣшкомъ шамъ,

гдѣ только что въ пору ѣздить верхомъ, я начиналъ показывать признаки усталости, къ великому удивленію охотника, меня сопровождавшаго. „Скоро подойдемъ къ слонамъ, сказалъ онъ, тогда сядемъ и будемъ смотрѣть на нихъ.“ Мы продолжали путь нашъ, то подъ открытымъ небомъ, то подъ тѣнью высокихъ кустарниковъ; лучи солнца попеременно падали на чудный головной уборъ нашего проводника - Гомшеншоа, на желтый платокъ, которымъ повязанъ былъ охотникъ, на голубую шапку, отбѣнявшую лице мальчика, или пробѣгали свѣтлой полосой по дуламъ нашихъ длинныхъ ружей. Потомъ мы снова входили въ тѣнистую долину или спускались въ крутые овраги.

Не рѣдко попадались намъ огромные слѣды слоновъ, и Гомшеншоа, смотря на оныя, опредѣляли время, въ которое прошелъ звѣрь. „Этотъ шель прешьяго дня, этотъ сегодня ночью“ — говорили они.

Полуденное Африканское солнце ударило въ насъ раскаленными лучами; я едва держалъ мое ружье; охотники щещно устремляли во всѣ стороны зоркіе глаза свои. Мы видѣли только трехъ буйволовъ, сбѣжавшихъ съ холма и изчезнувшихъ въ долину. Попадались намъ также трупы убитыхъ слоновъ; кости ихъ, убѣленные дождемъ и солнцемъ, были приодѣты черной кожей, какъ гробовымъ покровомъ; въ одномъ мѣстѣ остовъ

единорога лежалъ подлѣ трупѣ слона, непри-
миримаго его врага.

Мы уже начинали опчаяваться въ успѣ-
хѣ, какъ вдругъ проводникъ указалъ на оп-
даленный холмъ; охотники спали между со-
бой совѣшовавшись, и заключили мнѣніемъ,
что сюда должно шеперь проходить по немъ.
Я смотрѣлъ, но ничего не видѣлъ. Мы про-
должали путь нашъ съ новымъ рвеніемъ и,
взошедъ на противоположную, высоту оста-
новились, чтобъ высмотрѣть, гдѣ находятся
слоны. Шкиперъ сказалъ что-то охотни-
ку, и мы, молча, спустились въ долину.
Тутъ они пошепшались, замѣтили, откуда
дуетъ вѣтерокъ, и вмѣстѣ со мною, полѣз-
ли на крушій холмъ, стараясь приближаться
къ слонамъ по вѣпру, чтобы они насъ за-
благовременно не открыли чуткимъ своимъ
обоняніемъ. Шкиперъ шелъ впереди, мы за
нимъ, по одиначкѣ, вдоль узкой тропинки, веду-
щей по скату небольшого оврага, на про-
тивуположномъ берегу котораго паслись сло-
ны. Проводникъ остановился, а охотникъ
далъ мнѣ и моему повариху по горячей го-
ловнѣ, чтобъ мы могли зажечь кустарники,
если слоны за нами погонятся. Спранное
чувство родилось въ сердцѣ моемъ, когда я
увидѣлъ, что нахожусь въ двадцати шагахъ
отъ этихъ звѣрей, изъ которыхъ каждый
однимъ движеніемъ могъ раздавить меня; но
они спокойно жевали кустарникъ и въ пол-

ной безопасности потряхивали ушами. Мы спѣшили стать по мѣстамъ, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ, потомъ другой, и изъ осьми слоновъ семеро ударились бѣжать. Приближаясь, мы увидѣли, что пуля шкипера попала въ слона; онъ упалъ, но снова поднялся; ревъ его былъ ужасенъ; я ничего подобнаго не слыхивалъ. Когда онъ вторично упалъ, мы подошли къ нему; пуля ударила сзади плеча и поразила сердце.

Я сказалъ, смотря на это огромное чудовище: „бѣдное животное! Если не твои клыки, ты жилъ бы спокойно и счастливо! Они погубили тебя! Для чего они даны тебѣ?“ — „Для обороны“ отвѣчалъ мой товарищъ. — „Совсѣмъ нѣтъ, возразилъ охотникъ; самые злые и опасные слоны называются по голландски *коескопами* (*koescoops*), а у нихъ нѣтъ клыковъ.“ Отрѣзавъ у убилаго звѣря хвостъ, въ знакъ торжества, мы пустились въ погоню за бѣжавшими. . . .

Жилище плантатора просторно и окружено обширными клевами, но мрачно и печально. Внутри нѣтъ ничего для удобства и пріятностей жизни; снаружи все дико, невоздѣлано, въ родѣ развалинь. „Почему вы не разсадите дубовъ вокругъ дома? Онъ бы тогда не казался такимъ пустыремъ.“ — Я умру, покуда они выростутъ., — Такъ это пригодится вашимъ дѣтямъ.“ — „Пусть

же дѣти сами и сажаютъ!“ Такъ разговаривалъ пріятель мой съ однимъ изъ планшаторовъ.

Вотъ анекдотъ, рассказанный мнѣ поварихою моею дорогой оцъ скуки; онъ поразилъ меня потому, что совершенно обрисовываетъ здѣшніе нравы.

Молодой Голландецъ, планшаторъ высокаго роста, необыкновенной силы и необыкновенно грубый, такъ жестоко поступилъ съ женою, что она ушла оцъ него. Прошло нѣсколько дней, и мужъ, разсудивъ, что уже пора о ней навѣдаться, осѣдлалъ лошадь, и отправился къ шенцѣ, къ которой бѣжала его жена. Старуха почиталась самой высокой, самой дородной женщиной изъ всего округа, и была до того жирна, что вставая съ широкихъ своихъ креселъ, принуждена была опираться на увѣсистые костыли. Голландецъ, привязавъ лошадь у воротъ, вошелъ съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ: *Dag moeder* (здравствуй, матушка)! *Dag my kind* (здравствуй, дитя мое)! отвѣчала старуха. До сихъ поръ все шло дружелюбно, но вдругъ дѣла приняли непріязненный оборотъ; шенца зашла сзади зятя, замкнула дверь, которою онъ вошелъ, положила ключъ въ карманъ и, приближаясь къ нему на длину костыля, треснула имъ зятя по головѣ, такъ что онъ едва устоялъ на ногахъ. Онъ повернулся на другую сторону, но

удары костью посыпались на него градомъ. Жена, сидя препокойно, съ удовольствіемъ смотрѣла на это, а слуги, сбѣжавшись толпой, изъявляли радость свою громкимъ хохотомъ и кривляньемъ. Огромное шуловище старухи и ея проворный костью заняли всю комнашу; каждое покушеніе бѣдняжки уйти сопровождалось жестокимъ наказаніемъ. Напрасно пытался онъ выломить дверь, напрасно избѣгалъ встрѣчи съ неумолимымъ костьюлемъ: удары сыпались; жена спокойно работала, слуги хохотали. Наконецъ озираясь во все стороны, онъ разсудилъ, что единственнѣмъ путемъ къ спасенію остается ему маленькое окошечко; и прыгнувъ на него, полѣзъ съ большимъ трудомъ, а пеща между стѣмъ, пользуясь невыгоднымъ его положеніемъ, била его немилосердо. Вылѣзши, онъ возвратился, чтобъ проситься: *Dag toeder!* — *Dag my kind*, отвѣчала старуха, ласковымъ привѣтливымъ голосомъ. Голландецъ вскочилъ на лошадь и пустился домой.

Не могу умолчать объ островѣ Св. Елены, единственномъ мѣстѣ, гдѣ мы останавливались во время нашего плаванія; хотя все, что только можно сказать объ этомъ жалкомъ клочкѣ земли, тысячу разъ было сказано и пересказано. Наполеонъ, вступая на него, изъявилъ удивленіе и неудовольствіе; вѣрю! Видъ острова сказалъ ему вѣроятно:

„Надежда сюда не входитъ!“ — Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ бапареями; голыя, обожженные скалы его уставлены пушками. Никогда не видалъ я столь мрачнаго, грустнаго зрѣлища. Нѣсколько кокосовыхъ и фиговыхъ деревь, не только не украшаютъ острова, но составляя рѣзкую противоположность съ каменистыми упесами, еще болѣе выказываютъ дикость и пущоту острова. Я посѣтилъ гробницу плѣнника: она проста и безъ надписи. Такъ и должно бытъ: довольно знать, что здѣсь лежитъ Наполеонъ.

Я видѣлъ домъ, гдѣ онъ жилъ, и комнаты, гдѣ онъ умеръ и гдѣ стояло тѣло его до похоронъ. Теперь онѣ обращены, первая въ чердакъ; вторая въ сарай. Не бывъ пламеннымъ чшителемъ Наполеона и не увлекаясь чародѣйственной силой имени, отъ котораго трепешала вселенная, я объятъ былъ негодованіемъ, видя, какое низкое употребленіе сдѣлали изъ его жилища. Домъ Наполеона долженъ бы осмаваться пустынной, печальной развалиной, гдѣбъ не слышно было иного звука, кромѣ завываній полночнаго вѣтра.

Старый сержантъ, присавленный къ могилѣ, подаль намъ двѣ записныя книги, одну для именъ посѣщителей, другую для ихъ замѣчаній и мыслей, порожденныхъ симъ мѣстомъ. Вѣроятно, Губернаторъ чудакъ и тѣшитя скучной чувствительностью, бессмысленнымъ воспоргомъ и пустыми остро-

шамъ, къ которымъ обыкновеніе это подаетъ поводъ. Товарищъ мой прочелъ нѣсколько мыслей; но я все забылъ, кромѣ того, что какая-то госпожа прѣзжала сюда, *могла проливать слезы* — необыкновенное явленіе въ женщинѣ — а какой-то господинъ открылъ, что Наполеонъ былъ честолюбець.

съ Франц. А. Ш.

VII.

БИБЛИОГРАФІЯ.

— на взятіе Варшавы, три стихотворенія, *В. Жуковскаго и А. Пушкина. СПб. въ воен. тип.* 1831. — Паденіе Варшавы, увѣнчавшее новою славою побѣдоносное оружіе Русское, одушевило первыхъ нашихъ поэтовъ благороднымъ патриотическимъ воспоргомъ и отозвалось на ихъ звучныхъ лирахъ достойными пѣснопѣніями. Пѣвецъ незабвенной отечественной войны, умолкнувшій для другаго высшаго назначенія, снова настроилъ привычною рукой знакомыя намъ струны и, во услышаніе торжествующей Россіи, пропѣлъ *на новый ладъ старую пѣсню*. Всѣ вѣрные сыны отечества повторили за нимъ одними устами и однимъ сердцемъ привѣтствіе ЦАРЮ Русскому и воскликнули единодушно:

Славу, взыскую отцами,
Сбережешь ОНЪ Царски памъ;
И съ СВОИМИ сыновьями
Нашимъ дастъ ее сынамъ!

Пѣснопѣнія другаго пѣвца отличаются силою мыслей, достойныхъ Русскаго духа. Одно изъ нихъ обращено къ *клеветникамъ Россіи*. Поэтъ взываетъ къ нимъ :

Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ !

Иль старый богатырь, покойный на пошелѣ ,

Не въ силахъ завлечьъ свой Измаильскій щыкъ ?

Иль Русскаго Царя уже бесильно слово ?

Иль намъ съ Европой спорить ново ?

Иль Русскій ошъ побѣдъ отвыкъ ?

Иль мало насъ ? или ошъ Пермь до Тавриды ,

Ошъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,

Ошъ пошрясеннаго Кремля

До стѣлъ недвижнаго Кншая ,

Сшальной щешиною сверкая ,

Не всшанешъ Русская земля ?

Такъ вышдайшежъ намъ , вшщъ !

Своихъ озлобленныхъ сыновъ :

Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи ,

Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

Въ другомъ стихотвореніи празднуется *Бородинская Годовщина*, совершенная на ниспровергнутыхъ швердыняхъ Варшавы. Поэтъ счастливо выразилъ истинное свойство Русскаго духа, который любитъ поржеспвовать крошоснію и милосердіемъ; и мы съ полнымъ сочувствіемъ повшордемъ его благородное восклицаніе :

Кшо усшупилъ , тошъ невредимъ !

Враговъ мы въ прахъ не шодшали ;

Мы не напомишъ имѣ имъ

Того , что старыя скрждали

Храняшь въ преданіяхъ пѣмьхъ ;
 Мы не сожемъ Варшавы пѣхъ :
 Они народноѣ Немезиды
 Не узрашь хладнаго лица ,
 И не услышатъ пѣснь обиды
 Отъ лиры Русскаго пѣвца !

— Последний новикъ или завоеваніе Лифляндіи въ царствованіе Петра Великаго. Историческій Романъ. Сочин. И. Лажегникова. Часть I и II. Москва, въ тип. С. Селивановскаго, 1831. — Еще Русскій романъ ; и — романъ не по одному только названію ! Какъ не порадоваться душевно ! Русская литература, тоже что Русская почва — черства и туга по природѣ : но распахни ее и удобри , зарони доброе сѣмя — и, при благодатномъ сіяніи, начнешь распускаться цвѣты, одинъ другаго краше , одинъ другаго сочтѣ.

Безъ сомнѣнія, насъ не умедлятъ назвать за это *квасными патриотами* ; но мы уже прислушались къ этому зашѣливому выраженію , приносящему честь изобрѣшательности, умудрившейся его выдумать. И такъ , не обвинуясь , повторимъ опять , что романъ *Г. Лажегникова* порадовалъ насъ душевно за Русскую литературу.

Г. Лажегниковъ выбралъ темою для своего романа любопытную страницу отечественной исторіи. Завоеваніе Лифляндіи было окончательнымъ довершеніемъ перваго торжественнаго опыта новой жизни , къ коей Русскій колоссъ воззванъ былъ мощною рукою Царя исполина. Геній Петра скоро постигъ важность или лучше необходимость береговъ Балтійскаго Моря для об-

разуемой имъ державы: ибо оно одно только могло ввести ее въ свободное и живое соприкосновеніе съ Европою, дошолъ заслоняемою отъ ней глухою Китайскою стѣною. Отсюда Лифляндія была постоянно любимую цѣлю его царственныхъ трудовъ и попеченій. Для ней заставлялъ онъ Русское мужество брать кровавые уроки у Шведовъ: на ней сосредоточивалъ замыслы и соображенія полишки, изумившей Европу внезапною, неожиданною зрѣлостью. Такимъ образомъ она была какъ бы шочкою прилива всѣхъ струй новой Русской жизни. Важнѣйшія и блистательнѣйшія событія эпохи Петровой имѣли къ ней болѣе или менѣе посредственное отношеніе. Ея судьба рѣшалась на поляхъ Полтавскихъ и среди волнъ Балтійскихъ: на ея профеляхъ палъ сѣверный Александръ и воздвиглась сѣверная Александрія. Слѣдовательно, завоеваніе Лифляндіи подобно фокусу, въ коемъ сосредоточиваются всѣ лучи свѣтотарнаго Петра въка. Какое неисчислимое богатство для романа! Поэтическое раздробленіе сихъ лучей естественно должно образовать великолѣпную картину, представляющую торжественное обновленіе Русской жизни, во всѣхъ главныхъ цвѣтахъ и опшѣнкахъ. Здѣсь могъ бы явиться, во всѣхъ пропорціяхъ исполинскаго своего величія, могущій гевій, поправшій древнее наследіе Меченосцевъ, дабы дать просторъ оживленному имъ колоссу; здѣсь нашли бы мѣсто и дивные спутники, составлявшіе планетную его систему, со всею разнообразною песпротою ихъ рѣзкихъ, оригинальныхъ фізіономій: здѣсь наконецъ и а —

по, мы, вращавшіеся въ лучахъ его, моглибъ опітѣннись со всѣми радушными переливами цвѣтловъ, сообщаемыхъ имъ броженіемъ позникающей новой жизни. Коротко сказать, въ рамахъ романа, представляющаго завоеваніе Лифляндіи, моглабъ умѣститься полная картина преобразованіи, совершеннаго Петромъ надъ Россією: и картина сія была бы чудесна!

Къ сожалѣнію, *Г. Лажечниковъ* не захотѣлъ воспользоваться всѣмъ богатствомъ избранной имъ темы, или правильнѣе сказать — тѣмъ богатствомъ, которое она могла бы представить для Русскаго національнаго романиста. Въ его романъ, сколько можно доселѣ замѣнить, Россія даже не на первомъ планѣ, а въ углубленіи: это собственно картина не Русской, а Лифляндской жизни, въ эпоху Петрову. Всѣ лица, являющіяся и дѣйствующія, въ двухъ пока вышедшихъ частяхъ, исключительно Лифляндцы. Только въ спанѣ Шереметева пахнетъ Русью: но это составляетъ эпизодъ картины. Даже главный герой романа, котораго мы, при всей скрытности автора, признали подъ таинственными чертами *Вольдемара*, хотя и Русской по происхожденію, Русской по духу и по чувствамъ, но не Русской по фізіономіи. Можешь быть, въ послѣдующихъ частяхъ, Русское будетъ виднѣе: но, ежели авторъ останется вѣренъ самому себѣ, то участіе, уже возбужденное имъ, должно оспаться при Лифляндцахъ, къ коимъ шеперь приковано.

Само собою разумѣется, что это не можешь вредить ни сколько художественному до-

сноинству романа. Вѣрная картина Лифляндской жизни, предспавлявшей, во времена Петровы, чудное смѣшеніе древней рыцарской изгари съ Шведскою надмѣвностью и Финскимъ пронырствомъ, безъ сомнѣнія можетъ составить занимательный романъ, и *Послѣдній Новикъ* таковъ именно! Кистью рѣзкой и вмѣстѣ живой изображена въ немъ Лифляндія: всѣ характерисическіе општѣнки ея національной фізіономіи имѣють своихъ представителей, отъ презрѣннаго *Фюренгофа* до благороднаго *Паткула*, отъ Чухонской маркишанши *Ильзы* до идеальнаго Германскаго созданія *Луизы Зегевольдъ*. Представители сіи всѣ одушевлены истинною жизнію и соединены между собою пѣсными узами. Посему романъ *Г. Лажегникова*, судя по первымъ частямъ, обѣщаетъ бытъ живымъ, органическимъ цѣлымъ. Все въ немъ вплетено въ одну общую ткань, все прицѣплено къ одному общему интесресу. Каждому лицу дана своя удѣльная тяжесть, по силѣ которой оно производитъ большее или меньшее давленіе на ходъ всего романа; такъ что всѣ онѣ принимають въ немъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе. Коротко сказать — романъ *Г. Лажегникова*, своею художественною организаціею, напоминаетъ лучшіе современные Европейскіе романы.

Но, къ сожалѣнію, не пѣтъ только однимъ онѣ напоминаетъ ихъ. Въ романѣ *Г. Лажегникова* многіе портреты суть очевидныя копіи знаковыхъ оригиналовъ. Такъ въ разсѣянномъ *Адамѣ Бирѣ* не лзя на признать почтеннаго *Доминуса*

изъ *Маннеринга*; пролаза *Мартышка* сбивается на *Кенильвортскаго Флибертижибета*. Даже самъ *Вольдемаръ*, судьба коего составляетъ основу всего романа; не есть созданіе оригинальное: это двойникъ *Куперова Шпіона*! Можешь быть однако, въ послѣдствіи, фізіономія этого важнаго лица выяснится и представитъ черты собственныя, характеристическія; оригинальныя.

Тѣмъ не менѣе, романъ *Г. Лажетникова* читается съ истиннымъ удовольствіемъ. Это происходитъ отъ того, что онъ умѣлъ опустить всѣ выведенныя имъ лица волшебною стѣпью, коей не въ силахъ распутать безпрестанно раздражающееся любопытство. Умѣніе сіе неоспоримо составляетъ одно изъ важнѣйшихъ началъ романической занимательности: и посему-то *Послѣдній Новикъ*, не смотря на нетвердосць кисти и неровность красокъ, примѣчаемую нерѣдко въ изложеніи, не смотря даже на языкъ, который, въ слѣдствіе неудачныхъ приязаній на оригинальность, искажается въ немъ нерѣдко до странной дикости — возбуждаетъ искреннее къ себѣ участіе. Прочитавъ двѣ первыя части, которыя вышли, мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ послѣднихъ. Авторъ приподнялъ нѣсколько завѣсу, подъ которою скрывается таинственный герой романа: но это только что подспракаетъ неудовлетворенное любопытство. Ктожь эготъ *Новикъ*? Не уже ли сынъ *Кропотова*? Но въ такомъ случаѣ, какая тайна могла покрывать его рожденіе? За чѣмъ ему жить въ домѣ *Князя Голицына* сиротою и принимать тайно машерин-

скія ласки отъ неизвѣстной посьпительницы? Откуда эта странная привязанность къ нему Софій? Неужели . . . Но мы прекращаемъ наши нескромныя распросы и обращаемъ послѣдній изъ нихъ къ самому автору: за чѣмъ онъ поспѣшилъ выдачею первыхъ двухъ частей романа, когда послѣдніи еще не готовы? По крайней мѣрѣ, уважая его, мы не думаемъ никакъ, чтобы эшо было для подражанія соблазнительному примѣру *Исторіи Русскаго Народа!*

— новый выжигинъ на макарьевской ярмаркѣ, или не любо не слушай, другимъ не мѣшай. *Нравоописательный романъ XIX вѣка. Сочиненіе Иваномъ Гурьяновымъ. Москва, въ типогр. Рѣшетникова, 1831.* — Не сколько удивило насъ явленіе эшого новаго отпрыска благословеннаго корня *Выжигиныхъ*, сколько пріемъ, оказанный ему *Съверною Пчелою* (N 201). Зная, съ какимъ ожесточеніемъ осенней мухи преслѣдовала она усерднаго и неутомимаго *А. А. Орлова*, пересадившаго благодарное *Выжигинское* сѣмя на добрую Московскую почву и возрастившаго въ широколиственное дерево а), мы предполагали, что и *Г. Гурьянова* постигнетъ таже люшая участь. Оказалось прошивное. Сердшое насѣкомое смирилось до шого предъ *Г. Гурьяновымъ*, что, позабывъ исключительныя права *Ф. В. Булгарина* на *Выжигинство*, кои само же возглашало, прожужжало ему нѣсколько лесныхъ комплиментовъ

а) См. *Родословную Выжигиныхъ*, приложенную къ *Смерти Ивана Выжигина*.

за *Новаго Выжигина*. Что за чудная странность! Сначала мы было погрѣшили подумали, что это дѣлано изъ зависти и недоброжелательства къ почтенному *А. А. Орлову* — (кого Февъ да еохранить для благороднаго соревнованія *О. В. Булгарину!*) — но *Сѣверная Пчела* слишкомъ рѣшительно ссылается на самую книгу *Г. Гурьлова* и слишкомъ смѣло описываетъ къ ней читателей. „Признаемся откровенно“ — говоритъ она (разумѣется съ *Сыномъ Отечества* и *Сѣвернымъ Архивомъ*) — „признаемся откровенно, что мы“ — (*Сѣверная Пчела*, *Сынъ Отечества* и *Сѣверный Архивъ*) — „съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ принялись за книгу *Г. Гурьлова*. Но чѣмъ *даже (!)* читали мы, тѣмъ болѣе убѣждались, что мы пріятнымъ образомъ обманулись.“ Что дѣлать! Взяли и мы книгу *Г. Гурьлова*, не безъ *нѣкотораго* также *предубѣжденія*, и начали читать — но не долго! Черезъ нѣсколько страницъ загадка разгадалась. Вотъ что говорится въ *Новомъ Выжигинѣ* о приснопамятномъ патріархѣ *Выжигиныхъ*:

— „Ахъ! я забылъ тебя спросить, Семенъ Игнатьичъ, ты такъ больше моего читаешь, какую книгу мой Петръ Цетровичъ всю дорогу читалъ подъ названіемъ: *Смерть Выжигина*? Развѣ *Выжигинъ* умеръ?“

— „Н! нѣтъ, это такъ, брашець, выдумка сочинителя; ты вѣдь слышалъ, что вездѣ хвалили *Ивана Выжигина*, все покупали, книгопродавцамъ барыши были большіе. Ну, такъ вотъ точно и въ книжной торговлѣ случилось, что у

насъ“ — (купцель) — „бынаеть: какогo фабриканша поварь лучше подь тѣмь штемцелемь и худой ползеть съ рукь; такъ-то и эти книжки выходили подь заглавіемь по *дѣтей*, по *внугань*, по *крестнаго отца Выжигина*, а шеперь ужь появилась *смерть* его и *церемоніаль похоронь* его, а *Ивань Выжигинь*, живешь, да живешь, и долго проживешь, потому что по Русской примѣшт и пословицъ: *это умерь не Выжигинь, а смерть его!*“ (с. 80, 81).

Ге! ге! Теперь понимаемь! Жаль шолько, что *Стверная Пгела* не догадалась, что *уморить смерть* *Ивана Выжигина* еще не значить *возвратитъ жизнь* покойнику.

— исторія шотландій, *согн. Сирь Вальтера Скотта*; пер. съ *Англійскаго М. М. СПБ.* въ *тип. Департ. Народ. Просвѣщ.* 1831. — Произведеніе сіе, не смотря на особенную цѣль, для которой составлено знаменитымъ авторомъ, имѣеть обширнѣйшее назначеніе. Это начертаніе исторіи Шотландской для народа Шотландскаго. Вальшер-Скоттъ не первый вздумалъ сообщить такое направленіе и дать такой шонь отечественной исторіи. Еще прежде него Маккиншошъ составилъ краткое начертаніе Англійской, а *Томась Муръ* Ирландской исторіи съ подобною цѣлю; Вальшер-Скоттъ дополнилъ эшотъ историческій шрилетникъ Шотландской исторіей. Сообразно съ своею цѣлю, онъ старался преимущественно о простотѣ и вразумительности изложенія; и, должно признаться, избѣжалъ счастьявѣе, чѣмъ Цшокке, шого эмфашическаго напряженія, которое изъясняетъ

ся и извиняется патріотическимъ одушевленіемъ. Между тѣмъ, не лезя съ другой стороны, и не пожалѣть, что, ограничиваясь чрезмѣрно своею цѣлю, онъ слишкомъ много рассказываетъ и слишкомъ мало описываетъ, слишкомъ много занимаетъ въ внѣшней исторіи своего отечества и слишкомъ мало его внутреннюю физическую и нравственную фیزیономію. Съ такимъ талантомъ, какъ Вальтер-Скоттъ, конечно не трудно было приспособишь и это къ простымъ народнымъ понятіямъ. Переводъ Русскій изряденъ:

— *Napoleon oder die hundert Tage. Ein Drama in fünf Aufzügen, von Grabbe. Frankfurt am Main, Hermann, 1831.* (НАПОЛЕОНЪ ИЛИ СТО ДНЕЙ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, Гривбе. Франкфуртъ на Майнѣ, у Германа, 1831). — Между современными Германскими поэтами *Гривбе* занимаетъ почетное мѣсто. Въ его произведеніяхъ, не смотря на нѣкоторыя странности, ярко свѣтятся искры гения. И изъ нихъ драма сія признана наилучшею. Одинъ замыселъ ея обличаетъ уже великую смѣлость въ познѣ: исполненіе оправдало сію смѣлость. Планъ драмы объятъ и составленъ съ истинно творческимъ искусствомъ; характеры обрисованы превосходно; положенія выбраны и расположены весьма удачно; языкъ ознаменованъ печатью классическаго совершенства, особенно въ важнѣйшихъ мѣстахъ, гдѣ нѣсколькими словами должна выражаться всемірная исторія. Сіи достоинства; признанныя лучшими Германскими критиками, побуждаютъ насъ представить здѣсь, въ краткомъ очеркѣ, ея ходъ и содержаніе.

Сцена открывается въ Пале-Рояль. Народъ шоллится туда и сюда. Нѣсколько оставшихъ солдатъ изъясляютъ свою ненависть къ Бурбонамъ, нѣсколько эмигрантовъ радуются Возстановленію. Между тѣмъ савоярды, разношники, шарлапаны, крикуны и имъ подобные, шумятъ со всѣхъ сторонъ.

Голосъ (изъ каршинной галлерей). Сюда, господа, сюда! Здѣсь показывается Людовикъ XVIII, Король Французскій и Наваррскій, желанный.

Другой Голосъ (изъ звѣрница, насупрошивъ галлерей). Сюда, господа, сюда! Здѣсь показывается одинъ изъ послѣднихъ остатковъ выродившейся породы дронговъ, едва переваливающейся съ ноги на ногу, съ носомъ въ двѣ большія ложки, привезенный изъ Иль-де-Франса и Бурбона, что подлѣ Мадагаскара, давно желанный натуралистами, посмотреть и поглядѣть.

Первый Голосъ. Здѣсь можно видѣть Мосъё, Герцога Ангулемскаго, его сына, Герцогиню Ангулемскую, супругу Герцога, Герцога Беррійскаго и весь домъ Бурбоновъ.

Второй Голосъ. Здѣсь показывается длинный оранг-ушангъ, ручвйй и смиренный, но все еще зубастый; павіанъ, шакогоже нрава; морская кошка не много побѣшенѣе ихъ, называемая такъ отъ того, что изъ за моря; обезьяна простая, по Линнею *simia silvanus*; и весь родъ обезьянь, какого еще никогда не бывало ни въ Тюльери ни въ Саду Распѣній.

Ветераны старой гвардіи и эмигранты схватываются другъ съ другомъ. Здѣсь замѣчательна

характеристическая и вмѣстѣ поэтическая черта, что какъ ты, такъ и другіе, хвастаются чувствомъ Французской чести, которое оспариваютъ взаимно другъ у друга. Герцогъ Беррійскій проходишь мимо, привѣтствуя народъ, дабы выиграть его расположеніе, что однако не совсѣмъ ему удается. Старые солдаты говорятъ:

Шассекеръ. Посмотрика на большое, бѣлое строусовое перо, что у этого молодчика на шляпѣ! Видь глазамъ больно!

Витри. Это, брашь, перо Генриха четвертаго, его предка. Оно такъ долго носится что, того и гляди, замараеися.

Шассекеръ. Генрихъ четвертый? А что такое онъ сдѣлалъ? чѣмъ онъ былъ?

Сцена переносится во дворецъ. Прежде всего являющіяся служители низшаго разряда, призраки прежняго Версальскаго Двора; за ними знатныя особы. Людовикъ XVIII изображенъ хорошо, Герцогиня Ангулемская превосходно,

Король Людовикъ. Почему ты, болѣе всѣхъ претерпѣвшая отъ гнѣва судьбы, переносишь теперь удары ея съ болѣею твердостью, чѣмъ кто либо изъ членовъ моего семейства, подкрѣпляясь однимъ упованіемъ на Бога?

Герцогиня Ангулемская. На Бога? — Гдѣ нѣтъ упованія на людей, тамъ является Онъ! — Да — я познала его въ Тамплѣ, въ этой безднѣ ужасовъ революціи, которая для меня была храмомъ свѣта! Кто подобно мнѣ, въ вѣжномъ дѣтствѣ изнывалъ въ мрачной тюрьмѣ и слышалъ, какъ казнили съ роковой плахи головы отца и матери;

кто, подобно мнѣ, трепеталъ среди воя мятежнаго Парижа, гдѣ каждая улица, наполненная воплями убійственныхъ скопищъ, споняла подъ колесами непрерывно движущихся взадъ и впередъ шелегъ съ палачами; кто самъ, пошомокъ Капешовъ, денно и нощно слышалъ одно лишь: „смерть, смерть Капешамъ!“ кто, подобно мнѣ, видѣлъ въ послѣдній разъ закатъ свѣтила небснаго и въ необъятномъ мракѣ слышалъ одно только бѣненіе собственнаго сердца — тому Богъ шакже близко, какъ и мнѣ! — Онъ послѣднее, единственное — но величайшее утѣшеніе. Онъ приблизился ко мнѣ, и я спала твердо и спокойна.

Король Людовикъ. Вѣрю справедливости словъ твоихъ, милая племянница; онѣ вливають опраду въ душу мою, когда я внимаю тебѣ, удалясь отъ дипломатовъ. Съ перваго шага моего на берегъ родины, куда возвратился я шакъ недавно, осянула меня непостижимая, но мощная десница Провидѣнія! — Подойди къ окну. Вотъ разстпмается Парижъ! — Сколько бурь возмущало спокойствіе этихъ улицъ! Нѣтъ мѣста, котораебъ не говорило, о пролитой на немъ крови, начиная отъ Вароламеевской Ночи до гильотины! — Не взирая на паружную веселость и блескъ, здѣсь царствующій, эти каменные громады повѣвають на меня шлепворнымъ запахомъ шруповъ! — Еще нѣтъ шрехъ лѣтъ, какъ здѣсь гордо проходили изъ Испаніи въ Москву побѣдители міра, оглашал воздухъ побѣдами кликами и громомъ оружія, сомкнувъ коня съ конемъ, шпыкъ со шпыкомъ, плотно, какъ древесные листья весной! И онъ, ценасы-

шимымъ, упоеннымъ славою взоромъ, видѣлъ въ нихъ одни лишь знаки собственнаго всемогущества! Мощные Парламенты Англіи затренипали, какъ стадо робкихъ птицъ — и рѣшились заключить миръ, чегобъ онъ ни стоилъ; заключивъ миръ, еслибъ даже потребовали отъ нихъ нарушенія священныхъ правъ гостепріимства и изгнанія моего изъ Англіи! — Но шеперь? — Слыхли убійственные громаы; Европа спокойна; гдѣ неистовствовали орлы, мирно разцвѣтающъ при лнліи. Ночь — тогда шолько великій — былъ бѣдный пусышникъ острова Эльбы, можетъ быть въ это самое мгновеніе устремивъ взоръ на морскія волны, видишь въ нихъ стихію, которой никогда не могъ одолѣть, видишь огромное, какъ и самъ онъ зеркало, насмѣшливо отражающее ликъ его! —

Герцогиня Ангулемская. Государь! называй убійцу Герцога Энгіенскаго, мощнымъ, страшнымъ исполиномъ, но не великимъ: не зови великимъ того, кто пожертвовалъ славъ и власнолюбію всѣмъ — честью и вѣрностію, справедливостію и любовью. Такъ поступать можетъ и демонъ ада. Истинное величіе жертвуетъ для чести, для справедливости, для душевнаго спокойствія — славою, могуществомъ и наружнымъ блескомъ. Но онъ поступилъ иначе! — О! я знаю его! — Этошъ увѣнчанный діадимою тигръ, бессильный разшерзашъ когтями, станешъ предъ нимъ червемъ пресмыкашья! Онъ позволитъ ему наступить на себя, лишь бы только зналъ, что потомъ мѣжетъ ввуспнть въ его пляму ядовитое свое жало!

Входящъ министры, дыша допоргомы и возвращеніе время 1789 года исполняешь ихъ неизъяснимою радостью. Они гордо, съ презрѣніемъ говорятъ о Наполеонѣ, о народѣ.

Поэтъ переноситъ насъ на островъ Эльбу. Наполеонъ стоитъ посреди вѣрныхъ ему друзей и между прочимъ говоритъ: „Безсмысленные! — Они еще жаждутъ этой руки, когда она превратилась въ прахъ; ибо я — я спасъ ихъ! — Еслибъ далъ я полную свободу бурнымъ волнамъ революціи, еслибъ не заставилъ ихъ обратно войти въ свое русло — еслибъ, помавая скипшромъ и мечемъ, не остановилъ непрерывнаго движенія гильотинъ — то, повѣрьте мнѣ — какъ эти равнины, приближая на берегъ волнами, всѣ троны увлечены бы были порывомъ бури! — Слишкомъ мощнымъ почиталъ я себя и хотѣлъ быть самъ творцомъ новаго порядка вещей, новаго времени! — О! я скажу теперь все, потому что могу только говорить, а не дѣйствовать. Узналъ я эту Эльбу — и довольно съ меня! — кусокъ грязи! — Какъ жалокъ бѣднѣйшій властелинъ, который не можетъ здѣсь ни биться ни побѣждать! — Несчастнѣйшій домъ Бурбановъ! онъ когда нибудь вырвется въ женскомъ монастырѣ! — — Равновѣсіе! какъ будто можно взвѣсить и перечесать народы! — Миръ блаженствуетъ, когда господствуетъ великая нація и имѣетъ довольно силъ поддерживать всюду себя и свои законы; а какой народъ выше моихъ Французовъ? — Вѣдскій конгрессъ! Они на чемъ споряшъ о ризахъ владыки, котора-

го здѣсь распинають на крестѣ! — Дѣлять мою Польшу, мою Саксонію — но нѣщо не насыпишься доставшимся ему кускомъ; нѣтъ!

Потомъ онъ готовится къ отплытію, и обращаясь къ морю, говоритъ: „Амфитрита, мощная, голубоокая дѣва! — давно уже, но щещно простираю къ тебѣ объятія! — Я долженъ льстивить тебѣ, между тѣмъ какъ желалъ бы, достойно мужа, оружіемъ изпоргнуть тебя изъ рукъ торгашей, поработившихъ тебя и мѣряющихъ аршиномъ! — Но, знаю — ты еще любишь сына революціи — ты, нѣкогда, забывъ вражду, перенесла его въ своихъ объятіяхъ отъ величественныхъ Пирамидъ къ колокольнѣ Фрежюса, и завтра снова понесешь меня отъ береговъ Эльбы. — Спи сладкимъ сномъ, Амфитрита!“

Въ Парижѣ получается извѣстіе о его вступленіи на берега Франціи; но при Дворѣ мало заботятся о его прибытіи: оно все еще слыветъ безразсуднымъ предпріятіемъ. Одна Герцогиня Ангулемская постигаетъ, сколь велика опасность.

Д'АМБРЕ. Предать его суду.

Герцогиня Ангулемская. Его суду? — Смертные, знаете ли, кто судья падъ нимъ? — Ополченія цѣлой Европы — много нѣтъ! — О оружіе, оружіе, оружіе! Гремятъ шумъ набата: все движется во храмахъ Господнихъ, и на полѣ битвы — а онъ уже ступилъ на берегъ! — Горестное предчувствіе! — Теперь то онъ прыгнетъ опять, какъ нѣкогда прыгнулъ отъ Египта до Парижа, отъ Эйлау до Мадриша, отъ

Мадрида до Вѣны, до Москвы — О! я чувствую уже — чувствую прикосновеніе острыхъ его когтей!

Герцогъ Ангулемскій. Ей дурно — люди, люди! Кельнской воды!

Герцогиня Ангулемская. Кельпской воды! — Доехайте лучше Французскаго огня, который воспламенилъ бы васъ!

Стеченіе народа въ Парижѣ. Различныя мнѣнія, желанія, надежды, опасенія. Надъ Бурбонами явно издѣваются. Одинъ портной говоритъ о Людовикѣ XVIII слѣдующимъ образомъ: „Лучшебы было, еслибы Король не важничалъ, сидѣлъ смиренно, да носилъ поуже поды у фрака, котораго гаже цѣпть въ мірѣ. На аршивъ одна отъ другой! Что это за покрой? Французскій? Нѣтъ; да и не Англійскій; а просто варварскій! По платью узнаешь человека; кшо глупо одѣтъ, щошь вѣрно самъ глупецъ! — Охъ пропадо любезное отечество! Не бытъ бы революціи, еслибы Французы сохранили свои старинныя кафтаны, парики и пудру, и слѣдственно былибы осторожнѣе и не цѣплялись другъ другу въ волосы; точно такъ не униженобъ было и Королевское достоинство, еслибы сквозь полы Королевскаго фрака не выказывалось.“ . . .

Приходятъ также старинныя Якобинцы и, впираясь между Наполеонистовъ и Бурбонистовъ, старающа воспользоваться минутой анархіи; однакожь безуспѣшно. Жувъ, палачъ, говоритъ: „Императоръ возвратился и — пока въ модѣ. Надѣтъ и мнѣ авшра щегольской фракъ,

Но — Якобинскія шапки переживуть все на свѣтъ.“ Торгашъ подбираетъ сброшенныя бѣлыя кокарды, и на мѣсто ихъ продаетъ трехцвѣтныя, кошорыя въ прошломъ году при сверженіи Наполеона, собрали такимъ же образомъ.

Наполеонъ является и недоволенъ дерзостію народа.,, Чернь выходитъ изъ предѣловъ! Бурбоны, хотя и знаменишой крови, но слишкомъ слабо держали возжи!“ Опъ узнаетъ, что конгрессъ и Европейскіе Дворы осудили его.,, Скажу тебѣ: войска Европы и съ Генералами ихъ, исключая бѣшенаго старика Блюхера, презещуть не Франціи, въ настоящемъ ея видѣ, а моего генія! — Осужденъ? Я? — Воображаю, въ какихъ громкихъ словахъ протрубили эгощъ приговоръ! Въ немъ пѣрно честящъ меня царушителемъ спокойствія цѣлаго міра, завоевателемъ, пиратомъ. — Превосходныя рѣчи въ успахъ Государей Европы!“ —

Карно въ разговорѣ съ Наполеономъ обнаруживаетъ либеральныя мысли; онъ отвѣчаетъ ему: „точно такимъ образомъ говорилъ недавно храбрый юноша, Лабедоеръ. Либерализмъ, конституція — громкія слова! — Но, Карно, вы опытомъ знаете, какъ худо понимаетъ ихъ толпа. Добрый, благомыслящій Аррасскій адвокатъ, Робертъ-ньеръ, чтобы поддержать республику, принужденъ былъ сдѣлаться мужемъ крови и ужаса. Вы сами были его товарищемъ. За по издатели газетъ обоихъ васъ шакъ обмили чернилами, чю много времени пройдетъ, покуда не смоешь съ васъ этихъ пятенъ рѣка бышюисаній.“

Дѣйствіе переносится на Марсово Поле. Палачь Жувь играетъ роль злаго остряка въ этой народной комедіи. Онъ подходитъ къ одной дамѣ.

Дама. Какъ намъ пройди, сударь? Вездѣ народъ.

Жувъ. Народъ! Только? Разтолкать эту дрянъ!

Присягаютъ, и Жувь говоритъ: „Не забавное ли явленіе? Пятьсотъ тысячъ клятвoprеступниковъ — считая разутьеся меня — и ни одной громовой тучи, чтобъ разразиться надъ нами! Чему не присягали мы, и какой присягѣ не измѣнили? первой, второй и третьей конституціи, кодексу Наполеона, хартии Бурбоновъ!“ —

Наполеонъ ополчается, Прусакн готовятся къ оппору. Мы переносимся въ Блюхеровъ лагерь, къ неседымъ Прусакамъ и къ такъ называемымъ полшическимъ оловянишникамъ (Kappeler) въ смыслѣ извѣстнаго Союза Добродѣтели (Tugendbund).

Егеръ. Благодаря трусливости нашихъ дипломатовъ, мы лишились на Вѣнскомъ конгрессѣ плодовъ своей храбрости. Еслибъ конгрессъ этотъ происходилъ въ боевомъ станѣ побѣдоносныхъ народовъ, то не сталибъ такъ горячо заботиться о какомъ нибудь Квингаузенѣ забывая благо Европы и въ особенности Пруссіи. Мы Прусакн, больше всѣхъ жертвовали собою, и меньше всѣхъ награждены.

Мажоръ. Что значить прибрѣтеніе нѣсколькихъ квадратныхъ миль земли въ сравненіи съ пѣнцомъ славы, которымъ, въ теченіе двухъ предшествовавшихъ годовъ, увѣнчивалось трикратно возобновляемое и трикратно побѣдоносное Прусское войско? Клочки земли присвоены Австріей, Фрст

сіей, Англіей и Голландіей — правда; но за шо пройдушь вѣка, и кровавая звѣзда войны — войны, въ которой мы больше всѣхъ содѣйствовали разпорженію оковъ, наложенныхъ на Европу властелиномъ міра — будетъ сіять въ небесахъ, даже и въ шо время, когда не спанеть Пруссія, и укажеть позднѣйшимъ потомкамъ мѣста, гдѣ нѣкогда подвизались ихъ предки!

Битва при Линьи. Потомъ забавы и пляски у Герцога Веллингтона въ Брюсселѣ. Пересело сидить въ углу Герцогъ Брауншвейгскій, жаждущій битвы. Онъ слышитъ отдаленную пальбу въ Камр-Бра. Веллингтонъ не вѣршитъ, чтобы шо былъ гуль пушекъ, но Брауншвейгскій Герцогъ лѣшитъ на поле битвы. „То гуль орудій, пожравшихъ отца моего“ — говоритъ онъ. „Горе сыну, кошорый не успремился на встрѣчу имъ, кия месію!“

Сраженіе при Ваврѣ. Забавная сцена двухъ Берлинскихъ волонтеровъ, изъ коихъ одинъ Еврей.

Волонтеръ. Ты хочешь вѣстъ, Еѳраимъ?

Еѳраимъ. Да, да, да!

Волонтеръ. Такъ постарайсяжъ достать чего нибудь; а эшопъ кусокъ шеляпины —

Еѳраимъ. Хорошъ, хорошъ, давай сюда!

Волонтеръ. Я лучше, самъ его сѣмъ, онъ не очищенъ, Еѳраимъ — за него Авраамъ не примешъ тебя въ свое лопо, и мнѣ это будетъ жаль.

Еѳраимъ. Разбойникъ! Хоть я и Еврей —

Волонтеръ. Не совѣмъ, не совѣмъ! — шпои бѣлокурые волосы доказывають, что какой-шо Христіанинъ забрель въ посредничество между шво-

ей матери и отца — ну, Евраимъ; вѣдь ты бывалъ на концертахъ у Мейшеля; и знаешь, что такое музыкальное импереццо —

Евраимъ. Песь! хотя я и Еврей, но все граждань и Берлинскій волонтеръ, не хуже тебя — вотъ тебѣ! (Даеѣтъ волонтеру сильную оплеуху. Прусакъ хочетъ ему дать сдачи но въ тужъ минуту пушечное ядро отрываетъ голову Евраиму).

Волонтеръ. (бросаясь въ сторону) Какъ страшно мститъ за меня судьба! (оправдсь) Однакожъ Евраимъ былъ малой доброй!

Наконецъ битва при Ватерлоо. Тутъ событія такъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ, что разговоръ состоитъ изъ однихъ почти восклицаній, и поэтъ превосходно поступилъ, не стараясь выказывать себя и блистать, какъ сдѣлалъ нѣкто, написавшій лѣтъ за десять предъ симъ трагедію: *Арнольдъ Винкельридъ*, герой коей, въ продолженіе битвы при Земпахъ, имѣетъ довольно времени, чтобы изложить всю Гегелеву систему въ длинныхъ ямбическихъ монологахъ и діалогахъ съ Герцогомъ Леопольдомъ. *Граббе* оканчивается бурнымъ, быстрошекущимъ пошюкомъ словъ, какъ дѣйствительно кончилась самая битва.

Изъ предложенныхъ здѣсь отрывковъ, читатели могутъ составить себѣ понятіе о цѣломъ и увидятъ, что *Граббе* гениальною рукою изпровергъ neodолимыя для другихъ препятствія.

(С. В.).

VIII.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Въ Парижѣ теперь самое благоприятное время для Театральныхъ Зрѣлищъ особаго рода. Ни что не оковываетъ буйнаго рвенія драматическихъ писателей. Они могутъ выводить на сцену все, что заблагоразсудится, лишь бы это весело публику; могутъ даже избирать предметомъ свѣченій своихъ недоступную имъ до нынѣ политику. Вотъ почему на малѣйшихъ театрахъ появляется множество политическихъ пѣсъ; самая даже извѣстная система правительства, *le juste milieu*, обращена въ названіе и служитъ предметомъ одного весьма колкаго водевиля. Замѣчательна также небольшая пѣса въ томъ же родѣ: *Путешествіе Свободы*, представляющая главный возмущенія съ Юля мѣсяца 1830 года и пошому раздѣленная на нѣсколько дѣйствій или картинъ. Въ первой изображена Французская революція, какъ первоначальное звено цѣпи народныхъ волненій въ Европѣ; вторая представляетъ Брюссельскій мятежъ; третья бунтъ Варшавскій; сюда присовокуплена еще четвертая картина, представляющая Парижъ въ Юль мѣсяцѣ 1831 года. Каждое отдѣленіе наполнено возмущительными пѣснями, которыя зрители заставляющъ иногда повторять по два и по три раза. При двадцати первыхъ представленіяхъ этой пѣсы, дирекція раздавала безденежно множество билетовъ черни, особливо ремесленникамъ; и пошому не удивительно рукоплесканія, коими она оглушалась. Та-

кими-то средствами поддерживается и питается фанатизмъ Парижской черни. Теперь вновь, и съ вѣкоторымъ успѣхомъ, даютъ піезу Скриба: *Прежде, Тогда и Теперь!* Полтора года назадъ, она показалась опасною для правительства, подъ скиптромъ Бурбоновъ, и была запрещена. Сочинитель изобразилъ въ ней слишкомъ яркими красками бѣдствія дореволюціоннаго времени. Должно думать однако, что содержаніе сей піезы избрѣнено не самимъ Скрибомъ, а къмъ нибудь изъ его сотрудниковъ, имъ же шолько просмотрѣно и приправлено острошами: ибо политика не Скрибова дѣло; веселый умъ его любилъ носиться въ предѣлахъ, болѣе воздушныхъ, что доказываютъ два новыя его произведенія — небольшая опера: *Волшебный Напитокъ*, и балетъ: *Жирная Ночь*, которые даются въ Большой Оперѣ. Первая въ родѣ Руссова *Деревенскаго Вороженя*, но написана съ большимъ остроуміемъ. Ее весьма забавнымъ образомъ пародировали на одномъ изъ малыхъ водевилльных театровъ: и шутъ также употребляется волшебный напитокъ, чтобы казаться милѣе въ глазахъ любовницы; но напитокъ эшотъ — простое шампанское вино, которое воспламеняетъ пьющаго и придаетъ ему любезности: соперникъ узнаетъ о тайной силѣ пища, и выпиваетъ вдвое больше, но опьянѣвъ, становится еще глупѣе и несноснѣе прежняго, такъ что побѣда остается на сторонѣ перваго. Эта фарса довольно занимательна. Въ балетѣ: *Жирная Ночь*, опять видно дарованіе Скриба, умѣющаго придавать самымъ соблазнительнымъ вещамъ привлека-

тельную и неоскорбительную форму; — впрочемъ эшаже мысль взята была для содержанія оперы *Асокадин*, написанной къмъ — то другимъ. Піеса сія доказываетъ, съ какой легкостью и искусствомъ умѣеть Скрибъ обрабошашъ каждый предметъ для забавы и удовольствія зрителя. Его по справедливости можно назвашъ увеселителемъ и забавникомъ Парижа; ибо никто не заботится съ такимъ усердіемъ и шакъ успѣшно о доставленіи ему удовольствія.

Странное произшествіе случилось недавно съ одной изъ Скрибовыхъ піесъ. Уже болѣе года опдалъ онъ ее на Одеонъ, но существовавшая тогда надъ драматическими произведеніями цензура запрешила представленіе оной. Теперь, когда театръ и литература сбросили съ себя уставы цензуры, Директоръ Одеона рѣшился дать ее; роли были влучены и день перваго представленія назначенъ. Но между тѣмъ Скрибъ и его сотрудникъ — (сочинявшіе общими силами) — опдали піесу свою на Французскій Театръ, и хотѣли чшобъ она шамъ была сыграна. Дабы отнять у Одеона право представлять ее, должно было немедленно прибѣгнуть къ власти Правительства. Уже афиши Одеона возвѣщали, что вечеромъ дастся первое представленіе *Базошскаго Писца (Clerc de la Basoche)*, какъ въ шотъ же день поушру тяжба между Одеономъ и Французскимъ театромъ была рѣшена приговоромъ судей. Скрибъ и его сотрудникъ утверждали, что запрещеніе прежней цензуры развязало ихъ съ Одеономъ, и что слѣдственно они, при перемѣнѣ обстоятельствъ, имѣють полное право

отдать піэсу свою на другой театр. Съ другой стороны, Директоръ Одеона утверждалъ, что онъ насильно принужденъ былъ отложить первое представленіе піэсы; но теперь, будучи свободенъ, непременно хочетъ дать ее на своемъ театрѣ. Въ самомъ же дѣлѣ, въ первый годъ сценической свободы, онъ вовсе ею не пользовался, и тогда только вздумалъ дать Скрибову піэсу, когда узналъ, что ее готовятся представить на Французскомъ Театрѣ, для того чтобы предупредить соперничество. Правительство ясно видѣло ходъ дѣла, и запретило Директору Одеона играть Скрибову піэсу, уполномочивъ полицію, въ случаѣ неповиновенія съ его стороны прервать представленіе. Но Директоръ до того не допустилъ, и на театрѣ его, вмѣсто *Базошскаго Писца*, дана была *la marechalle d'Ancre*, къ неудовольствію любопытныхъ зрителей, пригосовившихся видѣть новое произведеніе Скриба. Хотя перемѣна піэсы и объявлена была въ афишахъ у входа въ театръ, но большая часть посѣтителей, не обративъ на нихъ вниманія, узнали о ней тогда только, когда поднялся занавѣсъ.

Всѣ журналы говорятъ о новомъ актерѣ, Монье, вступившемъ на сцену по стеченію странныхъ обстоятельствъ. Онъ былъ прежде художникомъ, вылитографировалъ множество народныхъ сценъ, изъ коихъ нѣкоторыя напоминаютъ Гогарта, и подобно Англійскому художнику, представилъ рядъ картинъ народнаго быта, съ начала до конца. При всемъ этомъ, Монье, какъ и всѣ люди, занимающіеся одинаковымъ съ нимъ

ремесломъ, былъ весельчакъ, и иногда также искусно представлялъ народныя сцены, какъ хорошо рисовалъ ихъ. Наконецъ видя, что кисть и карандашъ стали приносить мало барыша, вздумалъ онъ актерствовать, но по своему, и для дебюта себѣ сочинилъ самъ пьесу, которая даетъ ему возможность выказать, какъ вѣрно умѣешь онъ обнимать и выражать разнообразныя характеры и физиогноміи, встрѣчавшіяся ему въ жизни. Почти уже два мѣсяца сряду, эта пьеса на водевильныхъ театрахъ; и весь Парижъ стекается видѣть художника-актера въ собственномъ его произведеніи. Пьеса называется: *Импровизированная Семья (la famille improvisée)*, и довольно забавна. Вотъ ея содержаніе. Одна Парижская мѣщанская чета, имѣющая въ окрестностяхъ небольшое имѣніе, намѣревается праздновать свадьбу своей дочери съ молодымъ городскимъ жителемъ, который, какъ обыкновенно водится въ комедіяхъ, не видѣлъ еще своей невѣсты и влюбленъ въ другую. Дѣвушка съ своей стороны также влюблена. Женить пріѣзжаетъ и привозитъ съ собой пріятеля, молодого художника, котораго рекомендуетъ весельчакомъ и шукаремъ. Пріятель входитъ съ цѣлосторонней боязнью и замѣшательствомъ, и говоритъ, что не лзя не оробѣть, являясь впервые обществу незнакомому и многочисленному. Слова сіи такъ ясно намекаютъ на дебютирующаго актера, что зрители безъ труда понимаютъ смыслъ ихъ и громкимъ одобреніемъ поощряютъ художника. Мѣщанинъ, услышавъ названіе шукаря, протосердечно требуетъ, чтобы гость повесе-

лилъ бесѣду фокус - покусами. Предложеніе это оскорбляетъ самолюбіе молодого художника, и онъ, обидясь, уходитъ. Потомъ, желая ошметить глупому хозяину дома и вмѣстѣ вывѣсть друга своего изъ затруднительнаго положенія, рѣшается искуснымъ образомъ возстановить все семейство противу жениха, представляя родственниковъ его въ разныхъ лицахъ, какъ людей нестерпимыхъ и привлзчивыхъ. Сначала является онъ въ видѣ женихова ошца и проповѣдуетъ такую безнравственность, что изумленная хозяйка дома не знаетъ, какъ сбывъ съ рукъ развратнаго старика. Потомъ приходитъ въ видѣ дяди, школьнаго учителя, болтливаго педанта, который, запутавшись въ безконечныхъ разсказахъ, самъ не знаетъ, о чемъ началъ говорить. Въ слѣдъ за этимъ вторымъ родственникомъ, является по одиночкѣ множество говорливыхъ, старыхъ родственниковъ жениха, и наконецъ крикливый, пьяный мужикъ, также родственникъ, и испытываетъ терпѣніе семейства нареченнаго зятя; ему и женѣ его такъ надоѣли женихъ и весь причетъ его родственниковъ, что они сами уже изъявляютъ желаніе взять назадъ данное ему слово. Потомъ открывается, что онъ влюбленъ въ другую ихъ дочь. Ихъ обручаютъ, и молодой художникъ признается, что онъ подурачилъ все семейство, представляя ошца, школьнаго учителя, старую барыню и мужика. Эти четыре роли, изложенныя самымъ комическимъ образомъ, Монье играетъ превосходно. Впрочемъ еще не извѣстно, такъ ли же хорошо будетъ онъ играть въ другихъ пѣсахъ, не своего

сочиненія, какъ въ эпихъ роляхъ, имъ самимъ написанныхъ и вѣроятно снятыхъ съ природы; а еще болѣе, можетъ ли онъ выдержать цѣльную роль въ пьесѣ, съ такимъ же искусствомъ, какое показываетъ въ отдѣльных сценахъ.

Викторъ Гюго, послѣ *Герани* не писавшій ничего для театра, подарилъ публику *Маріоной де л'Ормъ*, которую однакожь играли на этотъ разъ не на Большомъ Театрѣ, а на одномъ изъ водевильныхъ, именно у воротъ Св. Мартина. Пьеса эта, подобно *Базошскому Писцу* Скриба, при Бурбонахъ запрещена была театральною дирекціей, потому единственно, что въ ней слишкомъ рѣзкими чертами изображается деспотизмъ Кардинала Ришелье. Въ то время авторъ лично видѣлся съ Королемъ, желалъ доказать ему, что театральная цензура несправедливо поступаетъ, и что пьеса его вѣрно не произведетъ революціи; Карлъ X, по обыкновенію своему, улыбался, но не перемѣнилъ приговора цензуры: ибо еслибъ онъ согласился на доводы Виктора Гюго, то Кардиналъ де Лапиль, или кто нибудь другой изъ придворныхъ духовныхъ особъ, конечно возопилъ бы: „Государь! авторъ посягаетъ на наше достоинство; мы требуемъ удовлетворенія!“ И такъ запрещеніе продолжалось до революціи, случившейся въ Іюль мѣсяцѣ. Теперь *Маріона де л'Ормъ* также смѣло является на сценѣ, какъ *Манона Эско* на оперномъ и *Госпожа Дюбарри* на водевильномъ театрахъ. Недавно Викторъ Гюго издалъ новый романъ: *Notre Dame de Paris*; такимъ образомъ этотъ неутомимый писатель вездѣ дѣйствуетъ,

между тѣмъ какъ Ламартинъ, много потерявшій отъ революціи, молчитъ, а Казимиръ де-ла-Виль поправляетъ разстроенное здоровье. Впрочемъ кажется, Викторъ Гюго не имѣетъ драматическаго дара. Издавна упрекали Французскій театръ въ излишней рачительности объ обрисовкѣ характеровъ и въ невнимательности къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и къ историческимъ отношеніямъ. Викторъ Гюго, почитаемый главою новѣйшихъ Французскихъ романиковъ, дѣйствуетъ совершенно противоположно. Историческія картины составляютъ главную, а очеркъ характеровъ вспомогательную принадлежность его сочиненій. *Маріона де л'Ормъ* выведена имъ на сцену для того, чтобы обрисовать властолюбиваго Кардинала Ришелье и слабаго Короля Людовика XIII. Авторъ хотѣлъ представить живую картину того времени; и потому въ пѣсѣ его замѣтна какая-то нестрога. Приключенія и сцены народной жизни непрерывно смѣняютъ одна другую и производятъ такой шумъ, такое движеніе, что зритель не успѣваетъ опомниться; для трехъ пѣсѣ стало бы приключеній, вписанныхъ въ одну. Можно ожидать отъ поэта лучшаго драматическаго произведенія, когда нѣсколько успокоится пылкаго фантазія, но не прежде. Викторъ Гюго повсе не обращаетъ вниманія на вкусъ публики; онъ слѣдуетъ порывамъ своего воображенія, не заботясь, понравится ли это зрителямъ или нѣтъ. Во Франціи еще мало поэтовъ, имѣющихъ смѣлость руководствоваться собственнымъ своимъ гениемъ, какъ Викторъ Гюго; и потому-то часто оскор-

блаетъ онъ вкусу Парижской публики и производить ропотъ. Хотя онъ богатъ друзьями и приверженцами, которые безусловно удивляются и аплодируютъ всему, что онъ ни напишетъ: но лучший другъ его, журналъ *le Globe*, перемѣнилъ направленіе и теперь не съ прежнимъ уже рвеніемъ занимается театральными произведеніями. И такъ Викторъ Гюго не имѣетъ въ немъ твердой опоры; да и кто нынѣ при разыгрываніи огромной, всемірной драмы спянетъ особенно заниматься театральными зрѣлищами? По сей то причинѣ *Маріона де л'Ормъ* не могла возбудить такого участія, какъ *Гернани*, первый сценическій опытъ Виктора Гюго. Правда, приверженцы его и нынѣ выходящъ изъ себя отъ красоты, проявляющихся въ этой пьесѣ; но фанатизмъ ихъ не простирается уже до того, чтобы угрожать смертию недовольнымъ зрителямъ, какъ случилось при представленіи *Гернани*. Также не подвергаешь опасности быть раздавлену, входя въ театръ; теперь въ немъ все происходитъ покойно и безъ шума. Театральная дирекція, прекрасно обставя пьесу, не жалѣла издержекъ: декорации, костюмы, все было превосходно и также близко къ исторической истинѣ, какъ самъ авторъ. Передъ *Маріоной де л'Ормъ* на томъ же театрѣ вновь данъ былъ *Наполеонъ*, съ тѣми же декорациями и костюмами, съ которыми, за нѣсколько предъ симъ мѣсяцовъ, являлся на Лондонскомъ Театрѣ, къ удовольствію шамошней публики. Слѣдственно не справедливъ слухъ, что правительство не хотѣло долѣ перенѣть его на сценѣ, и тѣмъ невольниче, что

само оно приказало возстановить его штатуи. Пока политическія драмы согласны съ общимъ, господствующимъ образомъ мыслей, до шѣхъ поръ все идетъ хорошо; но недавно на одномъ изъ театровъ давали *Революціонный Комитетъ*, то есть, показывали революцію съ ошвратительнѣйшей ея стороны. Это подало поводу къ сильной оппозиціи и распрямъ. Партеръ раздѣлился на двѣ партіи; возникли споры и ссоры; и драма разгрывается шеперь акшерами и зрителями.

М. В. — А. Ш.

IX.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

— общество трезвости въ лондонѣ. — По примѣру Соединенныхъ Штатовъ, въ Лондонѣ недавно образовалось, подъ предѣдательствомъ Лондонскаго Епископа, *Общество Трезвости* (*Temperance-Society*), имѣющее цѣлю противудѣйствовать распространяющемуся между Англичанами пороку пьянства, какъ примѣромъ сочленовъ, кои обязуются не терпѣть въ домахъ у себя никакихъ спиртуозныхъ напитковъ, такъ и издаіемъ приличныхъ на сей предметъ сочиненій. Теперь въ Лондонѣ, если гдѣ, между непримѣнвыми кирпичными домишками, встрѣчаются красивые бѣлые домики съ колоннами и другими архитектурными украшеніями, то смѣло можно биться объ закладъ, что изъ десяти вѣрно девять шинковъ, гдѣ продается горячее вино (джинъ). И не уди-

вителью, что они могут давать себѣ такую прекрасную наружность: съ ранняго утра до поздняго вечера они набиты несчастными, приносящими туда послѣдній пфенингъ; даже въ нѣкоторыхъ, умѣвшихъ приобрести особенную репутацію, въ извѣстные часы дня, невозможно продраться въ толпѣ мужчинъ, женщинъ и даже — дѣтей, точно какъ на площади предъ балаганомъ, гдѣ играется комедія. Полагаюшь, что въ трехъ Королевствахъ ежегодно издерживается на горячіе напитки до 15 милліоновъ фунтовъ шерлинговъ (на наши деньги до 325 милліоновъ рублей). И сколько бѣдсвѣй покупается на такую непомѣрную сумму! Замѣчается, что пристрастіе къ неумѣренному употребленію этого губительнаго яда не ограничивается одною чернью; дороговизна винъ ввела его въ большую часть семействъ средняго класса; и шеѣрь нерѣдко случается видѣть женщинъ, даже дѣвушекъ, особенно послѣ ужина, напивающихся до пьяна. Конечно, подобныя катастрофы остаются семейными тайнами и рѣдко выходятъ наружу; но онѣ тѣмъ не менѣе справедливы. Новое Лондонское общество имѣло свое первое засѣданіе прошлаго Іюля. Въ Шотландіи, въ началѣ прошлаго Іюня, считалось уже подобныхъ обществъ до 181, въ коихъ находится 41,381 членъ. Ихъ дѣйствія награждаются счастливыми успѣхами: во многихъ округахъ потребление горячихъ напитковъ уменьшилось до половины. Многіе хозяева превратили содержимые ими шинки въ шакъ называемые *трезвые кофейные дома* (*Temperance-Coffeehouses*), изъ которыхъ из-

гнаны всѣ горячіе паншюки. Главнымъ образомъ дѣйствуетъ здѣсь духовенство, коему ревностно помогаютъ помѣщики, фабриканты и всѣ имѣющіе болѣе или менѣе вліянія граждане. Медицинскіе факультеты подають также съ своей стороны голосъ. Увидимъли мы когда-нибудь у насъ что либо подобное?

— РАЗГАРЪ ПОЛЕМИКИ ВО ФРАНЦІИ. — Доселѣ Французская литература была образцемъ въжливости, коей и дѣйствительно не измѣняла въ самымъ жаркихъ полемическихъ распряхъ. Но недавно происходила въ ней битва, не уснуцающая въ ожесточеніи Нѣмецкимъ журнальнымъ дракамъ и даже приближающаяся отчасти къ кулачнымъ боямъ, кои періодически грѣютъ холодную кровь нашей словесности. Дабы объяснить настоящую ея причину, должно рассказать предшествовавшія ей обстоятельства.

Въ началѣ текущаго вѣка, когда любознательность устремилась вновь къ изученію древнихъ источниковъ, знаменитѣйшіе Германскіе писатели обратили вниманіе на поэтическіе памятники XII и XIII столѣтій, образовавшіеся изъ Целто-Франкской эпопеи. Гёрресь, Мюллеръ, Доценъ, Лахманъ, Бенке и другіе, оказали великую услугу словесности, изданіемъ Логенгринна; Парцеваля и прочихъ поэмъ того же времени. *Эдгаръ Киле*, молодой Французскій писатель, извѣстный уже съ выгодной стороны ученому міру двумя первыми своими произведеніями: переводомъ Гердеровыхъ мыслей и книгою о Греціи, изучивъ основательно Германскую Критику и обогатившись собственными

изысканіями, вознамѣрился извлечь Французскіе подлинники сихъ произведеній древности изъ праха, подъ конемъ они были погребены. И такъ олъ предсѣавилъ Министру ноту, отличающуюся изящесвомъ слога и исполненную благороднаго одушевленія, въ коей обращаетъ вниманіе соотчичей на важность литературныхъ сокровищъ, о коихъ они досель небрегли и коихъ существованія даже не подозрѣвали, что и подало поводъ къ ложному разпространившемуся между Французскими учеными мнѣнію, будто Французская поэзія началась не прежде какъ съ XVI столѣтія, а до того, исключая трубадуровъ южной Франціи, господствовали единственно варварство и искаженная латынь. „Поэмы, предомной лежащія“ — говоритъ олъ — „служатъ доказательствомъ противнаго, а именно, что гораздо прежде вѣка Лудвика XIV, еще въ половинѣ XII столѣтія, поэзія процвѣтала во Франціи, и что на сіи полу - Цельтичскіе и полу - Французскіе памятники долженъ нѣкогда опереться національный Французскій геній.“

Таковыя предположенія, совершенно противурѣчація принятому мнѣнію, обратили на себя во Франціи общее вниманіе, даже въ то время, когда взоры всѣхъ казалось усшремлены были исключительно на политическія событія. По несчастію писатель сей, одушевленный благороднымъ рвеніемъ къ познаніямъ и къ славъ отечества, не помыслилъ о томъ, заслужитъ ли симъ благосклонность собраній своихъ, пресмыкающихся у подошвы Парнасса. Шиллеръ говоритъ о наукѣ:

Она для однихъ свѣшозаркой небесной богиней:
 Другимъ же
 Толстой коровою кажется, маслохъ ихъ щедро
 снабжая.

Киле дивясь эпопеямъ, остающимся доселѣ безвѣстными въ манускриптахъ Библиотеки (épopées restées inconnues dans les manuscrits de la Bibliothèque), забылъ, что тѣмъ доказывалъ невѣжество людей, которые по обязанности своей должны были знать эти эпопеи, и слѣдственно оспаривалъ у нихъ обладаніе предметомъ, имъ на сохраненіе порученнымъ. Одинъ изъ нихъ сильно огорчился, и вслѣдъ за появленіемъ ноты, когда *Киле* находилъ сладкую награду за труды въ одобреніи многочисленныхъ друзей своихъ и дѣятельномъ вспоможеніи правительства, появилось въ журналѣ *Temps* письмо, коимъ хотѣли доказать невѣжество сочинителя ноты и безразсудность его предпріятія. Достопримѣчательнѣе слога письма сего: въ немъ самыя злыя и колкія упреки прикрыты личною любвію и уваженіемъ къ характеру *Киле* и къ неотъемлемой отъ него чистотѣ душевной. Даже извѣстный ироническій тонъ Аббата Гене надъ Вольтеромъ, о которомъ сей послѣдній сказалъ, что „онъ, показывая будто хочетъ обнять, кусаетъ до крови,“ ничего не значить въ сравненіи съ ядовитостію безыменнаго корреспондента *Temps*. По его мнѣнію, Цельтическія поэмы, и въ особенности циклъ сказаній о Сени-Грааль, суть бесполезныя, варварскія произведенія, большей частію переводы Латинскихъ шпирядъ, выкраденныхъ изъ *Виргиліевой Энеиды*

и другихъ классическихъ твореній ; ни въ одномъ изъ нихъ число стиховъ не простирается свыше 15,000, тогда какъ *Кине* полагаешь оное до 30,000 и даже до 77,000. Къ сему присоединились личные нападки на *Кине*, между коими намекалось, что сочинитель ношъ не въ состояннн судить о Французскихъ Древностяхъ, ибо онъ донынѣ исключительно занимался Исторіей и Древностями Востока, всимѣющими ничего общаго съ первыми и п. п. *Кине* не трудно было доказать неосповательность сихъ обвиненій, что и сдѣлалъ онъ въ отвѣтъ, могущемъ служить образцомъ для полемическихъ спашей ; не взирая на то, излишнимъ считаемъ повторять здѣсь приводимыя имъ доказательства ; ихъ безъ труда угадаешь каждый, хотя мало знакомый съ новымъ способомъ подвизашся на семь поприщъ словесности.

Въ слѣдъ за симъ опызвомъ послѣдовало шпоричное нападеніе ; и прѣшивникъ *Кине*, снявъ съ себя личину, объявилъ, что онъ Полинь Парись, служащій при Королевской Библиотекѣ. Тутъ разгадалась загадка: *inde igitur!* Послѣ такого гласнаго признанія, онъ полагалъ, что можешь уже дѣйствовать неограниченно ; и потому это другое письмо служило образцомъ неслыханной въ литерашурѣ дерзости и безстыдства. Г. Парись, ослѣпленный гнѣвомъ, перепуталъ имена и числа, принявъ поэму Логенгринна за Гарина Ле-Логереня, XIII столѣтіе за XII, и называя отпрашеніе *Кине* въ Морюю милосшью, выпрошенной имъ у низпровергнутаго правительства, покушался

запятнать его доброе имя низкою клеветою. Съ той поры, вопросы, собственно до науки касающіеся, сдѣлались предметомъ пошорчивимъ и нападеній на личность одержали верхъ. *Кинне* въ послѣдній разъ оплѣчалъ, какъ слѣдуетъ честному человеку, котораго презрѣнный паша хочетъ лишить драгоцѣннѣйшей его собственности, и какъ бы извиняется предъ публикой, что подымаетъ перчатку, брошенную такимъ противникомъ. Описание жизни его и частныхъ отношеній къ прежнему правительству, изложенное съ краснорѣчіемъ, вылившимся изъ сердца, заключаетъ онъ сими словами: „Чѣмъ же въ то время занимался шотъ, который теперь на меня нападаетъ? Онъ издавалъ — *Universel!*“

И такъ не у насъ только разоблаченное невѣжество, говоря словами поэта —

Разводишь оліумъ череплъ
Слюною бѣшеной собаки!

НОВОСТИ

НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

— льдины въ южномъ океанѣ. — Донынѣ никогда еще мореплаватели не встрѣчали льдинъ около мыса Доброй Надежды и южныхъ береговъ Африки. Въ морскихъ запискахъ Ост-Индской Кампаніи за все прошлое столѣтіе, вовсе не упоминается о томъ, чтобы какое нибудь судно повстрѣчало ледъ въ этихъ мѣстахъ, хотя многія

доходили до 40° — 42° южной широты. Но 7 Апрѣля 1828 года, Французское судно *Гармоніа*, на пути отъ Калькуты во Францію подъ $35^{\circ} 50'$ южной широты и 16° восточной Греничской долготы, видѣло множество ледяныхъ массъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли повидимому до ста футовъ въ вышину. Оно даже прошло между двухъ таковыхъ ледяныхъ горъ, въ которыхъ съ яростью ударяли волны морскія. На этомъ пути *Гармоніа* встрѣтила Испанское судно *Констанцію*, лоцманъ коего слѣдующимъ образомъ описываетъ плавшія по океану льдины :

„7 Апрѣля 1828 года, въ 10-ть часовъ поутру данъ сигналъ, что открывается небольшой островъ, похожій на бѣлое облако; вслѣдъ за тѣмъ мы ясно могли уже различать тѣни, вѣрные признаки земли. Подошедъ ближе, мы увидѣли обширный, довольно высокій островъ, расходящійся въверху на двѣ остроконечныя возвышенности. Вскорѣ потомъ примѣтили мы еще три небольшіе острова, въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи. Въ половинѣ двѣнадцатаго часу казались они совершенно бѣлыми, и лучи солнечные отражались отъ нихъ, какъ отъ зеркала. Никто изъ насъ не умѣлъ объяснить сего явленія, до самаго полдня: мы находились тогда подъ $35^{\circ} 56'$ южной широты и $16^{\circ} 59'$ Греничской восточной долготы. Канатъ въ 135 ф. длины не доставалъ до дна; и какъ сверхъ того море постоянно сохраняло свой темно-зеленый цвѣтъ, то и заключили мы, что это должны быть пловучія, зашедшія до 35° , льдины. Мы шли по направленію къ

Востоко-Юго-Востоку до двухъ часовъ пополудни, подавая сигналъ Французскому судну *Гармоніи*, возвращавшемуся изъ Калькуты. Въ половинѣ четвертаго часу показались на горизонтѣ еще два ледяные острова, мимо коихъ и прошли мы въ половинѣ пятаго. Южная масса имѣла отъ 25 до 30 сажень въ вышину, но не сходилась къ верху въ острую оконечность, какъ прежде нами видѣнная. Далѣе къ сѣверу на разстояніе трехъ миль, видѣли мы еще одну огромную ледяную гору.“

„28 Апрѣля 1828 года бригъ *Элиза*, на пуши изъ Антверпена въ Бававію, встрѣшилъ пять плывущихъ ледяныхъ массъ, подъ $35^{\circ} 31'$ южной широты и $18^{\circ} 13'$ восточной Греничской долготы. Онѣ походили на башни отъ 250 до 300 футовъ въ вышину. Море съ такою силой дробилось о сіи ужасныя массы, какъ будто онѣ утверждены были на сокрытомъ, твердомъ основаніи; однакожь мы не могли ни въ одномъ мѣстѣ допытаться дна.“

Сіи ледяныя горы, встрѣченныя *Элизой* при недѣли спуская послѣ открытія *Констанціей* первыхъ льдинъ, находились отъ нихъ въ разстояніи 32 миль къ югу. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ принадлежали къ той же самой грядѣ огромныхъ массъ, влекомыхъ напоромъ волнъ изъ отдаленныхъ странъ юга, къ южнымъ берегамъ Африки. Годъ спустя послѣ того, и именно 20 Апрѣля 1829 года, судно принадлежащее Американской компаніи, встрѣшилось съ большою, ледяною горою подъ $39^{\circ} 13'$ широты. Масса сія, имѣвшая

не болѣе двухъ миль въ окружности, возвышалась надъ поверхностью моря на 150 футовъ. Судя по удѣльной тяжести льда и по выдавшейся изъ воды громадѣ, вся льдина сія долженствовала имѣть болѣе тысячи футовъ вышины.

Кажется, что до Апрѣля 1828 и 1829 годовъ, ни разу не выдвигали льдинъ на Южномъ Океанѣ, между 42° и 43° широты. Въ Англійской Энциклопедіи Риса, говорится что случалось иногда выдвигать въ обоихъ полушаріяхъ, льдины, заходящія отъ полюса до 40, даже до 41 и 42 градусовъ широты: но теперь очевидно, что ледъ можетъ оплыть, не распаявъ, на несравненно большее разстояніе отъ полюса.

И такъ, въ южномъ полушаріи, на моряхъ близкихъ къ экватору, въ Апрѣль мѣсяцъ являющіяся плывущія льдины. А какъ въ полушаріи сѣверномъ Октябрь соотвѣтствуетъ Апрѣлю южнаго, то слѣдовало бы заключить, что тамъ, въ Октябрѣ, ледъ долженъ оплывать на самое дальное разстояніе отъ сѣвернаго полюса. Однакожъ, по видимому, и здѣсь, въ томъ же Апрѣлѣ или въ Маѣ, ледъ болѣе опадается отъ широты, подъ кою образовался; слѣдственно въ этомъ отношеніи существуетъ между обими полушаріями достойное замѣчаніе и удивленіе пожедство. Вотъ нѣсколько примѣровъ для доказательства справедливости этого пожедства.

14 Апрѣля, между Нью-Йоркомъ и Ливерпулемъ, подъ 42° сѣверной широты и 47° во-

опочной долготы, *Минерва* встрѣпилась съ четырьмя большими ледными горами. 3 Апрѣля 1823 года, судно *Моунтстонъ* отправилось изъ Плимута въ Ньюфоундландъ; и 7 Мая, при густомъ туманѣ, напкнудось на массу льда и въскоре мгновеніе наполнилось водою. Подъ какимъ градусомъ широты случилось сіе, не извѣстно. 14 Мая 1814 года, флотъ, отправленный въ Квебекъ, встрѣтилъ подъ 44° сѣверной широты и 50° восточной долготы, болѣе двадцати огромныхъ, пловучихъ ледяныхъ горъ, изъ коихъ иныя имѣли въ вышину болѣе 80 футовъ. Тогоже дня, пополудни, судно прошло мимо ледянаго острова, поверхность коего простиралась на 20 миль и 30 футовъ, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ еще болѣе возвышалась надъ моремъ.

Изъ всего выше приведеннаго, слѣдуетъ:

1) Въ Апрѣлѣ мѣсяцъ или въ первыхъ числахъ Мая, огромныя массы льда встрѣчаются какъ въ южномъ, такъ и сѣверномъ полушаріи, подъ средними градусами широты, въ большемъ количествѣ, нежели въ прочее время года. Это странность, донынѣ еще не объясненная; ибо, по принятымъ досихъ поръ мнѣніямъ, должно изпечь непременно шесть мѣсяцевъ, между тѣмъ временемъ, когда плывущія льдины южнаго полушарія приближаются къ экватору на самое близкое разстояніе, и тѣмъ, въ которое сѣверный полярный ледъ къ нему наиболее приближается.

2) Для образованія и скопленія ледяныхъ громадъ, кажется, необходимо нужно значительное

пространство земли около южного полярнаго круга; и земля сія, по видимому, должна находиться между Лондонскимъ меридіаномъ и 20° восточной долготы, откуда соединенныя силы теченія, вѣтра и волнь, могутъ нести сіи груды льда по направленію отъ Юго-Юго-Запада и Юго-Запада къ Сѣверу и Сѣверо-Сѣверо-Западу. Но Сандвичевы Острова, лежащія подь 65° южной широты и 27° восточной долготы, слишкомъ отдалены на востокъ отъ обыкновеннаго направленія и теченій и вѣтровъ и волнь, такъ что трудно при нихъ образоваться громадамъ льда, показывающимся на высотѣ мѣса Доброй Надежды. Острова Буветъ и Томсонъ, подь 54° южной широты и 5° восточной долготы, по незначительности своей, не могутъ служить пунктомъ скопленія столь огромныхъ ледяныхъ горъ; а Кергеленландъ, лежащій подь 49° южной широты и 70° восточной долготы, слишкомъ отдаленъ на востокъ, и следовательно также не можетъ быть гнѣздомъ ихъ образованія.

3) Новое появленіе ледяныхъ горъ у южныхъ береговъ Африки, въ Апрѣль 1828, и восточныхъ, въ Апрѣль 1829 годовъ, должно происходить отъ причины неизвѣстной, на примѣръ, землетрясенія или сильнаго изверженія огнедышущихъ горъ, слѣдствіемъ коихъ былъ насильственный отрывъ этихъ ледяныхъ громадъ, феноменъ, вѣроятно до сихъ поръ весьма рѣдкій въ полярныхъ странахъ. По крайней мѣрѣ во всеиъ прошекшемъ столѣтіи нѣтъ примѣра, чтобы ле-

данныя массы такъ близко подплывали къ Африканскимъ берегамъ. (М. В.)

— новая трагедія Гаупхаха. — Неупомимый Нѣмецкій драматургъ обогатилъ отечественную сцену новою историческою трагедіею: *Король Филиппъ* (König Philipp), которая съ успѣхомъ дается на Берлинскомъ театръ. Кристики нашли въ ней одно изъ лучшихъ драматическихъ произведеній, которое яснымъ изложеніемъ быстро вводитъ вниманіе въ кругъ событій, и въ тоже время рѣзкими очерками обозначаетъ характеры главныхъ, дѣйствующихъ лицъ. Ходъ ея устроенъ такъ, что участіе ежеминутно возрастаетъ, и до самой катастрофы не развлекается ни чѣмъ постороннимъ и вставочнымъ. Сначала, Римско-Германскій Король является въ ней счастливымъ войномъ послѣ одержанной побѣды надъ Государемъ, ему враждебнымъ; потомъ домовинымъ, простодушнымъ хозяиномъ среди своего семейства; тамъ великодушный, даже съ врагами; здѣсь счастливый, боготворимый и жной супругой и прекрасными дочерьми, онъ вездѣ влечетъ къ себѣ сердца болѣе добродушіемъ, нежели могуществомъ. Онъ твердо вѣритъ власти Папы надъ другими Монархами, и въ тоже время презираетъ перуны его проклятій; побѣдоноснымъ оружіемъ защищаетъ свой престоль и избраніе, и потомъ отказывается отъ скиптра вопреки Папскимъ Легатамъ; наконецъ среди переговоровъ, падаетъ отъ предательской руки друга, разъяреннаго мнимой его изменой, о которой тошъ узналъ изъ подложнаго письма. На престоль

его восходитъ иной Монархъ; и политика Рима, одержавъ побѣду, хочетъ навсегда испоргнуть Императорскій скипетръ изъ рукъ опаснаго рода Гогеншлауфеновъ.

Вотъ содержаніе всей пьесы. Въ отношеніи къ характерамъ, послѣ *Филиппа*, главнаго героя, является въ самомъ привлекательномъ видѣ супруга его *Ирена*, образецъ любви и вѣрности какъ въ злосчастную минуту приближающейся смерти, такъ и прежде, въ прелестной сценѣ домашняго быта, которая производитъ превосходный, въ полномъ значеніи слова, эффектъ лучшихъ картинъ въ семь родѣ. Виштельсбахеръ *Отто* вездѣ вспыльчивъ и дерзокъ, даже противу Королевскаго друга, съ которымъ, недовольный, враждуетъ, такъ что коварству не трудно воспламенить его дикою яростію и злобой, но только противу лица Короля, а не противу политической партіи, ошъ коей не возможно его оплечь и къ кощорой онъ приверженъ, какъ кажется, добровольно, по собственному, твердому убѣжденію. Его ярость, близкая къ бѣшенству, выказываетъ еще въ большемъ свѣтъ кротость *Филиппа*, и поэтъ такъ искусно умѣлъ расположить ходъ пьесы, что *Отто* весьма мало или вовсе не занимающенъ для зрителя. Еслибъ мы приняли въ немъ участіе, то онъ, столь сильно дѣйствующій въ трагедіи, не былъ бы уже вспомогательнымъ лицомъ драматической картины; въ мѣсто того чтобы служить, какъ шенеръ къ возвышенію героя, затмилъ бы его, сдѣлавши

самъ героемъ трагедіи. Вошъ причина, почему онъ не долженъ, былъ возбудить состраданія въ зрителихъ ни раскаяніемъ, ни даже смертію. *Людовикъ Баварскій* вѣрностію своею и гнѣвомъ на брата, запятнавшего себя убійствомъ, спасаетъ честь и достоинство рода *Виттельсбахеровъ*. Два брата *Андексы*, кои тайно отпадаютъ отъ *Филиппа* и которыхъ пошъ заставляешь писать подложное письмо, являющія орудіями чужихъ замысловъ; одинъ изъ нихъ нѣсколько волнуемъ страстями, другой не имѣетъ ни какого характера, и оба горько оплакиваютъ непредвидѣнные послѣдствія обмана. *Беатрикса*, дочь *Филиппа*, милое, и по смѣлости своей совершенно новое дѣшское лице. Напрошивъ того *Беатрикса Бургундская*, племянница *Филиппа*, представлена любительницею чужеземнаго образа жизни; но, если это было уже необходимо, то она должна бы явиться съ меньшей изыскательностію и приязанностію, и вмѣсто надушныхъ, философическихъ разсужденій о любви, говорить попроще. Этому тѣмъ болѣе можно было ожидать по тому, что разговорный языкъ въ піесѣ, относительно къ прошлѣ, истинно превосходенъ, и весьма далекъ отъ неестественной напыщенности, которую мнимые знашюки величаютъ высокимъ слогомъ. Римскій *Легатъ*, облеченный пошомъ саномъ Папы, обращаетъ на себя вниманіе зрителей, потому что посредствомъ тонкихъ пружинъ управляетъ всѣми дѣйствующими лицами, и еще болѣе пошому, что не руководствуется, какъ въ тысячѣ другихъ трагедій, однимъ монашескимъ честолюбіемъ,

но дѣйствуетъ въ полной увѣренности, что благо цѣлаго міра можетъ происходить только отъ одной господствующей церкви. Изъ рѣчей его однако не лзя заключить, чисто ли это религіозная, или вмѣстѣ и политическая увѣренность; и поэтъ не воспользовался или не хотѣлъ воспользоваться симъ случаемъ, изобразить вліяніе церкви на государство и обратно, дабы показать необходимость прошиводѣйствія духовной власти праву сильнаго и представить въ ясной картинѣ аристократическое начало феодализма, и демократическое направленіе духовенства. Упоминая о Гвельфахъ и Джибеллинахъ, онъ, не объясняетъ также причинъ ихъ междуусобной вражды, и слегка только упоминаетъ о Генрихѣ Львѣ, оцѣ Короля Отто Брауншвейгскаго, оставляя въ невѣденіи о его свойствахъ и характерѣ. Такимъ образомъ простые, неученые люди ни чего не могутъ узнать обстоятельно; свѣдущій въ исторіи конечно будетъ счастливѣе: но никто не замѣтитъ основной мысли, коренной причины всѣхъ представляемыхъ въ трагедіи столкновеній, а только увидитъ кровавое произшествіе, богато обставленное и искусно обработанное.

Трагедія сія принадлежитъ къ ряду драматическихъ картинъ, въ коемъ *Раупахъ*, по примѣру Шекспира, намѣревается представить поэтическую хронику славнаго періода Гогенштауфеновъ. (М. В.)

XI.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА ВЫХОДКИ СТВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ ПРОТИВЪ
ФИЛОСОФИЧЕСКАГО ВЗГЛЯДА НА ХОЛЕРУ

(Тел. N. 11).

Не знаю, по чему *Стверная Пчела* выдаетъ себя почти безпрестанно прошивницею учености. Издатели оной сами, кажется, люди умные и ученые. *Николай Ивановичъ Грегъ* считается первымъ Русскимъ грамматикомъ; и подтвердилъ недавно еще права свои на это важное плшко новымъ важнымъ произведеніемъ грамматической фаншазіи, *Потъзкой въ Германію*, гдѣ въ огромной и подробной картинѣ представлены мастерскою рукою все ошибочныя противъ Русскаго языка поговорки Пешербургскихъ Нѣмцевъ. *Фаддей Венедиктовичъ Булгаринъ* признаетъ себя ученикомъ *Николая Ивановича* въ граматѣ; но яблоко отъ яблони не далеко падаетъ; и мы на дняхъ читали составленное имъ похвальное слово безграмотнымъ, въ коемъ о граматѣ и грамматикѣ говорится сою апоге, съ энтузіазмомъ, дѣлающимъ честь ученику и учителю. Сверхъ того, кому не извѣстно, что *Ф. В. Булгаринъ* издалъ *Горациа* съ филологическими примѣчаніями, кои хошя и чужія, но тѣмъ не менѣе доказываютъ, что грамматическія занятія ему по сердцу? И такъ издатели *Стверной Пчелы* имѣютъ неоспоримыя права на ученость! Для чегожъ они, сами будучи люди ученые, нападаютъ на другихъ,

обрабатывающихъ отрасли наукъ, отдѣльныхъ отъ грамматикъ, и съ особеннымъ ожесточеніемъ вооружаются на тѣхъ, кои занимающіеся современными вопросами философическими? Не вѣсѣмъ же быть грамматиками; не вѣсѣмъ благая природа даетъ таланты, способные погружаться въ глубокія таинства склоненій и спряженій? Безъ сомнѣнія, грамматика важная и полезная наука; но начтожь нападать на философію? И пусть бы эти нападки дѣлали сами *Н. Ивановъ* и *Ө. Венедиктовъ*; они, положимъ, первые Русскіе грамматикъ и филологъ; но зачѣмъ еще приплелся къ нимъ какой-то *В. У.*? Онъ по какому праву подвизается съ ними на одномъ поприщѣ? Ни онъ грамматикъ, ни онъ филологъ. Все литературное его значеніе ограничивается тѣмъ, что ему дозволено гулять на крыльяхъ *Сѣверной Пчелы*; а онъ и радъ тому. Ему сказано: пиши изъ Москвы обо всемъ, что шамъ замѣшишь любопытнаго: а онъ и пошелъ махать своимъ критическимъ песномъ во всѣ стороны, куда зря, въ кого ни попало, безъ всякаго пути и разбора. Что ни вздумаешь, ни взгадаешь — рука не дрогнетъ. Дѣло однако доходишь уже недо шутокъ; *В. У.* началъ строить чудеса, не въ свою, какъ говорится, голову. Хотя Издатели *Сѣверной Пчелы* и сами часто вооружаются всѣми возможными средствами противъ искашелей современнаго любомудрія; но при всемъ этомъ ни какъ нельзя было подумашъ, чтобъ они согласились помѣститъ въ *Пчелѣ* такіа выходы, какіа чинали мы въ письмѣ изъ

Москвы къ Булгарину (N 191). Сила вошь въ чемъ: *М. Г. Павловъ* напечаталъ въ *Телескопѣ* (N 11) свое сочиненіе о Холерѣ, подъ названіемъ: *Философическій Взглядъ на Холеру* а). Это сочиненіе написано истинно философически и показываетъ мыслишеля, которымъ мы можемъ смѣло похвѣлаться. Всѣ знающіе дѣло съ удовольствіемъ читали и перечитывали *Философическій Взглядъ*. И между тѣмъ это болѣе только ожесточило на него *Съерную Пгелу*, Управляющій притупленнымъ ея жаломъ *В. У* съ безстыднымъ кощунствомъ, почти полнота исписалъ самыми непристойными ругательствами и грубостями. И кто это такой *В. У*? Одни толкуютъ эти двѣ таинственныя буквы такъ, другіе иначе. Мое мнѣніе кажешся вошъ справедливѣе; по крайней мѣрѣ оно подтверждается доказательствами. Я думаю, что эти двѣ буквы: *В. У.* означаютъ: *Востогный Улемъ*. Ибо прочтите все письмо, подъ которымъ стоятъ эти двѣ буквы, замѣтите, какія шамъ сужденія, какъ безотчетны издѣвочныя выраженія, съ какимъ фанатическимъ презрѣніемъ ругаюшя надъ просвѣщеніемъ: и вы согласитесь, что это письмо могло выдти только изъ хасотической головы какого нибудь *Востогнаго Улема*, присяжнаго, законнаго гонителя просвѣщенія, уполномоченнаго отъ великаго Пророка истреблять всѣ плоды ума Европей-

а) Сочиненіе сіе издало шенерь особую брошюркою подъ тѣмъ же заглавіемъ. Изд.

скаго. В. У. совершенно не понимаетъ сочиненія Павлова; это вѣрно и раздражило особенно Азіятскую его желчь!

Ругательства В. У. начинаются клеветою, въ коей взводится на Павлова, будто онъ всѣхъ Рускихъ врагѣй называетъ невѣждами. Удивительно, до какой степени проспирается дерзость иныхъ людей, кои, говоря печатно оскорбительныя небылицы, не спрашатся нимало улики. Сочиненіе Павлова передъ глазами публики. Гдѣжь тамъ Рускіе врачи называются невѣждами? Напротивъ Павловъ многихъ Рускихъ врачей называетъ просвѣщеннѣйшими врагами (с. 28).

Далѣе въ письмѣ В. У. слѣдуетъ и безопытная брань и вмѣстѣ ложь. „Сатинитель Философическаго взгляда, пишешь В. У., доказаль, что холера есть не иное что какъ органическая зима, для прекращенія коей надобно сдѣлать органическую весну. Намъ все это кажется довольно похожимъ на гиль.“ Какъ учтиво и остроумно! Но Павловъ не пишеть, что холера есть не что иное, какъ органическая зима; онъ говоритъ, что холеру можно назвать органическою зимою; а что будто для прекращенія холеры надобно сдѣлать органическую весну, это придумаль уже самъ В. У. И если объ этомъ - то послѣднемъ выраженіи говоритъ онъ, что ему оно кажется довольно похожимъ на гиль, то мы съ нимъ не поспоримъ: собственное признаніе лучше всего. Если бы онъ даже о всемъ письмѣ своемъ сказалъ поже, я думаю ни кто бы не смаль ему возражать и не почель бы этой откровенности

скромностью. Я виноватъ, что неполно выписалъ эпю бранную фразу сочинителя письма; вполнѣ она стоить такъ: „*намъ, людямъ темнымъ, все это кажется довольно похожимъ на гиль.*“ Это прибавленіе: *людямъ темнымъ*, довольно излиняетъ грубость сочинителя; съ такимъ сознаниемъ собственной *темноты* безъ сомнѣнія всякой въ правѣ бранишь, сколько душа пожелаетъ, все, что ему угодно. Слѣпой въ самый ясный весенній день имѣть право сказать, что природа безобразна своею вѣчною темнотою и что онъ не замѣчаетъ въ ней ни какихъ особенныхъ предестей. Можетъ быть кто вздумаетъ подозрѣвать сочинителя письма, ужъ не съ хитроси ли онъ вписалъ себя въ люди *темные*, чтобы другіе подумали, будто онъ въ шушку даетъ себѣ такое названіе, а въ самомъ-то дѣлѣ, оцъ, де, человекъ не темный. Нѣтъ! все письмо вопіетъ противъ несправедливости такого подозрѣнія; на каждой строкѣ самъ онъ не опровергаемо доказываетъ, что сочиненіе Павлова — темная вода для глазъ его. Ни гдѣ не входитъ онъ въ сущность того предмета, на который брошенъ *Философическій Взглядъ*; а только цѣпляется за выраженіе, которое какимъ-то непривычнымъ звукомъ отозвалось его слуху. Выпишемъ вполнѣ это мѣсто, на которое В. У. вылилъ полную чашу своего остроумія, называя его похожимъ на гиль. „*Холера, поражая растительную систему въ тѣлѣ животномъ, сначала ослабляетъ, — подь конецъ со всѣмъ унижаетъ растительный процессъ слу-*

жацій основою живоїтної жизни. Она въ тѣлѣ живоїтномъ тоже производитъ, что зима въ растѣніи. Посему холеру можно назвать органической зимою. Выраженіе странное, но справедливое. Вникнемъ!" Весьма вѣроятно, что сочинитель письма потому и поднялъ такую брань прошиву этого выраженія, что самъ Павловъ называетъ его *страннымъ*; а иначе какъ бы узнать ему, странноли оно, или нѣтъ? Но всякому здравомыслящему выраженіе сіе однюдь не покажется страннымъ; это выраженіе, поэтическое, или, лучше сказать, параллельное. Павловъ прекрасно доказалъ, что холера въ тѣлѣ живоїтномъ производитъ тоже, что зима въ растѣніи; и въ слѣдствіе того, далѣе дѣлаешь болѣе точное, или болѣе матеріальное опредѣленіе холеры, которымъ прежнее совершенно поясняетъ. „Холера есть быстрое разстройство растительнаго процесса въ тѣлѣ живоїтномъ, состоящее въ разрушеніи всей системы питанія, а именно: дыханія, кровотоженія и пищеваренія.“ По мнѣнію самаго В. У. (неизвѣстно впрочемъ, какъ онъ попалъ на это мнѣніе), Павловъ доказалъ, что холеру можно назвать органической зимою. Еслижъ это выраженіе доказано, то съ чего онъ взялъ называть его похожимъ на гиль? Мысль ясно и прекрасно доказанная ему кажется довольно похожею на гиль. Не Азіяпскій ли образъ сужденія?

Далѣе сочинитель письма еще болѣе обнаруживаетъ совершенное невѣжество въ дѣлѣ, кошорое взялся обсуживатьъ.;; Въ гелъ же, пишешь онъ, состоятъ новыя Философическія средства? Увы!

на этотъ разъ философiя стала въ тупикъ и предписываетъ бани, ванны, растиранья и всѣ другія простыя средства, коими наши враги спасали жизнь тысячамъ страдающихъ.“ Вошь еще важное обвиненіе прѣотивъ философiи, что она предписываетъ такія средства, коими спасали жизнь тысячамъ страдающихъ! Впрочемъ главная сила обвиненія состоитъ, кажется, въ томъ, что Павловъ не придумалъ — ни какихъ новыхъ средствъ для лѣченія болѣзни; и отсюда заключаются, что все сочиненіе его не можетъ принести ни какой пользы. Г. В. У. безъ сомнѣнія не написалъ бы этого обвиненія, если бы онъ понялъ хотя первую страницу Философическаго Взгляда на Холеру. Тамъ сказано: „чтобы опредѣлить способъ лѣченія и назначить мѣры къ прекращенію холеры, необходимо опредѣлить ея натуру. Въ противномъ случаѣ какъ лѣченіе, такъ и мѣры предосторожности будутъ эмпирическія, при темъ успѣхъ и неудача равно останутся безъ удовлетворительнаго объясненія, слѣдовательно безъ пользы для науки и безъ надежды дѣйствовать когда либо противъ сего зла основательно по плану.“ Если сочинитель писѣма, какъ видно изъ всего, не понялъ этихъ и послѣдующихъ строкъ; то мы постараемся пояснить ему оныя по возможности. Холеру лѣчили различными средствами, перепробовали всѣ лѣкарства сколько нибудь относящіяся къ этой болѣзни; можно сказать, что каждый медикъ слѣдовалъ своему особенному способу и одни были счастливые, другіе менѣе успѣшны; случалось, что однѣ и тѣже средства

въ одномъ больномъ были удачны, въ другомъ нѣтъ. Теперь припадки болѣзни извѣстны всемъ; всемъ медикамъ извѣстно по нѣскольку средствъ, какъ лечитъ каждый припадокъ, какъ напр. остановить поносъ, рвоту, унять судороги: на все это есть много самыхъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ. Но отъ чегожъ не всѣ медики лечатъ съ одинаковымъ успѣхомъ? Отъ чего одинъ и тотъ же медикъ не во всѣхъ, по видимому, одинаковыхъ случаяхъ, бываешь одинаково счастливъ или неуспѣшенъ? Отъ того, что еще не согласились въ свойства болѣзни, гдѣ главное гнѣздо ея, и какъ она оплуда дѣйствуетъ на весь организмъ челоука: словомъ, нѣтъ еще полного систематическаго понятія о холерѣ. Фактовъ собрано множество; но они лежали какъ груда камней, изъ которыхъ каждый можетъ прожектировать строеніе, болѣе или менѣе подходящее къ идеѣ совершенства. Припадки холеры всѣ извѣстны; лѣкарствъ для каждаго припадка множество; надобно только, то и другое привести въ систематическій порядокъ. Главное пораженіе, или, какъ говорятъ медики, ближайшая причина болѣзни должна служить основою всего ученія: такъ, чтобы изъ понятія о сей причинѣ можно было объяснить послѣдовательность всѣхъ припадковъ и въ соотвѣстственность этому составить такоеже систематическое ученіе о постепенности лѣкарствъ.

Не смѣю произнести рѣшительнаго сужденія въ столь важномъ дѣлѣ; но по моему мнѣнію *Павловъ* совершилъ великое дѣло: огромной массой собранныхъ матеріаловъ онъ далъ уче-

ную, систематическую форму. Опытные и ученые врачи могутъ совершенно рѣшить, почтолиша ближайшая причина холеры, какую полагають *Павловъ*; но и для всякаго, сколько нибудь знакомаго съ естественными науками, ученіе нашего мыслишеля представляется такимъ гармоническимъ цѣлымъ, въ которомъ всѣ части совершенно соотвѣтствуютъ положенному началу и между собою взаимно не допускають ни малѣйшаго противорѣчія; всѣ припадки удивительны, безъ всякаго принужденія, объясняются изъ понятія о главномъ пораженіи; соотвѣтственно этому ученію, каждый медикъ безъ всякаго затрудненія можетъ при постелѣ больного назначить послѣдовательность лѣчебныхъ средствъ. Но для *В. У.* это непослужимо. Ему, видно, хотѣлось, чтобы философія выдумала какой нибудь чудесный элексиръ, чтобы одною каплею можно было влишь жизнь въ умирающее тѣло. Видно онъ думаетъ, что великіе люди, которыхъ можно называть Колумбами медицинскихъ открытій, находили зелья и коренья, и тѣмъ заслужили безсмертную славу. Вообще люди неграмотные или, какъ они часто называютъ самихъ себя, люди *темные* всегда почти преобладаютъ онъ ученыхъ какихъ-то чудесъ сверхъ-естественныхъ, между тѣмъ, какъ самое высшее познаніе природы въ томъ именно полагаетъ цѣль свою, чтобы всѣ явленія ея возводить къ простѣйшимъ понятіямъ.

„Забавьте всего, продолжаетъ *В. У.*, это ученый сочинитель взгляда одержимыхъ холерою называетъ холериками.“ Слранно! пусть бы *В.*

У. не понималъ философическихъ идей и взглядовъ; это ему простиительно: но удивительно, что онъ не можетъ отличить забавнаго — отъ простаго, обыкновеннаго выраженія. Нѣтъ! если онъ въ самомъ дѣлѣ не читывалъ ни чего забавнаго; то я укажу ему такія сцены, которыя можно считать *plus ultra* забавности. Пусть прочтаетъ онъ сколько нибудь *NN Московскаго Телеграфа* за прошлые годы: тамъ есть сцены о театрѣ, длинныя предлинныя, писанныя также какимъ-то В. У. (не родней ли его, можетъ быть?). Любопытно наблюдать тактику автора этихъ сценъ: рѣшившись на пр. пуститься въ невѣдомый лабиринтъ изслѣдованій эстетическихъ, онъ не знаетъ, кажется, съ чего начать, долго спомъ въ недоумѣніи почти на одномъ мѣстѣ, сдѣлаешь шагъ впередъ, потомъ опять назадъ, потомъ начинаешь ходить кругомъ своего предмета въ разныхъ направленіяхъ:

Туда идешь, онъ пѣснь заводитъ,

Оттуда — сказку говоришь:

хочешь подойти къ своей цѣли то съ той, то съ другой стороны; наконецъ собравшись съ остальными силами, всѣмъ существомъ своимъ бросаешься впередъ, но какая-то невидимая сила отбрасываетъ его назадъ; утомившись, ослабѣвъ, онъ останавливается, обращается къ публикѣ, расскажетъ какой нибудь старинный анекдотъ, сдѣлаешь на право кругомъ, и маршь маршь — назадъ. Въ этомъ случаѣ геній автора похожъ на упornaго, крутоголоваго коня, который пропившись идти къ какой нибудь неприятой для

него цѣли: напрасно всадникъ вонзаетъ въ его ребра острія шпоры, бьетъ его полштою плешью; онъ дѣлаетъ только прыжки, курбешы и лансады; наконецъ вдругъ поворотивъ крупо, во весь галопъ, пускается назадъ. Вопль въ эцихъ штатяхъ есть чѣмъ позабавиться: совѣтуемъ В. У. полюбопытствовашь, прочиташь ихъ. Особенно забавнѣ всего тамъ опредѣленіе изящнаго — такое, кажется — не помню слово въ слово: „*изящное есть то, что вѣчно не измѣняется, вѣчно прекрасно, какъ солнечный свѣтъ!!!*“

Въ заключеніе, долгомъ считаю просить снисходительнаго извиненія, въ томъ, что я говорилъ, и долго, очень долго, о В. У. Можетъ быть всякой обвинитъ меня, и скажетъ: „стоило ли труда такъ долго толковать о письмѣ В. У. въ которомъ нѣтъ ни одного сколько нибудь дѣльнаго сужденія о *Философическомъ Взглядѣ*, — одна безсвязная брань и грубости.“ Все это совершенная правда; но признаюсь, письмо В. У. чрезвычайно меня удивило; а удивленіе и въ разговорѣ выражается очень длинно, въ произношеніи же даже на распѣвъ. Не умѣю только рѣшить, чему болѣе дивлюсь я: невѣжественной ли дерзости В. У. или непонятному ожесточенію *Сѣверной Пислы*, которая не стыдится всенародно обнаруживать своей — можетъ быть естественной, но тѣмъ не менѣе неприличной — неприязни къ учености, сославляющей краеугольный камень просвѣщенія.

(сообщено).

XII.

ВАЖНАЯ ОПЕЧАТКА.

Въ разборъ альманаха: *Утренняя Звезда*, помѣщенный въ N 15 *Телескопа*, вкралась неумышленно слѣдующая опечатка:

НА ПЕЧАТАНО:

Одному автору пишешу
Вздумалось удивить пла-
нешу.
И чтожь, онъ сдѣлался
писателемъ,
Или попросу бумагома-
рашелемъ.

Этого, кажешся, доволь-
но! Желательнѣе только
знать, на какой ав-
торитетъ вѣшать за-
вѣдливая ошроша Г.
Сиева?

ЧИТАЙ:

Аполлонъ, счастливецъ
музы,
Когда-то сыграшь онъ вду-
малъ на Парнасъ шутку,
Для одного ввошедь онъ въ
тѣсны узы:
Съ Юпитеромъ, Венерою и
наконецъ уже наспроилъ
свою дудку (с. 101).

Этого, кажешся, довольно!
Желательно только знать,
не подъ эту ли дудку вы-
лилась завѣдливая ошпро-
ша Г. *Сиева*?

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечаташи представлени
были въ Ценсурный Комитетъ при экземплярѣ.
Москва. Сеншября 29го дня 1831 года.

Ценсоръ Сергей Аксаковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

МЯЗЦІЦАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	<i>Стран.</i>
Отрывокъ изъ Гернани, трагедіи (<i>В. Гуго</i>)	19
Жалобы Сальватора Розы. (<i>С. Е. Ранга</i>)	51
Надежда. (<i>И. Петрова</i>)	76
Сцена изъ трагедіи Шиллера: <i>Марія Стюартъ</i> . (<i>Пер. А. Шишкова 2-го</i>)	171
Очи. (<i>С. Шевырева</i>)	191
Разлука. (. . . й . . . нъ)	215
На взятіе Варшавы. Чувствованія Русскаго при громъ Кремлевскихъ пушекъ. (<i>А Шишкова 2го</i>)	419
Римъ. (<i>Трилуннаго</i>)	444
Левъ и Тигръ (<i>Якубовица</i>)	491

ПРОЗА

Десять дней безъ мужа, или родно, концершъ и увертюра. Повѣсть	28
Отрывокъ изъ новаго романа: <i>Гаральдъ и Елисавета</i> . (<i>В. А. Эртеля</i>)	180
Три Елены. Повѣсть (<i>Цшокке</i>)	290 и 448

НАУКИ

Христіанское Краснорѣчіе въ IV вѣкѣ. (<i>изъ Вильмена</i>) :	3
Замѣчанія о Деидерскомъ Зодіакѣ. (<i>И. А. Гульянова</i>)	145
Классификація живошнаго и расписительнаго царства (<i>М. Максимовица</i>)	257

Стран.

Сравнительное представленіе всеобщей пирамиды языковъ (Ф. Шлегеля)	281
Женщины XIV вѣка	337
Нѣмецкая Историческая Школа Юри-спруденціи. (Е. Лерминье)	421

КРИТИКА

Рославлевъ, или Русскіе въ 1812 году. (М. Н. Загоскина)	77 и 216
Исторія Русскаго народа. Томъ третій	361

Библиографія

Русскія книги :

Указатель произведеній Отечествен-ной Промышленности, находящихся на первой Московской Выставкѣ, 1831 года, и Дополненіе къ Указателю	93
Одесскій Альманахъ, на 1831 годъ изданный П. Морозовымъ и М. Розбергомъ	96
Мертвый Осель и Обезглавленная Женщина, перев. съ Французскаго	101
Крестная Маменька, ком. вод. въ 1 дѣйствіи, перев. Д. Ленскаго	104
Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, Юля 3 дня 1831 года, съ приложеніемъ краткой годовой исторіи онаго	236
Избранный Нѣмецкій Театръ, часть I. перев. Александра Шишкова 2го	239
Повѣсти Генриха Цшокке; перев. съ Нѣмецкаго	245
Братья и Сестра, или любовь всему научишь. Ком. вод. въ 1 дѣйствіи, соз. П. Григорьева	246

- Братъ за брата, или нѣтъ правила
безъ исключенія. Ком. вод. въ і дѣй-
ствіи, соч. П. Григорьева 247
- Пособія и Правила изученія Россійскихъ
законовъ, или Маперіалы къ Энцик-
лопедіи, Методологіи и Исторіи ли-
тературы Россійскаго права, соч.
П. Дегля 380
- Котъ Бурноецко, любимецъ Халифа Ал-
Мамуна Воосточная повѣсть, изд. В.
Ушаковымъ 387
- Утренняя Звѣзда, литературный аль-
манахъ, составленный изъ сочиненій
Д. Сигова 388
- Направленіе ума и сердца къ истинѣ и
добродѣтели, Ч. III 390
- На взятіе Варшавы, при стихотворе-
ніи В. Жуковскаго и А. Пушкина . 507
- Последній Новикъ, или завоеваніе Лиф-
ландіи въ царствованіе Петра Вели-
каго. Истор. Ром. И. Лажешникова 509
- Новый Выжигинъ на Макарьевской яр-
манкѣ, или не любо не слушай, дру-
гимъ не мѣшай, Правоопис. Ром. Ив.
Гурьянова 514
- Исторія Шотландіи, соч. Сиръ-Вальте-
ра Скотта, пер. съ Англійскаго . 516
- Иностранныя книги:
- Schillers Leben, verfasst aus Erinnerungen
der Familie, seinen eignen Briefen und
den Nachrichten seines Freundes Körner.
Erster Theil. 105
- Antiquities of Mexico, by Augustine Aglio 247
- Histoire de l'université de Paris, depuis
son origine jusque à nos jours, par
Eugene Dubartc. 390

Стран.

Napoleon oder die hundert Tage. Ein Drama in fünf Aufzügen, von Grabbe. . . 517

СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ

Польскіе Жидаы. 54

Проекты изданія купеческаго Адресс-Календаря. (М). 133

Джемсъ Феннморъ Куперъ. 192

Поэтическій характеръ Клингера. . . . 394

Воспоминанія о Южной Африкѣ. (Купера Роза). 492

Современная Хроника:

Гоненіе на Масоновъ въ Соединенныхъ Штатахъ. 400

Общество Мира въ Женевѣ. 404

Общество Трезвости въ Англии. 538

Разгаръ полемики во Франціи. 540

НОВОСТИ НАУКЪ И ИСКУССТВЪ

Понятія Китайцевъ о Холертѣ 122

Успѣхи просвѣщенія въ Сѣверной Африкѣ 123

Выставка изящныхъ художествъ въ Римѣ 125

Сравнительная таблица доходовъ Духовенства во всѣхъ странахъ Христіанскихъ 128

Людодюды острова Суматры 263

Судьба новаго Лондонскаго Университета 266

Парижская Выставка изящныхъ художествъ 269

Открытіе теченія и устья рѣки Нигера 406

Надгробные памятники Павлу и Виргиніи на островѣ Иль-де-Франсъ 407

Явленіе льдинъ на Южномъ Океанѣ . . 548

Новая Трагедія Раупаха 554

ПРАВЫ

Кто вы? Что вы? 109

СМѢСЬ.

Торжество дружбы, или оправданный Александръ Анфимовичъ Орловъ . . .	136
Ошповѣдь одному Журналисту . . .	271
Опъ Издашеля Сшашисшики времяъ Пеш- ра Великаго	409
Нѣсколькo словъ о мизинцѣ Г. Булгари- на, и о прочемъ	412
Замѣчанія на выходки Сшверной Пчелы противъ Философическаго Взгляда на холеру	558
Важная опечатка	569

Къ четвертой части приложены изображенія
Египетскихъ Героглифовъ.

